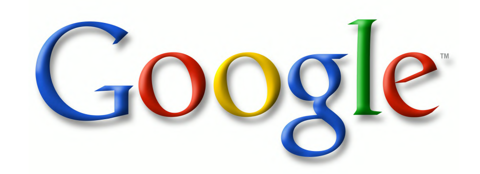
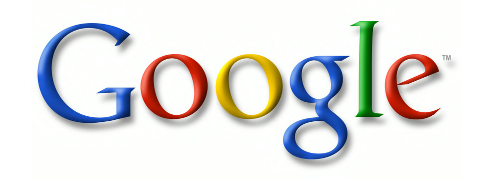
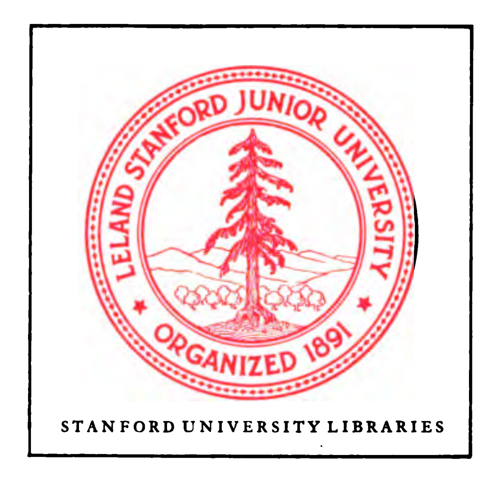

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Amfiteatrov

А. Амфитеатровъ.

ВЪ МОИХЪ СКИТАНЬЯХЪ.

Русская библіотека
NERVI
Librairie Internationale

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ автора.

Къ 2-му изданію.

Новое изданіе моихъ балканскихъ очерковъ является съ совершенно новою планировкою матеріала, пересмотрѣннаго и переработаннаго. Пришлось выбросить много страницъ, говорившихъ объ устарѣлыхъ частностяхъ, нынѣ совершенно забытыхъ и не только не интересныхъ, но даже и непонятныхъ уже большинству читателя. Вообще, неприкосновенною перенесена изъ перваго изданія лишь этнографическая и бытописательная часть книги. Изъ политическихъ же набросковъ я оставилъ только тѣ, которые могутъ пригодиться въ качествѣ историческихъ документовъ. Добавленныя мною три довольно большія статьи по „Армянскому вопросу"— результатъ газетной кампаніи pro Armenia, которую велъ я въ 1905 и 1906 гг. въ нѣсколькихъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Александръ Амфитеатровъ.

1907, VI. 12.
Sestri Levante

АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Въ февралѣ 1896 года я пріѣхалъ въ Константинополь изъ Софіи — съ торжества присоединенія къ православію болгарскаго престолонаслѣдника. Константинополь былъ еще полонъ слѣдовъ недавней «революціи», какъ почему-то называли въ городѣ только-что пережитую бойню армянъ, организованную полиціей султана Абдулъ-Гамида, при посредствѣ подонковъ мусульманскаго Стамбула и подъ охраною регулярныхъ войскъ. Я остановился въ давно знакомомъ мнѣ маленькомъ «Hôtel de France», гдѣ хозяинъ былъ венгерецъ и, слѣдовательно, туркофилъ уже въ силу національнаго происхожденія. Не знаю, гдѣ теперь находится герръ Франкль, ибо въ 1901 году я уже не нашелъ въ Константинополѣ ни его, ни его отеля. Но уповаю, что, нажившись до рантьерства, онъ обратился къ карьерѣ политической, потому что даже и между профессіональными дипломатами посольствъ я почти не встрѣчалъ болѣе основательнаго изученія, болѣе глубокаго пониманія и болѣе тонкой чуткости въ предвидѣніи восточныхъ дѣлъ, чѣмъ у этого интереснаго человѣка. Повторяю: онъ былъ туркофилъ, какъ большинство европейцевъ, льготно обитающихъ и промышляющихъ въ Перѣ подъ охраною посольствъ, дѣлающею совершенно незамѣтнымъ мѣстно тотъ деспотическій режимъ, которымъ стиснуты не только страна, гдѣ они живутъ, но даже и другіе кварталы самого Константинополя. Въ Перѣ предъ

европейцемъ все гнется въ кольцо; въ Галатѣ у мусульманской полиціи только и заботы, чтобы охранить франкскую буржуазію и промышленную мастеровщину отъ международнаго, но христіанскаго хулиганства, что осѣло по береговымъ линіямъ Турціи со всѣхъ странъ свѣта и, сліяніемъ своимъ образовавъ странную расу левантинцевъ, хозяйничаетъ въ европейскихъ кварталахъ большихъ городовъ, какъ въ самыхъ собственныхъ вертепахъ; въ Стамбулѣ европеецъ, если онъ не англичанинъ, уже благоразумнѣе не удаляется за линіи Стараго Базара и Айя Софіи, съ площадью Ипподрома; а на азіатскомъ берегу, въ Скутари, и въ [illegible] часто летятъ камни. Такъ вотъ—даже туркофилъ до глубины коммерческаго сердца своего благодарный оттоманскому правительству за капиталъ, нажитый подъ его эгидою, и всею душою презирающій всякихъ болгаръ, армянъ, македонцевъ и младотурковъ, которые дерзаютъ поднимать голосъ свободы и даже оружіе противъ законной власти его величества падишаха Абдулъ-Гамида,—даже онъ, разсказывая мнѣ объ ужасахъ истребленія беззащитныхъ людей правильно вооруженнымъ и организованнымъ негодяйствомъ, не могъ удержаться отъ слезъ,—говорилъ, блѣдный, трепетный, потрясая поднятыми къ небу руками.

— Это звѣри, синьоръ Алессандро,—восклицалъ онъ: мы съ нимъ всегда говорили по-итальянски,—это сущіе дикіе звѣри! Ихъ надо держать въ клѣткахъ на цѣпи... О! какъ раскается когда-нибудь—и, повѣрьте, скоро!—Россія, что позволила имъ ослабить свои цѣпи и выглянуть изъ клѣтокъ!

На русскихъ стаціонерахъ офицеры дипломатничали, играя въ молчанку, но прорывались хмурыми фразами недовольства и недоумѣнія, зачѣмъ международная эскадра опоздала къ страшнымъ днямъ, когда могла прійти во̀время? Зачѣмъ «Донецъ» простоялъ, молча, передъ Топъ... тѣйшею демонстраціей въ центрѣ ветхаго ...ый, безъ дозволенія турокъ, равно трудно

войти и изъ Чернаго моря по Босфору, и изъ Средиземнаго моря черезъ Дарданеллы и Мраморное море, но который совершенно беззащитенъ, какъ скоро въ него вошли, и можетъ быть обращенъ въ прахъ нѣсколькими залпами, что̀ туркамъ очень хорошо извѣстно,—когда малѣйшею демонстраціей могли быть предотвращены тысячи же́ртвъ? Было трудно сдержать на борту матросовъ, потому что они видѣли и слышали, что̀ происходило на берегу, и рвались къ вмѣшательству. Моряки съ коммерческихъ судовъ, не связанные служебною дисциплиною, разсказывали событія, конечно, съ большею откровенностью. Самымъ страшнымъ эпизодомъ бойни было ночное опустошеніе рабочаго армянскаго квартала, гдѣ константинопольская полиція подозрѣвала лагерь, такъ сказать, будущей арміи армянскаго революціоннаго движенія. Здѣсь работали уже не «сволочные люди», какъ выражался о хулиганствѣ нашъ юридическій языкъ въ XVII вѣкѣ, но войска мѣстнаго гарнизона. Сонныхъ, ничего злого не ожидавшихъ, людей рѣзали врасплохъ, какъ барановъ,—безъ выстрѣла: пущены были въ ходъ лишь прикладъ, штыкъ, тесакъ и дубина съ чугуннымъ набалдашникомъ—орудія молчаливыя, но страшныя въ рѣшительныхъ и опытныхъ рукахъ. Сдаваться на волю побѣдителей, просить пощады помогало столько же мало, какъ и защищаться—голыми руками! Трупы грузились въ старые каюки, хорошо заваливались камнями, увязывались веревками и, затѣмъ, вывозились на Золотой Рогъ, гдѣ, подальше отъ береговъ, пробоина въ носу или подъ кормою опускала каюкъ на дно. Затѣмъ, когда убійство утомилось брызгать кровью и мозгами человѣческими, полиція стала топить и живыхъ людей. По крайней мѣрѣ, десять человѣкъ на разныхъ европейскихъ судахъ константинопольскаго порта разсказывали мнѣ, слово въ слово и съ одинаковымъ ужасомъ, какъ заря обнаружила имъ,—безсильно наблюдающимъ съ своихъ палубъ, лишеннымъ какой-либо возможности

вступиться, — эти трагическіе каюки, съ которыхъ, какъ куклы, падали въ воду связанные по рукамъ и ногамъ люди, съ заткнутыми ртами, и рядъ полицейскихъ каюковъ слѣдилъ, чтобы никто не всплылъ, и, если жертва не сразу шла ключемъ ко дну, но барахталась на поверхности, ее добивали веслами... Нейтралитетъ державъ, въ томъ числѣ и нашего отечества, былъ соблюденъ съ такою строгостью, что нѣкоторые армяне, все-таки ускользнувшіе отъ потопленія, не были приняты на европейскія шлюпки и, настигнутые преслѣдователями, погибали на глазахъ тѣхъ, у кого напрасно молили защиты. Только французы не выдержали характера—кое-кого спасли и пріютили.

Всѣ эти ужасы принадлежатъ уже исторіи, и ни для кого не тайна что въ этомъ злосчастнѣйшемъ событіи роль пассивной, но, тѣмъ не менѣе, рѣшающей причины сыграла роковая ошибка тогдашней нашей русской дипломатіи. Послѣдняя, во временномъ увлеченіи своемъ панславистическимъ идеаломъ восьмидесятыхъ годовъ, сперва, что называется, «запустила» армянскій вопросъ, не обращая вниманія на требовательность, съ какою оживилъ его § 62 Берлинскаго трактата, а потомъ и вовсе повернулась къ армянамъ спиною—подозрительная и враждебная, потому что султанъ Абдулъ-Гамидъ успѣлъ внушить петербургскимъ сферамъ, со свойственнымъ ему талантомъ современнаго Макіавелли, жесточайшія предубѣжденія противъ армянскаго національнаго подъема, представляя его отраслью международной соціальной революціи. Печальное и непоправимое заблужденіе Нелидова и Лобанова-Ростовскаго заставило русское правительство умыть руки въ судьбѣ армянъ. Была произнесена знаменитая фраза, что «Россія не хочетъ второй Болгаріи»,— carte blanche, чтобы всѣ незначительныя реформы, какими Берлинскій конгрессъ указывалъ армянскому народу тропинку къ автономіи, мгновенно очутились подъ сукномъ,— и для Малой Азіи открылась эра террора, безпримѣрнаго

въ европейской исторіи. Сассунскіе ужасы 1894 года далеко оставили за собою и Варѳоломеевскую ночь, и Сицилійскую вечерню, и Кровавую Баню Христіана II, и даже Казанлыкскую рѣзню болгаръ въ Долинѣ Розъ, воспослѣдовавшую послѣ необдуманнаго набѣга и вынужденнаго отступленія генерала Гурко.

За ошибочную политику умовенія рукъ въ приговорѣ, зависѣвшемъ всецѣло отъ ея воли, Россія заплатила сперва потерею политическаго авторитета въ Малой Азіи и довѣрія христіанскихъ народностей, которыя ранѣе полагали въ ней единственную надежду своего освобожденія; затѣмъ— ужасными закавказскими безпорядками, которые, начавшись спорадическимъ разбойничествомъ разныхъ Кяримокъ, Наби и Мурзакуловыхъ, разгорѣлись впослѣдствіи въ пожаръ, уничтожившій бакинскую нефть.

62 параграфъ Берлинскаго трактата, которымъ воля Европы предназначала Арменіи тѣ же реформы, что параграфомъ 23 она обѣщала Македоніи, нисколько не подвинулъ впередъ благосостояніе и правовое положеніе армянскаго народа. Что 62 параграфъ не выйдетъ изъ области теоретическихъ предначертаній и осужденъ со временемъ застыть въ мертвую букву, это не только предчувствовали, но и отлично знали всѣ, подписавшіе 13 іюля 1878 года въ Берлинѣ историческій актъ—символъ побѣды европейской дипломатіи надъ русскимъ оружіемъ. Надежда реформъ была брошена армянамъ, какъ нравственная подачка, какъ фальшивая милостыня нищему, мимо котораго неловко пройти человѣку благотворительному, вовсе ничего не давъ на его вопіющую бѣдность, но серьезно помочь и нечѣмъ, и не хочется. И вотъ суетъ благотворительный человѣкъ въ протянутую руку... не ходящую въ государствѣ, мелкую иностранную монетку: на, молъ! отвяжись! Что усердіе подать съ моей стороны было—Богъ видитъ; ну, а что милостыня моя тебѣ не въ пользу, это ужъ не моя вина, твое дѣло... приспособляйся!.. Къ сожалѣнію, благодѣ-

тельствуя армянамъ монетою внѣ обращенія, державы не сообразили степени и мѣры, до которыхъ домучена злополучная нація. Онѣ не приняли въ разсчетъ, что утопающій хватается за соломинку, и что армяне, въ своемъ отчаяніи, все-таки начнутъ «приспособляться», чтобы изъ лукаваго теоретическаго миража европейской помощи выжать для себя какое-либо реальное, практическое благо. Осѣнившія угнетенную страну надежды разбудили народное самосознаніе,—въ рабахъ проснулась гнѣвная совѣсть свободнаго человѣка. Европа поманила армянъ на волю, и они ринулись къ волѣ. Сперва,—въ наивныхъ упованіяхъ на твердость политическаго честнаго слова, полученнаго ими отъ державъ,—они протестовали громкими жалобами, ропотомъ и стономъ народнаго броженія; потомъ,—когда убѣдились, что плачутся предъ глухимъ и показываютъ свои раны слѣпому,—вооруженнымъ противодѣйствіемъ варварствамъ турецкаго произвола, партизанскою инсуррекціей, четами сассунской самозащиты Антраника, Вахана, Кеворка и др.

Никогда ни одно освободительное движеніе не было предано и оставлено въ жертву насилію съ большею жестокостью, чѣмъ армянское. Вмѣсто чаемой помощи Европы, повстанцы встрѣтили самое откровенное недоброжелательство всѣхъ великихъ державъ, за исключеніемъ слабосильной Италіи, слишкомъ недавно завоевавшей свою собственную свободу, чтобы измѣнять свободѣ другихъ. Всѣ остальныя государства, матеріально заинтересованныя въ Малой Азіи, оказались въ армянскомъ вопросѣ безнадежно связанными либо соперничествомъ вліяній и борьбою за преобладаніе на ближнемъ Востокѣ, какъ Англія и Россія; либо, какъ Германія, искусною политикою Абдулъ-Гамида, которую Франсисъ Прессансе остроумно назвалъ «политикою даванія на чай» (politique de pourboire); либо подчиненнымъ положеніемъ волѣ другой державы, какъ, со времени франко-русскаго союза, Франція; либо, наконецъ,

совершенно точными и опредѣленными программами своей территоріальной политики, какъ Австро-Венгрія съ ея методическимъ движеніемъ къ Эгейскому морю и глубокимъ равнодушіемъ къ вопросамъ Востока, выходящимъ за предѣлы этой практической задачи. Армянское движеніе не только не встрѣтило сочувствія у правительствъ Европы, но столкнулось съ прямою антипатіей ихъ: оно всѣмъ мѣшало, какъ внезапная безтактность политической искренности и какъ угроза по адресу той великой условной лжи что извѣстна въ политикѣ подъ безрадостнымъ именемъ «вооруженнаго мира». Оно не только осталось одинокимъ, ему суждено было сдѣлаться гонимымъ.

Правительства Англіи и Германіи весьма долгое время считали армянское движеніе результатомъ русской агитаціи, прокладывающей тайные пути къ будущимъ территоріальнымъ захватамъ въ Малой Азіи, простирающей правую руку къ Босфору, а лѣвую—на Персидскій заливъ къ выходу въ Индійскій океанъ. Это убѣжденіе проникло и въ общественное мнѣніе—особенно второй изъ двухъ названныхъ странъ. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ малой популярности армянскаго вопроса въ Германіи есть именно питаемая отъ двора константинопольскаго, а отчасти и имперскаго германскаго, клевета, будто вся армянская неурядица—не что иное, какъ ловкая интрига русской завоевательной политики, и армяне, съ ихъ неустаннымъ національнымъ движеніемъ, не болѣе, какъ русскіе агенты, осуществляющіе сознательно и безсознательно грандіозный планъ международной провокаціи къ европейской войнѣ. Несмотря на то, что Россія дала безсчетно много наглядныхъ и, надо говорить откровенно, весьма прискорбныхъ доказательствъ своего глубочайшаго равнодушія (чтобы не сказать болѣе!) къ судьбамъ армянскаго народа, сплетня держится крѣпко,—даже до сихъ поръ. У армянъ въ Германіи есть очень преданные и убѣжденные друзья, какъ, напримѣръ, профессоръ фонъ-Баръ (делегатъ Гаагской кон-

ференціи), директоръ Берлинской обсерваторіи В. Форстеръ, извѣстный соціалистъ-ревизіонистъ Бернштейнъ и др. Армянофиломъ былъ и покойный историкъ Теодоръ Моммсенъ. Но и предубѣжденіе вышеизложенной сплетни раздѣляется многими недюжинными умами даже въ передовыхъ общественныхъ группахъ. Главный контингентъ германскаго армянофильства поставляютъ протестантскія миссіи на Ближнемъ Востокѣ и соприкасающіяся съ ними филантропическія общества и учрежденія, съ извѣстнымъ dr. Лепціусомъ и Рорбахомъ во главѣ. Но, строго ограниченныя кругомъ религіозной пропаганды и благотворительной дѣятельности, нѣмецк'я миссіи, изъ всѣхъ наиболѣе покровительствуемыя любезностью султана Абдулъ-Гамида, тщательно оберегаютъ себя отъ соприкосновенія съ какою бы то ни было политикою. Страхъ компрометтировать свое «царство не отъ міра сего» предъ царствомъ всецѣло и даже черезчуръ отъ сего міра лишаетъ ихъ симпатіи практической силы и прикладного значенія въ широкомъ, національномъ масштабѣ. Это помощь—весьма многимъ, можетъ-быть,—нуждающимся въ ней, армянамъ, но не армянскому народу. То же самое приходится сказать о миссіяхъ Даніи, Голландіи, Бельгіи, Соединенныхъ Штатовъ, да, пожалуй, и Франціи. Всѣ онѣ слишкомъ дорожатъ свободою религіозно-культурной благотворительной пропаганды, чтобы рисковать политическими протестами, которыми, иначе, въ этой адской странѣ гоненій, въ этомъ Дантовомъ адѣ на поверхности земли, имъ пришлось бы наполнить всю свою дѣятельность.

Затѣмъ, что касается Германіи, не слѣдуетъ забывать нѣкоторой пассивности въ ея общественномъ мнѣніи по вопросамъ внѣшней политики. Германская имперія еще такъ молода, еще такъ полна боренія внутреннихъ силъ, укрѣпляющихъ демократическіе устои обще-имперской и союзныхъ конституцій, что ея политическимъ людямъ— не до чужихъ нуждъ: свой домъ полонъ хлопотъ, требую-

щихъ спѣшной и непрерывной, лихорадочной работы; нѣмцы еще свои крыши не кончили строить. Поэтому, насколько сильно вліяніе германскаго общественнаго мнѣнія на внутренніе вопросы, настолько же слабо оно въ вопросахъ внѣшнихъ, почти-что монополизированныхъ императоромъ Вильгельмомъ II въ свое властное распорядительство. О Вильгельмѣ же, авторъ мѣткаго опредѣленія турецкой «политики даванія на чай», Франсисъ Прессансе справедливо замѣтилъ на одномъ митингѣ, что «царственный Лоэнгринъ, блуждающій рыцарь Лебедя» попался на коммерческую удочку султана Абдулъ-Гамида—первый изъ всѣхъ европейскихъ государей. Въ самомъ дѣлѣ, Вильгельмъ II, какъ вождь пангерманизма и тевтонскаго Kulturkampf'а, успѣлъ покорить безденежную Турцію германскому капиталу, экономически закабалилъ Малую Азію и знакомъ своей побѣды поставилъ въ Константинополѣ весьма великолѣпный, но нельзя сказать, чтобы изящный, фонтанъ на старомъ византійскомъ Гипподромѣ. Однако, въ этой побѣдѣ есть нѣчто, напоминающее извѣстную побасенку объ охотникѣ на облавѣ:

— Медвѣдя поймалъ!

— Тащи сюда!

— Да не пускаетъ!

Не отрицая серьезности матеріальныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ германскимъ капиталомъ чрезъ экономическое завоеваніе Малой Азіи, нельзя не видѣть съ ясностью, что Германія сама не замѣтила, какъ продала за эту чечевичную похлебку свою нравственную свободу въ турецкой политикѣ, а императоръ Вильгельмъ, порабощая, поработился въ необходимость солидарности со своимъ «другомъ» Абдулъ-Гамидомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вильгельмъ II, какъ государь образованный и протестантскаго воспитанія, не можетъ не возмущаться ужасами турецкаго режима въ Арменіи и Македоніи. Нескромные мемуаристы огласили цѣлый рядъ злѣйшихъ и часто остроумныхъ насмѣ-

шекъ и колкостей, сказанныхъ германскимъ императоромъ въ интимномъ кругу по адресу своего пріятеля въ Стамбулѣ. Но «царственный Лоэнгринъ» убилъ въ Турціи слишкомъ много милліоновъ и своихъ собственныхъ, и государственныхъ, и частныхъ германскихъ. Онъ очутился въ положеніи черезчуръ слѣпого кредитора, который, помѣстивъ капиталъ не въ очень-то надежныя руки, платитъ за свой рискъ постояннымъ трепетомъ за каждую лихорадку своего неоплатнаго должника: вдругъ обанкротится? вдругъ его въ опеку возьмутъ? вдругъ умретъ? Вильгельмъ II – побѣжденный побѣдитель. Абдулъ-Гамидъ, со свойственнымъ ему лукавымъ геніемъ, предоставилъ императору всю внѣшность побѣды, а себѣ взялъ всю суть, какъ въ сказкѣ: «тебѣ вершки, а мнѣ корешки»! Онъ пріобрѣлъ въ императорѣ Вильгельмѣ вѣрнаго сторожа, лично заинтересованнаго въ сохраненіи дѣйствующаго турецкаго режима, такъ какъ всякая революція, династическая перемѣна или перевѣсъ вліянія какой-либо соперничающей державы разорятъ германскій капиталъ. И вотъ— мы видимъ, что Вильгельмъ въ вопросахъ о христіанскихъ народностяхъ Востока безсильно двоится на бѣлое слово и сѣренькое, либо даже черненькое дѣло. Въ 1902 году армяне нашли доступъ къ Вильгельму чрезъ одного профессора, слывущаго его личнымъ другомъ. Отвѣтъ былъ самый любезный и сочувственный принципіально, но— «еще не пришло время ставить армянскій вопросъ на политическую почву». Протестъ германскаго посольства противъ сассунскихъ убійствъ 1904 года могъ только разсмѣшить Абдулъ-Гамида, потому что, покуда дипломатія грозила султану формальными представленіями, императоръ Вильгельмъ прислалъ ему успокоительное письмо, съ совѣтами держаться достойно самодержавнаго монарха и памятовать, что въ его подданныхъ никто не воленъ, кромѣ Бога, дарующаго своею милостью власть, да его, султана, тѣни Аллаха на землѣ.

Долгая подозрительность Англіи, не оказались бы армяне аванпостомъ русскаго движенія вглубь Азіи, какъ были они такимъ аванпостомъ до сихъ поръ въ теченіе почти трехвѣковой борьбы нашей съ турками, поколебалась отчасти подъ вліяніемъ слишкомъ очевиднаго отвлеченія русской внѣшней политики оть интересовъ Ближняго Востока на Востокъ Дальній, главнымъ же образомъ— подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, пробужденнаго донесеніями малоазіатскихъ миссіонеровъ, не убоявшихся перейти съ религіозной почвы на политическую. Громовыя рѣчи покойнаго Гладстона повернули политику Англіи въ новое русло, благопріятное армянамъ. Назрѣлъ вопросъ вмѣшательства. Англія не изъ тѣхъ государствъ, которыя любятъ разсыпать благодѣянія даромъ, но въ 1894—96 годахъ ея поведеніе въ армянскомъ вопросѣ можно считать совершенно безкорыстнымъ: единственнымъ двигателемъ былъ ужасъ, внушенный обществу трехъ Соединенныхъ королевствъ крестовою проповѣдью Гладстона послѣ Сассунской бойни. Вопреки увѣреніямъ тогдашней русской оффиціозной печати, англійскія симпатіи къ армянамъ не имѣли заднихъ цѣлей, направленныхъ противъ русскаго престижа. Англія тогда даже не была противъ плана поручить проведеніе армянскихъ реформъ Россіи. Герцогъ Аргайльскій заявилъ громкою брошюрою, что даже протекторатъ Россіи надъ Малой Азіей онъ предпочитаетъ продолженію кроваваго режима массовыхъ убійствъ, которыя «Красный Султанъ» возвелъ въ правильную, чуть не механическую, систему. Англійскіе политики Гладстоновыхъ традицій до сихъ поръ повторяютъ, что удовлетворительно разрѣшить армянскій вопросъ въ состояніи только Россія.

Попытка Англіи въ 1896 году положить конецъ неистовствамъ султана и страданіямъ армянъ потерпѣла неудачу, столкнувшись съ категорическимъ отказомъ Россіи, волю которой, какъ эхо, повторила Франція устами своего

министра Ганото. Англія оказалась вдвоемъ съ слабосильною Италіей, неспособною принять серьезное участіе въ необходимомъ давленіи на турецкій произволъ, обставившій себя, какъ стѣнами крѣпости, терпимымъ нейтралитетомъ однѣхъ державъ, откровеннымъ покровительствомъ другихъ. Неудача очень обезкуражила Англію и сочувственныя армянамъ прогрессивныя группы въ Европѣ. Съ этого момента армянскій вопросъ какъ бы угасъ на Великобританскихъ островахъ, а Трансваальская война совсѣмъ уже заростила его травою забвенія. Въ 1904 году, когда армяне Сассуна опять заставили міръ говорить о новыхъ несчастіяхъ, уготованныхъ имъ безпощадною волею Абдулъ-Гамида, арманофилъ Бентингъ, редакторъ «Contemporary Review», откровенно признавался, что, еще два года назадъ, онъ ни за что не повѣрилъ бы, будто армянскій вопросъ въ состояніи всплыть наверхъ съ глубокаго дна, куда онъ было опустился.

Всплылъ же армянскій вопросъ во Франціи и благодаря Франціи. Конечно, не Франціи оффиціальной, которая въ это время шла далѣе, чѣмъ когда-нибудь, на поводу русской бюрократической реакціи, открыто враждебной армянамъ, какъ элементу, оказавшемуся неподатливымъ на руссификацію и усиленно рекомендуемому изъ Константинополя за неисправимый проводникъ интернаціональной революціи. Напротивъ, оффиціальная Франція сдѣлала не мало усилій, въ лицѣ заинтересованной дипломатіи и подкупно-продажной прессы, чтобы затушевать и свести на нѣтъ обличаемые факты. Но, хоть и запоздалые и въ большинствѣ дурно изложенные, они вопіяли къ небу безуміемъ своего ужаса. Крайняя лѣвая и крайняя правая, оппозиція соціалистическая и оппозиція католическая, сошлись на почвѣ армянскаго вопроса для совмѣстныхъ дѣйствій. Отецъ Charmertan выпустилъ въ свѣтъ знаменитую, многошумную книгу свою «Мартирологъ армянскаго на-[illegible]ился комитетъ pro Armenia—равно какъ и въ

Лондонѣ (Balkan Committee). Рядъ конференцій, петицій, митинговъ привелъ, наконецъ, къ запросу въ палатѣ, съ яркими рѣчами Прессансе, Д. Кошена, графа Д. Менъ, Жореса и др. Здѣсь впервые Европа услышала подлинный голосъ того движенія, которое выставлялось ей Востокомъ, какъ соціально-революціонное и сепаратическое, направленное къ созданію новой азіатской державы, съ опаснымъ разсчетомъ обрѣзать земли Турціи, Россіи и Персіи и нарушить систему европейскаго равновѣсія и мрачный покой вооруженнаго мира. Д. Кошенъ, католикъ и консерваторъ, огласилъ политическую программу общества Армянской Федераціи, учрежденной съ начала девяностыхъ годовъ бывшими студентами Петербургскаго и Московскаго университетовъ. Палата не безъ удивленія услыхала, что программа этихъ страшныхъ людей представляетъ собою лишь дословное повтореніе условій о реформахъ Берлинскаго трактата, и единогласно признала, что претензіи армянскаго народа не только вполнѣ законны, удовлетворимы и должны быть удовлетворены, но и поражаютъ своею разсудительною умѣренностью. Поразительно яркая рѣчь Жана Жореса, направленная противъ ошибочныхъ теченій въ русской дипломатіи, въ періодѣ ея бюрократическаго панславизма, и противъ покорнаго слѣдованія за ея капризами французской внѣшней политики, впервые огласила знаменитый въ своемъ родѣ, уже упомянутый мною афоризмъ кн. Лобанова-Ростовскаго, сказанный въ объясненіе отказа Россіи присоединиться къ другимъ державамъ для вмѣшательства въ турецко-армянскія отношенія:

— Я не хочу, чтобы турецкая Арменія сдѣлалась второю Болгаріей, и чтобы русскіе армяне воспользовались противъ насъ учрежденіями, которыя создастъ армянская автономія подъ турецкимъ протекторатомъ.

Старанія русскаго дипломатическаго корпуса оградить сроектированную руссификацію Кавказа отъ фантастичепкаго призрака Великой Арменіи «до Ростова-на-Дону»,

какъ пустилъ тогда въ ходъ легенду Шаншіевъ, не въ мѣру усердствующій корреспондентъ «Новаго Времени», рѣзко измѣнили историческую политику Россіи на Ближнемъ Востокѣ и заставили ее отказаться отъ своего вѣкового амплуа защитницы христіанъ, живущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Мы ошибочно пожертвовали султану судьбами азіатской Арменіи, разсчитывая обезпечить ея рабскимъ безсиліемъ миръ въ собственномъ нашемъ Закавказьѣ. Мы холодно просмотрѣли въ 1894 г. Сассунъ, гдѣ курды вырѣзали армянъ, а въ 1896 г. европейская печать рѣзко обвиняла нашего посла при султанѣ, А. И. Нелидова, въ попустительствѣ константинопольскихъ кровавыхъ репрессій, разсказомъ о которыхъ началась моя статья. Дурныхъ слуховъ не парализовало даже то наглядное обстоятельство, что безпорядки прекратились — только благодаря вмѣшательству именно русскаго посольства, что лишь энергія старшаго посольскаго драгомана П. В. Максимова спасла Оттоманскій банкъ отъ разрушенія и, въ замѣнъ этой дорогой услуги турецкому правительству и европейскому капиталу, доставила «революціонерамъ» армянской самозащиты возможность безопасно покинуть Константинополь и уѣхать въ Марсель! Европейская молва, расплываясь изъ нѣдръ международной константинопольской дипломатіи, упорно твердила, будто русское посольство, въ данномъ случаѣ, лишь уподобилось Посейдону, во власти котораго и взволновать море бурею, во власти и усмирить. Повторялось и комментировалось на тысячи ладовъ пресловутое — «massacrez, Majesté!» — будто бы сказанное Нелидовымъ Абдулъ-Гамиду, когда султанъ выяснилъ ему свое безсиліе справиться съ пожаромъ армянской революціи мирными средствами. Я видѣлся въ эту эпоху съ г. Нелидовымъ и, по впечатлѣніямъ трехъ бесѣдъ съ нимъ, имѣю всѣ данныя вѣрить, что легендарной фразы, ему приписанной, онъ не произносилъ, да по мягкости своего характера и изяществу воспитанія врядъ ли и способенъ произнести. Но, къ сожалѣнію, онъ питалъ

какую-то расовую антипатію къ армянству, былъ глубоко убѣжденъ, что армяне «бунтуютъ» не только противъ безобразій турецкаго режима, но представляютъ собою ферментъ всемірной революціи, вѣрилъ въ сепаратическія вожделѣнія русскихъ армянъ, и, по всѣмъ этимъ причинамъ, добровольно занялъ въ роковомъ вопросѣ точку опаснаго, уклончиваго нейтралитета. Закрывая глаза на расовую и вѣроисповѣдную рознь, онъ утверждалъ, что армянскій вопросъ есть внутренній вопросъ Турецкой имперіи, и что султана, какъ самодержавнаго монарха, нельзя лишить права укрощать инсуррекцію, явно нарождающуюся между подданными. Страшные константинопольскіе дни слишкомъ наглядно обличили бюрократическую фальшь этой условной теоріи: пробужденное агитаціей Ильдизъ-Кіоска и потворствуемое безмолвіемъ посольствъ, мусульманское буйство начинало уже грозить перейти отъ армянскаго къ обще-христіанскому погрому, и русской дипломатіи, хотя и очень скрѣпя сердце, противъ воли, пришлось-таки нарушить свою холодную программу предвзятаго невмѣшательства и стать вѣжливымъ—о, очень вѣжливымъ!—щитомъ между освирѣпѣлымъ звѣремъ и его жертвами.

Какъ бы ни была печальна роль русской дипломатіи въ армянскомъ вопросѣ, все же она была сыграна, хотя съ внѣшней-то стороны, приличнѣе, чѣмъ вела себя петербургская и московская охранительная пресса. Я не помню, напримѣръ, въ русской печати факта болѣе отвратительной и безчеловѣчной лжи, чѣмъ константинопольскія корреспонденціи «Русскаго Странника» (покойнаго Е. Львова-Кочетова) въ «Новое Время», пытавшіяся уменьшить въ глазахъ русской публики размѣры безпорядковъ, обѣлить турокъ и очернить армянъ, сваливъ на ихъ голову всю отвѣтственность за происшедшіе ужасы. Даже обвиняемое въ попустительствѣ посольство было возмущено ужъ черезчуръ безпардонно организованнымъ обманомъ обществен-

наго мнѣнія. Нелидовъ, Максимовъ—всѣ съ неудовольствіемъ говорили, что охранители въ Россіи пересолили, что это вредно, смѣшно и пошло, что «такъ нельзя». Въ Петербургѣ и Москвѣ были иного мнѣнія. Когда все тотъ же «Русскій Странникъ» дописался до «красныхъ бинтовъ», которыми, якобы, гримировались здоровые армяне, чтобы европейцы принимали ихъ за израненныхъ турками, я попробовалъ возвысить голосъ противъ всей этой системы клеветъ и... статья моя, обоснованная живыми свидѣтельствами и рядомъ фактовъ, широко открытыхъ къ провѣркѣ, не могла быть напечатана! Возвращенная мнѣ корректура до сихъ поръ покоится въ моемъ архивѣ, какъ печальный памятникъ неудачи, въ которой бюрократическая тенденція зажала ротъ голосу правды и приказала смотрѣть на дѣйствительность слѣпыми глазами.

Итакъ, русская бюрократія, дипломатія и вдохновляемая ими охранительная пресса въ девяностыхъ годахъ заняла позиціи, прямо враждебныя армянамъ, удерживая таковыя почти непоколебимо и до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эти вліянія встрѣтили значительный отпоръ въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Даже передовыя группы нашего общества относились къ армянскому мартирологу съ равнодушіемъ, какъ къ дѣлу, конечно, прискорбному по человѣчеству, но далекому и чужому. Такъ, напримѣръ, тяжелый и совершенно незаслуженный нравственный ударъ нанесъ армянству графъ Л. Н. Толстой, отказавшись принять участіе въ сборникѣ Г. Н. Джаншіева, изданномъ въ пользу жертвъ турецкаго гоненія въ Малой Азіи. Между зрѣніемъ многихъ русскихъ прогрессистовъ и несчастіями Арменіи обидно стояла призма русскаго Закавказья, въ горахъ котораго армяне представляли, [illegible] своихъ разореній, элементъ капиталистическій и консервативный. Такого предубѣжденія былъ не чуждъ даже покойный Н. К. Михайловскій. Такимъ образомъ, въ русскомъ общественномъ мнѣніи армянскій

вопросъ оказался зерномъ между двумя жерновами. Реакціонеры и консерваторы, панславизмъ и руссификація объявили армянству войну, какъ силѣ революціонной, а прогрессисты, не забывая въ армянахъ «торгашей», обдавали ихъ холодомъ защиты корректной, но безстрастной, по долгу службы общей гуманности, но безъ малѣйшаго увлеченія. Нуженъ былъ весь ужасъ современныхъ закавказскихъ событій, чтобы всѣ русскіе глаза открылись на армянское горе и поняли то государственное зло, что̀ выростила для насъ Турція у себя, за границей, а мы его у нея послушно восприняли, пересадили на свою территорію и усовершенствовали прививкою цвѣточковъ петербургской бюрократіи.

Во Франціи голосъ общественной совѣсти, недовольной армянофобскою политикою, принятою министромъ Ганото въ угоду Россіи, говорилъ гораздо громче. Знаменательною эрою для армянскаго вопроса во Франціи является 1900-ый годъ, когда группа наиболѣе популярныхъ политиковъ и литераторовъ парижскихъ—Анатоль Франсъ, Жанъ Жоресъ, Франсисъ Прессансе, Клемансо и др.—основали, въ видѣ поправки къ оффиціальной политикѣ франко-русскаго союза, журналъ «Pro Armenia». Новый органъ, въ рукахъ дѣйствительнаго своего редактора, поэта и литератора П. Кіара (въ 1896 году онъ былъ очевидцемъ константинопольскихъ убійствъ), быстро пріобрѣлъ европейскую извѣстность и значительный авторитетъ. Его безукоризненная внѣпартійность подробно освѣтила глазамъ Европы истинное положеніе армянскаго народа и, послѣ ряда мелкихъ сочувственныхъ манифестацій, привела къ столь крупному результату, какъ армянофильскій конгрессъ 1902 г. въ Брюсселѣ, съ участіемъ представителей Франціи, Даніи, Бельгіи и т. д. Не слишкомъ многочисленный съѣздъ членовъ на этомъ конгрессѣ съ избыткомъ вознаградился выраженіями сочувствія, присланными со всѣхъ концовъ Европы едва-

томъ же 1903 году задачи эти были перенесены, наконецъ, изъ подготовительной инстанціи общественнаго мнѣнія на оффиціальное обсужденіе двухъ представительныхъ правительствъ—Англіи и Франціи. Новыя солунскія убійства въ началѣ 1904 года дали Франсису Прессансе поводъ къ запросу въ палатѣ депутатовъ; въ Англіи ту же роль взялъ на себя Джемсъ Брайсъ.

Мы видѣли выше, что Англія потерпѣла дипломатическое пораженіе въ своей армянофильской инціативѣ 1896 года. Впечатлѣнія неудачи дожили до нашихъ дней. Платоническія сочувствія англійскаго правительства къ армянамъ остаются неизмѣнными, но, обжегшись на молокѣ, «коварный Альбіонъ» выучился дуть и на воду: слѣдовать за чьею-либо властною иниціативою къ освобожденію Арменіи онъ готовъ охотно, взять же иниціативу на себя, памятуя недавній афронтъ, не согласенъ ни въ коемъ случаѣ. Иниціатива, по мнѣнію англійскихъ политиковъ, теперь должна принадлежать Франціи. Англія, Франція и Италія, неизмѣнно вѣрная идеямъ свободы, представляютъ молъ собою какъ бы тройственный союзъ мирной культуры, противопоставленный тройственнымъ и двойственнымъ союзамъ старой милитаристической Европы и обязанный осуществить политическій рай на землѣ, разбивъ именемъ цивилизаціи цѣпи и исполнивъ законныя желанія угнетенныхъ народовъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя слова покуда безплодно висятъ въ воздухѣ. Англія ждетъ шаговъ Франціи, а Франція Делькассе сдѣлала для армянъ такъ же мало, какъ и Франція Ганото. По свидѣтельству многихъ дѣятелей армянскаго освободительнаго движенія, Делькассе, въ глубинѣ души, былъ армянофилъ. Такъ характеризовалъ его и президентъ Лубэ, принимая делегацію армянскаго католикоса. Во всякомъ случаѣ, армянскій вопросъ обязанъ Делькассе уже тѣмъ, что выплылъ въ море парламентскихъ дебатовъ, и министръ, несмотря на весьма непріятный и щекотливый характеръ запросовъ,

[illegible]

[illegible] революціонныхъ [illegible] Го-[illegible]

[illegible] режимъ не только не умиротворилъ [illegible] армянъ [illegible] края, привелъ къ тому результату, что въ [illegible], который еще недавно, при намѣстничествѣ в. кн. Михаила Николаевича и главноначальствѣ кн. А. М. Дондукова-Корсакова, считался самымъ [illegible] и консервативнымъ, наиболѣе твердою [illegible] власти въ Закавказьѣ, дѣйствительно, [illegible] броженіе. Увидавъ себя лицомъ къ лицу съ [illegible] національной революціи и въ то же время

не желая отмѣнять мѣръ, вызывающихъ и развивающихъ армянское недовольство, кавказская администрація обратилась къ поискамъ мѣстныхъ элементовъ, охочихъ и способныхъ, въ случаѣ надобности, быть противопоставленными «сепаратическому» мятежу. Естественнымъ народомъ-соперникомъ армянъ въ Закавказьѣ являются грузины, но,—вопреки усиленной лести по адресу ихъ пресловутаго публициста-армянофоба, В. Л. Величко, вопреки всѣмъ крокодильимъ слезамъ, которыя пролилъ онъ, патетически оплакивая порабощеніе Грузіи армянскимъ капиталомъ,—между обоими народами оказалось слишкомъ много общихъ точекъ культурнаго соприкосновенія, чтобы изъ внѣшней, поверхностной розни ихъ выросла серьезная политическая борьба племени на племя, расы на расу. Гораздо болѣе данныхъ къ тому представила народность низшей культуры—и къ тому же мусульманская—татары. Вѣковые враги христіанскихъ народностей Закавказья, сломленные только русскими завоеваніями, мирные лишь подъ страхомъ присутствія русской военной силы въ Закавказьѣ, они именно къ армянамъ полны особой ненависти, въ которой, несомнѣнно, есть мѣсто причинамъ экономическимъ и религіознымъ, но главная ея основа—органическая, наслѣдственная,—расовая. Мусульманская анархія за Кавказомъ началась единичными случаями разбойничества, которое, при бездѣйствіи или вялости мѣстныхъ властей, весьма скоро приняло въ Елисаветпольской губерніи характеръ и размѣры соціальной эпидеміи. Сразу бросалась въ глаза ярко выраженная армянофобія разбойничьяго мусульманскаго «рыцарства»,—это слово тѣмъ умѣстнѣе, что въ организаціи шаекъ принимали участіе, главнымъ образомъ, представители полудикаго татарскаго дворянства, «беки», увлекаемые въ разбой либо нуждою, либо кровною местью, либо просто абрецкою удалью. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ разбойниковъ, Мурзакуловъ,

[illegible] тактики! Не-
[illegible]
[illegible] рус-
[illegible] по-
[illegible] система,
[illegible]
[illegible]
[illegible] можно
[illegible]
[illegible] Му-
[illegible]
[illegible]
[illegible] (...),
[illegible] очень
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] ры-
[illegible]
[illegible] только
[illegible] которые,
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible] въ
[illegible]
[illegible] силы,
[illegible] черезъ
[illegible] рели-
[illegible]
[illegible] устроенная,
[illegible] Абдулъ-Гами-
[illegible] Россiи въ
[illegible] годы, когда мы такъ

предупредительно помогали Стамбулу душить послѣдніе голоса свободы въ націи, которая съ XVI вѣка подавала ключи русскому движенію на Ближній Востокъ и оказала Россіи безсчетно много услугъ въ шестидесятилѣтней кавказской войнѣ и въ малоазіатскихъ кампаніяхъ нашихъ противъ турокъ. Враги наши гораздо лучше насъ оцѣнили роль армянъ, какъ историческихъ и естественныхъ союзниковъ Россіи, и, едва наша политика, подъ впечатлѣніемъ балканскихъ разочарованій, отвратила лицо свое отъ Ближняго Востока къ Дальнему, султанъ Абдулъ-Гамидъ поспѣшилъ разорить и опустошить турецкую Арменію, какъ обязательную станцію и оплотъ русскимъ походовъ прошедшихъ и будущихъ. Ослѣпленная панславистическимъ идеаломъ на московскій ладъ, увлеченная руссификаціей, напуганная призраками «всемірной соціальной революціи», обманутая подозрѣніями сепаратическихъ вожделѣній, русская бюрократическая дипломатія не хотѣла понять, что, вырѣзавъ 300.000 армянъ въ Сассунѣ и десятки тысячъ вообще по малой Азіи, султанъ Абдулъ-Гамидъ, въ сущности, уничтожилъ почти полумилліонный русскій авангардъ—и, если не навсегда, то на десятки лѣтъ лишилъ наше отечество любви и довѣрія трехмилліоннаго населенія, чьи симпатіи создавали намъ столько преимуществъ на театрѣ малоазіатскихъ войнъ. Побѣдоносность русскихъ наступательныхъ войнъ значительно обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что русскія арміи двигались на непріятеля по дружественнымъ территоріямъ—землями придунайскихъ славянъ, землями армянъ, даже при усмиреніи польскаго мятежа русскія войска имѣли за себя этотъ козырь въ крестьянствѣ, благодарномъ за 19 февраля. Японская война—едва-ли не первый нашъ опытъ войны на территоріи, къ намъ недоброжелательной, и несомнѣнно, что и это важное условіе не слѣдуетъ забывать въ числѣ множества другихъ причинъ, объясняющихъ трагическіе разгромы русскихъ армій въ Маньчжуріи. Вырѣзывая

[illegible] русскія [illegible] Манчжурію въ [illegible] страданія, [illegible] русскаго [illegible] и [illegible]

[illegible] Итакъ, [illegible] въ [illegible] и [illegible] фактически снова въ [illegible] анархія ставитъ ульти- [illegible]

[illegible] причина ли эта термино- [illegible] столь частая теперь въ русской [illegible] опредѣляетъ длящійся [illegible] и пламенемъ опустошающей [illegible] — лишь анархическое [illegible] можетъ быть, совсѣмъ не анархиче- [illegible] строго направленныхъ и тщательно на- [illegible] — отнюдь не намекъ на мрач-

ные слухи, нашедшіе громкій откликъ не только въ заграничной печати, но и въ прогрессивныхъ русскихъ органахъ, будто бакинскія трагедіи были сознательно благословлены къ бытію враждебною армянамъ кавказскою администраціей. О такихъ возможностяхъ надо говорить или подробно, или не говорить ничего. Я имѣю въ виду причины не внутреннія, но внѣшнія: ту правильную панисламическую агитацію изъ-за турецкаго рубежа, которая, прервавъ временно палачествовать у себя дома,—оно вѣдь можно и погодить немножко послѣ того, какъ, въ видѣ острастки, курдами вырѣзано 10% армянскаго населенія!—перебралось палачествовать къ намъ, губя и разоряя тотъ спасительный резервъ, какимъ въ глазахъ султана Абдулъ-Гамида всегда являлись и дѣйствительно были для Арменіи турецкой армянскія полосы русскаго Закавказья. Эта же мрачная, фанатическая агитація не только не анархична, но, напротивъ, можетъ назваться образцомъ дисциплины, что подтверждали всѣ, случайно выплывавшіе на свѣжую воду, факты ея, въ родѣ пресловутаго елисаветпольскаго заговора, обнаруженнаго въ 1899 году.

Я, авторъ этой статьи,—не только не врагъ Ислама, какъ могутъ обобщить охочіе люди изъ моихъ предостереженій противъ опасностей панисламическаго союза, но, наоборотъ, мнѣ случалось не разъ печатно вступаться, именемъ справедливости и человѣчности, за права мусульманскихъ инородцевъ Россіи, попранныя административнымъ усердіемъ получше угодить требованіямъ руссификаціи. Мнѣ даже пришлось однажды быть судимымъ за рѣзкую печатную защиту татарскаго бека, адвоката, человѣка съ университетскимъ образованіемъ, котораго уѣздный начальникъ, желая избавиться отъ свидѣтеля и обличителя своихъ весьма некрасивыхъ дѣлишекъ, подвелъ-было подъ уголовщину, какъ притонодержателя разбойниковъ. За Волгою, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Турціи—всюду имѣлъ я друзей-мусульманъ. Ко многимъ изъ нихъ я на всю

жизнь остаюсь полонъ глубокаго уваженія, потому что искренней, вдумчивой и чуткой гуманности этихъ учениковъ Магомета можетъ позавидовать большинство изъ именующихъ себя христіанами. Тѣмъ болѣе увѣренъ я въ искусственномъ происхожденіи закавказской неурядицы, что видѣлъ собственными глазами слишкомъ много примѣровъ совершенно мирнаго и безопаснаго сосѣдства мусульманъ съ христіанами—всюду, гдѣ они предоставлены самимъ себѣ устраиваться между собою во взаимныхъ отношеніяхъ, гдѣ не дышетъ къ нимъ внѣшнею бурею чей-либо религіозный или политическій фанатизмъ. Умѣла же Болгарія устроить своихъ мусульманъ такъ, что они и равноправны христіанамъ, и совсѣмъ не угроза христіанскому населенію. Да и тотъ Кавказъ, что залитъ теперь кровью и пылаетъ пожарами,—давно ли онъ былъ самою мирною изъ русскихъ окраинъ? Давно ли инородческія настроенія Закавказья такъ мало зависѣли отъ религіозной розни, что—ужъ если было между кѣмъ ждать обостреній, то между христіанами же: грузинами и армянами,—о татарахъ тогда никто и не думалъ. Сейчасъ на Кавказѣ нельзя шага сдѣлать безъ конвоя, платятъ по 10 р. казаку, чтобы проводилъ пріѣзжаго черезъ городъ отъ вокзала до дома, а одинокій или слабо конвоированный выѣздъ за городскую черту считается безразсудствомъ, чуть ли не равнымъ попыткѣ къ самоубійству. А въ 1889 году я, одинъ-одинешенекъ, безъ всякаго оружія, прошелъ Кавказъ пѣшкомъ, то-и-дѣло уходя отъ битыхъ трактовъ въ нѣдра мусульманскихъ ауловъ, и всюду встрѣчалъ самое ласковое и бережное гостепріимство, и мнѣ даже въ голову не приходило, что я рискую какою-либо опасностью,—настолько былъ миренъ Кавказъ, настолько не было опасности! За какія-нибудь пятнадцать лѣтъ край переродился, попятился до нравовъ, которые были анахронизмомъ даже для временъ Лермонтова, которыхъ не найти и въ пушкинскомъ «Путе-

шествіи въ Арзрумъ»! Мы снова въ вѣкѣ «оккaзіи» и «чеченца, ходящаго за рѣкой»!

Турецкая политическая пропаганда панисламизма, въ которой религіозный фанатизмъ не цѣль, но только орудіе, струится въ Закавказье изъ Константинополя черезъ Малую Азію непрерывнымъ токомъ уже очень давно. Собственно говоря, съ тѣмъ или другимъ названіемъ, она всегда шевелилась подъ пепломъ—съ тѣхъ поръ, какъ паденіе Гуниба сдѣлало русскихъ совершенными и окончательными владыками перешейка. Она создала массовую черкесскую эмиграцію, будила бунты въ Абхазіи, броженія въ Чечнѣ, за нее тысячи ингушей заплатили переселеніемъ въ Сибирь— на вѣрную смерть отъ чахотки. Но, если русское управленіе Кавказомъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ не было чуждо частныхъ ошибокъ, можетъ-быть, и крупныхъ, то, во всякомъ случаѣ, общій принципъ руководившей имъ терпимости національной и религіозной настолько выгодно отличалъ его отъ всѣхъ маленькихъ феодальныхъ правленій, вразбросъ пережитыхъ Кавказомъ до русскаго завоеванія, что панисламическая пропаганда не могла пустить глубокихъ корней въ его почву, какъ сила политическая. Религіозные фанатики Ислама уходили въ Турцію, умѣренный элементъ спокойно оставался дома, находя, что вѣра вѣрою, а жизнь жизнью, и что, разъ русское правительство вѣры не тревожитъ, то жить въ странѣ, хоть сколько-нибудь подзаконной, гораздо выгоднѣе и пріятнѣе, чѣмъ подъ гнетомъ беззаконнаго деспотизма, который— какъ это именно черкесская эмиграція испытала въ Турціи— окупаетъ свое гостепріимство вербовкою покровительствуемыхъ въ шайки оффиціальнаго разбоя. Съ первыми вліяніями руссификаторскихъ тенденцій, русская администрація на Кавказѣ, совершенно измѣнивъ прежней тактикѣ, стала нащупывать капризную и сомнительную систему національнаго фаворитизма. Были въ чести армяне,—въ подозрѣніи грузины. Вошли въ честь грузины,—началось гоненіе на

армянъ. Пока не разочаровались въ тѣхъ и другихъ, держали въ черномъ тѣлѣ мусульманскихъ инородцевъ, и было время, что татары могли, по праву, называть себя несчастнѣйшими изъ кавказскихъ подданныхъ Россіи. Оказались «неблагонадежными» армяне и не столь «благонадежными», какъ желала бюрократія, грузины,—давайте ласкать татаръ! Именно въ этомъ «рядѣ волшебныхъ измѣненій милаго лица», подъ шумъ этихъ капризныхъ пробъ эгоистическаго бюрократизма, откровенно показывавшаго равно всѣмъ народностямъ, что онѣ для него существуютъ, а не онъ для нихъ, и которая болѣе рабски ему предается, та и будетъ возложена на лоно—именно тогда-то и выросли, какъ отраженія правительственныхъ симпатій и антипатій, грузинское безразличіе къ Россіи, армянское отчаяніе и кавказскіе успѣхи панисламической политики Абдулъ-Гамида. Вооружая суровыя мѣры противъ закавказскихъ армянъ, русская бюрократія опять, сверхъ своего ожиданія, оказалась въ внезапномъ союзѣ съ турками,—очень выгодномъ для султана, но самоубійственномъ для русскаго дѣла въ Малой Азіи. Что происходитъ сейчасъ на Кавказѣ,—вода на мельницу султана. И мы собственными руками заботимся о томъ, чтобы вражеская мельница хорошо работала, забывая, что, если она разойдется, какъ мечтаетъ о томъ Абдулъ-Гамидъ, то ей не трудно будетъ смолоть понемножку и Карсскую область и—вверхъ по Закавказью—хоть по самый Ахалцыхъ!

1905.

II.

Побѣдоносная русская армія безсильно стояла у вратъ Константинополя. Разбитая на-голову русская дипломатія безсильно засѣдала на Берлинскомъ конгрессѣ. Побѣжденный побѣдитель въ Зимнемъ Дворцѣ грустно подсчитывалъ убытки и тягости, принятыя Россіей въ сверхсильной и невознагражденной результатами войнѣ. Окруженный тучами внутренней грозы, онъ провидѣлъ огромную, вынужденную паузу въ той наступательной политикѣ Ближняго Востока, которая, начиная съ Петра Великаго и даже по апокрифическому его завѣщанію, считалась два вѣка необходимою и естественною задачею имперіи, задачею историческою, религіозною, національною и династическою. Побѣдившій побѣжденный, молодой султанъ Абдулъ-Гамидъ, въ Ильдизъ-Кіоскѣ, весело потиралъ свои изящныя, узкія, мягкія и бѣлыя, какъ у женщины, руки и думалъ про себя:

— Дешево отдѣлались.

Дѣйствительно, отдѣлаться дешевле было нельзя. Ампутація Болгаріи, съ коварнымъ отчлененіемъ отъ нея Македоніи, была щедро оплачена чудеснымъ спасеніемъ областей, которыя было менѣе всего надежды спасти и которыя самъ Абдулъ-Гамидъ откровенно называетъ «туловищемъ имперіи». Уцѣлѣла—лишь немного ощипанная русскими—Малая Азія, и съ нею уцѣлѣлъ султанатъ; острый, грозившій смертью, недугъ обратился въ хроническое, конечно, не весьма пріятное, но довольно безопасное недомоганіе

Христіанскіе народы Малой Азіи, между которыми, какъ численностью, такъ и культурнымъ значеніемъ, подавляюще выдѣляются армяне, не были оставлены Европою на Берлинскомъ конгрессѣ безъ вниманія и защиты. Между ними и произволомъ Стамбула былъ поставленъ параграфъ 62 трактата, обязывающій султана провести въ Арменіи рядъ реформъ,—весьма элементарныхъ, но тѣмъ болѣе легкихъ къ осуществленію и гарантированныхъ армянскому народу не только подписью представителей всѣхъ европейскихъ державъ, но и подчиненіемъ Порты въ дѣлѣ реформъ международному контролю.

При всей незначительности обѣщанныхъ реформъ, ожиданіе ихъ подняло духъ угнетеннаго армянскаго народа. Во всѣхъ слояхъ его началось восторженное броженіе—чаяніе и залогъ близкаго лучшаго будущаго. Ревниво и подозрительно ограниченныя, реформы протягивали Арменіи едва-едва палецъ, но, схватившись за палецъ, легче забрать всю руку. Была увѣренность, что Европа, наконецъ, поняла и оцѣнила историческую роль армянъ, какъ аванпоста западной культуры на азіатскомъ материкѣ, что, однажды рѣшивъ вознаградить ихъ за столѣтія то боевой, то страдальческой въ порабощеніи жизни, она не остановится на первомъ шагѣ освобожденія. Разъ было сказано «а», надо сказать и «б». Красивая статья объ европейскомъ контролѣ ставила увѣренность эту на вполнѣ логическій и твердый, казалось бы, фундаментъ.

Dieu propose et le diable dispose, какъ передѣлали теперь старую пословицу французскіе остроумцы. Въ судьбахъ Арменіи, послѣ Берлинскаго трактата, именно такъ было: Богъ предполагалъ, а чортъ располагалъ. Статья, которая теоретически предполагалась орудіемъ спасенія армянскаго народа, на практикѣ оказалась средствомъ его гибели, а восторженно привѣтствованныя гарантіи международнаго контроля, сверхъ всѣхъ ожиданій, связали по рукамъ и по

ногамъ всѣхъ друзей армянскаго народа и отдали его, почти беззащитнымъ, въ когти его злѣйшихъ враговъ.

Въ Европѣ, за послѣднія 25 лѣтъ, было много талантливыхъ дипломатовъ,—одну Россію какъ-то трагикомически обходилъ этотъ благодатный урожай. Но лишь одинъ европейскій дипломатъ, кромѣ Бисмарка, сошедшаго въ періодѣ этомъ съ политической сцены, могъ бы, по праву, заявить претензію на геніальность—если не въ цѣляхъ, то въ средствахъ дѣятельности: въ тонкомъ разсчетѣ своихъ минъ и контръ-минъ, въ изяществѣ своей убійственной работы, въ искусствѣ плести, поистинѣ, неподражаемыя кружева изъ желѣза и крови. Гладстонъ называлъ этого дипломата «великимъ убійцею», современная Европа зоветъ «Краснымъ султаномъ»: предъ нами—повелитель правовѣрныхъ, благополучно перевалившій на четвертое десятилѣтіе своего царствованія, падишахъ Абдулъ-Гамидъ. Въ свое время я имѣлъ случай близко и внимательно ознакомиться съ этимъ интереснѣйшимъ, въ своемъ родѣ, сверхъчеловѣкомъ въ десяткахъ бесѣдъ съ лицами, состоявшими цѣлые годы въ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ къ нему отношеніяхъ. Кто желаетъ ознакомиться съ подробною характеристикою Абдулъ-Гамида по этимъ даннымъ, того прошу обратиться къ книгѣ моей «Страна раздора». Здѣсь достаточно сказать, что это—самый гибкій и упругій характеръ современнаго политическаго міра, искуснѣйшій и вдохновенный притворщикъ, несравненный сѣятель ссоръ, смутъ и подозрѣній, мусульманскій Макіавелли, который «всю жизнь всѣмъ все уступалъ и никогда никому ничего не уступилъ». Онъ прячетъ колоссальное честолюбіе подъ готовностью къ униженію, фанатическую, холодную жестокость одѣваетъ дѣтскою сантиментальностью,—онъ весь ходячая маска и, по потребности, даже свой огромный, злой умъ умѣетъ скрыть отъ противника малоопытнаго, какъ отточенный и отравленный стилетъ въ простой и грубой палкѣ. Русскій дипломатъ, много лѣтъ жизни употребив-

шій на непосредственную борьбу съ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ по вопросамъ христіанскихъ народностей и въ концѣ концовъ даже удостоенный отъ него, живущаго безъ любви и уваженія къ кому бы то ни было, нѣкоторой какъ будто симпатіи,—увѣрялъ меня, что никогда не опасенъ такъ Абдулъ-Гамидъ, какъ въ личинѣ малообразованнаго, неразвитаго, застѣнчиваго простачка. Дипломатъ признавался, что мастерствомъ своимъ облекаться въ безхитростную личину великій турецкій политикъ даже и его, стараго воробья, десятки разъ проводилъ на мякинѣ. Въ личномъ обращеніи Абдулъ-Гамидъ—верхъ любезности и даже сердечности. Онъ—великій убійца за глаза, но въ глаза—«великій очарователь». Фигура, собственно говоря, трагической цѣльности и не нашего вѣка, Абдулъ-Гамидъ—деспотъ средневѣковой морали, политикъ первыхъ дней итальянскаго возрожденія. Онъ достоинъ былъ бы войти въ шекспирову галлерею историческихъ портретовъ, какъ «добрый, честный Яго» на тронѣ. Этого человѣка по всей справедливости можно считать злымъ геніемъ европейской политики на Ближнемъ Востокѣ вообще и армянскаго народа въ особенности. Убѣжденіе въ томъ, созданное слишкомъ наглядными и грозными доказательствами, держится настолько прочно, что, напримѣръ, сейчасъ въ Парижѣ, между мѣстными армянами-эмигрантами, я постоянно встрѣчаю людей, очень опредѣленно утверждающихъ, будто даже и въ современной татарско-армянской междоусобицѣ русскаго Закавказья косвеннымъ и отдаленнымъ корнемъ зла остается, все-таки, султанъ Абдулъ-Гамидъ, съ его политикою мусульманскаго Макіавелли.

Предположеніе, на первый взглядъ, казалось бы, странное; оно наивно и суевѣрно уводитъ центръ обвиненія отъ прямыхъ, гораздо болѣе близкихъ и печальныхъ для насъ причинъ... Тѣмъ не менѣе аргументація армянскихъ эмигрантовъ развита стройною теоріей, имѣетъ свое-

образный интересъ, далеко не лишена основательности и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Какъ сказано выше, султанъ Абдулъ-Гамидъ умѣлъ обратить международный контроль надъ предписанными ему армянскими реформами изъ угрозы себѣ въ средство своего благополучія. Исполнить требованіе 62 параграфа Берлинскаго трактата онъ, конечно, никогда не собирался. Да вполнѣ откровенные люди въ армянскомъ лагерѣ говорятъ: и не могъ бы, если бы даже собрался. Автономическія реформы подвластныхъ Турціи христіанскихъ народностей—смертный приговоръ Оттоманской имперіи, а, еще прежде, династіи, осужденной ихъ осуществить.

Малая Азія лежитъ въ сферѣ интересовъ всѣхъ великихъ державъ европейскаго концерта. Интересы эти не только разнообразны, но, въ большей части, противоположны и даже враждебны одинъ другому. Ревность, зависть, взаимоподозрѣніе и борьба за преобладаніе, унижающаяся даже до мелочей, которыя часто были бы смѣшны, если бы не были грустны,—вотъ роковые элементы европейской дипломатіи на Востокѣ, и надо съ горестью прибавить, что наша русская дипломатія, на этотъ счетъ, остается въ первой шеренгѣ. При подобныхъ условіяхъ взаимонедовѣрія, международный контроль за армянскими реформами обратился не противъ султана, обязаннаго ихъ осуществить, но явился системою надзора каждой державы за остальными, чтобы ихъ участіе въ малоазіатской политикѣ не нанесло ущерба ея спеціальнымъ выгодамъ. Такимъ образомъ оправдалось на гигантскомъ историческомъ примѣрѣ, въ колоссальномъ масштабѣ страданій цѣлаго народа, печальное правило, что у семи нянекъ дитя безъ глаза. Соперничество интересовъ лишило европейскій концертъ единодушія, и параграфъ 62 застылъ въ мертвую букву. И султанъ Абдулъ-Гамидъ всегда умѣлъ найти дружественную державу, которая сознательно, полусознательно или

безсознательно, но съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, старалась для него, чтобы роковой вопросъ лежалъ въ гробу смирно, не пытаясь воскреснуть изъ мертвыхъ. Печальную роль тормозовъ армянскаго освобожденія сыграли, по очереди, Англія, Германія и Россія, которую, со времени франко-русскаго союза, пассивно поддерживала въ тонъ своимъ авторитетомъ и Франція. Вмѣсто понуканія къ обѣщаннымъ реформамъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ то и дѣло получалъ cartes blanches воздержаться отъ какихъ-либо преобразованій, съ единственнымъ гуманнымъ совѣтомъ—по возможности, не ухудшить положенія, чтобы натянутая струна не лопнула и жалобнымъ стономъ своимъ не разбудила въ Европѣ общественнаго мнѣнія. Но и это элементарное условіе оказалось для Абдулъ-Гамида невыполнимымъ, по причинамъ, зависѣвшимъ въ значительно большей долѣ отъ него, отчасти же не совсѣмъ отъ него.

Абдулъ-Гамидъ—фанатикъ Ислама. Онъ полонъ историческими мечтами о великихъ халифахъ и, лишенный физической и политической возможности повторить ихъ въ славныхъ дѣлахъ и воинственныхъ подвигахъ, подражаетъ имъ въ религіозномъ изувѣрствѣ и безумной роскоши. Онъ очень богатъ, но государство—нищее, и, какъ личная казна султана, такъ и казна имперіи, ненасытно изо дня въ день, взываютъ о деньгахъ. Въ результатѣ,—помимо града узаконяемыхъ налоговъ и податей, которыми выжимаются изъ христіанъ Малой Азіи послѣдніе соки,—неистребима фактически система кормленія чиновниковъ административными должностями. Сомнительная платежеспособность государства своимъ чиновникамъ продолжаетъ въ армянскихъ вилайетахъ режимъ ужасающей продажности, коварства, произвола, насилія: правильную организацію разрѣшеннаго свыше разбоя и грабежа. И, естественно, чѣмъ глубже истощена страна, тѣмъ острѣе ожесточаются ужасы сдиранія

съ нея новыхъ и новыхъ шкуръ. Абдулъ-Гамидъ не только не хочетъ, онъ не можетъ пощадить армянъ, потому что иначе онъ—государственный банкротъ.

Затѣмъ, Абдулъ-Гамидъ не можетъ и не хочетъ пощадить армянъ, потому что, въ его глазахъ, они—естественные враги Ислама и азіатскіе союзники христіанской Европы, а, прежде всего, Россіи, правительство которой онъ впослѣдствіи такъ искусно и, если позволено выразиться, самоубійственно вооружилъ противъ этихъ же «союзниковъ» суровымъ и полнымъ репрессій предубѣжденіемъ. Наша дипломатія—и, въ особенности, ученики и подражатели Лобанова-Ростовскаго,—слишкомъ часто упускала изъ виду, что въ лицѣ Абдулъ-Гамида она имѣетъ дѣло съ побѣжденнымъ и злопамятнымъ врагомъ, не забывшимъ ни отрѣзаннаго Карса, ни освобожденной Болгаріи. Съ самымъ довѣрчивымъ легкомысліемъ, которое льстецы и энтузіасты «московитской» фракціи панславизма прославляли, какъ государственную мудрость, дипломаты помянутой школы то и дѣло плясали по дудкѣ Стамбула, уничтожая его враговъ и парализуя своихъ друзей.

Если вспомнить исторію русско-армянскихъ отношеній съ XVII вѣка, то султанъ, по-своему, глубоко правъ, преслѣдуя въ армянахъ русскій авангардъ въ Малой Азіи. Довести и русскую дипломатію до выдачи ему на пропятіе собственныхъ своихъ трехъ вѣковыхъ союзниковъ; убѣдить русское правительство, что союзники эти—не союзники, а измѣнники, достойные злѣйшаго преслѣдованія и лишенія гражданскихъ правъ, несомнѣнно, было политическимъ chef d'oeuvre'омъ султана Абдула-Гамида. Извѣстно, что главный національный символъ армянства есть ихъ церковь, отъ V вѣка расколомъ на вселенскомъ соборѣ равно обособленная и отъ латинства, и отъ византійскаго православія. Арменія—первое государство древности, принявшее христіанство, какъ господствующую религію. Лишь послѣ тысячелѣтней борьбы одинъ-на-одинъ съ воинственными

*

воинами Ислама, армяне встрѣтили нѣкоторую нравственную поддержку со стороны христіанскаго государства—въ царствѣ Московскомъ. Въ благодарность они сдѣлались усерднѣйшими носителями русской культуры и проводниками русскаго политическаго вліянія вглубь Азіи. Грамоты московскихъ царей свидѣтельствуютъ о заслугахъ армянъ русскому дѣлу на Востокѣ; включительно до послѣдней турецкой войны, армяне—и нравственно, и матеріально неизмѣнные союзники русскаго движенія на Евфратъ. Во главѣ русскихъ войскъ шли въ Малую Азію Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ, Тергукасовъ, а навстрѣчу имъ выходили изъ деревень съ крестами и хоругвями армянскіе попы и мужики, вѣруя, что исполняется завѣтная мечта армянскаго народа: падаетъ турецкое иго, и Россія беретъ одновѣрный, хотя и диссидентскій, народъ подъ свою высокую руку. Мечта пе сбылась. Не получивъ отъ Россіи политической защиты, армяне, все же, продолжали усердно и любовно черпать изъ нея силы культурной самопомощи. Армянская литература—зеркало русской, армянскій театръ воспитался Гоголемъ, Грибоѣдовымъ, Островскимъ, армянская интеллигенція вышла изъ русскихъ университетовъ, платя имъ обратно за науку такими силами, какъ, напримѣръ, Ю. С. Гамбаровъ, Г. А. Джаншіевъ, Нерсесовъ, Эзовъ и др. Въ наукѣ, въ искусствѣ, въ адвокатурѣ, въ войнѣ, даже въ бюрократіи—всюду русскіе семидесятые и восьмидесятые годы показываютъ намъ талантливыхъ армянъ, понимающихъ счастье своей родины въ счастьѣ Россіи и работающихъ — каждый по-своему—на русской общественной нивѣ съ такимъ усердіемъ и любовью, какихъ дай Богъ природнымъ русскимъ. Изъ безчисленныхъ примѣровъ—достаточно назвать хотя бы того же Г. А. Джаншіева, автора «Эпохи великихъ реформъ», и напомнить, что единственную, короткую и, хотя весьма съ грѣхомъ пополамъ, но все же передышку отъ суровой государственной реакціи 1870—1904 года, русское общество имѣло въ «диктатурѣ

сердца» армянина Лорисъ-Меликова. Единство русской и армянской культуры строилось на единствѣ русскихъ и армянскихъ интересовъ, и русская Арменія за Кавказомъ всегда была бѣльмомъ на глазу для Турціи и надеждою для армянъ за Араксомъ. Русское воспитаніе сказалось впослѣдствіи даже въ первыхъ армянскихъ политическихъ кружкахъ, имѣвшихъ характеръ національнаго протеста. Женевскій «Хнчакъ» (Колоколъ), первоорганъ армянскаго соціализма, крестникъ русской революціонной эмиграціи. Организація армянской федераціи, возникшая въ 90-хъ годахъ и всецѣло посвященная агитаціи въ пользу турецкихъ армянъ, руководилась бывшими студентами С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ, воспитанными въ идеяхъ Тургенева, Достоевскаго, а болѣе всего—Н. К. Михайловскаго. Большинство членовъ этой организаціи было женато на русскихъ женахъ. Я черпаю эти подробности изъ личныхъ воспоминаній одного изъ редакторовъ парижской «Pro Armenia». Но, чтобы подтвердить эти показанія свидѣтелемъ изъ противнаго лагеря, напомню хотя бы реакціонные пасквили на швейцарскую эмиграцію покойнаго Жителя, неизмѣнно изображавшіе свободолюбивую армянскую молодежь въ Цюрихѣ и Женевѣ лишь ученическою филіаціей русскаго прогрессивнаго движенія. Словомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривали мы недавнюю Арменію, она, до самаго послѣдняго времени, оставалась неугасимымъ очагомъ русскаго вліянія и русской культуры. Султану Абдулъ-Гамиду было необходимо залить этотъ мирный очагъ кровью междоусобія, чтобы его спокойное пламя не служило маякомъ для жертвъ террора, хронически бушующаго по ту сторону малоазіатской границы.

Свою подготовку будущей гражданской войны на Кавказѣ великій стамбульскій политикъ началъ очень давно. Абдулъ-Гамидъ въ своихъ политическихъ шагахъ напоминаетъ иногда факира, который эффектно принимаетъ, на глазахъ публики, смертельный ядъ... послѣ того, какъ за

кулисами принялъ вѣрное противоядіе. Никто смѣлѣе его не бросается въ объятія опасныя и, казалось бы, должныя его погубить, тогда какъ онъ обращаетъ ихъ въ свою броню и живетъ въ нихъ—не будь онъ мусульманинъ, можно бы сказать—какъ у Христа за пазушкою. Знаменитая комедія путешествія Вильгельма II на Востокъ, въ качествѣ «потомка крестоносцевъ», была раструблена европейскою прессою, какъ чуть ли не сдача всей Турціи, оптомъ и въ розницу, въ полонъ германскаго вліянія и капитала. Дѣйствительно, воспользовавшись ошибками и безпечностью русской дипломатіи, Вильгельмъ оцѣпилъ Малую Азію своими агентами и миссіонерами и заручился въ ней многочисленными концессіями, въ которыхъ онъ гласно и негласно заинтересованъ на крупныя суммы лично. Но—увы! И на немъ сбылось правило некромантіи, что волшебникъ, покорившій себѣ дьявола, самъ покоряется дьяволу и связываетъ съ нимъ свою судьбу. Сдѣлавшись концессіонеромъ и перебросивъ въ Турцію участь многихъ германскихъ милліоновъ, «потомокъ крестоносцевъ» мало чего боится болѣе, чѣмъ возможности, что крестъ взбунтуется противъ луны, и христіанская революція сорветъ аферу христіанскаго капитала. И вотъ—политика Вильгельма II въ отношеніи армянскаго вопроса сжимается до унизительной двуличности. Въ то самое время, какъ представитель Германіи (секретарь посольства) оффиціально протестуетъ передъ Портою противъ малоазіатскихъ избіеній, въ карманѣ султана покоится собственноручное письмо Вильгельма, которымъ «потомокъ крестоносцевъ» даетъ своему царственному другу carte blanche—«показать своимъ подданнымъ, что онъ—монархъ Божіею милостью и воля его для нихъ есть воля Бога».

Еще болѣе характернымъ примѣромъ губительной для армянъ приспособляемости султана Абдулъ-Гамида ласково вынимать изъ руки врага оружіе нападенія, чтобы потомъ пользоваться имъ, какъ орудіемъ самоза-

щиты, является его игра съ русскимъ бюрократическимъ панславизмомъ, результаты которой пожинаетъ теперь Кавказъ, снова дымящійся кровью послѣ сорокалѣтняго спокойствія. Султанъ Абдулъ-Гамидъ не пропустилъ въ свое время ни германскаго Drang nach Osten, ни возрожденія панславистической идеи съ всеславянской гегемоніей русскаго императора. Идея старинная, еще московской выдумки. Въ нашей русской передовой интеллигенціи она всегда считалась утопіей славянофильскаго толка, но на западѣ въ ея доктринѣ находили и находятъ извѣстный политическій смыслъ и иногда считались съ нею болѣе серьезно, чѣмъ фактическія проявленія идеи заслуживали. На мусульманскомъ же Востокѣ идея московской опасности, окруженная легендами, выросшими въ многочисленныхъ русско-турецкихъ войнахъ,—своего рода политическое суевѣріе, неодолимое нравственное пугало Ислама, сказочный фатумъ, который даетъ отсрочки, но рано или поздно настигнетъ.

Drang nach Osten Абдулъ оставилъ двигаться, куда ему угодно, но опуталъ его золотыми цѣпями. Теперь нѣтъ въ Европѣ бо̀льшихъ туркофиловъ, чѣмъ германскіе капиталисты, и нѣтъ въ Малой Азіи иностранцевъ болѣе осторожныхъ, чтобы не запутаться въ какую-нибудь политическую сумятицу, чѣмъ нѣмцы-миссіонеры. Противъ панславистической идеи,—болѣе безпокойной, такъ какъ прежде всего, воинственной, облеченной въ московскіе вопли о «Крестѣ на святой Софіи» и только-что отнявшей у султана Карскую область,—золотой мечъ не годился и пущены были въ ходъ другія, болѣе тонкія и опасныя силы.

Послѣ ряда западническихъ царствованій, Россія, жестоко оскорбленная Европою на Берлинскомъ конгрессѣ, вступила, съ императоромъ Александромъ III, въ періодъ попытокъ къ замкнутой самобытности, съ программою объединенія государственныхъ народностей въ искусственный bloc своеобразной «общеимперской расы». Такъ

какъ, въ то же самое время, Россія очень больно обожглась на «неблагодарности» Болгаріи, которой она дала бельгійскую конституцію, но не позволяла конституціей управляться, то внѣшнія панславистическія надежды энтузіастовъ, въ родѣ Скобелева, Аксакова, московскаго городского головы Алексѣева,—весьма быстро поблѣднѣли. Вліяніе Европы на балканскихъ славянъ оказалось сильнѣе нашего, и императоръ Александръ III, какъ извѣстно, на 8 лѣтъ прервалъ всякія сношенія съ Болгаріей, такъ сказать, зачеркнувъ ее для Россіи на картѣ Европы. Этотъ политическій coup de force былъ очень тяжелъ для обоихъ государствъ и оказался впослѣдствіи болѣе невыгоднымъ для Россіи, чѣмъ для Болгаріи, успѣвшей за этотъ срокъ окрѣпнуть въ самостоятельную и очень серьезную національную силу. Новое русское царствованіе императора Николая II поспѣшило отъ политики отчужденія отказаться. Но опалою Болгаріи Александръ III искусно спасъ декорумъ русскаго авторитета въ нѣдрахъ панславистской идеи, которую онъ любилъ страстно и упорно, хотя и не разъ рѣзко останавливалъ панславистовъ, слишкомъ торопливыхъ и пылкихъ, въ родѣ трехъ вышеназванныхъ. Берлинскій трактатъ и безсиліе Россіи повернуть въ свой фарватеръ политику славянскихъ государствъ на Дунаѣ учили: festina lente! И вотъ, прежде всего, русское правительство занялось провѣркою своего панславистическаго арсенала. Онъ оказался недостаточнымъ, а имперскій составъ—слишкомъ разноплеменнымъ, чтобы установить въ планетной системѣ панславизма непремѣнный законъ физическаго тяготѣнія къ Россіи, какъ къ солнечному ядру, котораго масса и цѣльность побѣдоносно исключаютъ возможность какихъ-либо иныхъ соперничающихъ вліяній и тяготѣній. Тогда внѣшній панславизмъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ, и государство принялось за суровую подготовительную работу панславизма внутренняго: за фабрикацію сплошного русскаго

ядра, должнаго установить законъ тяготѣнія въ славянской планетной системѣ. Началась руссификація окраинъ, стѣсненія инородцевъ и иновѣрцевъ, настойчивое проведеніе въ жизнь государственнаго языка, государственной школы, государственной церкви, общая нивеллировка имперскаго состава по мѣркамъ церковнаго православія и русско-бюрократическаго идеала.

Нигдѣ печальные плоды этой неудачной политики не вызрѣли съ такой ужасающей быстротою и силою, какъ на Кавказѣ,—быть можетъ, именно потому, что руссификаторскій посѣвъ явился тамъ особенно неожиданнымъ, ненужнымъ, противнымъ государственной логикѣ и здравому смыслу. Вспоминая Закавказье даже конца восьмидесятыхъ годовъ, всякій безпристрастный свидѣтель событій долженъ сознаться, что счастливая полоса между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, между Гудауромъ и Араратомъ была самою спокойною и мирною изъ всѣхъ русскихъ окраинъ. А тотъ элементъ, который теперь наиболѣе подозрительно и гнѣвно преслѣдуется въ ней, какъ антирусскій и революціонный,—элементъ армянскій,—былъ едва-ли не консервативною опорою мѣстной администраціи противъ маленькихъ племенныхъ агитацій. Что и вполнѣ естественно: армянинъ въ Закавказьѣ—буржуа и земледѣлецъ; два класса, по существу наиболѣе нуждающіеся въ твердомъ, устойчивомъ режимѣ и потому всюду наиболѣе консервативные и неподатливые на государственные перевороты. Долговременное мягкое намѣстничество в. кн. Михаила Николаевича (при немъ тифлисскія газеты *фактически* пользовались почти что полною свободою печати, не исключая полемики противъ нѣкоторыхъ личныхъ предпріятій самого в. кн.) и управленіе кн. А. М. Дондукова-Корсакова пріучили край къ режиму вѣро и народотерпимому, чуждому какого бы то ни было политическаго фанатизма. Можно смѣло утверждать, что въ этихъ годахъ Кавказъ былъ руссифициро-

ванъ безъ руссификаціи, и на первомъ планѣ въ его естественномъ обрусѣніи оставались, опять-таки, армяне. Я прожилъ въ Тифлисѣ 1887 и 1889—91 года и не помню мало-мальски образованной армянской семьи, въ которой русскій языкъ,—безъ всякаго къ тому давленія власти,—не былъ бы домашнимъ. Надо было много бюрократическихъ усилій употребить, чтобы въ какихъ-нибудь десять лѣтъ перевернуть вверхъ дномъ этотъ рай не рай, а все же уголокъ упорядоченнаго и лояльнаго прогресса, и обратить его въ адъ, котораго мы теперь очевидцы.

Имя князя Голицына неразрывно связано съ этой трагическою метаморфозою, но все же не слѣдуетъ придавать неудачной дѣятельности князя больше значенія, чѣмъ она заслуживаетъ. Голицынъ лишь конечный довершитель разгрома, начатаго издавна, практическій осуществитель теоретическихъ предначертаній, выношенныхъ вдали отъ Кавказа, а во многомъ—пожалуй—и вдали отъ Россіи. Совершенно естественно, что обрусительная политика центра должна была на Кавказѣ отозваться прежде всего и тяжелѣе всего на армянахъ; изъ всѣхъ кавказскихъ инородцевъ-христіанъ они одни—не православные. Хотя нельзя сказать, чтобы армянинъ былъ очень религіозенъ по натурѣ, но надо повторить: его церковь, за которую онъ сражался и страдалъ болѣе тысячи лѣтъ, есть его національный символъ; обособленность церкви, отвоеванная имъ и у латинства, и у Византіи, и у Ислама, дорога армянину, какъ неугасимый показатель жизни и единства всемірно разсѣяннаго эмиграціей армянскаго народа. Руссификація сдѣлала много безтактнѣйшихъ покушеній на армянскую самобытность, однако армяне, хотя покряхтывали, но терпѣли, покуда Голицынъ не наложилъ руки на церковныя имущества. Эта провокація сдѣлалась эрою революціоннаго движенія. До тѣхъ поръ армянская революція существовала только въ воображеніи фанатиковъ провокаторства въ родѣ покойнаго Велички,

въ доносахъ чиновниковъ, жаждущихъ отличиться передъ Петербургомъ служебнымъ усердіемъ, въ корреспонденціяхъ оффиціозовъ, съ «Новымъ Временемъ» во главѣ, и—въ постоянныхъ внушеніяхъ нашего Константинопольскаго посольства и министерства иностранныхъ дѣлъ, руководимаго знаменитымъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Въ этомъ человѣкѣ хотѣли видѣть злѣйшаго и рокового врага Оттоманской имперіи, Бисмарка будущаго панславизма, грядущаго возстановителя креста на св. Софіи и автора новой карты Европы, съ раздѣленной Турціей. Въ дѣйствительности же, онъ, въ теченіе всего своего министерства, ходилъ эффектнымъ фантошемъ на ниточкахъ, которыя дергалъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ султанъ Абдулъ-Гамидъ, и врядъ ли кто другой оказалъ больше безсознательныхъ услугъ Исламу и вреда дѣлу Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Говорятъ, что лишь въ послѣдній моментъ жизни у Лобанова-Ростовскаго открылись глаза на роковую роль его въ политикѣ Ближняго Востока: онъ упалъ, пораженный нервнымъ ударомъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ въ Кіевѣ, послѣ того, какъ получилъ депешу объ ужасахъ сассунской рѣзни, которую онъ могъ предотвратить однимъ своимъ словомъ—и не сказалъ ничего...

Султану Абдулъ-Гамиду было необычайно важно лишить турецкихъ армянъ помощи армянъ русскаго Закавказья. И вотъ—Порта повторила буквально тотъ же пріемъ, которымъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ она компрометтировала въ глазахъ Александра I греческое освободительное движеніе, выставивъ гетерію Александра Ипсиланти отраслью карбонаризма. Національное стремленіе турецкихъ армянъ получить реформы, гарантированныя имъ обѣщаніемъ всѣхъ европейскихъ державъ, превратились, во внушеніяхъ мусульманскаго Макіавелли, въ агентуру интернаціональной соціальной революціи, а закавказскія симпатіи къ сассунцамъ и инымъ, съ которыхъ курды «гамидіэ» и просто курды живьемъ сдирали

шкуру, были систематически представляемы Петербургу, какъ симптомъ недовольства существующимъ государственнымъ строемъ, революціонная попытка воскресить автономію, поднять изъ мертвыхъ великую Арменію и,— это уже изобрѣла усердствующая кавказская администрація!—похитить у Россійской имперіи не только Закавзье, но и весь Кавказъ, съ горами и степями до Ростова-на-Дону! Такимъ образомъ, дѣло защиты Турціи отъ армянской революціи какъ бы обратилось въ дѣло самозащиты Россіи отъ сепаратическаго заговора, и патентованный истребитель христіанъ въ Малой Азіи сталъ защитъ автократіи, отъ которой малоазіатское христіанство двѣсти лѣтъ чаяло своего освобожденія. Круто были оборваны сборы въ пользу малоазіатскихъ армянъ-иностранцевъ. Суровыя репрессіи, до разстрѣлянія включительно, обрушились на добровольческое движеніе изъ русскаго Закавказья въ малоазіатскую инсуррекцію. Россія позабыла 1875 годъ, Черняева и русскія удалыя головы, полегшія на поляхъ Алексинаца и Дюниша за свободу сербовъ. А вѣдь сербы намъ все же будутъ родственники подальше, чѣмъ армянинъ изъ Малой Азіи армянину изъ Закавказья.

Систематическое возстановленіе русскаго правительства противъ армянскаго народа удалось Портѣ тѣмъ легче, что попало на почву, хорошо подготовленную. «Неблагодарность» Болгаріи, рѣшительно уклонившейся отъ чести быть негласною русскою губерніей и имѣвшей дерзость не только имѣть конституцію, но и пользоваться ею, исполнила русскую внѣшнюю политику горечью предубѣжденій и страховъ противъ всякой новой пограничной автономіи. Общеизвѣстна угроза Лобанова-Ростовскаго, опредѣлившая программу Россіи въ армянскомъ вопросѣ:

— Мы не хотимъ второй Болгаріи!..

И онъ пояснялъ, что автономія, которая должна вы-

литься для турецкой Арменіи изъ реформъ берлинскаго трактата, будетъ ядомъ для русскаго Закавказья, отравивъ его конституціонными вожделѣніями, сепаратическими надеждами, духомъ политическаго раскола... Опять-таки, увы! увы! увы! Въ турецкой Арменіи, пожертвованной нами Портѣ на курдское съѣденіе ради гарантіи собственнаго нашего государственнаго спокойствія, съ тѣхъ поръ вырѣзано до полумилліона человѣкъ, и это единственная тамошняя «реформа». А что представляетъ собою нашъ современный Кавказъ?.. Одинъ итальянскій психіатръ разсказывалъ мнѣ, что у него былъ паціентъ—прогрессивный паралитикъ, безуміе котораго обнаружилось слѣдующимъ страннымъ случаемъ. По близости его квартиры загорѣлся бакалейный магазинъ. Больной наблюдалъ пожаръ съ большимъ любопытствомъ и все безпокоился, что искры летятъ въ окна сосѣднихъ домовъ. И вотъ — вдругъ онъ уходитъ изъ толпы зѣвакъ, спѣшитъ домой; видятъ, какъ онъ тщательно запираетъ окна, двери, затворяетъ ставни, опускаетъ занавѣски. А затѣмъ — послѣ всѣхъ мѣръ предосторожности —бѣдняга очень дѣловито собралъ всѣ лампы въ домѣ, вылилъ изъ нихъ керосинъ на коверъ и—поджегъ!.. Къ счастію, по какому-то предчувствію, за нимъ слѣдомъ пошли жена и братъ и подоспѣли во-время, чтобы спасти несчастнаго и не допустить пожара. Боюсь, что въ отношеніи Кавказа мѣстная русская администрація и петербургская бюрократія дѣйствовали совершенно по тому же методу. Тщательно закрывая окна Закавказья отъ искръ малоазіатскаго пожара, князь Голицынъ и бывшіе съ нимъ собственными руками обратили Тифлисъ, Баку, Батумъ, Эривань во внутренній складъ горючаго матеріала, собственными руками поднесли роковую спичку,—и вспыхнулъ домашній пожаръ междуплеменного буйства, ужасами своими врядъ-ли имѣющій примѣры въ исторіи не только еще короткаго нашего, но и всего прошлаго вѣка!

Кромѣ болгарской «неблагодарности» и, вообще, неудачъ панславизма на русской подкладкѣ, огромную роль въ предубѣжденіи русскаго правительства противъ армянъ сыгралъ общій реакціонный поворотъ послѣ 1881 года, съ упорнымъ нежеланіемъ бюрократіи взглянуть прямо въ глаза истинѣ и съ слѣпою тенденціей относить всѣ недовольства дѣйствующимъ режимомъ, бродящія въ русскомъ общественномъ морѣ, на счетъ евреевъ, поляковъ, армянъ и прочихъ инородцевъ окраинныхъ и внутреннихъ. Въ результатѣ—Гурко въ Польшѣ, Бобриковъ въ Финляндіи, Голицынъ—на Кавказѣ. Малѣйшія столкновенія законнѣйшихъ инородческихъ правъ съ новымъ государственнымъ курсомъ понимались, какъ явленія крамольныя! И—такъ какъ съ исконными армянскими нравами новый курсъ столкнулся очень скоро и рѣзко, то армяне стяжали въ Петербургѣ репутацію народа крамольнаго и бунтовскаго по преимуществу: нива Абдулъ-Гамида получила новое удобреніе! Собственно говоря, съ назначеніемъ кн. Голицына главноначальствующимъ на Кавказѣ, весь армянскій народъ можно было считать какъ бы въ гласномъ подозрѣніи и подъ полицейскимъ надзоромъ. Провозглашалъ же этотъ удивительный сановникъ своею политическою программою:

— Доведу до того, что единственнымъ армяниномъ въ Тифлисѣ останется чучело армянина въ тифлисскомъ музеѣ.

Роковая политика Дальняго Востока, съ китайскою прелюдіей къ страшной симфоніи японской войны, уже назрѣвала, уводя русскія силы и деньги на Тихій океанъ. Русское правительство не могло окружить поднадзорную народность достаточнымъ количествомъ сторожей. Тогда оно уподобилось политической Пенелопѣ и руками кн. Голицына распустило ткань почти вѣковой неустанной работы. Сто лѣтъ трудилась Россія, чтобы замирить Кавказъ и объединить его разрозненные, враждующіе народы. Но-

вый курсъ пошелъ въ обратное направленіе. Онъ рѣшилъ дать армянамъ урокъ, что они безопасны—лишь покуда будутъ нѣмыми рабами русскаго бюрократическаго произвола, что, при отсутствіи съ ихъ стороны безпрекословнаго повиновенія руссификаторскому режиму—они будутъ оставлены русскими властями внѣ гражданскаго закона и военной защиты, и,—безоружные,—лицомъ къ лицу съ своими старыми сосѣдями-врагами. Г. Величко употребилъ весь свой талантъ, чтобы обострить отношенія, существовавшія между армянствомъ и грузинами, играя попреимуществу на струнахъ задолжанія обнищалой Грузіи армянскому капиталу. Въ своемъ спѣхѣ найти мѣстный оплотъ противъ предполагаемыхъ революціонныхъ теченій, кн. Голицынъ схватился за татаръ, какъ рыба хватаетъ червяка, не подозрѣвая, что въ немъ спрятанъ крючокъ. И отъ крючка тянулась длинная-длинная, путанная леса, привязанная къ длинному-длинному удилищу, нижній конецъ котораго, перекинувшись черезъ Черное море, исчезалъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ. На Drang nach Osten нѣмцевъ и русскую проповѣдь воинственнаго панславизма Абдулъ-Гамидъ давнымъ-давно отвѣтилъ мощною и искусною пропагандою панисламизма; она имѣла уже то преимущество предъ пропагандами европейскихъ программъ, что не кричала о себѣ ни въ застольныхъ рѣчахъ, ни въ передовыхъ статьяхъ, никого не закидывала шапками и никому не грозила бронированнымъ кулакомъ, но потихоньку и полегоньку ползла по горнымъ ущельямъ и долинамъ Малой Азіи, какъ тихая, злая змѣя, и безшумно дѣлала свое фанатическое дѣло. Агенты панисламическаго движенія разсыпались по Малой Азіи и Кавказу, неуловимые, не подозрѣваемые, всюду проникающіе, понятные въ каждомъ слоѣ населенія, пріятные въ каждой саклѣ, потому что Исламъ демократиченъ и, въ существѣ, не знаетъ разницы сословій. И на старуху бываетъ проруха: въ концѣ девяностыхъ годовъ, въ Елизаветполѣ былъ обнаруженъ

мусульманскій заговоръ и найдены панисламическія прокламаціи Абдулъ-Гамида. Но—quos vult perdere, dementat: недреманное око въ Тифлисѣ осталось закрытымъ на грозящую опасность. Напротивъ, это открытіе,—въ извѣстной степени, эра нашего административнаго татарофильства. Власти, какъ будто, остались довольны, что нечаянно натолкнулись на такой компактный клубокъ мѣстной розни. Стоитъ, молъ, лишь взять змѣиный клубокъ покрѣпче въ свои руки—вотъ вамъ нѣчто лучшее всякаго казачества и надежнѣе всякой жандармеріи: страшная, рѣшительная, безпощадная, при томъ чуть не даровая, угроза противъ всякихъ возможныхъ и невозможныхъ «революцій» христіанскаго населенія. И воображали, будто панисламическій клубокъ дался имъ въ руки. И только теперь, когда противъ татарской анархіи работали пушки и едва-ли не приходится двигать на Кавказъ регулярныя войска и возвращаться къ старинной системѣ казачьихъ поселковъ,—только теперь, въ пламени Баку, разсмотрѣла русская бюрократія, сколько самоубійства для государства съ разноплеменнымъ и разновѣрнымъ населеніемъ носитъ въ себѣ аморальная политика—dividere et imperare.

Мнѣ не хочется быть слишкомъ пессимистомъ. Я скептически слушаю мрачныя пророчества здѣшнихъ вѣщихъ голосовъ, будто мы на Кавказѣ въ армянскихъ ужасахъ рвемъ только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди, и будто ростъ мусульманской анархіи подаритъ намъ въ Малой Азіи кое что похуже Махди и Сумасшедшаго Муллы; будто мы стоимъ подъ угрозою, что не сегодня - завтра Абдулъ - Гамидъ протянетъ свою нѣжную, уже старческую, руку къ землямъ, которыя онъ вынужденъ былъ отдать Россіи тою же рукою, когда былъ молодымъ человѣкомъ. Оставимъ всѣ эти мрачныя гаданія, однимъ пророкамъ внушаемыя озлобленіемъ вполнѣ понятнаго и извинительнаго отчаянія, другимъ — нескрываемою радостью неожиданнаго торжества, третьимъ —

страхомъ, у котораго глаза велики. Не станемъ, такъ и быть, заглядывать въ будущее, —и настоящее достаточно страшно!

Русскія газеты очень радужно пишутъ, будто Россія входитъ въ новый періодъ политической жизни, съ свободною мыслью и съ свободнымъ словомъ избранниковъ, если и не весьма народныхъ, то все же, какъ будто, и не вовсе по назначенію изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Долженъ сознаться, что личное мое мнѣніе о всѣхъ восторгахъ и чаяніяхъ этихъ суммируется двумя пословицами: «дай Богъ нашему теляти волка поймати» и «цыплятъ считаютъ по осени». Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что этой «новой Россіи», какова она бы ни оказалась, на первыхъ же порахъ придется отдать значительную долю своего реформаціоннаго процесса инородческимъ вопросамъ. Въ томъ числѣ, и въ силу требовательной остроты современнаго напряженія, едва-ли не на главномъ мѣстѣ,—вопросу армянскому. Конечно, прямымъ долгомъ «предполагаемой быть» новой Россіи будетъ поправить роковыя ошибки и злоупотребленія полицейско-бюрократическаго режима. Процессъ поправки не замедлитъ выяснить, что естественный корень армянскихъ недовольствъ, помимо причинъ мѣстныхъ, то-есть бюрократическихъ ошибокъ и злоупотребленій, лежитъ не въ предѣлахъ Закавказья, но въ малоазіатской Арменіи. Онъ выращенъ чувствомъ братства на почвѣ кровнаго родства и національной морали и неистребимъ, покуда не истребятся страданія малоазіатскихъ армянъ. Нашему отечеству предстоитъ работа колоссальной внутренней ломки. Но—нутро нутромъ, а границы границами, и сосѣди сосѣдями. Однимъ изъ первыхъ дѣяній внѣшней политики будущей «новой Россіи» должно быть — возвратиться въ армянскомъ вопросѣ къ 1878 году и категорически потребовать отъ султана исполненія § 62— объ армянскихъ реформахъ — въ берлинскомъ трактатѣ.

Это будетъ внѣшнимъ лѣкарствомъ, которое вѣрнѣе всего исцѣлитъ нашу внутреннюю закавказскую язву... одну изъ нашихъ опаснѣйшихъ и болѣзненныхъ язвъ.

— Да! Стало быть, вы рекомендуете будущей «новой Россіи», съ мѣста въ карьеръ, поставить себя изъ-за армянъ въ опасность европейской войны?

— О, нѣтъ! Никогда! Ни за что на свѣтѣ!

— Не сами ли вы только-что писали, что проведеніе реформъ осталось предпріятіемъ безнадежнымъ потому, что, въ противорѣчіи своихъ частныхъ интересовъ, европейскія державы никогда не могли удовлетворительно придти къ общему соглашенію?

— Да. Но, вѣдь, послѣдняя очередь соглашенія — именно, осталась за Россіей. Первоначальная противница осуществленія реформъ, Англія, давно убѣдилась, что, какія бы ни были ихъ политическія послѣдствія, они для нея будутъ все же и приличнѣе, и выгоднѣе той кровавой анархіи, которою Абдулъ-Гамидъ сперва истязалъ Малую Азію, а теперь заразилъ и наше Закавказье. Больше того: еще въ 1896 году герцогъ Аргайльскій опубликовалъ интереснѣйшую брошюру, сочувственно встрѣченную общественнымъ мнѣніемъ, въ доказательство, что осуществить процессъ армянскихъ реформъ есть законное право и прямое дѣло Россіи и должно быть ей поручено державами безъ всякихъ подозрѣній и ревностей. Въ послѣднее десятилѣтіе сила 62 параграфа тормозилась исключительно суровымъ veto Россіи, которое покорно повторяла, особенно устами Делькассе, Франція... Предупреждалъ же Лобановъ-Ростовскій, что требованіе реформъ въ Арменіи Россія приметъ за casus belli! Въ вопросѣ армянскихъ реформъ *за* стоятъ Англія и Италія; *противъ*— Россія; въ *условномъ согласіи*, если Россія согласится— Франція и Германія. О послѣдней вѣрнѣе сказать—полный хозяинъ ея внѣшней политики, Вильгельмъ II. Онъ всегда будетъ противъ разорительной для германскихъ интере-

совъ революціи въ Арменіи, и открыто заявилъ, что считаетъ несвоевременнымъ не только громы освободительнаго оружія, но и угрозы громами,—но мирное осуществленіе реформъ, подъ международнымъ контролемъ, не можетъ принести ему ничего, кромѣ выгодъ. Въ дѣлѣ армянскихъ реформъ—рѣшающій голосъ Россіи. Европа на нихъ или согласна, или къ нимъ безразлична.

— А что—если опасенія старыхъ политиковъ справедливы, и на южной границѣ Россіи, въ самомъ дѣлѣ, выраститъ, послѣ реформъ, великая Арменія?

— Десять лѣтъ тому назадъ я сказалъ бы, что этого быть не можетъ и къ тому нѣтъ данныхъ въ армянскомъ народѣ, совсѣмъ нежелавшемъ тогда выходить изъ-подъ спокойной русской опеки, за исключеніемъ, можетъ быть, весьма незначительной кучки націоналистовъ-энтузіастовъ, безъ которыхъ не живетъ ни единое племя, лишенное политической самостоятельности. Тогда армянскій сепаратизмъ былъ полицейскимъ миѳомъ. Если кн. Голицынъ и ему подобные пророки бюрократическаго режима разочаровали армянскій народъ въ русской опекѣ и довели однихъ армянъ до необходимости бѣжать, куда глаза глядятъ, а другихъ—до возможности и желанія завоевать себѣ вооруженною рукою грезу великой Арменіи, то на головы этихъ администраторовъ и должна упасть вина новорожденнаго армянскаго сепаратизма. Дѣломъ же «новой Россіи» будетъ умиротворить армянскій народъ въ его законныхъ притязаніяхъ политическаго равноправія настолько, чтобы великая Арменія ему не понадобилась и самоуправленіе въ общемъ государственномъ составѣ Россіи было наглядно выгоднѣе выдѣленія въ изолированную національно-политическую единицу. И еще: знаете ли, господа? Великая Арменія, которою запугивали Россію Велички и Грингмуты,—еще бабушка на-двое говорила, будетъ или нѣтъ, а вотъ разнузданную татарію-то мы уже завели за Кавказомъ—и въ такихъ размѣрахъ, что должны

*

вести съ этимъ удивительнымъ «государствомъ въ государствѣ», послѣ краткаго и не весьма лестнаго, бюрократическаго съ нимъ союза, нѣчто въ родѣ мѣстной войны. И, глядя на этотъ колючій плодъ, бабушка даже не говоритъ на-двое, но только молча и скорбно качаетъ головою. Да, кавказская бабушка недаромъ качаетъ старою, скорбною головою. Каша заварена круто, и боюсь, что расхлебывать ее придется, именно, какъ старая ироническая пѣсня поетъ:

Дѣтушкамъ, бабушка, дѣтушкамъ,
Дѣтушкамъ, Пахомовна, дѣтушкамъ!

Парижъ, 3 октября 1905 года.

III.

Ужасныя событія въ русскомъ Закавказьѣ опять выдвинули на первый планъ и освѣтили во вниманіи Европы многострадальный армянскій вопросъ. Сперва татарскія, теперь казацкія неистовства перебросили черезъ русскую границу нравы и политику сосѣдней имперіи султана Абдулъ-Гамида и—въ то же самое время войска султана Абдулъ-Гамида придвинулись къ русской границѣ и стоятъ на ней въ зловѣще выжидательной, болѣе чѣмъ выразительной готовности. Ослѣпленная самодурствомъ и національными предразсудками, безтолково полномочная кавказская администрація, при полномъ одобреніи и поощреніяхъ со стороны еще болѣе ослѣпленнаго и потерявшаго пути свои петербургскаго центра, неожиданно оказалась союзницей хитрѣйшаго и злѣйшаго изъ внѣшнихъ враговъ своихъ противъ, недавно еще наиболѣе спокойной, полезной и даже едва-ли не наиболѣе консервативной, національной группы окраиннаго населенія.

Я прожилъ слишкомъ два года безвыѣздно заграницей, преимущественно въ Парижѣ, и, за этотъ срокъ, много вращался въ обществѣ русскихъ армянъ, эмигрантовъ вольныхъ и невольныхъ. Они пользуются большимъ сочувствіемъ въ Европѣ. Впечатлѣніе отъ закавказскихъ безобразій здѣсь глубокое, страшное; негодованіе всеобщее; отношеніе къ хаотическимъ метаніямъ русской политики по

армянскому плато,—если только можно назвать этотъ кровавый сумбуръ «политикою»!—самое гнѣвное и презрительное. Достаточно сказать, что защитниками угнетеннаго армянства въ Парижѣ являются такіе люди и ораторы, какъ Жанъ Жоресъ, Камиллъ Пельтанъ, Франсисъ Прессансе, Анатоль Франсъ, чтобы вообразить всю бурю паѳоса, которымъ проклинаетъ русскія насилія ихъ краснорѣчивая трибуна. Нечего и говорить, что комплиментовъ и ласки своему національному самолюбію русскій человѣкъ, знакомясь съ армянскими эмигрантами, ожидать не можетъ и не долженъ: не за что. Но я много разъ бывалъ пораженъ тою политическою сдержанностью, съ какою они воспринимали безобразныя впечатлѣнія закавказскихъ безумствъ, тѣмъ опытнымъ и труднымъ благоразуміемъ, съ которымъ они подчиняли естественные порывы національной скорби дальновиднымъ соображеніямъ будущаго. Изумляло меня и то обстоятельство, что въ такое мрачное и хаотичное время, когда русскіе мѣстные эксцессы, съ одной стороны, русскія политическія ошибки, съ другой, русскія военныя несчастія, съ третьей, русскія внутреннія волненія, съ четвертой, одинаково соблазняютъ, казалось бы, революціонно настроенную массу возвѣщать полное крушеніе Россіи, расчлененіе ея государственнаго единства и обособленіе исторически захваченныхъ ею народовъ,—армянская эмиграція, за малыми исключеніями, совсѣмъ не увлекалась подобными перспективами. Мстительное злорадство вспыхивало мгновеніями, какъ справедливая дань оскорбленному національному инстинкту. Національный же разумъ, наперекоръ разнузданно бушующимъ стихіямъ, неустанно твердитъ и напоминаетъ армянамъ одно и то же: связь ихъ съ Россіей не случайная, но органическая; она скована исторіей, какъ страховка армянскаго народа отъ истребленія мусульманскимъ наплывомъ, разрывать ее нельзя—это національное самоубійство; нестерпимыя мученія, созданныя для армянской народности обруситель-

нымъ управленіемъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій и, въ свою очередь, отвѣтно создавшія современное революціонное движеніе,—временное зло, въ которомъ Россія, какъ совокупность воли и дѣйствія русскаго народа, неповинна; несправедливо, чтобы огромное цѣлое отвѣчало за свою ничтожную, хотя бы случайно и властную, часть. Вихрь революціи, волнующій Россію, созидаетъ въ ней новый порядокъ, съ новыми устоями и путями государственной жизни, при которыхъ старымъ окраиннымъ зламъ быть нельзя и не должно. Армянскій народъ полонъ разумныхъ терпѣній и выжиданій. Истинно виновныхъ въ своихъ закавказскихъ бѣдахъ армяне знаютъ очень хорошо и въ адресахъ ненависти своей и гнѣва народнаго не ошибаются. Но на русскихъ, вообще, на совокупность Россіи, какъ назрѣвающаго государственнаго союза,—озлобленіе, справедливо направляемое по ненавистнымъ адресамъ, отнюдь не распространяется. Напротивъ: дай Богъ, чтобы во всякомъ, государственно связанномъ съ Россіей племени, жило такое твердое сознаніе необходимости въ національной взаимоподдержкѣ въ твердомъ и равномъ народномъ союзѣ русскихъ и армянъ, какъ встрѣтилъ я въ парижскихъ эмигрантскихъ кругахъ. Они очень живы, дѣятельны и интересны, круги эти. Работа ихъ, поставленная на международную почву, не имѣетъ ничего тайнаго ни въ цѣляхъ, ни въ средствахъ: это—систематическая, открытая борьба съ Оттоманскою имперіей, при помощи европейскаго общественнаго мнѣнія. Если жестокій хаосъ нашего Закавказья продолжится, если, взятая на прокатъ изъ Турціи, кровавая система стравливанія окраинныхъ народностей восторжествуетъ, если Россія будетъ имѣть несчастье наградить Кавказъ какимъ-нибудь новымъ Голицынымъ съ соотвѣтственными инструкціями и полномочіями, то, разумѣется, разрушительная работа армянской національности, поддержанная морально сочувствіемъ всѣхъ народовъ Европы,—а рано или поздно какой-либо изъ

могучихъ народовъ этихъ, конечно, найдетъ для себя пользу и выгоду перевести моральное сочувствіе въ матеріальную поддержку!—такъ, вотъ я говорю: разлагающая энергія армянской революціи тогда детально обречена переплыть Араксъ и утвердиться на Курѣ. Зима 1905 года показала намъ, по этой части, цвѣточки,—правда, быстро и безпощадно скошенные казацкими шашками, но кровь не заливаетъ національныхъ пожаровъ, и, гдѣ были цвѣты, тамъ будутъ ягоды, и собирать ихъ—уже не то, что цвѣты косить. И въ томъ безрадостномъ обстоятельствѣ, что грозно растутъ изъ пропитанной кровью почвы армянскаго плоскогорья мучительные цвѣты краснаго страданія и алыя ягоды зрѣлой мести, русскому правительству некого винить, кромѣ себя самого. Всякому терпѣнію бываетъ конецъ, и кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю! Но, какъ въ субъективномъ своемъ представительствѣ, такъ и въ объективныхъ цѣляхъ, та дѣятельность армянской эмиграціи, которая выражается словами «pro Armenia» и группируется вокругъ журнала, носящаго то же самое имя, до сихъ поръ не была принципіально противо-русскою и употребляла всѣ старанія, чтобы поддержать и укрѣпить за собою русскія связи и симпатіи.

Острое напряженіе армянскаго вопроса въ наши тягостные дни и глубокое негодованіе, вызываемое слухами, письмами, газетными вѣстями съ Кавказа, побудили меня написать нѣсколько статей о томъ, что и какъ сдѣлало, дѣлаетъ и намѣрено сдѣлать европейское общество для устройства этого несчастнѣйшаго народа въ какое-либо подобіе политическаго порядка, способное охранять человѣческія личность и благосостояніе.

Пользуюсь случаемъ выразить глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ, снабжавшимъ меня матеріалами къ политическому изученію армянскаго мартиролога и, въ томъ числѣ, прежде всѣхъ—dr. И. З. Лорисъ-Меликову, неутомимому труженику «pro Armenia», освѣтившему для

меня многія темныя мѣста вопроса, съ пламенною искренностью пылкаго патріота и съ изящнымъ безпристрастіемъ истиннаго европейца.

Армянскій вопросъ былъ поставленъ предъ Европою оффиціально лишь послѣ русско-турецкой войны,—силою Берлинскаго трактата, обѣщавшаго параграфомъ 62 турецкимъ армянамъ нѣкоторыя элементарныя реформы. При всей скудости этихъ посуловъ, засвидѣтельствованныхъ поручительствомъ шести европейскихъ державъ, ожиданіе реформъ какъ бы воскресило изстрадавшійся подъ турецкимъ игомъ армянскій народъ и внушило ему надежды на лучшее и скорое будущее. Но... мало въ исторіи человѣчества разочарованій, болѣе обидныхъ, жестокихъ и унизительныхъ, чѣмъ выпали на долю армянскихъ надеждъ! Вмѣсто маленькихъ благъ отъ почти небрежно брошенной 62-й статьи Берлинскаго трактата, она родила армянскому народу неожиданныя бѣдствія, едва-ли не превзошедшія несчастья прошлыхъ вѣковъ, когда онъ изнемогалъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ напоромъ за право своего существованія. Я не имѣю въ виду разсказывать ab ovo исторію армянъ: вѣдь ее пришлось бы начать отъ вѣковъ ассиро-вавилонскихъ! Напомню лишь, что армяне—древнѣйшій народъ христіанской культуры и, съ основаніемъ въ Азіи мусульманскихъ государствъ, они—естественный форпостъ и буферъ противъ натиска на культуру эту мусульманскаго фанатизма. Проводя столѣтія на тяжеломъ военномъ положеніи, жертва разнообразнѣйшихъ національныхъ и религіозныхъ гоненій, армянскій народъ, естественно, долженъ былъ развить широкую эмиграцію въ разныя страны Европы и Азіи. Коренное населеніе Арменіи—мирное, земледѣльческое, по преимуществу, склонное къ ремесламъ, способное къ торговлѣ. Многовѣковая борьба съ мусульманскимъ фанатизмомъ закалила его въ большую нравственную силу; его религіозная и національная стойкость омыта рѣками крови. Отдѣлившись отъ вселенскаго собора,

армяно-григоріанское исповѣданіе, изолированное отъ византійскаго и латинскаго христіанства, заключило тѣсный союзъ съ націей и стало какъ-бы ея историческимъ символомъ. Христіанство въ Арменіи, окруженной бушующимъ мусульманскимъ океаномъ, въ теченіе многихъ столѣтій было знаменемъ цивилизаціи, маякомъ прогресса. Поэтому, когда народъ армянскій пришелъ въ соприкосновеніе съ московскимъ христіанскимъ царствомъ (XVII в.), то прилковался къ нему, какъ къ родному, всѣми своими симпатіями. Въ теченіе трехсотъ лѣтъ армянскій народъ былъ неизмѣннымъ проводникомъ и помощникомъ русскаго вліянія на Кавказѣ. Русскіе цари очень хорошо понимали пользу этого нравственнаго союза и многократно старались поддержать и закрѣпить его узы знаками своей признательности. Русскую культуру армяне принимали съ полною готовностью. Дѣти въ армянскихъ семьяхъ съ пеленокъ обучались русскому языку, армянинъ считалъ священнымъ долгомъ своимъ дружить съ русскимъ обществомъ, щеголялъ умѣньемъ жить по-русски, знаніемъ русскихъ обычаевъ и нравовъ, русскимъ самоваромъ и русскою рѣчью.

Турецкіе армяне смотрѣли на армянъ русскаго Закавказья съ завистью и объ одномъ мечтали—очутиться въ тѣхъ же условіяхъ. Въ послѣднюю русско-турецкую войну армянское населеніе, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣчало русскія войска крестными ходами. Русская армія шла къ своимъ мало-азіатскимъ побѣдамъ страною негласнаго наступательнаго союза. Интеллигенція армянская не выдѣляла себя изъ русской и, какъ часть въ цѣломъ, шла за всѣми ея теченіями, нарождая и передовыхъ людей, и ретроградовъ,—свободомыслящихъ и клерикаловъ,—революціонеровъ и чиновниковъ,—людей мира и генераловъ—конституціоналистовъ и самодержавныхъ бюрократовъ, до министровъ, какъ Деляновъ, и диктатора, какъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, включительно. Армянская литература вела свою культурно-образовательную работу почти исключительно

средствами русской легальной литературы, либо переводя русскихъ классиковъ, либо передѣлывая ихъ творенія въ формы, приспособленныя къ условіямъ мѣстнаго быта. Я категорически утверждаю, не боясь опроверженій, что до девяностыхъ годовъ въ теченіи общественной армянской жизни на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ ручьяхъ ея не было и слѣда сепаратистскихъ тенденцій, и армянское общество не отдѣляло своей судьбы отъ Россіи и русскаго народа. Больше того: даже въ Турціи, несмотря на страшныя притѣсненія, народъ армянскій предпочиталъ тогда условнымъ и воздушнымъ мечтамъ о какомъ-либо своемъ независимомъ царствѣ надежду, опредѣленный параграфъ Берлинскаго трактата. Впослѣдствіи, когда международные посулы распались прахомъ, возникли національныя группы и организаціи, прославленныя сепаратистскими, но, въ дѣйствительности, тоже стремившіяся лишь получить обѣщанныя реформы. Такова была даже и партія журнала «Хнчакъ» («Колоколъ»), издаваемаго въ Женевѣ, подъ вліяніемъ русской эмиграціи и съ соціалистическою окраскою. На почвѣ русскихъ же вліяній создалась революціонная организація армянской федераціи, вызванная къ жизни инціативою бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ. Здѣсь были богами Тургеневъ, Достоевскій и, въ особенности, Михайловскій. Такимъ образомъ, даже въ своей «революціи» армяне не сходили съ устоевъ русской культуры и проводили ея ученія, какъ идеалы, въ свой собственный бытъ. Эта федеративная организація даже и не включила въ свою программу службы соціалистическимъ ученіямъ. Всецѣло обращенная на пользу турецкихъ армянъ, она проявляла свою дѣятельность исключительно въ матеріальной и нравственной помощи нуждающимся соотечественникамъ. Политическія требованія партіи отличались такою умѣренностью, что 3-го ноября 1896 года, при запросѣ во французскомъ парламентѣ по армянскимъ дѣламъ, депу-

татъ D. Cochin (Кошенъ), консерваторъ и католикъ, счелъ возможнымъ прочитать дословно всю программу этихъ революціонеровъ, и палата единогласно признала ее удовлетворительною. Армянамъ русскимъ ставились въ вину ихъ отлучки за турецкую границу для вооруженной помощи гибнущимъ братьямъ. Преслѣдователи этого патріотическаго порыва забывали сербскую войну, русскихъ добровольцевъ и Черняева.

Въ настоящее время обстоятельства рѣзко измѣнились. Между Россіей и возмущеннымъ армянскимъ обществомъ вырыта широкая и глубокая яма. Работала надъ созданіемъ пропасти этой рука искусная, почти геніальная. Разрывъ Россіи и армянства—единовременно, месть за пораженіе Турціи силою оружія въ войнѣ, когда, освобождая славянъ, русскіе остановились у стѣнъ Константинополя, и результатъ дипломатическаго пораженія Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Главнымъ организаторомъ распри всюду былъ и остается—умный, честолюбивый, очаровательный для окружающихъ—султанъ Абдулъ-Гамидъ: типическій восточный деспотъ, со всѣми талантами и пороками Среднихъ вѣковъ; человѣкъ, котораго Гладстонъ называлъ «Великій убійца». Только исторіи будущаго и, можетъ быть, не близкаго—удастся разобраться въ хитросплетеніяхъ сѣтей, которыми этотъ царственный Макіавелли, омытый кровью съ головы до ногъ, умѣлъ провести и до сихъ поръ водитъ за носъ всѣ европейскіе кабинеты, строя свое благополучіе на ихъ взаимобоязни и раздорахъ. Разумѣется, какіе бы ни писались трактаты и параграфы, султанъ не могъ допустить автономическихъ движеній среди своихъ христіанскихъ подданныхъ: это было бы сигналомъ къ распаденію и къ личной гибели Абдула-Гамида. Въ особенности же пугало и смущало его паденіе самодержавнаго султанскаго авторитета въ Малой Азіи,—въ этомъ, заселенномъ армянами, какъ выражается самъ Абдулъ-Гамидъ, «туловищѣ имперіи». При

помощи Англіи, исторической соперницы Россіи на востокѣ, Абдулъ-Гамидъ разбилъ русскихъ въ дипломатической кампаніи Берлинскаго конгресса и, хотя потерялъ Болгарію и нѣсколько мало-азіатскихъ округовъ, успѣшно отдѣлался отъ опаснѣйшихъ для себя требованій Европы голыми обѣщаніями реформъ въ Арменіи и Македоніи. Въ дополненіе несчастій той и другой страны, проведеніе реформъ было поставлено подъ общій контроль европейскихъ державъ, что̀ отняло у нихъ всякую побудительную силу и превратило освободительные параграфы Берлинскаго трактата въ мертвую букву, которою султанъ играетъ, какъ хочетъ. Бакшишами въ видѣ концессій, подарковъ, дипломатическихъ уступокъ, онъ всегда умѣетъ купить себѣ расположеніе какой-либо державы, и та, закупленная, соглашается съ нимъ:

— Мы не возбудимъ вопроса о реформахъ, будемъ молчать и поддерживать statu quo, но—ужъ, пожалуйста, чтобы у васъ было, хоть на видъ-то, все спокойно!

Султанъ неизмѣнно обѣщаетъ и неизмѣнно обманываетъ даже и въ этомъ! Да и не можетъ быть иначе. Между его коварными обѣщаніями и спокойствіемъ христіанскихъ подданныхъ стоитъ лютымъ врагомъ, прежде всего, его личная манія величія, чтобы питать которую, онъ нуждается въ деньгахъ и набиваетъ ими свои сундуки, выжимая податями и налогами послѣдніе соки своей райи. Султану подражаютъ его вѣрные слуги, отъ великихъ до малыхъ, и такимъ образомъ создается режимъ совершенно не выносимаго деспотизма и организованнаго, безконтрольнаго грабежа. Абдулъ-Гамидъ человѣкъ зоркій. Онъ угадалъ опасность въ теченіяхъ панславизма и пангерманизма и своевременно противопоставилъ имъ, въ качествѣ халифа правовѣрныхъ, проповѣдь панисламистскую. Эмиссары панисламизма переполнили Кавказъ, и кровавые результаты ихъ фантастической и ловкой пропаганды не замедлили ужаснуть въ Европѣ всѣхъ,

что способенъ мыслить и чувствовать. Но коса нашла на камень. Султанъ и покровительствующія ему державы забыли, что армяне—не какое-нибудь дикое африканское племя, существующее или истребляемое по волѣ европейцевъ, что этотъ народъ богатъ историческими традиціями и національнымъ самосознаніемъ. Армяне не позволили предать забвенію обѣщанныя реформы. Они неустанно напоминали о себѣ печатнымъ словомъ, манифестаціями, добровольческимъ движеніемъ на помощь мало-азіатской инсуррекціи. Совмѣстное дѣйствіе этихъ двухъ причинъ—варварски провокаторскаго режима и революціоннаго ему противодѣйствія—привело къ мѣрѣ «спокойствія», по ужасу своему врядъ-ли имѣющей равную въ исторіи человѣчества. Въ 1894—96 гг. султанъ, вмѣсто всякихъ реформъ, рѣшилъ просто вырѣзать армянъ и, такимъ образомъ, погасить надоѣдливый 62 параграфъ Берлинскаго трактата неимѣніемъ тѣхъ, кому онъ покровительствуетъ. Избіеніе было благословлено европейскими друзьями султана. Massacrez, Majestè, massacrez!—Этотъ легендарный совѣтъ представителя Россіи, посла А. И. Нелидова, если даже не раздался вслухъ, то рѣялъ въ воздухѣ Ильдизъ-Кіоска и, вдохновивъ Исламъ, стоилъ жизни 300.000 армянъ. Извѣстно, что политика большихъ и малыхъ армянскихъ избіеній успѣшно практикуется султаномъ и по сію пору.

Отношеніе Россіи къ этимъ бойнямъ приходится, съ сожалѣніемъ и стыдомъ, характеризовать однимъ словомъ: попустительство. Испытавъ пресловутую «неблагодарность» освобожденной Болгаріи, Россія отказалась отъ своего амплуа спасительницы христіанскихъ народовъ на Ближнемъ Востокѣ и повернула на иной путь. Съ разочарованіями внѣшней политики совпала внутренняя реакція восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, съ воинствующею программою, въ которой самодержавіе понималось, какъ синонимъ православія и руссизма, а руссизмъ пред-

лагался въ вѣнецъ зданія будущаго панславизма. Политика уравнительнаго обрусѣнія проникла на Кавказъ въ цѣломъ рядѣ систематически организованныхъ репрессій, направленныхъ противъ армянъ съ грубымъ, настойчиво вызывающимъ насиліемъ. Мѣстная администрація подливала масло въ огонь и, замѣчая, что Петербургу угодно существованіе армянской крамолы, возбуждала правительство противъ армянъ частыми и раздутыми данными. Особенно плачевную роль взялъ на себя въ этой трагедіи главноначальствующій Голицынъ, окруженный оффиціозными провокаторами, въ родѣ покойнаго Величко. Онъ систематически велъ Кавказъ къ лютой пламенной враждѣ между мѣстными народностями. Сперва велась пропаганда въ печати и черезъ подчеркнутое внѣшнее правительственное предпочтеніе, чтобы натравить на армянство грузинъ. Это не прошло. Въ концѣ 90-хъ годовъ, въ Елизаветополѣ былъ обнаруженъ мусульманскій заговоръ, найдены прокламаціи Абдулъ-Гамида, и панисламистское движеніе перестало быть тайною для Голицына. Чѣмъ бы понять всю угрозу этого открытія, кавказскій сановникъ только обрадовался ему, узрѣвъ въ панисламистахъ будущее оружіе противъ армянъ. И оно пошло въ ходъ.

Режиссировалъ русско-армянскою трагедіей, по обыкновенію, султанъ Абдулъ-Гамидъ. Одною рукою онъ направлялъ на Кавказъ фанатичныхъ агентовъ Ислама, другою писалъ лукавые ноты-доносы, пугавшіе русскую дипломатію, тѣмъ болѣе, что Абдулъ-Гамиду было очень легко фабриковать привычною ему провокаціей маленькіе, какъ-бы оправдательные факты. Громадное значеніе въ ухудшеніи русско-армянскихъ отношеній имѣлъ и переносъ центра внѣшней русской политики на Дальній Востокъ. Россія позабыла историческое значеніе культурнаго армянскаго аванпоста и рѣшила, что армяне на Ближнемъ Востокѣ ей болѣе не нужны, и выбросила за

бортъ своего государственнаго корабля. На репрессіи вызывающей русской политики армяне долгое время отвѣчали покорнымъ молчаніемъ. Чашу терпѣнія переполнила конфискація церковныхъ имуществъ: Петербургъ нанесъ ударъ національному символу армянства—церкви—и тѣмъ ясно показалъ, что, какъ съ народностью, онъ съ армянами считаться и церемониться не намѣренъ. И весь армянскій народъ вспыхнулъ дружнымъ, общимъ, невольнымъ и естественнымъ негодованіемъ. Оно кипитъ, горитъ, и силою угасить его нельзя.

Девизомъ русской политики по отношенію къ Арменіи стала фраза Лобанова-Ростовскаго: «Мы не желаемъ второй Болгаріи», что̀, какъ нельзя болѣе, оказалось на руку султану Абдулъ-Гамиду, который исповѣдуетъ, въ свою очередь, «Арменію безъ армянъ». Русская дипломатія развязала ему руки для политики огня и меча. Извѣстно, съ какою строгостью относилась кавказская администрація къ переходу границы русскими армянами-добровольцами. Казацкіе пикеты разстрѣливали ихъ на границѣ, какъ собакъ, безъ суда и слѣдствія. Въ знаменитыя константинопольскія ночи 1896 года послы европейскихъ державъ ждали иниціативы къ вмѣшательству со стороны русскаго посла, какъ естественнаго и традиціоннаго защитника христіанскихъ интересовъ подъ турецкимъ игомъ. А г. Нелидовъ молчалъ и враждебно бездѣйствовалъ, если,—какъ до сихъ поръ сохранилось убѣжденіе у дипломатовъ-очевидцевъ,—не подстрекалъ. Печальнѣе всего, что къ подобнымъ подвигамъ русской политической бюрократіи болѣе, чѣмъ равнодушно, относилось въ то время и русское общество. Оффиціальная и оффиціозная пресса неутомимо травила армянъ, какъ неукротимыхъ сепаратистовъ и измѣнниковъ Россіи. «Новое Время» печатало фантастическіе фельетоны объ армянскомъ царствѣ до Ростова-на-Дону и корреспонденціи Русскаго Странника (покойный Е. Л. Кочетовъ),

отрицавшія ужасы константинопольской расправы и оправдывавшія турокъ «съ государственной точки зрѣнія». Даже въ либеральномъ русскомъ лагерѣ армянамъ не везло. Михайловскій въ это время преподнесъ армянскому патріоту Пр-скому жестокую фразу, что онъ знаетъ армянъ лишь, какъ торгашей, а Левъ Толстой отказалъ Джаншіеву участвовать въ его благотворительномъ сборникѣ въ пользу страдальцевъ Сассуна и другихъ разгромленныхъ урочищъ Малой Азіи. При такихъ условіяхъ, неудивительно, что взоры и симпатіи армянъ, отшатнувшись отъ Россіи, обратились на Западъ, къ Англіи. Вѣдь она провела реформы на Берлинскомъ конгрессѣ! Вѣдь изъ Англіи гремѣли могучіе протесты Гладстона! Извѣстно, что Англія, подъ впечатлѣніемъ армянскихъ боенъ, готова была настаивать на немедленныхъ реформахъ, при согласіи и поддержкѣ Италіи. Но эта дипломатическая кампанія была сорвана Франціей въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Ганото, который нашелъ почву армянскаго вопроса слишкомъ опасною для франко-русскаго союза. Огромною ошибкою русской дипломатіи было не допустить охраны малоазіатскихъ христіанъ постояннымъ присутствіемъ военныхъ судовъ отъ европейскихъ державъ,—международныхъ станціонеровъ. Такимъ образомъ, выходило, что Россія дѣлаетъ все для султана и ничего для армянъ: больше того, она будто въ союзѣ съ султаномъ противъ армянства! Впечатлѣнія понятны. Выросло обожаніе Англіи. Летѣли восторженные адреса признательности Гладстону. А русская пресса, покорствуя внушеніямъ азіатскаго департамента, вопила про англійскую интригу и про измѣну армянъ.

Противоармянская политика Россіи не оправдывалась даже какими-либо практическими выгодами національнаго эгоизма. Она была сплошь вредна самой Россіи, уничтоживъ ея нравственный престижъ въ Ма-

лой Азіи въ то самое время, какъ на сцену Ближняго Востока вышелъ новый актеръ, съ важною, если не рѣшительною, ролью. То былъ Вильгельмъ II, императоръ германскій, въ чьей нѣжной дружбѣ султанъ Абдулъ-Гамидъ нашелъ защиту отъ равно опасныхъ ему Россіи и Англіи. Заручившись многочисленными концессіями, оцѣпивъ Турцію своими агентами и миссіонерами, Вильгельмъ тоже нашелъ у себя двѣ руки, изъ которыхъ правой незачѣмъ знать, что дѣлаетъ лѣвая. Представитель германскаго посольства оффиціально протестуетъ передъ Портою противъ избіенія армянъ, но въ карманѣ мундира у султана лежитъ собственноручное письмо Вильгельма II—carte blanche царственному другу: султанствуй, какъ тебѣ угодно,—на то ты и тѣнь Аллаха на землѣ. Двуличность Вильгельма II извѣстна. Никто злѣе его не высмѣивалъ Абдулъ-Гамида въ интимномъ кругу, что̀ и понятно, такъ какъ императоръ слишкомъ хорошо знаетъ частный бытъ своего пріятеля. Но прочное дѣло—дружба, построенная на коммерческомъ разсчетѣ! «Несвоевременно!»—вотъ лаконическій отвѣтъ Вильгельма на всѣ вопли армянскаго вопроса. Въ 1902 году, лѣтомъ, въ Берлинѣ, такъ именно и сказалъ г. Лорисъ-Меликову одинъ профессоръ, слывущій личнымъ другомъ императора:

— Несвоевременно. Мы знаемъ армянъ, цѣнимъ ихъ, но еще не время переносить армянскій вопросъ на политическую почву.

Что касается общественнаго мнѣнія, то, вѣдь, въ Германіи вопросы внѣшней политики—почти внѣ его сферы. Общественному мнѣнію Германіи еще слишкомъ много дѣла въ области внутренняго конституціоннаго развитія и политической самозащиты. Внѣшняя политика—дѣло императора. Есть и еще одно досадное препятствіе, вооружающее общественное мнѣніе Германіи противъ армянскаго вопроса. Это политическая сплетня,

будто весь армянскій вопросъ есть не болѣе, какъ русская интрига, а армяне—русскіе агенты. Эту дикую формулу, провозглашенную Либкнехтомъ, враги армянъ старались распространять не только въ Германіи, но и въ Англіи, даже во Франціи. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ слояхъ германскаго общества, а, въ особенности, въ университетскихъ кругахъ и въ передовыхъ политическихъ партіяхъ имѣются искренніе друзья армянъ. Таковы: профессоръ фонъ-Баръ, делегатъ Гаагской конференціи, В. Форстеръ, директоръ берлинской обсерваторіи, соціалистъ-ревизіонистъ Бернштейнъ; армянофиломъ былъ и покойный историкъ Моммзенъ. Зерно германскаго контингента друзей Арменіи—въ кругу миссіонеровъ и лицъ, причастныхъ къ протестантскому миссіонерству на востокѣ. Во главѣ ихъ стоятъ извѣстные dr. Ленціусъ и Рорбахъ. Но эта группа—по дѣятельности—религіозно-филантропическая, и крайне боязлива въ политической практикѣ, опасаясь компрометтировать свои просвѣтительныя учрежденія на Востокѣ. То же самое надо сказать объ однородныхъ группахъ Даніи, Голландіи, Бельгіи, Соединенныхъ Штатовъ и Франціи. Въ Англіи было нѣсколько иначе. Начатое также на религіозно-филантропической почвѣ, движеніе въ пользу армянъ приняло очень широкіе размѣры и покорило себѣ общественное мнѣніе. Подъ вліяніемъ громовыхъ рѣчей Гладстона, правительство было вынуждено внять голосу общественной совѣсти. На этотъ разъ Англія проектировала вмѣшательство вполнѣ безкорыстно, хотя русская оффиціозная печать и утверждала противное. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что планъ англійскихъ государственныхъ людей былъ—поручить выполненіе реформъ Россіи. Брошюра герцога Аргайльскаго отъ 1896 года прямо заявляетъ, что въ армянскомъ вопросѣ Англія должна предпочесть настоящему положенію дѣлъ даже протекторатъ Россіи, да и теперь повторяютъ,

еще англійскіе либералы, вѣрные традиціямъ Гладстона, что разрѣшить армянскій вопросъ—дѣло Россіи. Но, какъ уже сказано, этотъ порывъ человѣколюбивой политики разбился о категорическій отказъ Россіи, поддержанный Ганото. Англія осталась вдвоемъ съ слишкомъ слабою Италіей. Султанъ еще разъ взялъ вверхъ надъ Европою въ политической игрѣ, и гибель 300.000 ни за что, ни про что истребленныхъ армянъ осталась безъ возмездія!

Политическое пораженіе Англіи въ армянскомъ вопросѣ было для армянъ тѣмъ большимъ несчастьемъ, что съ тѣхъ поръ и англійское правительство, открывъ свое безсиліе помочь дѣлу, приглушило армянофильскія теченія, чтобы не внушить тревожной, ожидающей націи несбыточныхъ надеждъ, невозможность осуществить которыя слишкомъ обидно и опасно компрометтировала бы своею наглядностью многолѣтнее обаяніе британскаго престижа. Къ тому же подоспѣла Трансваальская война, поглотившая все вниманіе англійскаго народа. Немногочисленные друзья Арменіи, сохранившіе вѣрность ея дѣлу, члены бывшаго активнаго комитета и гладстоновцы, потеряли всякую надежду когда-либо упорядочить вопросъ. Даже такіе твердые армянофилы, какъ Бонтингъ, редакторъ «Contemporary Review», признаются теперь, что въ 1902—1903 годахъ они были готовы держать какое угодно пари, что армянскому вопросу никогда уже не всплыть на верхъ въ Англіи.

Если злополучный вопросъ не потонулъ дѣйствительно, за то надо благодарить Францію, гдѣ, вопреки стараніямъ заинтересованной дипломатіи погасить вопросъ о массовыхъ убійствахъ «Краснаго султана», ужасы Арменіи нашли дружное эхо на обоихъ флангахъ оппозиціи: у католиковъ, въ лицѣ Д. Кошена, графа де-Менъ и, въ особенности, отца Charmetan'а, издавшаго знаменитый свой мартирологъ армянскаго народа, и у со-

ціалистовъ, съ Жоресомъ и Прессансе во главѣ. Незабвенна могучая рѣчь Жана Жореса, при запросѣ въ палатѣ, когда знаменитый ораторъ, язвительно бичуя политику русско-французскаго союза, тяжко обрушился на пресловутую формулу, навязанную русской политикѣ въ Малой Азіи княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

— Я не хочу, чтобы Арменія стала новою Болгаріей и чтобы русскіе армяне воспользовались противъ насъ учрежденіями, которыя создадутся реформами въ Арменіи турецкой.

На пути армянскаго вопроса во Франціи тоже нашелся свой камень преткновенія: дѣло Дрейфуса. Однако люди, однажды взявшіеся за армянскій вопросъ, держались за него крѣпко. Въ 1900 году наиболѣе передовые и видные писатели Франціи—Анатоль Франсъ, Жанъ Жоресъ, Клемансо и Прессансе—основали журналъ «Pro Armenia». Фактическимъ редакторомъ сталъ П. Кіаръ, поэтъ и литераторъ, бывшій очевидцемъ избіеній въ Константинополѣ. Журналъ быстро завоевалъ себѣ популярность и широкое распространеніе не въ одной Франціи, но и во всей Европѣ. Онъ—источникъ наилучшихъ и внѣпартійныхъ свѣдѣній по армянскимъ дѣламъ. Его работа, съ уваженіемъ принятая къ руководству въ армянскомъ вопросѣ наиболѣе почтенными органами передовой печати во всѣхъ государствахъ Европы, какъ-бы воскресила армянофильскія симпатіи и манифестаціи. Въ 1902 г. былъ устроенъ въ Брюсселѣ армянофильскій конгрессъ съ представителями отъ Франціи, Бельгіи, Даніи и т. д. Съѣздъ оказался не особенно многолюднымъ, но на его резолюціи горячо отозвались и присоединились къ нимъ самые выдающіеся люди современной цивилизаціи. Съ того времени армянскій вопросъ во Франціи растетъ не по днямъ, а по часамъ, во всѣхъ политическихъ слояхъ и партіяхъ, неизмѣнно выплывая на всѣхъ международныхъ конгрессахъ, соприкосновен-

ныхъ съ дѣломъ тѣхъ или иныхъ угнетенныхъ народностей. Чтобы объединить эти разбросанныя искры въ общее пламя, организованъ былъ грандіозный митингъ въ театрѣ Chateau d'Eau—событіе необычайной важности не только для самыхъ армянъ, но и для Франціи: чуть ли не въ первый разъ видѣла она, что успѣли столковаться къ совмѣстному дѣйствію, мирно сошлись и говорятъ за-одно, въ общемъ стройномъ протестѣ, представители самыхъ разнообразныхъ и обыкновенно враждебныхъ между собою партій. Въ протестѣ противъ турецкаго режима слились консерваторы-католики, какъ Д. Кошенъ и Поль Лероль, съ соціалистами, какъ Жоресъ, Прессансе, націоналисты, какъ Мильвуа, съ оппортюнистами и радикалами, какъ Анатоль Леруа-Больё или Дестурнель де Констанъ, бывшій делегатъ Гаагской конференціи, пылкій проповѣдникъ политики мира, который и былъ выбранъ предсѣдателемъ митинга.

Громкій всепартійный протестъ этотъ вызвалъ волну сочувственныхъ манифестацій во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра и ярче всего отозвался въ Италіи съ шумными демонстраціями въ Миланѣ, Генуѣ, Римѣ и другихъ большихъ городахъ. Единственнымъ лозунгомъ всѣхъ этихъ сборищъ былъ 62 параграфъ Берлинскаго трактата и требованіе реформъ.

Оживленію армянскаго дѣла значительно содѣйствовали обостреніе смежнаго съ нимъ македонскаго вопроса въ 1903 году и новые ужасы тамошнихъ турецкихъ репрессій. Въ концѣ XIX вѣка, подъ вліяніемъ идей, выраженныхъ Гаагскою конференціей, и роста демократіи въ западно-европейскихъ державахъ, дипломатія попробовала, какъ будто, воспріять новыя мирныя и гуманитарныя теченія. Въ противовѣсъ реакціоннымъ союзамъ вооруженнаго мира, преслѣдующимъ цѣли завоеванія и порабощенія, начали слагаться національныя группы, устремленныя къ политикѣ мира и взаимныхъ соглашеній.

Такимъ явился новый тройственный союзъ Франціи, Англіи и Италіи, этотъ предполагаемый щитъ Европы противъ агрессивныхъ покушеній сѣверныхъ державъ. На армянскомъ вопросѣ новое дипломатическое движеніе отозвалось созваніемъ конференціи и организаціей франко-англо-итальянскаго митинга осенью 1903 года въ Парижѣ съ грандіозною манифестаціей pro Armenia въ театрѣ Сары Бернаръ. Множество французскихъ лицъ и обществъ примкнули къ освободительнымъ резолюціямъ митинга, а Италія, какъ всегда, кипѣла по городамъ своими частными митингами солидарности. Въ іюнѣ 1904 года митингъ по той же международной иниціативѣ былъ повторенъ въ Лондонѣ, и опять-таки на ораторскихъ трибунахъ явились одинаково и либералы, и консерваторы Англіи, объединенные равнымъ сочувствіемъ къ угнетенному народу и негодованіемъ къ его врагамъ.

Такъ поставленъ армянскій вопросъ въ общественномъ мнѣніи трехъ великихъ западныхъ державъ. Теперь каковы его шансы у правительствъ въ тѣхъ же державахъ? На кого онъ могъ бы разсчитывать для фактическаго давленія на злую силу, угнетающую армянъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дѣлѣ коллективнаго вмѣшательства свободолюбивая демократическая Италія не останется позади другихъ державъ, но она слишкомъ слаба для иниціативы вмѣшательства. Англія, однажды обжогшись на этой иниціативѣ, твердо рѣшила не рисковать болѣе ни своимъ государственнымъ авторитетомъ, ни національнымъ самолюбіемъ. Остается надежда на Францію—тѣмъ болѣе, что со стороны Англіи имѣются многократныя обѣщанія поддержать предложенія, если Франція приметъ на себя починъ. Но Франція молчитъ; молчала она при Ганото, плясавшемъ въ своей внѣшней политикѣ по дудкѣ петербургскаго министра иностранныхъ дѣлъ; молчала и при Делькассе, который во всемъ старался вести себя вразрѣзъ злѣйшему врагу своему—Ганото, да, кромѣ того, почитался

и самъ рекомендовался отъявленнымъ армянофиломъ; молчитъ теперь. Разгадка молчанія—ни для кого въ Европѣ не тайна — въ систематической антипатіи къ армянамъ со стороны русскаго правительства, которое упорно зажимаетъ своей республиканской союзницѣ ротъ упрямыми напоминаніями, что всякое европейское вмѣшательство въ армянскій вопросъ Петербургъ приметъ какъ casus belli. Воля Франціи спасти гибнувшую націю всегда разбивалась о противодѣйствіе русской дипломатіи. Ея извѣстная система, еще Меттернихомъ завѣщанная нашимъ Нессельроде, Горчаковымъ, Гирсамъ и преемникамъ, никогда не считаться съ народностями, но только съ территоріями. Въ Малой Азіи эта дипломатія всегда видѣла лакомую и чуть не фатально обреченную территорію будущаго расширенія русской границы, будущую губернію, и ей кажется, что армяне для этихъ цѣлей стѣснительны и неудобны. Она жертвуетъ націей, думая о землѣ.

Для поверхностнаго наблюдателя разсказанная борьба европейскаго общественнаго мнѣнія за армянскій вопросъ покажется, быть можетъ, незначительною и уже слишкомъ безоружною. Съ одной стороны грубый турецкій натискъ, холодное попустительство Россіи, съ другой—платоническія революціи митинговъ, при полномъ безсиліи державъ. Однако отголоски этихъ платоническихъ бурь общественныхъ не разъ заставляли даже неукротимаго Абдулъ-Гамида задумываться и опускать свою безпощадно грозящую руку. Если бы не эти вопли возмущенной совѣсти, послѣдняя рѣзня въ Солуни приняла бы, внѣ всякаго сомнѣнія, еще болѣе грозные размѣры. Что касается Россіи, ея проигрышъ очевиденъ. Не допустивъ державъ выполнить ихъ коллективныя обязательства армянамъ Малой Азіи, она возстановила противъ себя общественное мнѣніе Европы и убила довѣріе къ своей миссіи на Ближнемъ Востокѣ. Всякая попытка Россіи къ расширенію на счетъ Малой Азіи будетъ понята Европой, какъ

поползновеніе къ грубому земельному захвату, и остановлена коллективно. Было время, когда Европѣ русскіе казались предпочтительнѣе турокъ въ Малой Азіи, — бездарная и безсовѣстная русская дипломатія заставила забыть это время. Теперь, сколько бы армянъ ни вырѣзалъ Абдулъ-Гамидъ, либо люди, безсознательно творящіе волю его татарскими и казацкими руками, русская политика въ Азіи не выиграетъ черезъ то ни одного фута земли. Покровитель и, въ невѣдѣніи, исполнитель политики Ильдизъ-Кіоска, покойный князь Лобановъ-Ростовскій убилъ русскія историческія традиціи на Ближнемъ Востокѣ и заперъ Россіи дверь въ Малую Азію, а Турціи отворилъ дверь къ Арарату и на Арпачай. Мы допустили, помогли вырѣзать своихъ друзей,—судьба наказала насъ, отдавая дружескія территоріи при полномъ нашемъ безсиліи защитить ихъ—нашимъ злѣйшимъ врагамъ. Гдѣ исчезаетъ армянинъ, поселяются курдъ, турокъ и татаринъ. Въ лицѣ армянъ мы предали Азіи европейскую культуру, и полторы тысячи лѣтъ христіанской цивилизаціи бросили къ ногамъ Ислама. Исламъ не зѣваетъ, а исторія такихъ ошибокъ, да еще ошибокъ злонамѣренныхъ, не прощаетъ никогда.

1905.

Землетрясеніе.

Я странникъ и скиталецъ по призванію. Быть прикованнымъ къ одному и тому же мѣсту земного шара круглый годъ для меня немыслимо и невыносимо. Человѣкъ грѣшный, я, конечно, по смерти своей не разсчитываю попасть въ рай; но, если попаду, паче чаянія, полагаю, что никакія золотыя яблоки на серебряныхъ яблоняхъ, никакіе райскіе напѣвы не утѣшатъ меня въ моей посмертной осѣдлости. И, конечно, я не утерплю, найду какую-нибудь лазейку, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на чистилище, или, время отъ времени, дѣлать тайныя прогулки въ адъ, къ друзьямъ грѣшникамъ, пекомымъ на желѣзныхъ сковородахъ.

Скитаюсь я, преимущественно, по странамъ южнымъ, гдѣ синее небо надъ синимъ моремъ, по вулканической почвѣ, которой мало трехъ отдушинъ Этны, Везувія и Стромболи, оставленныхъ европейскимъ континентомъ подземному огню, и которая, поэтому, нѣтъ-нѣтъ да и развернется подъ ногами населяющаго ее жительства, вспученная изверженіемъ огнедышащей горы или могучими ударами землетрясенія. Въ моихъ скитаньяхъ, какъ поетъ маркизъ изъ «Корневильскихъ Колоколовъ», было много страданья и испытанья. Кромѣ желѣзнодорожнаго крушенія, пережиты всѣ бѣдствія страннического авантюризма.

Въ томъ счетѣ четыре землетрясенія, а въ ихъ числѣ страшная константинопольская катастрофа, въ іюлѣ 1894 года. Я попалъ въ Константинополь изъ Болгаріи, вскорѣ послѣ паденія покойнаго Стамбулова. Къ событію этому тогда были прикованы взоры всей Европы, и переворотъ въ природѣ Балканскаго полуострова прошелъ какъ-то мало замѣченнымъ, за переворотомъ въ его политикѣ. Разумѣется, однако, не для жителей Стамбула, переживишхъ ужасные дни: землетрясеніе вырвало изъ среды константинопольскаго населенія свыше 2.000 жертвъ.

Когда я возвратился въ Россію, меня постоянно спрашивали въ обществѣ:

— Ахъ, вы видѣли константинопольское землетрясеніе?! Ахъ, какъ это интересно! Ахъ, разскажите, пожалуйста, какъ это бываетъ землетрясеніе?

Обыкновенно я отвѣчалъ:

— Очень просто, madame или mademoiselle N. (ибо спрашиваютъ, по преимуществу, дамы,—ужъ такъ сложилось россійское общество, что женщины въ немъ больше интересуются сильными ощущеніями, чѣмъ мужчины), очень просто. Земля начинаетъ трястись, а дома—падать.

Признаю полную неудовлетворительность такого отвѣта. Признаю, что онъ очень напоминаетъ отвѣтъ артиллерійскаго офицера, который на вопросъ барышни:

— Какъ дѣлаютъ пушки?—объяснилъ кратко, но выразительно:

— Берутъ дыру-съ и обливаютъ ее мѣдью.

Но трудно было отвѣчать иначе по первымъ безотчетнымъ впечатлѣніямъ. Разсказывать и описывать явленія природы легче всего сравненіями. Но землетрясеніе рѣшительно не съ чѣмъ сравнить; это явленіе единственное въ своемъ родѣ и самодовлѣющее. Чтобы имѣть о немъ понятіе, надо его испытать, чего, впрочемъ, не совѣтую никому, кромѣ самоубійцъ, и не желаю даже самому заклятому своему врагу; а сверхъ того, смѣю

увѣрить, что, испытавъ одно землетрясеніе, вы, если случится вамъ пережить другое, испытаете отъ него совершенно новыя впечатлѣнія, и само оно покажется вамъ явленіемъ совершенно новымъ. Ко всему можно привыкнуть, говорятъ умные люди. Человѣкъ притерпѣлся къ самымъ пестрымъ и разнообразнымъ бѣдствіямъ. Уже одинъ фактъ существованія пожарныхъ командъ, громоотводовъ, плавательныхъ аппаратовъ доказываетъ, что онъ притерпѣлся къ бѣдствіямъ отъ огня, воды, электричества и выработалъ привычку борьбы съ ними. А нѣкій анекдотическій семинаристъ утверждалъ даже, будто возможно выработать привычку падать внизъ головою съ Исаакіевскаго собора. Но къ землетрясеніямъ не привыкаютъ. До константинопольскаго я пережилъ землетрясеніе въ Тифлисѣ и въ Генуѣ: послѣднее было непосредственнымъ отголоскомъ подземной грозы, обратившей въ прахъ Ментону и Ниццу. И что же? Когда землетрясеніе подступило къ Константинополю, я не узналъ его сразу, и двѣ-три секунды колебался: что это? старый знакомый, обоготворенный греками и наслѣдникомъ ихъ пантеистическаго язычества Гёте, Σεισμὸς второй части «Фауста» или что-то еще не пережитое, какой-то новый, еще не испытанный ужасъ? Окрестности Неаполя, гдѣ бурленіе Везувія часто колеблетъ почву, должны бы, казалось, за двухтысячелѣтнюю исторію свою, выработать какой-нибудь modus vivendi со старымъ вулканомъ, исконнымъ ихъ губителемъ и благодѣтелемъ вмѣстѣ. Но я имѣлъ удовольствіе присутствовать при изверженіи Везувія и убѣдился, что неаполитанцы свыклись со всѣми шалостями огнедышащей горы,—съ потоками лавы, пламенемъ, пепломъ, раскаленными камнями; одно, къ чему никакъ не могутъ они пріучить свое жизнелюбивое нутро, что всякій разъ поражаетъ ихъ, переживших на вѣку своемъ десятки легкихъ землетрясеній, такимъ же безпомощнымъ ужасомъ, какъ и нашего брата, переживающаго землетрясеніе впервые,—

это шатаніе почвы подъ ногами, дрожь земляныхъ стѣнокъ великаго парового котла Европы. Нельзя привыкнуть! Землетрясенія капризно-разнообразны въ своихъ разрушительныхъ приступахъ. Однообразны только въ результатахъ: прахъ домовъ и трупы людей.

Я сказалъ: землетрясеніе подступило. Лучше сказать: подобралось и набѣжало. Оно подкрадывается, какъ звѣрь къ добычѣ, какъ киргизскій воръ къ стаду барановъ. Мнѣ кажется, что нѣкоторое подобіе смятенія, охватывающаго города, пораженные землетрясеніемъ, испытывали средневѣковыя степныя села при внезапныхъ, какъ молнія, нападеніяхъ половцевъ, печенѣговъ и татаръ. Вечерѣетъ. Небо чисто и прекрасно. Степь лоснится ковылемъ, нѣжась подъ послѣдними лучами уходящаго за курганы солнца. На десятки верстъ кругомъ шепчутся подъ тихимъ вѣтромъ камыши. Село спокойно; въ хатахъ зажигаются огоньки, семьи готовятся вечерять, пѣсня слышна—тягучая и широкая, пѣсня вольнаго степного человѣка... Но вотъ всѣ, сколько ни есть народа въ селѣ, разомъ, съ недоумѣніемъ поднимаютъ головы: въ сельскую тишь хлынулъ потокъ смутнаго шума—дробный и быстрый топотъ тысячи коней, вихремъ вылетѣвшихъ изъ глубины камышей, гдѣ лежала весь день насторожѣ никѣмъ не замѣченная и нежданная засада вражьей силы. Никто еще не успѣлъ разрѣшить: что это за гулъ? откуда? а онъ уже выросъ въ бурю; онъ уже на дворѣ. Гиканье полулюдей, полузвѣрей оглушаетъ мирно сидящихъ за ужиномъ. Крыши пылаютъ надъ ихъ головами; падаютъ подрубленные столбы хлѣвовъ и коновязей, скотина реветъ тоскливо и жалостно; съ церкви гудитъ запоздалый набатъ... Обезумѣвшій селянинъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, спотыкаясь о трупы своихъ родичей, о тѣла обомлѣвшихъ женщинъ, и попадаетъ на арканъ прежде, чѣмъ разберетъ, что за бѣда стряслась надъ нимъ? Кто эти звѣрообразные желтолицые не то люди, не то черти въ мохнатыхъ шапкахъ, съ разбойничьими глазами, съ кри-

нами людоѣдовъ?.. Людская буря проносится мимо. Какой-либо, счастливымъ случаемъ уцѣлѣвшій, малецъ, чуя возвращенную степи тишину, выползаетъ изъ погребицы на свѣтъ Божій и растерянно, ровно ничего не понимая, смотритъ на груду углей, въ которую превратилось его родимое село. Какъ же, молъ, такъ? Было село, а осталась зола... Ни тятьки... ни мамки... [illegible] холодныхъ, залитыхъ кровью труповъ... Вотъ настроеніе этого мальчишки будетъ [illegible] похоже на настроеніе человѣка, «видѣвшаго» хорошее землетрясеніе.

[illegible] мое сравненіе! Мнѣ сообщилъ его мой другъ [illegible] — [illegible], такой же, какъ я, всесвѣтный [illegible], единственный человѣкъ, кому я завидую: куда только не заносила его... нелегкая, скажутъ профаны; [illegible] — съ завистью вздохнемъ мы, спортсмены [illegible] подъ чуждыми небесами. Мальтенъ — [illegible] хладнокровія; я самъ, [illegible] но этотъ англичанинъ [illegible] — воплощеніе при[illegible] нравственнаго и физическаго. Въ [illegible] землетрясенія я встрѣтилъ его [illegible]. Христіане звали, кричали, ры[illegible] въ истерикѣ, корчились въ [illegible] я видѣлъ [illegible] никто не скажетъ, что [illegible] съ лица, какъ сукно ихъ [illegible] по крайней мѣрѣ, держались и старались [illegible] прилично. Ихъ по восточному ихъ фана[illegible] — кисметъ! — и все тутъ. И, хотя [illegible] приходится очень скверно, турка идетъ [illegible] такимъ видомъ, будто все обстоитъ совер[illegible] благополучно, и ничего лучшаго онъ и не ожидалъ. Греки же, армяне и итальянцы, даже пожилые люди съ [illegible] бородами, хныкали, какъ бабы, катались въ [illegible] по землѣ, прислушиваясь къ ея замирающему тре-

пету, звали поповъ и ждали свѣтопреставленія. Мнѣ никогда не забыть одного еврея: онъ спрятался подъ садовую скамейку, уткнувъ лицо въ землю, какъ страусъ, задралъ кафтанъ на голову и такъ лежалъ, а ноги его выбивали судорожную дробь по дорожкѣ. Два знакомыхъ болгарина—атташе дипломатическаго агентства, бѣгутъ безъ шляпъ; лица буро-оливковыя; у обоихъ зубъ на зубъ не попадаетъ... принимаются, наперерывъ, безпорядочно разсказывать мнѣ, какъ они шли въ ресторанъ, и вдругъ дома въ переулкѣ наклонились надъ ними, какъ быки, готовые стукнуться рогами, и совсѣмъ было собрались рухнуть на злополучныхъ братушекъ... но вторымъ ударомъ улицу снова выпрямило. И вотъ, среди такого-то стада ошалѣвшихъ людей, я нечаянно наткнулся на Мальтена: онъ сидѣлъ у столика подъ террасою садоваго ресторана и громко стучалъ, подзывая слугу; послѣдній выслушалъ его приказанія съ помутившимися, полусознательными глазами и скрылся. Но такова сила служебной привычки и хладнокровнаго внушенія! Немедленно возвратился и поставилъ передъ Мальтеномъ графинчикъ коньяку, стаканъ воды и тарелки съ бисквитами. А затѣмъ выпучилъ глаза на страннаго гостя, видимо удивляясь и на него, да и на себя: какъ, молъ, это угораздило его заказать, а меня—послушаться и исполнить?

— Что это вы дѣлаете?!—укоризненно замѣтилъ я англичанину, здороваясь съ нимъ.

— А что?—удивленно возразилъ онъ, отправляя въ ротъ рюмку.

— Да какъ-то неловко... Кругомъ такой хаосъ отчаянія, а вы коньякъ пьете?

— Развѣ вышелъ законъ, воспрещающій пить коньякъ во время землетрясенія?

— Нѣтъ, но...

— И развѣ землетрясеніе прекратится оттого, что я, Джонъ Мальтенъ, эсквайръ, не буду пить коньякъ?.. Лучше

садитесь-ка со мной и выпейте сами: судя по вашему усталому виду, это будетъ не лишнее.

Хладнокровіе Мальтена сперва показалось мнѣ, по русской сентиментальности, чуть не безсердечіемъ. Какъ это, молъ, видѣть бѣдствіе и не расчувствоваться? Но что же узналъ я впослѣдствіи? Этотъ богатырь, въ моментъ землетрясенія, находился въ Стамбулѣ, на томъ самомъ старомъ базарѣ, гдѣ камня на камнѣ не осталось, и, съ опасностью для собственной жизни, вытащивъ изъ-подъ развалинъ нѣсколькихъ турецкихъ ребятишекъ, на своихъ рукахъ перетаскалъ ихъ одного за другимъ къ баркамъ Золотого Рога... Да, послѣ такихъ подвиговъ человѣкъ имѣетъ, пожалуй, право пить коньякъ даже во время землетрясенія.

[illegible] Мальтенъ разсказалъ мнѣ слѣдующее приключеніе. Его двоюродный братъ, унтеръ-офицеръ индійской арміи, въ одно прекрасное воскресенье отправился изъ Калькутты на загородную ферму, въ гости къ пріятелю. На фермѣ онъ засталъ праздникъ; къ вечеру было пьяно все: господа и слуги, англичане и индусы, люди и слоны. Кузенъ Мальтена—человѣкъ, склонный къ поэтическимъ настроеніямъ, даже стихи пишетъ. Чуть ли не ради поэтическихъ впечатлѣній и угораздило его попасть именно въ индійскую армію. Отдалясь отъ пьянаго общества, онъ одиноко стоялъ у колючей растительной изгороди, смотрѣлъ на закатъ солнца и, какъ очень хорошо помнитъ, обдумывалъ письмо въ Ливерпуль, къ своей невѣстѣ. Именно на полусловѣ: «...ваша фантазія не въ силахъ вообразить, дорогая миссъ Флоренса, неисчислимыя богатства индійской флоры и фау...», онъ слышитъ позади себя тяжкіе и частые удары. Точно какой-нибудь исполинъ сверхъестественной величины и силы, Антей, Атласъ, съ размаху вбиваетъ въ землю одну за другой длинныя сваи. Не успѣлъ мечтатель обернуться, какъ его схватило сзади что-то необыкновенно крѣпкое, могучее, эластическое, подбросило высоко въ воздухъ и, помотавъ нѣсколько секундъ,

какъ маятникъ, съ силою швырнуло въ иглистые кусты алоэ—полумертваго, не столько отъ боли, сколько отъ ужаса непониманія и незнанія, самаго опаснаго и могущественнаго изъ ужасовъ: его описали въ древности Гомеръ и Гѣзіодъ, а въ наши дни со словъ Тургенева—Гюи де-Мопассанъ. Бѣднягу съ трудомъ привели въ чувство. Разгадка происшествія оказалась очень простою: одинъ изъ рабочихъ слоновъ фермера добрался до кувшиновъ съ пальмовымъ виномъ, опустошилъ ихъ, опьянѣлъ и пришелъ въ ярость. Мундиръ унтеръ-офицера привлекъ вниманіе хмельного скота своей яркостью, и кузенъ Мальтена сталъ его жертвой... Такого разнообразія индійской фауны не только миссъ Флоренса, но и самъ горемычный женихъ ея, конечно, не могъ себѣ ранѣе вообразить!.. Ощущеніе нежданно-негаданно схваченнаго слономъ солдата, въ ту минуту, когда онъ не только не думалъ о какомъ-нибудь слонѣ опредѣленномъ, но, вѣроятно, позабылъ и самую «идею слона», вѣроятно, было близко къ ощущеніямъ человѣка въ первый моментъ землетрясенія.

Былъ ясный и жаркій полдень. Мы, пансіонеры Hôtel de France, въ Перѣ, только-что сѣли завтракать. Рядомъ со мною сидѣлъ также русскій—адвокатъ изъ Петербурга, весьма оригинальный господинъ: спиритъ, мистикъ и... спеціалистъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Четыре часа спустя, я долженъ былъ разстаться съ Константинополемъ и ѣхать моремъ въ Пирей. Вещи мои были уже увязаны. Мы разсчитывали весело посидѣть за завтракомъ на прощанье и устроить хорошую отвальную. Хозяинъ гостиницы, милѣйшій Herr Frankl, лучшій изъ венгерцевъ, какихъ посылалъ мнѣ Богъ навстрѣчу, притащилъ по обыкновенію новый, только-что полученный съ почты номеръ «Neue Freie Presse» и принялся политиканствовать. Этому человѣку не гостиницу бы содержать, а первымъ министромъ быть, либо, по крайней мѣрѣ, президентствовать въ какой-нибудь маленькой завалящей республикѣ. И вдругъ началось...

— Что это?—поразился мой сосѣдъ, прислушиваясь къ трепету пола, внезапно задрожавшаго подъ нашими ногами.

— Вѣроятно, пушки ѣдутъ,—спокойно возразилъ ему одинъ изъ пансіонеровъ, французскій commis-voyageur.

Но трепетъ перешелъ въ размахи.

Я узналъ стараго знакомаго, всталъ и сказалъ по-итальянски:

— Господа, бѣгите на улицу... Здѣсь нельзя оставаться... Это не пушки, это землетрясеніе.

Залъ опустѣлъ мгновенно.

Я никакъ не могу сдѣлать привычки къ землетрясеніямъ, но у меня есть нѣкоторая опытность, какъ ихъ переносить и какія мѣры надо принимать, чтобы отъ нихъ не то, что не погибнуть—ужъ если судьба пропасть, такъ пропадешь всенепремѣнно!—а все же передъ погибелью хоть немного побарахтаться. И вотъ я остался одинъ въ готовомъ разрушиться домѣ, съ яснымъ, холоднымъ и отчетливымъ сознаніемъ въ умѣ, что переживаю сильное землетрясеніе, и что землетрясеніе это, по всей вѣроятности, смерть.

Слово «трястись», казалось бы, слово довольно опредѣленное: «трясется» значитъ «быстро колеблется вертикально, сверху внизъ». Но для землетрясенія такого опредѣленія мало. Землетрясеніе является трясеніемъ только въ первой своей атакѣ, когда подземный ударъ приближается, но еще не разразился. Вы чувствуете подъ ногами дрожь; отъ нея начинаютъ дребезжать стекла въ окнахъ, подпрыгиваетъ посуда на столѣ. Только-что вы подумали, что, вѣроятно, по улицѣ провозятъ тяжелую кладь, или тянется артиллерійскій обозъ, только-что собрались обругать архитекторовъ и хозяевъ, зачѣмъ строятъ такіе шаткіе дома,—какъ васъ оглушаетъ неистовый стихійный вопль разсвирѣпѣвшей матери-земли... Да! вопль, рыкъ, пожалуй, стонъ, но непремѣнно звукъ, связанный съ понятіемъ о живомъ существѣ. Это не стукъ, не грохотъ, не громъ, не ревъ мор-

ской бури, не пушечный залпъ, не рокотъ горнаго обвала, но живой голосъ, пугающій васъ прежде всего именно своей жизненностью. Болѣе всего онъ походитъ на крикъ огромной толпы—злобный или радостный, все равно: когда кричатъ десятки тысячъ, разница теряется; толкаясь въ толпѣ подъ Ходынкою, во время знаменитой катастрофы 1896 г., я думалъ, что слышу «ура», а это вопили въ десяти саженяхъ отъ меня попавшіе въ давку люди. Помню еще: смотрѣлъ я звѣринецъ, съ великолѣпнымъ подборомъ медвѣдей. Ихъ было штукъ шесть. Вдругъ они изъ-за чего-то перегрызлись и мгновенно наполнили досчатый балаганъ звѣринца свирѣпымъ рыкомъ. Это былъ, пожалуй, изъ всѣхъ звуковъ наиболѣе похожій на вопль землетрясенія. Жизненность этого вопля такова, что, когда я услышалъ его впервые въ Тифлисѣ, я подумалъ сперва, что на улицѣ разыгрывается какая-нибудь армянская манифестація. Я былъ занятъ, писалъ что-то... вдругъ—ррр... Изумленный вскакиваю отъ стола, и первымъ моимъ словомъ было: это что еще за безобразіе?! Но въ ту же минуту на голову мнѣ посыпалась штукатурка, заставившая понять, что дѣло идетъ не о безобразіи, а о несчастіи.

Разъ вы услыхали страшный голосъ земли, васъ уже не *трясетъ*, но *шатаетъ*: колебанія происходятъ не сверху внизъ, а изъ стороны въ сторону, продольными взмахами слѣва направо, справа налѣво. Сравнить это опять-таки не съ чѣмъ. Нѣкоторые пробуютъ сравнить съ качкой при хорошемъ штормѣ. Нѣтъ, это не то. Мнѣ случалось выносить сильныя качки. Не говоря уже о томъ, что онѣ не возбуждали во мнѣ никакого ужаса, а были только любопытны, самое ощущеніе нетвердости пола подъ ногами—иное. Какъ бы ни были сильны размѣры качки, она все-таки качели, размахъ вверхъ, стремительное паденіе внизъ. И это совершенно регулярно: секунда на взлетъ, секунда на нырокъ. У васъ захватываетъ духъ, вамъ трудно стоять на ногахъ, но вы не теряете головы: вы очень хорошо понимаете, что

съ вами дѣлается, и за какую веревку вамъ надо ухватиться, чтобы не полетѣть кубаремъ по палубѣ. Когда же землетрясеніе начинаетъ шатать дома, у васъ въ головѣ начинается страшный сумбуръ; этого избѣжать не можетъ самый хладнокровный человѣкъ. Дѣло въ томъ, что тутъ нѣтъ послѣдовательныхъ нырковъ и взлетовъ, порядокъ которыхъ можно и должно сознавать и къ которымъ можно приготовиться. А просто такъ: васъ, положимъ, неожиданно опрокинуло спиною на стѣну; пребольно ударившись о нее, вы, однако, рады, что нашли, хоть со вредомъ для собственныхъ костей, точку опоры. Но едва обрадовались, вы уже не стоите, а сидите на полу, онъ же изъ ровнаго сталъ круто покатымъ; стѣна изъ-подъ вашей спины ушла, и вы едва догоняете ее своимъ затылкомъ. Въ то же время вы видите, какъ на васъ надвигается противоположная стѣна со всѣми ея картинами и канделябрами; они пляшутъ на своихъ гвоздяхъ, готовые сорваться. Вы закрываете глаза въ сознаніи, что еще мгновеніе— и вы покойникъ, но васъ перешвыриваетъ въ уголъ, совсѣмъ вами неожиданный. Вы бросаетесь прочь изъ угла, потому что чувствуете, какъ его стороны стремятся одна къ другой, какъ онъ изъ прямого готовъ сдѣлаться острымъ, сдавивъ ваше тѣло на всѣ градусы своего сокращенія. Съ невѣроятнымъ усиліемъ держаться на ногахъ, въ счастливый промежутокъ страшной тряски, вы выскакиваете на лѣстницу и не отдаете себѣ отчета: что это? никакъ я уже внизу? когда же Богъ помогъ? Видите позади себя пляшущія ступени, рухнувшій карнизъ, обломанныя перила... Все это переживается, чувствуется, думается, исполняется въ срокъ нѣсколькихъ секундъ.

Въ Тифлисѣ, гдѣ былъ мой первый дебютъ по землетрясеніямъ, меня учили: если Σεισμὸς застигнетъ васъ въ домѣ, надо немедленно стать въ дверяхъ или на подоконникѣ: окна и двери якобы разрушаются послѣдними изъ составныхъ частей дома. Можетъ быть, это и такъ, но самая хорошая теорія весьма часто оказывается трудно при-

ложимою на практикѣ. Я только-что, повинуясь тифлисскому совѣту, выбралъ себѣ пунктъ спасенія въ выходныхъ дверяхъ, какъ вдругъ, на счастье свое, взглянулъ вверхъ и увидалъ, что надъ головою моею дрожатъ готовыя обрушиться ступени и перила парадной лѣстницы. Я забылъ всякую теорію, отложилъ въ сторону всѣ спасательныя затѣи, кромѣ быстроты своихъ ногъ, и въ два прыжка очутился на улицѣ.

Шатанія земли замерли; остался только легкій трепетъ. Переулокъ гудѣлъ стонами и воплями; бѣжали мужчины безъ шляпъ, безъ сюртуковъ, растерзанныя женщины,—кто въ чемъ попало. Константинопольскія дамы дома не стѣсняются туалетомъ; измученныя жарою, онѣ по цѣлымъ днямъ валяются въ своихъ темныхъ спальняхъ, при чемъ, разумѣется, заботятся объ одномъ—какъ можно болѣе облегчить себя отъ одежды. Такъ какъ землетрясеніе приключилось немного позже полдня, по-истинѣ палящаго, то легко представить, въ какихъ наивныхъ костюмахъ застало оно и выгнало на улицу злополучныхъ красавицъ Перы и Галаты. Въ саду Aux petits champs, куда сбѣжалось спасаться общество Перы, самыми приличными дамами оказались горничныя, продавщицы изъ лавочекъ, магазиновъ, кельнерши пивныхъ, то-есть женщины служащія, обязанныя съ ранняго утра быть одѣтыми. Что же касается барынь... право, мудрено придумать художника, который бы рискнулъ утѣшить публику точнымъ изображеніемъ ихъ группы въ первыя минуты по землетрясеніи. Наконецъ, нашлись рѣшительные люди, сжалились надъ конфузомъ бѣдняжекъ: вошли въ еще трепещущіе и готовые рухнуть при слѣдующемъ подземномъ ударѣ дома, набрали пледовъ, платковъ, манто, первыхъ, какіе подъ руку попались, и прикрыли горемычныхъ «Евъ поневолѣ».

Горничную нашего отеля угораздило свалиться мнѣ на руки въ глубочайшемъ обморокѣ, и мнѣ, попавъ въ рыцари тоже поневолѣ, пришлось удирать изъ узкаго и опаснаго

переулка, спасая не только свою собственную особу, но и волоча добрыхъ пять пудовъ безчувственнаго тѣла. Это, конечно, значительно задерживало мою рысь, и ни одинъ галерный каторжникъ, я думаю, не проклиналъ свою тачку сильнѣе, чѣмъ я свою толстомясую ношу. Съ завистью поглядывалъ я на спины моихъ товарищей по отелю, въ особенности на спины нашего хозяина и отельной прислуги, улепетывавшихъ налегкѣ съ быстротою скаковыхъ лошадей. Вотъ, когда я практически понялъ значеніе гандикапа нашихъ спортсменовъ. Наконецъ, дотащился и я до сада и сложилъ на землю свой грузъ... боюсь, что съ меньшею бережливостью, чѣмъ требовало того истинно христіанское милосердіе: по крайней мѣрѣ, толстомясая дѣвица что-то ужъ слишкомъ скоро пришла въ чувство и стала водить вокругъ себя дикими глазами, ощупывая себя: жива, молъ, я, или уже на томъ свѣтѣ? Кругомъ—дикое отчаяніе, во всѣхъ его градусахъ, отъ обмороковъ до истерическаго хохота, отъ колѣнопреклоненій и молитвъ до проклятій и богохульства; дѣти, къ удивленію, вели себя лучше взрослыхъ. Словно — въ морской качкѣ. Дѣти очень рѣдко страдаютъ отъ морской болѣзни и часто, когда весь пароходъ уже обращенъ волею Нептуна въ юдоль стенаній, рвоты и проклятій, ребята, какъ ни въ чемъ не бывало, рѣзвятся на ютѣ. Встрѣча съ Мальтеномъ послужила мнѣ твердой точкой опоры въ круговоротѣ искаженныхъ лицъ и горестныхъ звуковъ и спасла отъ возможности заразиться паникою, подавляюще царившей надъ садомъ. Кромѣ Мальтена, велъ себя довольно спокойно петербургскій адвокатъ. Но его спокойствіе было какое-то жуткое, фаталистическое. Онъ стоялъ безъ шляпы, борода его вѣяла по вѣтру, глаза горѣли мистическимъ огнемъ. Я окликнулъ его. Онъ вздрогнулъ.

— Какъ знать?—пробормоталъ онъ, сжимая мою руку, въ отвѣтъ на свои мысли,—можетъ-быть, это за меня.

— Что «за васъ»?

— Страдаетъ Константинополь.

Я дико взглянулъ на него:

— Никакъ, компатріотъ сошелъ съ ума отъ страха?

У него въ глазахъ стояли слезы.

— Другъ мой, я великій грѣшникъ. Я разрушилъ тысячу шестьсотъ браковъ. Можетъ-быть, Богъ караетъ Стамбулъ именно за то, что я здѣсь... за мое богомерзкое присутствіе....

— Ну,—возразилъ я бракоразводчику,—вы ужъ слишкомъ самонадѣянный грѣшникъ. Землетрясенія въ Царьградѣ не было четыреста лѣтъ, и—успокойтесь—за этотъ срокъ здѣсь совершались дѣянія не вашимъ чета. Если городъ не провалился сквозь землю послѣ разныхъ Махмудовъ, Селимовъ, Солимановъ, и какъ, бишь, ихъ тамъ еще, то логика Немезиды не позволитъ ему провалиться только потому, что его надумалъ посѣтить русскій бракоразводчикъ, съ хорошею практикою...

Мало-по-малу народъ успокоился. Истерическаго визга и безчувственныхъ тѣлъ стало меньше. И почти тотчасъ же изъ-за плечъ трагедіи стали выглядывать комедія и водевиль. Дѣйствительность иной разъ создаетъ курьезныя нечаянности, какихъ не придумать самому бойкому юмористу. Послѣ землетрясенія прошло уже часа полтора. Одна дама, левантинка, среднихъ лѣтъ и замѣчательной красоты, прекрасно одѣтая, сидѣла близъ нашего столика; она продолжала плакать въ три ручья и закрывать лицо руками. Мы съ Мальтеномъ стали ее успокаивать, говоря, что отъ перваго землетрясенія, славу Богу, уцѣлѣли, стало быть, плакать уже не о чемъ; а второго удара врядъ ли можно ждать раньше полуночи. Почему мы такъ храбро ручались за добропорядочное поведеніе землетрясенія,— рѣшительно не понимаю, но Мальтенъ диктовалъ программу дальнѣйшаго дня съ такою самоувѣренностью, точно онъ, по меньшей мѣрѣ, начальникъ отдѣленія въ небесной канцеляріи. Дама не унималась. Видя, что у нея нервы рас-

ходилась не на шутку, я предложилъ ей стаканъ вина или рюмку коньяку. Она съ жадностью схватилась за коньякъ, но, вижу, не проглотила его, а держитъ во рту. Послѣ нѣсколькихъ минутъ удивленнаго молчанія съ нашей стороны, красавица выплюнула коньякъ и заговорила:

— Вотъ теперь немножко легче. Представьте себѣ, какой со мной ужасный случай! Вѣдь я вовсе не отъ землетрясенія плачу. Я живу на дачѣ на островѣ Халкисъ. Простудилась купаясь, схватила зубную боль. Четыре дня мучилась, на пятый не вытерпѣла, пріѣхала въ Перу къ дантисту, и какова же моя несчастная звѣзда! Осмотрѣлъ онъ мой зубъ, растревожилъ, десну мнѣ исцарапалъ, говоритъ, что надо вырвать. Боль невыносимая. Ну, рвите! Только что онъ наложилъ ключъ на зубъ, какъ вдругъ это землетрясеніе. Онъ закричалъ не своимъ голосомъ, бросаетъ ключъ и меня и летитъ стрѣлою вонъ изъ кабинета. Я, забывъ на минуту боль, вслѣдъ за нимъ. Мы кубаремъ скатываемся, обгоняя другъ друга по лѣстницѣ, изъ четвертаго этажа, и вотъ я здѣсь. Пока не оправилась отъ страха, зубы не болѣли. Сейчасъ первое впечатлѣніе прошло, и вы вообразить не можете, какъ я страдаю. Ужъ лучше бы опять землетрясеніе.

Экономка нашего отеля бродила между постояльцами въ полномъ отчаяніи.

— Ну, что я теперь буду дѣлать, чѣмъ стану васъ кормить? Въ нашей кухнѣ потолокъ обрушился прямо надъ плитою, и весь завтракъ уничтоженъ.

— Но вы, madame Louise, обѣщали намъ, между прочимъ, устрицъ,—перебилъ я ее.—Устрицъ не ставятъ на плиту. Слѣдовательно, ихъ не раздавило, и мы ихъ съѣдимъ.

— Ахъ, monsieur, ихъ-то первыми и прихлопнуло. И ихъ мнѣ особенно жаль. Вѣдь это были первыя по разрѣшеніи торговать ими. Всѣми признано, что устрицы хорошее противохолерное средство, однако, въ прошломъ году одинъ паша ухитрился умереть отъ холеры, заболѣвъ ею

прямо послѣ ужина съ устрицами. И вотъ уже цѣлый годъ онѣ были контрабандою и были такъ дороги, что и не подступайся. А я ихъ такъ любила! Вчера, наконецъ, полиція сняла запрещеніе Я накупила превосходнѣйшихъ устрицъ; нашъ Юсупъ вскрылъ ихъ, положилъ на блюдо, я разинула ротъ, чтобы проглотить первую... но... стукъ! грохотъ! съ полки летятъ кастрюли и горшки! Блюдо съ устрицами—вдребезги. Я не помню, какъ, очутилась въ саду.

Глядя съ высоты садика Aux petits champs на Стамбулъ,—наиболѣе пострадавшую часть Царь-града, что за Золотымъ рогомъ,—я никакъ не могъ сообразить сразу: чего не хватаетъ какъ будто его великолѣпной, оргинальной, не имѣющей себѣ подобія по захвату зрителя панорамѣ? Что-то было, что-то исчезло, и теперь этого чего то ужасно недостаетъ; а чего именно, не догадаешься. Мальтенъ тоже щурился, видимо недоумѣвая. Наконецъ, мы оба переглянулись, сразу догадались и сразу оба расхохотались надъ своею долгою недогадливостью. Землетрясеніе срѣзало множество минаретовъ и, если можно такъ выразиться, «окургузило» великолѣпныя мечети Стамбула. Стрѣлки ихъ исчезли съ горизонта, и отсутствіе ихъ совершенно измѣнило пейзажъ—не въ пользу его красоты. Минареты надѣлали много бѣды. Длинные и тонкіе, они падали па далекое разстояніе: рухнетъ—и точно каменной плетью хлестнетъ толпу нищихъ, всегда спящихъ близъ мечетей. Вѣсти изъ Стамбула приходили ужасныя. Число жертвъ,—сперва, по слухамъ, не значительное,—все росло и росло. Больше всего погибло людей на Старомъ Базарѣ Стамбула: онъ съ тѣхъ поръ такъ и остался не возстановленнымъ; обрушенные своды его лежатъ во прахѣ... мѣсто запустѣнія и проклятія! Пришла вѣсть, что и на проливѣ, и въ Мраморномъ морѣ тоже неблагополучно. Центръ землетрясенія былъ въ Бруссѣ въ шести часахъ отъ Константинополя. Пострадали Принцевы острова. Халкисъ, откуда пріѣхала лѣчить свои зубы наша трагикомическая левантинка, былъ разрушенъ до основанія... Го-

родъ понемножку одѣвался въ трауръ... Четыре часа спустя, я оставилъ Константинополь. Пароходъ «Чихачевъ» медленно прошелъ въ искаженныхъ, израненныхъ землетрясеніемъ берегахъ, оставляя за собою восемьсотъ тысячъ человѣкъ населенія унылаго, въ мрачномъ и безнадежномъ ужасѣ, ждущаго повторенія своей бѣды... Какъ извѣстно, оно не замедлило: черезъ сутки съ половиною Константинополь снова былъ потрясенъ, хотя и съ меньшею силою... И ужъ какъ же искренно воскликнулъ я, читая телеграмму объ этомъ въ далекихъ Аѳинахъ:

— Слава Богу, что во-время убрался!

На-дняхъ, сидя въ Павловскѣ, «на музыкѣ», я видѣлъ издали своего товарища по несчастіямъ константинопольскимъ—бракоразводнаго адвоката. Я указалъ его пріятелю—литератору: оказалось, что тотъ его прекрасно знаетъ.

— Вы не встрѣчались съ нимъ съ тѣхъ поръ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, а что?

— Стало быть, не знаете, какъ на него подѣйствовала константинопольская катастрофа. Совсѣмъ другой человѣкъ сталъ!

— Да ну?

— Честное слово: практику свою бросилъ, набожный такой сдѣлался. Ну, ее!—говоритъ,—вы, господа, насчетъ страшнаго суда всѣ довольно легкомысленны, и «не вѣсте ни дня, ни часа, въ онь же»—это не про васъ писано. А вотъ, какъ я этотъ самый страшный судъ уже видѣлъ и внезапность его на своей шкурѣ испыталъ, то и могу понимать. Сказываютъ: кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался. Нѣтъ, ты на землѣ потрясись,—тутъ вотъ, дѣйствительно, выучишься молиться!

Вѣроятно, адвокатъ—не единственная заблудшая овца, обращенная константинопольскимъ землетрясеніемъ на путь истинный, и не даромъ «Всевышній граду Константина землетрясенье посылалъ». Смертный страхъ, что и гово-

рить—лучшій изъ миссіонеровъ, лучшее лѣкарство противъ атеизма. Онъ снимаетъ невѣріе, какъ рукой. Но съ другой стороны, даже я—путешественникъ, привычный къ короткой памяти и легкомыслію южанъ, —удивлялся, какъ быстро, послѣ катастрофы, мѣстные греки, евреи, итальянцы вошли въ повседневный обиходъ своей лихорадочпой жизни—полуторговой, полубезпутной. Надъ Стамбуломъ еще крутились облака пыли отъ расшатанныхъ домовъ, лавокъ и минаретовъ, а, насупротивъ, черезъ Золотой Рогъ, уже кипѣлъ котелъ авантюризма, называемый коммерческимъ днемъ Перы и Галаты. Муллы въ мечетяхъ, священники въ православныхъ церквахъ, ксендзы въ костелахъ, раввины въ синагогахъ толковали своимъ паствамъ, что землетрясеніе—наказаніе Константинополю за его нечестіе, подобное нечестію Ниневіи. А едва я взошелъ на палубу «Чихачева», откуда-то вынырнулъ предо мною молодой грекъ и, озираясь, чтобы не поймалъ его кто-либо изъ пароходнаго начальства, предложилъ мнѣ изъ-подъ полы купить альбомъ картинъ гнуснѣйшаго содержанія.

— Ты христіанинъ? — спросилъ его провожавшій меня Мальтенъ.

— Еще бы!—съ гордостью возразилъ онъ.

— А гдѣ ты живешь?

— Тамъ!

Онъ махнулъ рукою въ сторону Стамбула.

— Ты былъ сегодня на Старомъ Базарѣ? Кажется, я тебя видѣлъ.

— Во время землетрясенія? Какъ же! О, Боже мой! Я едва остался живъ!.. Купите картины, господа: такихъ, кромѣ какъ въ Константинополѣ, вы нигдѣ не достанете! Все съ натуры; вѣрьте мнѣ—все съ натуры.

Мальтенъ долго смотрѣлъ на малаго, молча, и потомъ обратился ко мнѣ:

— Нельзя сказать, чтобы небесная кара произвела на этого парня особенно воспитательное впечатлѣніе.

Я расхохотался, а онъ невозмутимо продолжалъ, обращаясь къ парню:

— Любезнѣйшій, тебѣ удалось улепетнуть сегодня изъ ада земного, но отъ ада загробнаго тебѣ не уйти, какъ отъ висѣлицы,—въ этомъ ужъ будь спокоенъ: я тебѣ порукою.

— Э, господинъ англичанинъ,—беззаботно возразилъ малый.—Я тоже человѣкъ и хочу ѣсть. А, чтобы ѣсть, надо торговать. А Богъ, вѣрно, не взыщетъ съ меня-бѣдняка, за то, что мнѣ приходится торговать этою дрянью; чѣмъ я виноватъ, если господа иностранцы, кромѣ подобныхъ карточекъ, ничего не покупаютъ?!

— Египетскій знаетъ логику, какъ дьяволъ! Помните: Tu non pensavi, ch'io logico sono!—задумчиво обращался ко мнѣ Маклеенъ. Я невольно вспомнилъ почти однородную сцену изъ Вольтерова «Кандида».

Во время лиссабонскаго землетрясенія, среди ужаса, смерти и развалинъ, Кандидъ и Панглосъ ищутъ сопровождающаго ихъ матроса. А тотъ тѣмъ временемъ, не только равнодушный къ ужасной катастрофѣ, но даже находя, что она ему очень на руку,—ограбилъ разрушенный домъ, разбилъ кабакъ, напился, какъ стелька, и на послѣдній свой золотой купилъ себѣ любовь первой встрѣчной погибшей женщины.

— Другъ мой,—говорилъ ему Панглосъ,—поступая столь безобразно, не находите ли вы, что оскорбляете Высшій Разумъ?

— Поди прочь!—зарычалъ матросъ.—я, братъ, родился въ Батавіи, трижды плавалъ въ Японію, трижды отрекался тамъ отъ Христа и попиралъ ногами Распятіе — нашелъ ты кого пугать своимъ Высшимъ Разумомъ!

Теріоки.
2-го августа 1897 г.

Константинополь.

Боже мой, что за содомъ подняли сегодня ночью уличные псы, и какія здѣсь, вообще, проклятыя ночи... Говорятъ, будто въ Неаполѣ шумно. Неправда! Неаполь — ангелъ тишины и спокойствія, сравнительно съ Перою и Галатою. Въ Неаполѣ шумъ красивый, человѣческій; слагается изъ говора и смѣха сильныхъ грудныхъ голосовъ, изъ уличныхъ пѣсенъ и криковъ торговцевъ, похожихъ на пѣсни. Неаполитанскій шумъ можно положить на музыку, что̀ и сдѣлалъ Оберъ въ «Нѣмой изъ Портичи». Въ Неаполѣ заревётъ оселъ,—и то выходитъ какъ-то кстати, точно удачно примѣненный фаготъ въ инструментовкѣ сложной симфоніи. А здѣсь —какая-то музыка сверхъ-будущаго. Всенощное нарушеніе общественной тишины всѣми зависящими отъ людей и собакъ средствами.

Такъ какъ собакъ въ Константинополѣ приблизительно, и по самому скромному счету, втрое больше, чѣмъ людей, то да не будетъ поставлено мнѣ въ проступокъ, если я сперва займусь преобладающею частью константинопольскаго населенія — четвероногою. Я ненавижу этихъ собакъ ночью, но очень люблю ихъ днемъ. Любопытныя твари. Наблюдать за ними — истинное и весьма поучительное удовольствіе. Врядъ ли, кромѣ константинопольской собаки, осталось на свѣтѣ другое животное, пребывающее въ столь тѣсной дружбѣ съ человѣкомъ, питающееся отъ человѣка, работающее на человѣка, и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣку не принадлежитъ и никакъ не можетъ считаться

ручнымъ. Константинопольская уличная собака ни домашняя, ни дикая; она—сама по себѣ *). Именно—равноправный членъ города, вмѣстѣ съ человѣкомъ. Она представляетъ собою верхъ культуры и порядка въ общежитіи, которыхъ звѣрь можетъ достигнуть своимъ умомъ, безъ человѣческой помощи и дрессировки.

Въ Скутари, азіатскомъ городкѣ Константинополя, мнѣ встрѣчались собаки всѣхъ возможныхъ и приличествующихъ доброму псу цвѣтовъ, но въ Стамбулѣ, Перѣ, Галатѣ —почти исключительно желтыя, изрѣдка грязносѣрыя. Природный мундиръ константинопольской собаки—рыжеватый—прямое наслѣдство предка-шакала. Послѣ полудня, во время сьесты, мостовыя усѣяны клубочками шерсти— точно дѣтскія шубки, свернутыя мѣхомъ вверхъ. Ѣдетъ экипажъ,—изъ шубокъ поднимаются остренькія мордочки и осматриваютъ возницу. Если правитъ турокъ, собака остается лежать спокойно: она знаетъ, что всякій порядочный мусульманинъ уважитъ ея кейфъ и вѣжливо объѣдетъ ее стороною. Если правитъ грекъ, собака встаетъ и, присѣвъ у стѣнки на хвостъ, лѣниво зѣваетъ, пока фаэтонъ не прокатитъ мимо: отъ грека легко получить ударъ плети, —собачій культъ греку чуждъ. Я долго не вѣрилъ, когда мнѣ говорили, что собаки умѣютъ различать грековъ отъ турокъ, но потомъ убѣдился въ томъ десятками примѣровъ. Впрочемъ, теперь я готовъ повѣрить о константинопольской собакѣ чему угодно; даже не особенно удивлюсь, если скажутъ, что она выучилась говорить: только этого ей и не достаетъ.

Константинопольская собака — природный статистикъ и политико-экономъ. Сейчасъ я разскажу, какъ упорядочили эти умные звѣри систему своего питанія. Кормится константинопольская собака исключительно уличными отбросами. Она была четыреста лѣтъ главнымъ, если не

*) Это писано еще до знаменитой нынѣ сказки Киплинга о кошкѣ, которая была сама по себѣ... (1903).

единственнымъ, ассенизаторомъ города, и лишь въ послѣднее время люди пришли ей въ этомъ на помощь. Такъ какъ отбросовъ сравнительно мало, а собакъ много, то мудрые псы учредили строгую и безобидную дѣлежку пищи —по кварталамъ.—На каждый городской кварталъ полагается столько-то собакъ. Счетъ свой онѣ знаютъ твердо, и горе, напримѣръ, псу съ Большой улицы Перы, если лукавый или голодъ соблазнятъ его забраться воровскимъ манеромъ въ какую-нибудь захолустную Венеціанскую улицу. Тутъ-то и начинается адская суматоха, шаривари лая, воя, визга, урчанія, рычанія, почти каждую ночь заставлявшія меня вскакивать съ постели и бѣжать къ окну: что это—мятежъ Зеленыхъ и Голубыхъ? Споръ францисканцевъ съ раввинами? Падишахъ Магометъ вторично беретъ городъ приступомъ? Армянская революція? И каждый разъ ночной сторожъ успокаивалъ меня:

— Ничего, господинъ, это только—собака изъ чужого квартала, убей Богъ ея душу.

Ночные сторожа въ Константинополѣ, подобно собакамъ, созданы главнымъ образомъ для того, чтобы мѣшать спать усталымъ путешественникамъ. Говорятъ, будто какая-то французская компанія предлагала туркамъ милліонъ рублей за всѣхъ собакъ—на шкуру и кожи. Если бы сдѣлка состоялась и зависѣла отъ меня, то ночныхъ сторожей я отдалъ бы съ удовольствіемъ въ придачу даромъ, ибо пользы отъ нихъ, именно съ падишаха Магомета, еще никто не видѣлъ никакой, а непріятностей они доставляютъ много. Обязанности сторожа таковы: ежеминутно онъ стучитъ по тротуару, гдѣ есть тротуары, или по мостовой длинною толстою палкою, съ пустотою внутри, для резонанса. Тукъ-тукъ-тукъ!.. Удивительно звонко и гулко это у нихъ выходитъ:.. слышно въ комнатѣ, точно стучитъ у самой постели въ изголовьѣ. Раздражаетъ съ непривычки невыносимо. Ну, вотъ, наконецъ, слава Богу, свыкся, дремлю, передъ глазами поплылъ туманъ, скользнули двѣ-три тѣни, предтечи сна.

— А-а-э-э-э-і-і-і-уууyу...

Господи помилуй! Кого рѣжутъ? гдѣ пожаръ? или опять землетрясеніе? Васъ сбрасываетъ съ постели, какъ будто пружиною, сердце колотится въ груди, какъ пойманная птица, лобъ въ поту... Совсѣмъ нечеловѣческій вопль... И опять ничего особеннаго: это ночной сторожъ исполняетъ вторую свою обязанность, возвѣщаетъ добрымъ горожанамъ, который часъ, и что, Аллахъ великъ и милосердъ, на улицахъ все благополучно. Въ промежуткахъ воя и стука, сторожъ коротаетъ ночь, распѣвая турецкія пѣсни. Покойникъ Андреевъ-Бурлакъ разсказывалъ, какъ однажды въ вагонѣ встосковалась болонка на рукахъ у пассажирки, а та давай ее унимать:

— Перестань, Амишка! у-у-у-у! стыдно! у-у-у! вотъ и стыдно! у-у-у! что о тебѣ подумаютъ? у-у-у!

Сосѣдъ слушалъ-слушалъ,—и не вытерпѣлъ:

— Сударыня,—говоритъ,—будьте милосерды: пусть ужъ одна Амишка воетъ.

Много разъ вспоминался мнѣ этотъ анекдотъ, когда ночной сторожъ подъ моимъ окномъ принимался воспѣвать черные глаза какой-то *кызъ*, и, вторя ему, заливались жалостнымъ аккомпаниментомъ псы всего квартала. И, когда, наконецъ, на зло всему, усталость сморитъ васъ дремотою,—какіе дикіе сны видятся подъ этотъ волчій концертъ!

Сейчасъ рамазанъ, и стамбульская жизнь слагается такимъ порядкомъ: днемъ правовѣрные голодаютъ и ходятъ сумрачные и злые, какъ проклятыя души въ аду; а послѣ захода солнца благополучно обжираются до отвала и, пьянѣя отъ ѣды на долго тощій желудокъ, кричатъ и дурачатся по кофейнямъ до поздней ночи. Гвалтъ прекращается только къ разсвѣту, по слову Корана—«когда можно простымъ глазомъ отличить отъ нитки черной нитку бѣлую», то-есть часу во второмъ, а въ четыре уже «встаетъ купецъ, идетъ разносчикъ, на биржу тянется извозчикъ»—и вся

эта компанія спѣшитъ увѣдомить почтеннѣйшую публику о своемъ пробужденіи, испуская вопли дикаго ирокеза, пляшущаго танецъ побѣды на могилѣ злѣйшаго своего врага. А въ промежуткѣ—собаки и сторожа, сторожа и собаки. И, для оживленія постояннаго репертуара, сюрпризный дивертиссементъ—въ родѣ хора пьяныхъ грековъ, которымъ, возвращаясь изъ кафе-шантана, вздумалось вообразить себя итальянцами:

Margarita, pensa a Salvatore,
Margarita, l'uomo è cacciatore...

Если бы не шумъ, константинопольская ночь—ночь спокойная. Скандалы—большая рѣдкость. Ночныхъ фей, рокового зла сѣверныхъ большихъ городовъ, на улицахъ не имѣется. Постоянные обходы часовыхъ: то одиночкой, то патрулемъ. Нѣкоторое время я возвращался домой довольно поздно и, теряя въ темнотѣ представленіе о запутанномъ лабиринтѣ неосвѣщенной Перы:—даже главная улица освѣщена лишь въ широкой своей части, новой, совсѣмъ объевропеившейся, а въ переулкахъ—могильный мракъ,—неизмѣнно встрѣчалъ со стороны турецкой полиціи самую предупредительную любезность. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что и оказывать-то любезность было имъ затруднительно: я ни слова по-турецки, а милѣйшіе полиціанты «бельмесъ» по всякому другому. И всегда какъ-то дотолковывались до дѣла, и меня съ торжествомъ провожали до дверей Hôtel de France, гдѣ, пожелавъ спокойной ночи, почтительнѣйше откланивались. Ни разу ни одинъ полицейскій не спросилъ съ меня за такіе проводы обычнаго бакшиша и, когда я предлагалъ,—всегда отказывались. А еще недавно—всего лѣтъ пять тому назадъ,—въ переулкахъ Перы и Галаты нельзя было, послѣ сумерекъ, ходить безъ револьвера: прохожихъ чуть не на каждомъ углу поджидали ночные грабители, и звать на помощь было напрасно,—полиція была въ стачкѣ съ мошенниками и,

когда тѣ хватали людей за горло, еще помогала *). Занимались грабежомъ, впрочемъ, не столько турки, какъ греки и итальянцы,—отбросы портовъ Марселя, Бриндизи, Александріи. Сейчасъ не совѣтуютъ лишь предпринимать одинокія экскурсіи внизъ отъ Grande Rue de Pera къ Галатѣ по узкимъ, угрюмымъ переулкамъ, гдѣ квартируетъ весь константинопольскій развратъ, — развратъ европейскій, но на quasi-восточный ладъ, грязный и безудержный.

Это—бичъ Константинополя. На каждомъ углу Перы васъ подстерегаетъ «жолифамщикъ»: такою мѣткою кличкою прозвали наши моряки сомнительныхъ, не то приличныхъ, не то прямо изъ острога—сразу не разберешь—господъ въ фескахъ, съ пронырливыми острыми глазками буравчикомъ и съ готовностью, за одинъ наполеонъ, сдѣлать какую угодно мерзость—украсть, отравить, изнасиловать, что хотите. Это даже не пресловутые парижскіе сутенеры,—это что-то хуже, «звѣрѣе». Они выныриваютъ изъ какихъ-то подворотенъ, будто изъ-подъ земли; еще не видишь самого жолифамщика, а уже голосъ его шепчетъ надъ самымъ ухомъ:

— «Volez vo» jolie femme?

Если его отправляютъ къ чорту, онъ не смущается— и лишь переходитъ на тотъ языкъ, какъ его обругали. Обругаютъ на другомъ, и онъ на другой, третій. Говоритъ на всѣхъ діалектахъ одинаково скверно и одинаково бойко. Ни Мопассанъ, ни Катюль Мандесъ, ни Ришпенъ не описали еще формы разврата, который не предложилъ бы вамъ жолифамщикъ—и, что всего курьезнѣе, вовсе не тономъ

*) Теперь опять возродились эти милые нравы. Полицію развратилъ терроръ полномочій, предоставленныхъ ей противъ армянскихъ и македонскихъ революціонеровъ. Таинственныя убійства и нападенія въ закоулкахъ ставятся на счетъ „комитетцамъ", и тѣмъ дѣло кончается. Десятки преступленій въ Стамбулѣ, совершаемыхъ съ цѣлью грабежа, обращаются лѣнью и подкупностью полиціи въ „политическія", якобы производимыя неизвѣстными злоумышленниками. (1903).

змія-искусителя, нѣтъ, наоборотъ, самымъ дѣловымъ, озабоченнымъ, ариѳметическимъ, можно сказать, тономъ.

— Я видѣлъ, синьоръ, что къ вамъ подходилъ Яни. Пошлите его къ чорту: это грязная дрянь, дуракъ. Что онъ знаетъ? Что у него есть? Вся его кліентела—три паршивыя гречанки, изъ которыхъ у одной,—клянусь святою Ириною!—злѣйшая чахотка, а у другой мужъ-шантажистъ и любитъ дѣлать скандалы... А я, синьоръ, я моихъ кліентокъ даже не хвалю! Я только говорю: подите и взгляните. Да! взгляните! И вы тогда поймете, какой человѣкъ Насто, и не захотите знать никого другого. И я не прошу никакихъ денегъ: деньги—если синьору что-нибудь понравится, деньги послѣ. Пусть синьоръ только взглянетъ... Отчего вамъ не взглянуть, синьоръ? Вѣдь это васъ не разоритъ—взглянуть ничего не стоитъ.

Люди совсѣмъ безпардонные и крайне опасные. Ихъ надо обходить далеко; глухое молчаніе въ отвѣтъ на ихъ жужжащій шепотъ надъ ухомъ—единственное дѣйствительное средство отъ нихъ отвязаться, хотя и не избавляющее отъ дерзостей вслѣдъ. А, если туристъ плотію слабъ и идетъ на соблазны жолифамщиковъ, то долженъ съ ними держать не только ухо востро, но и кулакъ, и револьверъ наготовѣ. Новички, имѣющіе дерзость слѣдовать за этими волками въ ихъ трущобы, не разъ попадали въ ловушки, откуда либо выходили безъ кошелька и часовъ, либо вовсе не выходили, либо приходилось, въ счастливомъ случаѣ, прокладать себѣ дорогу револьверомъ. Такъ какъ главный элементъ, на который разсчитываютъ константинопольскіе мерзавцы, торгующіе живымъ мясомъ,—восточные человѣки: греки, персы, армяне, левантинцы,—то и главный товаръ жолифамщиковъ—несовершеннолѣтнія дѣвчонки. Ихъ дрессируютъ на «ремесло» съ семи-восьми лѣтъ и—лѣтъ въ одиннадцать—продаютъ и пускаютъ въ дальнѣйшій оборотъ. Проститутки двѣнадцати-тринадцати лѣтъ—самое обыденное явленіе

*

въ Константинополѣ. И, кажется, такое преждевременное развращеніе дѣтей даже не преслѣдуется ни полиціей, ни закономъ. Я видѣлъ этихъ несчастныхъ: ни малѣйшаго стыда и почти гордость собою—тѣмъ, что «я уже женщина»... Хвастовство порокомъ,—безъ всякаго цинизма, а скорѣе наивное: вотъ, молъ, какая я умница! si jeune et si bien décorée!.. Контингентъ такихъ отравленныхъ, загубленныхъ бѣдняжекъ пополняется преимущественно гречанками и армянками. Современное армянское разореніе бросило въ ряды проституціи множество женщинъ и дѣтей изъ Азіатской Турціи.

Если жолифамщикъ видитъ, что рыбка не клюетъ на его приманку, и онъ нарвался на опытнаго иностранца, онъ мѣняетъ роль и переходитъ на амплуа благороднаго нищаго:

— Въ такомъ случаѣ, муссю, дайте мнѣ піастръ на ужинъ, одинъ только піастръ.. Я сегодня весь день не жралъ, муссю.

Одинъ подобный субъектъ выпрашивалъ у меня по піастру четыре дня подрядъ.

— Да вы все врете,—говорю ему на пятый,—какъ это можно при вашихъ, въ нѣкоторомъ родѣ блестящихъ дарованіяхъ, голодать пятыя сутки?

— Посмотрите на меня, monsieur, вы увидите, что это правда. Совсѣмъ нѣтъ торговли, муссю. Вотъ уже пятыя сутки я живу исключительно вашими піастрами.

Тонъ и глаза какъ будто правдивые. Дѣйствительно,—вглядываюсь—на проходимцѣ лица нѣтъ: голодъ глядитъ изъ каждой ямки желтаго, тощаго лица.

— Собачье же ваше занятіе, если оно, вдобавокъ, такъ плохо васъ кормитъ.

— Истинно собачье, monsieur.

— Тогда зачѣмъ же вы имъ занимаетесь? Работали бы...

— Нѣтъ, ужъ лучше такъ... Я не умѣю работать. Знаете,

всѣ ремесла такія грязныя, совсѣмъ не для порядочнаго человѣка. При томъ не всегда бываютъ дурныя полосы: иной разъ выпадетъ кушъ,—такъ цѣлый мѣсяцъ потомъ живу бариномъ. Случается: дастся фортуна въ руки,—вотъ и обезпеченъ на всю жизнь. Живи въ своемъ конакѣ, принимай гостей, играй въ рулетку. Жизнь—лотгерея, mousiou.

И онъ съ увлеченіемъ разсказалъ мнѣ, какъ года два тому назадъ попался на крючекъ его собратьевъ по ремеслу богатый англичанинъ. Почтенный мисгеръ Джонъ Буль, начитавшись Байрона и Мура, пожелалъ, во что бы то ни стало, имѣть романическое приключеніе въ гаремѣ. Съ англичанина содрали 150 фунтовъ и —вмѣсто гарема, преспокойно привели его въ захолустный притонъ разврата, меблированный на этотъ высокоторжественный случай въ восточномъ вкусѣ. Любопытно, что, когда обманъ раскрылся, англичанинъ не только не пожалѣлъ истраченныхъ денегъ, но рѣшился заплатить ту же сумму вторично—съ тѣмъ лишь, чтобы, на сей разъ, побывать уже въ гаремѣ настоящемъ. Ему дали честное слово, съ него взяли деньги и... повторили съ нимъ ту же продѣлку, только въ другой части города. Англичанинъ уѣхалъ на родину, счастливый и довольный, а исторія его и посейчасъ притча во языцѣхъ и любимѣйшій анекдотъ константинопольскихъ гидовъ.

Вечеромъ въ Константинополѣ человѣку, привычному къ образу жизни большихъ европейскихъ и русскихъ городовъ, тоска смертная: совсѣмъ некуда дѣваться. Театровъ настроено много, но въ нихъ ничего не играютъ, потому что антрепренеры ѣдутъ въ Константинополь неохотно,—кто ни сниметъ театръ, прогоритъ. Оперетки еще кое-какъ держатся: при мнѣ была даже турецкая,—какіе-то армяне изображали на турецкомъ языкѣ «Маскотту». Ужасъ, что такое. Покойники въ гробахъ говорили спасибо, что умерли. Въ антрактѣ очень красивая, но очень толстая армянка

«изъ общества», по «благосклонному участію», пѣла Una voce poco fa—тоже по-турецки: это было очень смѣшно. Гортанные звуки восточнаго языка престранно контрастировали съ пѣвучею кантиленою Россини. Словомъ, спектакль для слушателей восточнаго факультета и студентовъ Лазаревскаго института въ Москвѣ. Театры Константинополя малы и характеръ ихъ постройки напоминаетъ объ ихъ эфемерности. Одеонъ, напримѣръ, устроенъ великолѣпно, но такъ, чтобы, въ случаѣ плохихъ дѣлъ, было можно мгновенно повернуть въ кафе-шантанъ съ красивымъ и просторнымъ зеркальнымъ заломъ *). Кафе-шантаны —совсѣмъ дрянь: поютъ и играютъ отбросы, не принятые ни на какую европейскую «лирическую сцену», какъ важно величаютъ гг. Омоны, Гинцбурги и Ком. свои шато-кабаки.

— Вотъ варвары-то! — возмущались мои сосѣди по табльдоту, французы, коммивояжеры,—что дѣлаютъ они по вечерамъ? Ходятъ другъ къ другу въ гости? спятъ?.. Въ ихъ кафе-шантанахъ нельзя бывать: свѣжаго человѣка или стошнитъ отъ сальностей, или, наоборотъ, возьметъ злая скука отъ вялаго исполненія... Ихъ забавляютъ просто выгнанныя горничныя нашихъ шансонетныхъ пѣвицъ!

При томъ: всюду рулетка,—и какая! самая шулерская! однѣ рожи крупье чего стоятъ! Проигрывать начнешь,—снимутъ рубашку; выиграешь,—ограбятъ.

— Я здѣсь добродѣтеленъ поневолѣ, — жаловался одинъ русскій,—бѣсъ не придумалъ для Константинополя другихъ соблазновъ кромѣ brasserie и кафе, а эти соблазны приводятъ лишь къ тому высоконравственному результату, что въ десять часовъ ночи я уже въ постели и сплю сномъ праведника.

Кафе и brasseries Перы, дѣйствительно, очень хороши, а нѣкоторыя—напримѣръ, Яни, Splendide Centrale—даже

*) Впослѣдствіи именно такая судьба его и постигла. (1901).

великолѣпны. Нѣмцы обособили себѣ Pilsen-Brasserie, гдѣ хозяинъ встрѣтилъ насъ чистѣйшею русскою рѣчью:

— Вы можете найти здѣсь самое лучшее пиво.

— Русскій?!

— Нѣтъ, я, такъ сказать, братъ-славянинъ.

Этотъ «такъ сказать, братъ-славянинъ» съ самымъ лучшимъ пивомъ напомнилъ мнѣ слѣдующую исторійку. Въ Вѣнѣ фланируетъ по Рингу благополучный россіянинъ. Впереди его какая-то очаровательная, но сомнительная особа. Вдругъ, особа спотыкается, и—прежде. чѣмъ россіянинъ подоспѣлъ поддержать—растягивается на тротуарѣ во весь ростъ. Ушиблась очень больно. Россіянинъ протягиваетъ руку помощи, особа съ трудомъ встаетъ, и—отъ боли—изъ красивыхъ губокъ ея вдругъ вырывается русская фраза изъ числа непредназначенныхъ для печати. Россіянинъ опѣшилъ:

— Русская?!—только и нашелся воскликнуть онъ.

Очередь опѣшить осталась за особою.

— Н-нѣтъ... сестра-славянка, — проворчала она сквозь зубы и торжественно удалилась.

Съ русскимъ языкомъ въ Константинополѣ надо быть осторожнѣе, чѣмъ гдѣ-либо за границею: изъ десяти, ну, пожалуй, двадцати человѣкъ, на улицѣ одинъ уже непремѣнно говоритъ по-русски, а двое понимаютъ. Это и удобство, и неудобство. Въ одномъ изъ своихъ парижскихъ очерковъ И. С. Тургеневъ разсказываетъ такой случай. Онъ сидѣлъ съ нѣкоторымъ подозрительнымъ по виду господиномъ на бульварѣ и велъ съ нимъ бесѣду политическаго свойства. Въ это время подходитъ А. И. Герценъ.

— Помилуй,—говоритъ онъ по-русски Тургеневу,— съ кѣмъ это ты сидишь? Вѣдь это шпіонъ, несомнѣнный наполеоновскій шпіонъ... Достаточно на рожу взглянуть, чтобы убѣдиться, что шпіонъ.

Возвращается Тургеневъ къ скамьѣ, гдѣ сидитъ его обруганный собесѣдникъ, а тотъ ему и преподноситъ:

— Вотъ, г. Иванъ, хочу я вамъ сказать: есть у васъ, русскихъ, скверная привычка выражать за границею по-русски самыя сокровенныя мысли, въ твердой увѣренности, что васъ не понимаютъ. Кто, молъ, въ сихъ цивилизованныхъ странахъ знакомъ съ нашимъ дикимъ языкомъ? Кому надо? Вашъ пріятель,—я его знаю: это г. Герценъ, — думалъ, что я не пойму слова, которыя онъ сказалъ вамъ на мой счетъ. А я, между тѣмъ, все дословно понялъ.

Никогда не сознавалъ я полезности совѣта, заключеннаго въ этомъ тургеневскомъ разсказѣ, болѣе доказательно, чѣмъ въ путешествіяхъ по южной Европѣ. На Востокѣ русскій языкъ очень нуженъ, и учатся ему—практически, разумѣется,—охотно и многіе. Не говорю уже о Болгаріи, гдѣ — послѣ паденія Стамбулова—русскій языкъ снова въ такомъ же ходу и распространеніи, какъ, напримѣръ, у насъ французскій. Тамъ нечего и думать секретничать по-русски вслухъ. Но и за болгарскими границами русскій языкъ не разъ награждалъ меня весьма неловкимъ положеніемъ, а тѣхъ, кто говорилъ на немъ — неловкимъ въ квадратѣ, въ кубѣ. Впрочемъ, по большей части—виновиты были встрѣчи не съ иностранцами-руссофонами, но съ соотечественниками...

Первый разъ въ Константинополѣ. Тамъ есть прелестный садъ, по названію Таксимъ. Существуетъ константинопольская поговорка: кто пилъ воду изъ Таксима, тотъ не покинетъ Константинополя навсегда,—вернется. Грузины Тифлиса выражаются проще и короче: Кура вода пилъ,—нашъ будешь. Какъ видите, одно и то же. Лѣтнимъ днемъ среди душнаго, жаркаго и, сказать правду, весьма отвратительнаго Константинополя, Таксимъ—чуть ли не единственное мѣсто, гдѣ можно дышать. Я забирался въ Таксимъ послѣ обѣда и уходилъ оттуда лишь передъ закатомъ солнца, который слишкомъ красивъ съ моста Золотого Рога, чтобы, кто можетъ его видѣть,

вздумалъ хоть однажды его пропустить. Въ одно прекрасное послѣ обѣда сижу въ Таксимѣ и читаю газету. Сижу, какъ водится по-восточному—въ фескѣ и туфляхъ... Влетаютъ двѣ барыни — худенькія, блѣдненькія, недурныя собой, одѣтыя пестро, но не безвкусно, съ быстрыми глазками и развязными манерами. Мой опытный взглядъ сразу призналъ соотечественницъ: даму просто пріятную и даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ. По тону—южанки: либо изъ Кіева, либо изъ Харькова, но не одесситки,—на этихъ, какъ на всемъ московскомъ, есть особый отпечатокъ. Дамы расположились на скамьѣ, сосѣдней съ моею, и продолжали свой начатый еще раньше разговоръ. Какой?... Скажу стихами Лермонтова изъ «Казначейши»:

Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
. . . .
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

Словомъ, не успѣли барыни разговориться, а мнѣ уже стало невозможно признаться имъ, что я русскій, и, слѣдовательно, понимаю все, что онѣ говорятъ. Это значило бы слишкомъ ихъ сконфузить. Душу свой смѣхъ и все ниже и ниже наклоняюсь надъ «Левантскимъ Курьеромъ», кстати посланнымъ мнѣ богами въ руки. Но... вдругъ «разговоръ двухъ сестеръ» обращается на мою собственную персону.

Долженъ оговориться: ораторствовала, собственно, одна, а другая, на всякое замѣчаніе подруги, только хохотала, всплескивала руками и взвизгивала:

— Ахъ, Лидія Александровна! да можно ли это?!

И вотъ, Лидія Александровна, разсказавъ десятка полтора пикантныхъ анекдотовъ, замѣчаетъ:

— Посмотрите, Леля, какой огромный турокъ сидитъ...

«Огромный турокъ»—это я. Какъ-то Богъ помогъ не фыркнуть... Но затѣмъ... затѣмъ началась подробная критика моей скромной персоны... критика не только по на-

глянымъ даннымъ, но и предположительная. Я крѣпился, чтобы не расхохотаться, чуть не до апоплексическаго удара.

— Хотите, Леля, я спрошу, какъ его зовутъ?

— Ахъ, Лидія Александровна!

— Вѣдь, они всѣ здѣсь—либо Ахметъ, либо Юсупъ, либо Мустафа...

Тутъ уже я не выдержалъ:

— А вотъ и ошиблись: меня зовутъ Александромъ, Лидія Александровна...

Два страшныхъ взвизга въ воздухѣ, двѣ убѣгающихъ тѣни по аллеѣ, и я—умирающій отъ истерическаго смѣха... На завтра вечеромъ я встрѣтилъ разговорчивыхъ дамъ въ саду Aux petits champs и имѣлъ жестокость почтительнѣйше съ ними раскланяться. Боже, какъ онѣ бросились къ выходу!

Не меньшей осторожности съ русскимъ языкомъ требуетъ Вѣна—городъ полуславянскій, съ массою поляковъ, русиновъ, русскихъ евреевъ и проѣзжихъ русскихъ. Однажды, сижу у Лейдингера. Я съ пріятелемъ моимъ англичаниномъ, г. Мальтеномъ *), только-что совершилъ долгую экскурсію на Зэммерингъ. Устали и проголодались. Набросились на ѣду, какъ голодные волки. Слышу съ сосѣдняго стула мужской голосъ:

— Нѣтъ, ты посмотри, Маша, какъ жрутъ эти нѣмцы. Этотъ длинный съѣдаетъ уже второй ростбифъ и пьетъ четвертую кружку пильзенскаго пива. Молодцы нѣмцы!

Оборачиваюсь и патріотически спрашиваю:

— Почему же вы думаете, что русскій того же не въ состояніи сдѣлать?

Понятное дѣло,—вмѣсто человѣка, предо мною—статуя Лотовой жены по обращеніи оной въ соль.

---

*) См. о немъ мою книгу „Сказочныя Были“. Статья „Землетрясенія“.

Третій случай...

Шагаю по стриженнымъ аллеямъ вѣнскаго Шенбруннъ-Парка, а передо мною, шагахъ въ десяти, плетется россійскій интеллигентъ, съ гидомъ. Видно, что интеллигенту опротивѣло все: и путешествіе, и Вѣна, и гидъ, и самъ онъ... Но—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Терпитъ и смотритъ. Изъ любопытства я послѣдовалъ за этою четой. Показалъ гидъ бѣдному туристу и группу Нептуна, и римскія развалины... Туристъ пыхтитъ и приговариваетъ:

— Римскія развалины... очень, очень прекрасно... Обелискъ... а! это обелискъ! ска-а-ажите, какъ интересно...

Правду сказать, въ Шенбруннѣ нѣтъ ровно ничего, пригоднаго для восхищеній. Кто видалъ Петергофъ, а на русскомъ югѣ Софіевку, Александрію, въ томъ Шенбруннъ возбудитъ только недоумѣніе. Но... гидъ говоритъ, что надо восхищаться—стало быть, туристу, нечего дѣлать, остается восхищаться.

Наконецъ, гидъ подводитъ моего бѣдняка къ какимъ-то дубамъ и заставляетъ ихъ щупать...

Пощупалъ... и, видимо, не понимаетъ, зачѣмъ щупалъ: дубы—какъ дубы... Выраженіе лица у туриста самое разочарованное. Но, надо полагать, дубы были послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія. Дубы сломили его; дубовъ онъ не вынесъ. Слышу вопросъ:

— Ну-съ, обелискъ видѣли, Нептуна видѣли, развалины тоже, дубы щупали .. дальше то что же?

— Дальше, mein Herr,—оторопѣвъ, возражаетъ юркій гидъ,—дальше... дальше... zahlreiche mithologische Gruppen in allen Theil...

— Zahlreiche?!.. О...

Послѣдовало самое откровенное трехъэтажное восклицаніе. Это было такъ искренне, такъ отъ души сказано, что я не выдержалъ и сѣлъ на ближнюю скамью, чтобы въ волю отхохотаться.

Мнѣ везло въ томъ отношеніи, что всякій разъ, какъ я попадалъ въ Константинополь, между Россіей и Турціей были хорошія политическія отношенія, и русскіе были въ модѣ, на первыхъ мѣстахъ.

— Московъ! карошъ московъ... Инглизъ худой... бормочетъ любой левантинскій купецъ Стамбула, норовя въ то же время всучить вамъ склянку поддѣльнаго розоваго масла, стоимостью въ одинъ франкъ, по крайней мѣрѣ, за десять. Покупая что-либо въ Константинополѣ, я всегда торговался, какъ Шейлокъ съ Тубаломъ,—даже мои спутники русскіе конфузились,—а, приходя домой, все-таки, узнавалъ отъ милѣйшаго хозяина нашей гостиницы m-r Франкля, что переплатилъ вдвое, втрое.

Первое, что бросается смотрѣть туристъ по пріѣздѣ въ Константинополь, это именно то мѣсто, гдѣ и сдираютъ съ него семь шкуръ: стамбульскій старый базаръ. Я видѣлъ стамбульскій базаръ еще до землетрясенія 1894 года, когда подъ его дряхлыми, Византію помнящими сводами, погибло болѣе пятисотъ человѣкъ. Теперь онъ утратилъ много изъ своей прежней оригинальности; возобновленія и передѣлки—некрасивыя пятна и бородавки на его типически восточной физіономіи. Здѣсь можно имѣть втридорога хорошее оружіе, новое и старое: знатоку не жаль отдать деньги,—попадаются вещи удивительныя, но профанамъ-коллекціонерамъ не совѣтую приступаться къ оружію константинопольскаго базара,—цѣну возьмутъ огромную, а подсунутъ дрянь, а то и просто имитацію вѣнской работы. Я ходилъ на базаръ исключительно, чтобы смотрѣть толпу. Она интереснѣе и богаче всѣхъ товаровъ, наполняющихъ базаръ и смежные съ нимъ узкіе кривые переулки, съ дырами и выбоинами на первобытной мостовой, съ медленно ползущими сквозь эти дыры и выбоины потоками жидкой грязи. Бродишь въ хаосѣ пестрыхъ лицъ, одеждъ и такихъ же пестрыхъ криковъ. Левантинскіе евреи, въ фескахъ, перебѣгаютъ вамъ дорогу и, съ

лихорадочными глазами, рекомендують янтарь, платье, шелкъ, золоченыя туфли—по самымъ дешевымъ цѣнамъ... ровно втрое превосходящимъ русскія. Бедуинъ, забывшій наѣзды для торговли желѣзнымъ хламомъ, сидитъ на кучѣ ржавыхъ сабель, ухватовъ, сломанныхъ ружей, пистолетовъ безъ курковъ, закутался въ бѣлый бурнусъ, отъ котораго рожа его, мертво-смуглая, съ неподвижными чертами, кажется вдвое чернѣе, и невозмутимо гнуситъ не то пѣсню, не то молитву, не то просто закликъ покупателя. Персы въ острыхъ шапкахъ,—желтолицые, глаза маслинами; наши косоглазые татары изъ Казани; бронзовые нубійцы въ фескахъ, точно приросшихъ къ гладко-бритымъ головамъ, и съ такими мускулами голыхъ рукъ, что взглянуть — душа радуется; сирійцы—красавецъ къ красавцу, въ платкахъ, чалмами намотанныхъ вокругъ головы, съ грудью открытой, несмотря на холодъ, узкимъ прорѣзомъ незашитой рубахи чуть не по поясъ; дюжіе аскеры султанской гвардіи въ залитыхъ золотомъ мундирахъ;—все это тѣснится плечомъ къ плечу, волнуется, колышется, сверкаетъ на солнцѣ, пестритъ и рябитъ въ глазахъ неустанною зыбью человѣческаго моря. Въ морѣ этомъ незамѣтно тонутъ скромныя фигуры мусульманскихъ женщинъ въ темныхъ мѣшкахъ, скрывающихъ всю фигуру, съ вуалемъ-яшмакомъ на лицѣ. Христіанки,—не желая отстать отъ мусульманокъ въ скромности, а также во избѣжаніе приставанья турокъ-ловеласовъ, весьма безцеремонныхъ къ христіанскимъ красавицамъ, если не на дѣлѣ, то на словахъ,—тоже носятъ свои платки низко на лобъ, оригинальною складкою, напоминающею нѣсколько головной уборъ сфинкса. Мѣшки и платки, по большей части, полосатые, подобранные въ тѣнь, изъ одной и той же матеріи. Всѣ эти Гюльнары, Медоры, Гаиде, Лалла-Рукъ, рожденныя будто бы воспламенять воображеніе поэтовъ, очень бѣлы (по большей части накрашены), очень толсты, очень глазасты, очень носасты и, въ весьма частыхъ встрѣчахъ, чрезвычай-

но усасты. Иногда изъ-подъ навѣса головного убора, вмѣсто бѣлаго лица, вдругъ сверкнутъ перламутровыя глядѣлки, блеснетъ чернымъ лакомъ кожа негритянки, съ оттопыренными впередъ толстыми губами. Между ними есть тоже свои красавицы: мнѣ показали на гуляньи въ Aqua Dolce одну такую—супругу какого-то египетскаго купца, христіанина... Это была удивительнѣйшая головка, тонко и изящно выточенная изъ чернаго дерева, и только слегка утолщенныя губы, да барашковая курчавость волосъ портили впечатлѣніе почти классическихъ чертъ темнокожей красавицы, да взглядъ былъ—какъ у всѣхъ цвѣтныхъ—немного по-звѣриному пугливый.

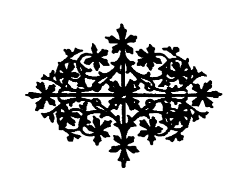
Вообще по зимнему Константинополю съ типомъ восточной красоты, такъ блистательно представленной лѣтомъ въ дачныхъ мѣстахъ и на гуляньяхъ Босфора, знакомиться нельзя. Главныя ея представительницы, изнѣженныя, капризныя левантинки, по цѣлымъ днямъ дрожатъ отъ холода, тщетно отогрѣваясь у своихъ тандуровъ, или переѣзжаютъ въ закрытой каретѣ —черезъ улицу, въ гости къ пріятельницѣ, чтобы тоже посидѣть у тандура, благодѣтельнаго источника зимняго тепла, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ городскихъ сплетень. Константинопольцы живутъ, какъ видно, очень тѣснымъ кружкомъ: всѣ какъ-то все про всѣхъ знаютъ, и всѣ обо всѣхъ говорятъ, даже въ самыхъ интимныхъ подробностяхъ, съ такою увѣренностью, точно о самихъ себѣ. Я былъ въ обществѣ русскомъ, французскомъ, у двухъ итальянцевъ: всюду жаловались на непомѣрное сплетничество и лицемѣрную pruderie коренного константинопольскаго общества.

— Репутаціи здѣсь не стоятъ ни одного сантима—говорила мнѣ жена одного француза-коммерсанта, родомъ изъ Марселя.—Ихъ губятъ съ такою же легкостью, какъ убиваютъ хлопушкою муху. Главное, что досадно: общество этихъ господъ съ Леванта—втайнѣ, можетъ быть, самое безнравственное общество въ Европѣ. Знаете, какъ англичане:

лицемѣрили, ханжили, возмущались нами, французами, нашимъ Парижемъ,—и вдругъ разоблаченія «Pall Mall'а», Оскаръ Чайльдъ и пр., и пр. Левантинка спокойно заводитъ себѣ трехъ-четырехъ «друзей дома», и всѣ это знаютъ, и прежде всѣхъ мужъ, но—пока соблюдаются внѣшнія приличія—никому до этого дѣла нѣтъ; она—почтеннѣйшая и добродѣтельнѣйшая женщина и можетъ развратничать, безъ потери репутаціи, сколько ей угодно, въ полное свое удовольствіе. Но вотъ, если она полюбитъ искренно не изъ одной блажи, тогда дѣло плохо: задумай она разойтись съ мужемъ,—ее зашвыряютъ камнями. Да что говорить о такихъ крайностяхъ! Мою сестру однажды—по просьбѣ ея же мужа—довезъ до дома изъ театра одинъ нашъ общій пріятель, немолодой уже человѣкъ... На другой день объ этомъ кричалъ весь коммерческій Константинополь, и у двухъ-трехъ тузовъ сестру перестали принимать, а мужа ея въ Галатѣ встрѣтили ироническими взглядами и подлѣйшими намеками. А какъ глупо это общество, если бы вы знали! О мужчинахъ скажу только, что они скучны: они ушли съ головою въ дѣла, въ денежную жадность, и выныриваютъ изъ своей золотой пучины лишь для того, чтобы, въ видѣ отдыха, наѣсться, напиться и купить себѣ въ жены или любовницы красивую женщину. Но эти женщины ихъ! Это—идіотки. Говорятъ, глаза—зеркало души. Вотъ вамъ прямое опроверженіе: левантинки. Краше ихъ глазъ не найти нигдѣ, а души у нихъ вовсе нѣтъ: у нихъ паръ, какъ у животныхъ. Вы замѣтьте: у нихъ всегда, если не умное, то задумчивое, мечтательное выраженіе лица. Между тѣмъ, левантинка никогда ни о чемъ не думаетъ, никогда ни о чемъ не мечтаетъ. Лакомка, обжора, самка, щеголиха и сплетница—вотъ ея составные элементы. Спросите левантинку объ ея дѣтяхъ, она затруднится вамъ отвѣтить, какъ идетъ ихъ ростъ, ихъ здоровье, ихъ воспитаніе. Зато—скандальную хронику всего города, и въ особенности посольствъ и иностранныхъ семей изучила наизусть и мно-

гое сама присочиняетъ. И очень зло, очень подло и искусно—смѣю васъ увѣрить... А хороши онѣ... кто же споритъ? хороши собою, какъ ангелы...

1896.

У РУМЫНЪ.

I.

По Яссамъ возилъ меня старожилъ-извозчикъ, какъ и всѣ почти извозчики здѣсь—русскій.

— Молоканинъ, что ли?

— Нѣтъ, ужъ если по правдѣ тебѣ говорить, будемъ, такъ называется, скопцы.

Неестественно ожирѣлое туловище, желтое безбородое и безусое лицо, потухшій взглядъ: «злополучно-безполезный мѣняла». Глядя на смѣшного кучера, у меня такъ и запросилось было на языкъ:

— Ахъ, тетенька, тетенька!

«Тетенька» числится въ эмиграціи сорокъ одинъ годъ. Орловскій, изъ-подъ Сѣвска.

— Много васъ здѣсь?

— Ужасно какъ много. Потому намъ здѣсь ужасно какъ хорошо. Здѣшніе господа, молдаване эти, насъ ужасно какъ обожаютъ.

Все у «тетеньки» было почему-то ужасно!

— Такъ что въ Россію васъ уже не тянетъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Развѣ повидаться съ родными. И то, я думаю, всѣ померли. А, по житью, какое же сравненіе? Я здѣсь могу быть въ думу выбранъ, самъ избиратель.

— Какую это вы газету читаете?

— Мѣстную. Вамъ не интересно: все про здѣшнія,

мелкія городскія дѣла. Здѣсь господа только своею политикою занимаются. Настоящія газеты, вся жизнь—въ Букурештѣ. Тамъ большой котелъ заваренъ.

Что же, какъ живутъ здѣсь русскіе? въ разбросъ или есть у нихъ свое общество?

Общества нѣтъ, но единеніе имѣемъ. Если угодно проѣхать, могу показать цѣлую улицу, сплошь заселенную нашимъ братомъ: направо, налѣво,—все русскіе дома. И клубъ у насъ тоже свой.

Русскій?

Нѣтъ, кучерской. Да кучера-то—почти всѣ русскіе. Мы румыновъ на этотъ счетъ ужасно потѣснили. Ихнимъ кучерамъ противъ насъ конкурренцію выдерживать невозможно. Мы и ѣздимъ лучше, и за честность насъ хвалятъ. Съ нами—что трезвый, что пьяный—безопасны. Да и занимаемся мы своимъ дѣломъ исконибѣ, отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну. Вѣдь иныя семьи живутъ здѣсь уже въ третьемъ, а то и въ четвертомъ колѣнѣ. Еще при царѣ Николаѣ Павловичѣ ушли за рубежъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Откуда же у васъ... поколѣнія?!

— Многіе переселялись съ семьями. Сами скопцы были, а семьи остались церковныя... Тоже примаковъ многіе въ домъ берутъ, усыновляютъ...

— А теперь переселяются сюда русскіе?

— Какъ же! Да вотъ вы хотѣли мѣнять деньги,—поѣдемте къ русскому лавочнику, онъ купитъ. Всего два года какъ изъ Россіи. Ермаковъ—фамилія, такъ и на вывѣскѣ значится.

Пріѣхали—и прямо изъ Яссъ перенеслись въ бойкую бакалейную лавочку съ окраинъ Москвы или Петербурга. Лавочникъ—русскій рижанинъ—выразилъ свой восторгъ при встрѣчѣ съ компатріотомъ тѣмъ, что наотрѣзъ отказался дать компатріоту больше 265 леевъ за сто рублей.

— Да вѣдь курсъ много выше.

— Очень можетъ быть-съ; но, какъ мы этимъ дѣломъ

занимаемся и не слѣдимъ за курсомъ, то намъ иначе ходить неподходяще.

Дѣло было какъ нарочно въ субботу; лавочки евреевъ, въ такихъ случаяхъ истинныхъ благодѣтелей рода человѣческаго, заперты, а въ карманѣ у меня румынскими деньгами всего пятнадцать леевъ. До Бухареста не доѣдешь. Прижалъ соотечественникъ! жестоко прижалъ!

Старый румынъ commis voyageur какой-то крупной фирмы, ѣхавшій со мною отъ Унгени, ахнулъ, когда узналъ, какую я совершилъ аферу:

— Зачѣмъ не сказали мнѣ? Отдавать русскія деньги за 265! Да я бы, не глядя на биржевую таблицу, согласенъ былъ дать 268...

«Тетенька», послѣ всѣхъ эклогъ скопческой честности, тоже сдѣлала легкую попытку къ грабительству заѣзжаго человѣка, заломивъ 20 леевъ за три часа, проведенныхъ въ городѣ, при весьма незначительныхъ переѣздахъ, но я выдержалъ характеръ, разобрался въ румынской таксѣ и заплатилъ лишь, сколько слѣдовало. Что меня удивило, отъ «бѣлаго голубя» страшно несло водкой: у насъ въ Россіи скопцы не пьютъ.

Жить въ Яссахъ, должно-быть, скучно. Двѣ трети населенія—евреи, подобные нашимъ юго-западнымъ—только здѣсь они богаче, чѣмъ у насъ, а, слѣдовательно, и самостоятельнѣе. Они фактическіе хозяева города. Въ шабашъ Яссы точно вымираютъ. Лучшіе кварталы заперты: всѣ магазины, банкирскія и другія операціонныя конторы—еврейскіе. Поэтому, христіанскіе праздники въ Яссахъ, какъ говорили мнѣ спутники-румыны, гораздо менѣе замѣтны, чѣмъ еврейскіе.

— Хорошо еще, что шабашъ длится только сутки, а то бы намъ всѣмъ, не евреямъ, пришлось умирать съ голода.

По внѣшнему виду, Яссы—увеличенный Кишиневъ, а Кишиневъ—увеличенная Смѣла, Шпола, Бѣлая Церковь; одно изъ тѣхъ обильныхъ населеніемъ торгово-промышлен-

*

ныхъ мѣстечекъ, какими такъ богата Украйна... Кто въ нихъ бывалъ, легко вообразитъ Яссы, а кто живалъ, сразу догадается, и какъ живутъ въ Яссахъ.

II.

Румыны хвастаются своимъ Букурештомъ: по ихъ мнѣнію, онъ чуть-чуть что не «Дунайскій Парижъ». Но хорошая русская поговорка учитъ насъ, что «чуть-чуть» не считается. На мой взглядъ, Букурештъ — уголокъ Москвы, пытающейся, въ пику Петербургу, притвориться Вѣной. Та же, что въ Москвѣ, смѣсь европейскаго города съ большой деревней. Въ центрѣ города зданія огромны, красивы и новы, но стоятъ они тѣсно и криво—улицы плохо выравнены. Въ самыхъ бойкихъ пунктахъ попадаются сомнительные переулки; развалюги лѣпятся къ громадамъ дворцовъ. И это—не милые chiassi, курьезные и прелестные коридоры безъ крышъ, пробѣгающіе отъ улицы къ улицѣ старыхъ итальянскихъ городовъ; это просто—царевококшайщина, гнилыя захолустья. Окраины Букурешта—самая добродушная россійская провинція,—провинція-черноземъ. Такъ и ждешь, что вотъ-тотъ задребезжитъ за угломъ колымага и поѣдетъ въ ней Коробочка совѣтоваться съ протопоповымъ сыномъ, почемъ ходитъ теперь мертвая душа.

Букурештцы страдаютъ нѣсколько маніей величія. По дорогѣ изъ Яссъ, я наслушался чудесъ о букурештскихъ бульварахъ и ждалъ видѣть Семирамидины сады. Ничего особеннаго. Больше: ничего замѣчательнаго. Такіе проспекты съ деревьями имѣются во всѣхъ южно-русскихъ городахъ. О прекрасномъ Головинскомъ проспектѣ въ Тифлисѣ я уже и не говорю. По вечерамъ, букурештскіе бульвары залиты электрическимъ свѣтомъ, людны, шумны

и — по наполняющей ихъ ресторанно-кафе-шантанной толпѣ—любопытны. Зеленью они ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться и, такимъ образомъ, въ каменномъ, раскаленномъ центрѣ Букурешта, буквально негдѣ схватить глотокъ свѣжаго воздуха.

Букурештъ—истый румынъ: окультуренный дакъ съ плохо вымытой шеей и сомнительнымъ бѣльемъ, но одѣтый по послѣдней картинкѣ парижскихъ модъ. Въ болгарскомъ Рущукѣ я насчиталъ четыре книжныхъ магазина на одной улицѣ. Въ Букурештѣ они такъ рѣдки и мало замѣтны, что ихъ надо искать по-діогеновски, съ фонаремъ въ рукахъ. Зато на каждомъ шагу—вывѣска: «и вотъ заведеніе», ресторанъ и кафе-шантанъ. Точно румынскую культуру насаждалъ пресловутый бояринъ Пурческо-Манеско изъ оперетки «Апаюнъ»!

Не знаю, каковы букурештскія удовольствія зимою; лѣтомъ очень плохи. Я побывалъ въ двухъ «градинахъ» — на лучшемъ счету въ городѣ. Въ одномъ—вѣнская оперетка, въ другомъ—оперетка еврейской труппы. Я сбѣжалъ послѣ перваго акта «Цыганскаго барона». Если бы эту благозвучную вещицу спѣли такимъ образомъ русскому коту, онъ бы три дня послѣ того съ горя мяукалъ. Но румынская публика невзыскательна: она аплодировала и подносила букеты.

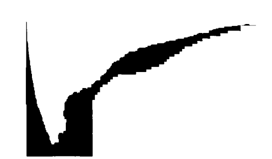
У вѣнцевъ—нѣмецкій языкъ и на сценѣ, и въ саду. Публики масса, и очень приличной публики: сомнительныхъ дамъ и подозрительныхъ пшютовъ незамѣтно. Столики заняты семьями: папаши, мамаши и дѣтки, включительно отъ грудныхъ ребятъ до трехъ-аршинъ парней въ курточкахъ и подростковъ-«ангелочковъ», которымъ давно бы пора подумать о длинномъ платьѣ. Тѣмъ страннѣе невѣроятный цинизмъ спектакля. Въ концертномъ отдѣленіи комики-дуэтисты, взамѣнъ таланта и умѣнья, такъ и сыпятъ сальностями: не только гнусные намеки, но и гнусныя слова. У насъ что-либо подобное—подчеркиваю:

подобное, а не такое—можетъ имѣть мѣсто развѣ лишь въ самомъ отчаяннномъ шато-кабакѣ, куда никогда не заглянетъ порядочная женщина, а порядочные мужчины пробираются тайкомъ и оглядываясь, не попасться бы кому изъ знакомыхъ. Здѣсь же всѣ—въ восторгѣ, нараспашку. Мамаши скрываютъ за вѣерами и букетами улыбающіяся лица, «ангелочки» стыдливо потупляются и дѣлаютъ видъ, будто у нихъ уши завѣшаны золотомъ, балбесы въ курточкахъ осклабляютъ рты до ушей, а pater familias'ы въ азартѣ стучатъ пивными кружками и требуютъ безконечныхъ bis'овъ...

Я засталъ букурештскій Salon. Румынская живопись въ Россіи совсѣмъ неизвѣстна. Новизной, оригинальностью, совершенствомъ техники, содержательностью румынскій салонъ далеко не блисталъ. Золотая середина: ничего особенно дурного, ничего выдающагося, блестящаго. Добропорядочная подражательность не только манерамъ, но и манерности современныхъ французовъ и мюнхенцевъ. Большинство полотенъ, впрочемъ, и помѣчено Мюнхеномъ. Весьма много pleine air'истовъ. Безсюжетность—еще большая, чѣмъ у молодыхъ русскихъ художниковъ, а этимъ сказано много. Излюбленная тема большихъ полотенъ—голая розовая женщина на свѣтло-зеленой травѣ.

Лучшая часть salon'а портреты. Въ огромномъ большинствѣ, почти безъ исключеній, они ярки и жизненны; чувствуется не только сходство, но и схваченный художникомъ характеръ оригинала. Мазокъ смѣлый, размашистый, но не грубо-неряшливый. Чтобы любоваться портретомъ, не надо переходить на другую сторону площади, какъ требуетъ того кляксанье импрессіонистовъ. Реалистическіе порывы румынскихъ портретистовъ сближаютъ ихъ, пожалуй, со школою Крамского: правда, вылившаяся въ изящество; сила и смѣлось, смягченныя чувствомъ мѣры.

Исключеніе представляетъ — самая крупная звѣзда румынскаго искусства, профессоръ Миреа, человѣкъ уже

немолодой и много поработавшій. Мирея—портретистъ романтикъ; его стиль напоминаетъ Брюллова. Одинаковая твердость рисунка, одинаковое эффектёрство; только у Брюллова, какъ портретиста, много больше сока и блеска въ колоритѣ; у Миреа онъ нѣсколько тускловатъ.

Хорошая черта румынской живописи—обиліе свѣта, яркая, чисто-южная красочность. Это качество родится только подъ синимъ небомъ и подъ жаркимъ солнцемъ. Испанцы прославились такимъ письмомъ. Изъ молодыхъ школъ, въ этомъ отношеніи, къ румынамъ близко подходитъ малоизвѣстная группа нашихъ закавказскихъ художниковъ.

Какъ иностранному журналисту, мнѣ не только показали салонъ и зданіе Атенеума безплатно, но даже приставили ко мнѣ чичероне изъ распорядителей. Но по части именъ и названій этотъ милый малый оказался самъ вполнѣ невиненъ. Зато, водя меня по отдѣлу живописи, онъ тыкалъ пальцемъ въ картины и приговаривалъ:

— C'est un tableau!

Въ отдѣлѣ же скульптуры, хлопалъ статуи по ляжкамъ, просвѣщая мое иноземное невѣжество справедливымъ объясненіемъ.

— Статуя!.. И это статуя! И еще...

Къ чести его сказать, различіе между картиной и статуей онъ зналъ твердо и ни статую картиною, ни картину статуей ни разу не назвалъ.

Румыны—народъ живой, и букурештская улица—хорошая, подвижная, веселая улица. Я до страсти люблю толпу и уличную суетню. Послѣ мертвой оцѣпенѣлости нашихъ сѣверныхъ городовъ пріятно окунуться въ шумную толкотню на Calea Victoria: здѣсь бьется пульсъ букурештской жизни. Похоже въ миніатюрѣ на неаполитанскую Via Toledo: человѣческій муравейникъ, полный матово-смуглыхъ лицъ, сверкающихъ черныхъ глазъ, густыхъ жесткихъ бородъ и страшнѣйшихъ усищъ.

Женщины очаровательны. Въ Италіи встрѣчаются красавицы, какихъ, можетъ-быть, не найти во всей Румыніи, но, въ массѣ, румынки красивѣе итальянокъ. Я говорю, конечно, только про культурные типы; женщинъ народа—по румынскимъ деревнямъ—я не видалъ, а образцы, встрѣчавшіеся въ Букурештѣ, сродни нашимъ россійскимъ пейзанкамъ. Но женщины «общества» великолѣпны. Видно, справедливы слухи, будто румынка убиваетъ на туалетъ ровно девять десятыхъ дня, чтобы ослѣплять своею красотою вечеромъ. Иначе нельзя такъ выхолить, такъ выходить себя, какъ замѣтно это на большинствѣ. Нервная, тонкая кожа, розовые ногти, сверкающіе зубы, тяжелыя груды темныхъ волосъ—все это проходитъ, съ утра до вечера, цѣлую лѣстницу мытарствъ, предписанныхъ косметической наукой. Почти всѣ онѣ слегка подрисованы, но—съ большимъ искусствомъ: не оставляютъ впечатлѣнія маванности, какое неизмѣнно выносишь изъ откровенной дамской толпы Петербурга или Москвы. Моды смѣлы; цвѣта матеріи часто ярки и рѣзки, но всегда—къ лицу, такъ что яркость здѣсь, очевидно, плодъ не безвкусія полудикарки, а эффектнаго расчета: кричу о своей красотѣ и не боюсь кричать! Вотъ я какая,—любуйтесь и погибайте!... Удивительные глаза у румынокъ. Вотъ ужъ—«яснѣе дня, чернѣе ночи». И выраженіе славное—горячее, глубокое. Славянская задумчивость смѣшалась съ романскою страстностью въ этомъ взглядѣ—чувственномъ, но не безстыдномъ, сулящемъ романъ, но не оргію... А жизнь въ Букурештѣ, сказываютъ, романична, и скандальной хроникѣ города нѣтъ отдыха въ теченіе всѣхъ четырехъ сезоновъ года: всегда новости и новости, одна другой пикантнѣе... Что дѣлать? Слишкомъ много благопріятныхъ факторовъ: и южный темпераментъ, и погоня за парижскими модами, и вліяніе вѣнцевъ, составляющихъ чуть не тридцать процентовъ букурештскаго образованнаго круга. Единственнымъ недостаткомъ румынокъ, съ точки зрѣнія

строгой красоты, является чрезмѣрная полнота, какою надѣляетъ ихъ судьба годамъ къ 28—30. Но даже и этотъ недостатокъ не достигаетъ здѣсь такого уродства, какъ у женщинъ другихъ южныхъ національностей: армянокъ, евреекъ, грузинокъ, гречанокъ, итальянокъ Лигуріи и Ломбардіи. Еще преимущество румынскаго прекраснаго пола: на улицахъ Букурешта почти не встрѣчается уродливыхъ вѣдьмоподобныхъ старухъ, тогда какъ въ Неаполѣ или Римѣ каждую минуту ждешь услышать зловѣщее шамканье:

— Привѣтъ Макбету, тану Кавдора!

Цвѣтъ толпы—нарядное офицерство —производитъ нѣсколько мишурное впечатлѣніе. Румынскіе офицеры—плохой сколокъ съ австрійскихъ. Какіе-то изнѣженные франтики, съ женственными манерами, завитые и надушеные. Въ румынскомъ обществѣ хоть пропадай отъ духовъ: женщины—точно каждая взяла ванну изъ опопонакса или шипра, мужчины тоже безбожно пичкаются ароматами. Для человѣка съ тонкимъ обоняніемъ,—а меня, какъ нарочно, Богъ наградилъ имъ до болѣзненности,—это несносно. Я понимаю до извѣстной степени ароматоманію въ женщинѣ, но мужчинѣ, да еще офицеру, она какъ-будто даже конфузна. У румынскаго воинства изящныя манеры, но далеко не молодцоватая выправка. Въ салонѣ эти господа, надо полагать, очень милы и кстати; не знаю, таковы ли они въ полѣ... Многаго не обѣщаютъ.

Румыны, кромѣ офицеровъ, оперетки и опереточныхъ нравовъ заимствовали у вѣнцевъ пиво. Оно всюду побѣждаетъ вино, несмотря на его изобиліе и мѣстное происхожденіе. Букурештъ имѣетъ уже нѣсколько Bierhallen на вѣнскій и берлинскій образецъ: то-есть—чуть не дворцы, съ прелестными садиками при нихъ. Бѣдный виноградный сокъ! Еще Юліанъ Отступникъ защищалъ его благородную влагу противъ «мутнаго ячменнаго Вакха, приходящаго съ сѣвера», но пятнадцативѣковая борьба разрѣ-

шается повсюду въ пользу этого Вакха. Пивомъ портятъ себя итальянцы, измѣнивъ своему chianti—благороднѣйшему изъ всѣхъ vins ordinaires на земномъ шарѣ; во Франціи, Испаніи, въ Закавказьѣ, во всѣхъ родинахъ винограда, господствуетъ пиво.

— Замѣтьте,—указалъ мнѣ одинъ римлянинъ,—какъ наше населеніе ожирѣло, отупѣло и отяжелѣло за послѣднія шесть-семь лѣтъ. Это отъ проклятаго пива—подарка triplice alleanza. Въ нашемъ климатѣ оно ядъ, а мы пьемъ его съ утра до вечера. Увидите, что въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ оно переродитъ націю. Вмѣстѣ съ пивомъ въ насъ переливаются кровь и темпераментъ тедесковъ.

Румыны прилагаютъ всѣ усилія къ такому перерожденію: дуютъ пиво, какъ давай Богъ всякому пруссаку. Вино ихъ не слишкомъ хорошо: одного типа съ бессарабскимъ, т.-е. очень вкусно для уксуса, но недостаточно содержательно для вина.

III.

Въ Кишиневѣ я былъ удивленъ, когда лишь въ одной книжной лавкѣ, послѣ долгихъ разспросовъ и поисковъ, нашелъ учебникъ румынскаго языка—старое, очень неудобно и малопрактично составленное изданіе г. Іоанна Данчева. Казалось бы, какъ, на границѣ Румыніи, не нуждаться въ румынской грамматикѣ и румынскомъ лексиконѣ. А, впрочемъ,—такова ужъ доля всякаго русскаго, затѣявшаго учиться какому-нибудь ново-славянскому языку: охота смертная, да участь горькая!

Ѣдучи въ 1901 г. въ Сербію, Болгарію, Македонію, я старался воскресить въ памяти то, что въ 1894 и 1896 гг. «подучилъ малость» по-болгарски и занялся, совсѣмъ наново для себя, сербскимъ языкомъ. Я твердо убѣжденъ, что, при толковыхъ занятіяхъ, русскому достаточно одного

мѣсяца, чтобы овладѣть сербскою или болгарскою рѣчью для бѣглаго разговора, не говоря уже о литературномъ чтеніи; способность къ послѣднему вы легко пріобрѣтаете, послѣ самаго поверхностнаго ознакомленія съ грамматиками южно-славянскихъ языковъ. Но поразительно мало сдѣлано нашимъ славянофильствомъ для того, чтобы русскій, желающій изучить братскій славянскій языкъ, могъ приступить къ тому безъ препятствій и затрудненій. Мнѣ нуженъ болгарско-русскій словарь. Что могу я найти и купить въ Петербургѣ? Великолѣпное, какъ научный, спеціально-филологическій трудъ, произведеніе покойнаго А. Л. Дювернуа,—никуда негодное, однако, какъ практическое, ручное пособіе,—хотя бы уже потому, что въ немъ 3.000 страницъ in 8°. Даже австрійскіе таможенные,—обыкновенно самые равнодушные въ мірѣ люди къ литературѣ и книгѣ,—заинтересовались этимъ страшилищемъ въ шагреневомъ переплетѣ и смотрѣли на него съ дикимъ любопытствомъ, которое я истолковывалъ себѣ такъ:

— Хорошо, если это, дѣйствительно, книга. Но, если это динамитная бомба, ея совершенно достаточно, чтобы взорвать на воздухъ половину Бурга и весь Maria Teresien-Platz!

Въ дополненіе всей своей неуклюжести, книга-бомба стоитъ 20 рублей. Милостивые государи! Скажите, положа руку на сердце: ну, кто въ Россіи,—помимо завзятыхъ любителей-библіомановъ или спеціалистовъ, одержимыхъ крайнею необходимостью именно къ такому-то и такому-то опредѣленнаго рода и вида чтенію, чего бы оно ни стоило,— ну, кто у насъ платитъ за книгу по 20 рублей!? И еще за словарь?! И еще за болгарскій?! Нѣмецкій словарь Павловскаго стоитъ 6 рублей, макаровскіе идутъ по 5 руб. 50 коп.,—а тутъ вынь да положь два большихъ золотыхъ... За что? Признаюсь искренно: я «вынулъ и положилъ» со скрежетомъ зубовнымъ. Ибо я, во-первыхъ, сознавалъ, что,—вмѣсто желательнаго практическаго, оборот-

наго руководства,—какъ говорятъ малороссы, покупаю лишь чорта за свои гроши: чорта, который оттянетъ мнѣ руки и ничему меня не научитъ. А во-вторыхъ... двадцать рублей... Господа! Вѣдь это мѣсячный заработокъ многихъ изъ той молодежи русской, которую еще въ «Руси» восьмидесятыхъ годовъ наше славянофильство попрекало нежеланіемъ знакомиться съ инославянскими нарѣчіями и литературами. Познакомишься тутъ!

Но словарь Дювернуа, повторяю, спеціальный ученый трудъ, изданный академіей наукъ въ качествѣ филологическаго chef d'oeuvre'а. А вотъ лежитъ предо мною «Русско-сербскій словарь» Лавровскаго, стоящій всего два рубля и выпущенный въ свѣтъ санктпетербургскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ спеціально для облегченія сношеній между русскими и сербами. Удивительное произведеніе! Изъ него вы можете узнать, какъ по-сербски звучатъ русскія реченія, коихъ никогда не употребляютъ въ обиходѣ своемъ русскіе, но не узнаете даже, какъ по-сербски будетъ русскій глаголъ «имѣть». Просматриванье словаря этого доставило мнѣ много веселыхъ минутъ и значительно сократило время путевой тряски въ вагонѣ. Въ результатѣ просматриванья я получилъ тотъ счастливый даръ, что знаю по-сербски весьма много русскихъ словъ, которыхъ, однако, не понимаю по-русски. Такъ напр., я знаю, что русское «малка» есть по-сербски «покретна мѣра углова», но—что такое «малка»—долженъ буду, по возвращеніи, освѣдомиться въ «Толковомъ Словарѣ» Даля. Такъ и не знаю я, какъ по-сербски сказать: «я имѣю, ты имѣешь, онъ имѣетъ»; зато никто лучше меня не переведетъ вамъ на сербскій языкъ такихъ насущно-необходимыхъ русскихъ реченій, какъ «дерба», «дербничекъ», «дербовать», «кука», «кубура», «свохлять» и т. д. – особенно, если какой-либо добрый читатель будетъ такъ любезенъ, что сообщитъ мнѣ ихъ русскій смыслъ и значеніе.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ на 1000

русскихъ едва-ли одинъ смыслитъ сколько-нибудь въ одномъ изъ славянскихъ языковъ, и развѣ одинъ изъ 100 южныхъ славянъ владѣетъ языкомъ русскимъ, несмотря на полнѣйшую его для нихъ необходимость—не только литературно-общественную, но и лексическую. А, впрочемъ, Кишиневъ и вся пограничная Бессарабія до Унгени поражаютъ руссификаціей, далеко не привычной для человѣка, знакомаго съ другими порубежными окраинами нашей территоріи. Ѣдешь изъ Петербурга или Москвы въ Вѣну, русскій языкъ теряется уже за Брестомъ, а отъ Варшавы до границы—ни слова русскаго, ни русскаго лица. Здѣсь наоборотъ: самый сильный изъ чужеземныхъ элементовъ рѣчи, польскій, ослабѣваетъ уже черезъ нѣсколько перегоновъ отъ Кіева, а къ Раздѣльной пропадаетъ даже еврейскій жаргонъ. Всѣ—молдаване, нѣмцы, евреи, цыгане—говорятъ по-русски. Говорятъ нехорошо, съ грубымъ одесскимъ произношеніемъ, по которому и одессита-то легко принять за иностранца, но говорятъ обязательно и охотно, съ такимъ же обильнымъ запасомъ словъ, какъ на родномъ языкѣ. Нѣсколько интеллигентныхъ молдаванъ ѣхали со мною до Пырлицы, послѣдней станціи предъ Унгени. Ихъ живой разговоръ на румынскомъ языкѣ былъ испещренъ русскими фразами и словами—еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ вычурный языкъ нашихъ петербургскихъ декадентовъ унизанъ французскимъ бисеромъ. Это тѣмъ страннѣе, что, едва переѣдешь румынскую границу, нить русской рѣчи обрывается, точно перерѣзанная ножницами. По нашу сторону Прута ни одного слова румынскаго, по румынскую же ни одного слова русскаго. Спрашиваю нѣмца-буфетчика на станціи Унгени:

— Скажите, пожалуйста, какъ по-румынски «артельщикъ», «носильщикъ»?

Выпучилъ глаза:

— Представьте,—не знаю! Какъ-то никогда не случалось слыхать...

Къ стыду почтеннаго германца, оказалось еще, что носильщиковъ на румынскихъ дорогахъ кличутъ по-нѣмецки: Träger! Вотъ что значитъ граница: живетъ человѣкъ у самой незримой ея черты и знать не хочетъ, что за этой чертой дѣлается. А еще говорятъ, будто политическія грани—фантастическій бредъ исторіи, когда она больна лихорадкой!..

Букурештъ удивилъ меня своимъ безкнижіемъ еще больше Кишинева. Плутая изъ магазина въ магазинъ, я не могъ добиться ни путеводителя по Букурешту, ни русско или французско-румынскаго словаря, ни какой-нибудь разговорной книжки. Спросилъ учебникъ болгарскаго языка: тоже нѣтъ. Что же есть?—Французскіе романы,—имя же имъ легіонъ,—и сенсаціонныя изданія въ родѣ толстовскаго «Царства Божія». Мнѣніе, будто тому, кто понимаетъ французскую и итальянскую рѣчь, легко изучить и можно не учась понимать румынскій языкъ, ошибочно. Путаница корней романскихъ и славянскихъ—истинное несчастье румынскаго языка; въ послѣднее время румынскіе литераторы стараются какъ можно болѣе латинизировать свой слогъ, вытѣсняя изъ него славянскія реченія въ народный жаргонъ. Это не хорошо, да и не худо: по крайней мѣрѣ, языкъ пристанетъ къ какому-нибудь берегу, а то онъ какой-то межеумокъ: ни славянинъ, ни латинецъ. Реформа алфавита, какъ извѣстно, давно уже введена въ Румыніи. Кириллица осталась только въ церковныхъ книгахъ. Свѣтскій языкъ давно латинизированъ въ шрифтѣ. Всѣ шаги къ полному дезертирству изъ славянской семьи. Что же? Если славянство потеряетъ румынъ, то, можетъ-быть, утрата будетъ не такъ ужъ огорчительна. Румыны считаютъ себя потомками римскихъ поселенцевъ, отправленныхъ Трояномъ къ дакамъ.

— Да,—со злостью подтвердилъ мнѣ въ Петербургѣ недолюбливающій румынъ писатель-дипломатъ. Только румыны забываютъ, какіе это были поселенцы. Они по-

томки римскихъ каторжниковъ. А туда же— civis romanus sum!

Истинный литературый языкъ Румынiи — французскiй: многiе литераторы пишутъ по-французски; нѣсколько букурештскихъ газетъ, между прочимъ, влiятельная «Indépendance Rumaine», издаются на французскомъ языкѣ, а чисто румынскiя газеты полны, какъ говорятъ знатоки, галлицизмовъ не только лексическихъ, но и въ оборотахъ фразъ, въ строенiи рѣчи. Въ Молдавiи французскiй языкъ распространенъ мало, но въ Букурештѣ онъ—необходимая принадлежность каждаго прилично одѣтаго человѣка. Даже въ народѣ старинное румынское «буна сара»—«добрый вечеръ» уступило мѣсто французскому bonsoir. Говорятъ, однако, вовсе не хорошо—съ некрасивымъ акцентомъ и грубыми, тяжеловатыми оборотами: языкъ колонiй, какъ выражаются парижане. Итальянскiй языкъ также въ большомъ распространенiи. Нѣмецкая рѣчь—повсюду; на желѣзныхъ дорогахъ, по преимуществу, вѣнскiй говоръ и еврейскiй жаргонъ. Русскаго языка никто не понимаетъ, кромѣ опять-таки извозчиковъ-скопцовъ и молоканъ,—а ихъ въ Букурештѣ вовсе не такъ много, какъ описываетъ Эмиль де-Лавелэ въ своей книгѣ о Балканскомъ полуостровѣ.

Русскiе эмигранты—простолюдины поразительно легко забываютъ родной языкъ. Старшiй кельнеръ прекраснаго «Hôtel Union», гдѣ я остановился, оказался русскимъ. Всего семь лѣтъ, какъ онъ эмигрировалъ изъ Одессы,—положимъ, одесскiй русскiй языкъ—тоже штучка особаго рода!—и уже почти не въ состоянiи связно вести русскую рѣчь: сохранилъ лексиконъ, но утратилъ этимологiю и синтаксисъ. Языкъ скопцовъ-извозчиковъ тоже совсѣмъ невѣроятный: иностранныя слова и иностранные обороты затемняютъ рѣчь; произношенiе хуже, чѣмъ даже у бессарабцевъ. А есть чистые русаки: орловцы, калужане. Чудно они ѣздятъ: прекрасные кони, удобные и красивые на видъ

носи
мец
вѣкі
за э
чес
бол

бол
не м
ско
раз
тол
им
«П
фра
не
ко
ру
ра
сл
ж
яз
к
а.
К
с
к
I

если бы знали, что я русскій. Русскихъ румыны не слишкомъ-то долюбливаютъ.

Впрочемъ, кто насъ искренно любитъ на Балканскомъ полуостровѣ? Между нами и румынами давно лежитъ черная кошка. Русская политика на Востокѣ всегда отличалась качествомъ чисто-русскаго характера — желаніемъ облагодѣтельствовать. Благодѣтельствовать пріятно потому, что затѣмъ должны бы создаваться обязательныя отношенія благодарности. Говорю «должны бы», потому что на дѣлѣ этого никогда не бываетъ. Благодарность едва-ли не самое рѣдкое качество между людьми и совершенно небывалое между народами. Когда французы помогли итальянцамъ раздѣлаться съ австрійцами, пьемонтцы даже о насущныхъ врагахъ своихъ, австріакахъ, говорили съ меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ о «спасителяхъ»-французахъ. Это происходитъ именно отъ сознанія: мы обязаны быть благодарными, что значитъ—подчинить свою волю волѣ обязавшаго насъ народа... Но если мы не хотимъ? Тогда насъ будутъ считать неблагодарными и при случаѣ припомнятъ намъ это. Россія обязала всѣ славянскія государства, и всѣ оказались—въ политическомъ смыслѣ—неблагодарными, и всѣ боятся, что рано или поздно Россія ихъ за эту неблагодарность такъ или иначе высѣчетъ. Чистосердечію русской политики они не вѣрятъ: это, молъ, одно притворство, что она бездѣйствуетъ, а, на самомъ дѣлѣ, она сложила наши вины въ сердцѣ своемъ и въ одно прескверное утро потребуетъ за нихъ удовлетворенія. Страхъ безъ вины виноватыхъ людей. Какая ужъ тутъ любовь?

У румынъ же есть и другія причины. Они считаютъ себя обиженными еще съ прошлой войны. Ихъ пригласили драться—и драться не давали. Это обижало народное самолюбіе. Наконецъ, пустили—и въ такой тяжелый моментъ, что румыны сгоряча вообразили себя спасителями русской арміи и заважничали. Вѣдь румыны серьезно увѣрены, что они, а вовсе не русскіе, взяли Плевну. Кон-

[illegible] войны — начинается исторія съ Измаильскимъ окру-
гомъ, который они переварить не могутъ. Разумѣется,
[illegible] было румынамъ [illegible] за уступку бессараб-
скихъ земель, [illegible] Румыніи этихъ земель
[illegible]. Румыны кричатъ, что у нихъ эти земли отрѣ-
зали. [illegible] — [illegible] — [illegible] Румыніи
не [illegible] Россіей Турціи, и
[illegible]. Румыны знать не хо-
тятъ и [illegible] при всякомъ
[illegible] военнаго постоя въ
[illegible] войны. [illegible] фатальный
[illegible] союзное войско
[illegible] пятьдесятъ про-
[illegible].

Румынское правительство [illegible] собою въ между-
народныхъ [illegible] очень формалистично, и по-
тому [illegible] иностранцевъ съ
[illegible] предписанія, до-
[illegible] записки, нѣ-
[illegible] представителя затронутой
[illegible] удалялось, по возможности,
[illegible].

[illegible] румыны черезчуръ форма-
[illegible] соотечественники слишкомъ
[illegible] безпорядки. Пошла
[illegible]. Между прочимъ, обнаружено было
[illegible]: ни у одного не ока-
[illegible] на право торговли въ той мѣстности...
[illegible] кто виноватъ? Пьяный ка-
[illegible] флагомъ, лѣзетъ, на зло
[illegible] куда не велѣно. Ему рѣшитель-
[illegible] нарушеніе международнаго права.—
[illegible] будемъ стрѣлять.
[illegible]
[illegible] количества [illegible] идетъ.

Одинъ надуритъ, а сто умныхъ ломай головы, какъ дурь распутать.

Правда, и румынскіе стражники—порядочные звѣри. Антипатія ли къ сосѣдямъ, просто ли горячая южная кровь, но они хватаются за ружья гораздо скорѣе, чѣмъ требуютъ благоразуміе и человѣколюбіе. Русскій солдатъ мирно рыбачилъ въ своей лодченкѣ и не замѣтилъ, что теченіе унесло его слишкомъ близко къ румынскому берегу. Румынъ-стражникъ его застрѣлилъ.

За Дунаемъ.

I.

Если туристъ желаетъ,—туристамъ свойственно желать много глупостей,—убить цѣлый день и значительную часть ночи на прогулку, безусловно скучную, надоѣдливую до зѣвоты, досадную до злости, утомительную до лома въ костяхъ, мой ему совѣтъ: пусть онъ сядетъ въ Рущукѣ на австрійскій пароходникъ и плыветъ по Дунаю до Ломъ-Паланки. Я ручаюсь за хорошій сплинъ—вполнѣ достаточный для американца, чтобы напиться до положенія ризъ, для англичанина, чтобы застрѣлиться, для русскаго, чтобы чертыхаться, покуда даже пароходная труба—и та покраснѣетъ отъ конфуза. Виды, тоску наводящіе: справа—безотрадно-гладкая румынская равнина, слѣва—безотрадно-голые обрывы болгарскаго берега; впереди и позади грязная полоса Дуная—самой некрасивой изъ большихъ рѣкъ, какія случалось мнѣ видѣть. На этой грязной полосѣ чернѣютъ отмели — плоскія, поросшія мелкимъ ивнякомъ и тоже весьма безобразныя. Ученые слависты предполагаютъ, что у древнихъ славянъ слово Дунай обозначало вообще рѣку. Донъ, Дунай, Дуна—все одинъ корень, всегда прилагаемый къ сильной текучей водѣ. Даже Дунай-богатырь русской былины, и тотъ, въ концѣ концовъ, растекся

рѣкою. Надо полагать: слависты правы, потому что надо быть сумасшедшимъ, чтобы пѣть про этотъ Дунай:

Ой, Дунай мой, Дунай!
Ой, *веселый* Дунай!

Очевидно, пѣсня поется о какомъ-то другомъ Дунаѣ: въ этомъ нѣтъ ни веселья, ни красы, ни радости. Впрочемъ, можетъ быть, старинные славяне лгали и льстили въ своихъ пѣсняхъ богу Дуная такъ же, какъ лгутъ и льстятъ ему современные нѣмцы. Назвалъ же ихъ Іоганнъ Штрауссъ лучшій свой вальсъ — «An der schönen blauen Donau». А ни голубого, ни прекраснаго, рѣшительно ничего нѣтъ въ этой бурой жидкости на всемъ ея протяженіи отъ Вѣны до Чернаго моря. Скучный Дунай! Бурый Дунай!

У насъ въ Россіи развѣ гдѣ-нибудь на Окѣ или на Мологѣ можно найти пароходы хуже самоварной канфорки, пущенной австрійцами въ дунайскую грязь, подъ громкимъ именемъ «Нептуна». Надо удивляться, какъ старый богъ терпитъ это посрамленіе своего имени. Душная столовая, въ которой негдѣ повернуться, вонючая общая каюта, закуты вмѣсто каютъ приватныхъ, кривая палуба, всюду грязь и соръ,—это первый классъ. Прислуга грязная, глупая и грубая; скатерти на столахъ... ахъ, какія скатерти! Къ небу вопіютъ о прачкѣ,—и небо ихъ не слышитъ. Ѣсть можно только рыбу; остального нельзя въ ротъ взять: маргаринъ,—и самый покойницкій.

Рыбы, разумѣется, хороши, но, по мѣстному улову, дороги: вы платите гульденъ за стерлядку, какой на Волгѣ красная цѣна двугривенный. Прибавьте къ этому, что дунайская стерлядь и вполовину не такъ вкусна, мягка и сочна, какъ волжская; это, скорѣе, шипъ, а не стерлядь. И готовить ее нѣмцы не умѣютъ; получается что-то студенистое, осклизлое. Волжская стерлядь манитъ себя ѣсть,—вѣрнѣе, впрочемъ, манила: въ послѣдніе годы волжскія стерляди отравлены и весьма пропахли нефтью,—съ

дунайскою же надо сперва примириться, а потомъ уже получишь къ ней аппетитъ и отъ нея удовольствіе.

На «Нептунѣ» нашлось нѣсколько болгаръ, говорящихъ по-русски, — и все руссофилы. Стамбуловъ тогда только-что палъ,—и, съ разрѣшенія начальства, руссофиловъ объявилось множество. Въ числѣ ихъ былъ докторъ Т., русскаго воспитанія, изъ Варны, милый собесѣдникъ и—великая рѣдкость въ Болгаріи! — не политиканъ. Докторъ ѣхалъ въ Австрію—жениться.

— Трудно, очень трудно жить одинокимъ холостякомъ въ Болгаріи,—говорилъ онъ.—Возьмите хоть квартирный вопросъ. Если въ городѣ нѣтъ семейства русскаго, нѣмецкаго или еврейскаго,—вы осуждены на жизнь въ гостиницѣ: болгарская семья никогда не сдастъ комнаты холостому человѣку, не приметъ его столоваться,—это почитается неприличнымъ. А болгарскія гостиницы... въ Европѣ полицейскіе участки лучше!

И вотъ—я, холостякъ, долженъ былъ нанимать въ Варнѣ цѣлый домъ, на который требовался не малый штатъ прислуги. А знаете ли вы, что такое болгарская прислуга? Съ нею мука, каторга! Наши поселяне зажиточны, земля ихъ кормитъ, они привержены къ родному дому и уходятъ на городской заработокъ крайне неохотно. Надо уламывать, упрашивать, соблазнять безобразно высокою платою, прежде чѣмъ баба покинетъ свой очагъ для вашей кухни. Служитъ она у васъ въ такомъ сознаніи и съ такимъ видомъ, будто дѣлаетъ вамъ величайшее одолженіе, и безъ нея вы пропали. Два-три замѣчанія, первое недоразумѣніе,—и до свиданья! Обидѣлась и ушла: ступайте на новую муку, ищите себѣ новую кухарку. Кормятъ ужасно. Кто изъ насъ воспитывался въ Россіи и набаловался разнообразіемъ русской кухни, тому отъ болгарскаго стола приходится жутко: наша національная поваренная книга знаетъ всего пять-шесть блюдъ, очень простыхъ, грубыхъ и тяжелыхъ. Я жилъ студентомъ въ Кіевѣ и, ко-

нечно, ѣлъ и пилъ небогато, по кухмистерскимъ. За четвертакъ на обѣдъ разносоловъ не получишь и гурманству не научишься. Однако, даже послѣ кухмистерской ѣды, я ходилъ по цѣлымъ днямъ голодный въ первое время, какъ возвратился въ свое родное Габрово. Это вѣдь совсѣмъ дикое, патріархальное мѣстечко. Вино да баранъ, баранъ да вино,—вотъ и все меню. Бараномъ пахнетъ все: хлѣбъ, супъ... брр!... На первыхъ порахъ—хоть плачь: ничто въ ротъ нейдетъ. Потомъ — голодъ не свой братъ, обучилъ кормиться, чѣмъ Богъ послалъ. А жизнь въ Габровѣ? Чуть сумерки, всѣ двери на запоръ. Возьмешься за картузъ,—отецъ окликаетъ:

— Куда?

— Хочу навѣстить товарища.

— Бойся Бога, человѣкъ! какіе по ночамъ товарищи? Сиди дома!

— Но...

— Сиди, говорятъ, коли отецъ велитъ!

Ну-съ, и вотъ я, тридцатилѣтній докторъ медицины, смиренно вѣшаю картузъ на гвоздь и сажусь къ очагу хлопать глазами на огонь, пока не сморитъ сномъ,—больше дѣлать нечего. И не думайте, что отецъ мой деспотъ, самодуръ,—добрѣйшей души старикъ, безъ памяти любитъ насъ, дѣтей, рубашку съ себя сниметъ, если мнѣ понадобится. Но за старообычную жизнь держится крѣпко; велитъ преданіе замыкать двери съ сумерками,—и шабашъ! замыкаетъ. Такъ запирались дѣды и отцы, такъ и онъ запирается. И, я думаю,—не послушайся я его, онъ не задумался бы меня поколотить, хотя бы я былъ не только докторомъ медицины, но даже министромъ-президентомъ. Потому, скажетъ, ты сынъ, а я батька; я тебя родилъ и взялъ за тебя отвѣтъ предъ Богомъ; ты меня не слушаешь,—долженъ я тебя научить, чтобы чтилъ отца своего и матерь свою и долголѣтенъ былъ на земли: ложись!.. Крѣпокъ у насъ семейный строй—что говорить. Но, какъ

это ни патріархально, а нашему брату, хватившему европейской цивилизаціи, тяжело. Если бы не баловала меня мать,—извѣстно, всѣ матери потворщицы,—не знаю, какъ и выжилъ бы въ Габровѣ. Но, и при материнскомъ потворствѣ, представьте себѣ только, какое красивое для взрослаго человѣка положеніе—осуществлять свои самыя невинныя желанія и привычки не иначе, какъ прячась, тайкомъ, съ лганьемъ и притворствомъ, за спиною отца, съ вѣчнымъ страхомъ: ахъ, не замѣтилъ бы старикъ! То-то будетъ буря!.. Совсѣмъ темное царство: точно Тихонъ въ «Грозѣ». А ужъ какъ отцу не хотѣлось, чтобы я покинулъ Габрово для Варны:—Одинъ, говоритъ, безъ семьи, въ большомъ городѣ... пропадетъ малый! А «малому» четвертый десятокъ!—уже не молоденькій кабанокъ... Когда я учился въ Кіевѣ,—а поѣхалъ въ университетъ я тоже уже парнемъ лѣтъ двадцати пяти,—старикъ пріѣхалъ меня провѣдать Что же вы думаете? Даже не предупредилъ ждать его. Остановился потихоньку на постояломъ дворѣ и обходилъ всѣхъ знакомыхъ съ развѣдками: какъ я живу и веду себя? Ну, я былъ студентъ изъ смирныхъ,—худа про меня никто не могъ сказать... Возвращаюсь какъ-то домой изъ университета,—вотъ тебѣ разъ! глазамъ не вѣрю: сидитъ мой старикъ.

— Батıка! какими судьбами? когда?

— А я, сынокъ, ужъ три дня въ Кіевѣ. Приглядывался, какъ тебя повстрѣчать и какое отцовское слово надо тебѣ сказать: грозное или ласковое. Вотъ теперь здравствуй. Хорошій ты человѣкъ, не позоришь нашу семью, хорошо говорятъ о тебѣ люди.

Такой характерный старичина! А у самого между тѣмъ слезы на глазахъ, и сѣдые усы такъ и прыгаютъ...

Свечерѣло и захолодало. Волею-неволею пришлось спуститься въ клоаку, которую прислуга «Нептуна» выдаетъ за спальную каюту. Духота, міазмы... Лампы чадятъ, пока горятъ, и невыносимо смердятъ, погасая; на низкомъ

потолкѣ притаились кошмары, готовые прыгнуть на грудь засыпающихъ. Ложусь и предаюсь размышленіямъ: много ли капитановъ «Нептуна» кончило жизнь самоубійствомъ, и послѣ котораго по счету рейса приводили ихъ къ этому искупительному шагу угрызенія совѣсти? На плечахъ моихъ покоятся пятки какого-то толстаго поляка. Онъ несносно мечется и бредитъ во снѣ:

— Вилькъ! вилькъ! вилькъ!

И, удирая отъ воображаемаго волка, топочетъ по моимъ плечамъ. Бужу,—не просыпается. Остается молить Бога, чтобы полякъ поскорѣе увидалъ во снѣ ружье и застрѣлилъ своего волка.

Забываюсь дремотой...

— Вставайте! вставайте!

— Что такое?

— Мы уже пять минутъ стоимъ въ Ломъ-Паланкѣ. Скорѣе выбирайтесь съ парохода: сейчасъ тронемся.

— Ахъ, чортъ бы васъ дралъ! а вещи не собраны... Не могли разбудить раньше?

Я и мои спутники - болгары поднимаемъ отчаянную суматоху. Капитанъ оретъ на насъ благимъ матомъ, ругаясь на пяти языкахъ. Но мы такъ спѣшимъ, что и отругиваться некогда. Скручены вещи...

— Träger!

Нѣтъ трэгера. Не въ обычаѣ, въ Ломъ-Паланкѣ, трэгеры. Стоимъ въ недоумѣніи предъ горами нашего багажа.

— Schnell! schnell! bitte schnell, zum Teufel! оретъ капитанъ. Я пущу пароходъ.

Чувствуя подъ ногами содроганіе готовой придти въ движеніе машины и отчаявшись въ существованіи трэгеровъ, рѣшаюсь воспользоваться отпущенной мнѣ отъ матери-природы силой, перешвыриваю свою корзину и баулы моихъ спутниковъ на пристань и прыгаю съ уже зашевелившагося парохода. Чрезъ мгновеніе, отъ «Непту-

на» остается только скверное воспоминаніе. Вдругъ... вотъ такъ мысль!

— Господа!—кричу я не своимъ голосомъ.—Я ограбилъ австрійскій пароходъ: я, впопыхахъ, не заплатилъ въ буфетѣ.

Мои болгары садятся на землю и начинаютъ умирать отъ смѣха.

— Ха ха-ха! Вотъ будутъ злиться нѣмцы.

— Ха-ха-ха! Такъ швабамъ и надо.

— Однако, господа, какъ же теперь быть?—недоумѣваю я.

— Да никакъ! Чортъ съ ними... Вѣдь вы не знаете, сколько остались должны?

— Не знаю.

— Ну, какъ же вы будете платить?

— Можетъ быть, передать деньги мѣстному агентству пароходства?

— Чтобы управляющій присвоилъ ихъ себѣ?

— Послать на имя капитана «Нептуна»?

— Ну, присвоитъ капитанъ.

— На имя буфетчика?

— Присвоитъ буфетчикъ.

— На чье же, наконецъ?

— На чье ни пошлете, ужъ кто-нибудь да присвоитъ. Вѣдь это швабы. Все, что не контрактовано, они норовятъ утянуть у общества и положить въ свой карманъ. Вамъ остается примириться съ мыслью, что вы ограбили швабское пароходное общество. Ничего: вы славянинъ,—и только отомстили немножко за Боснію и Герцеговину. А, если васъ все-таки мучитъ совѣсть, бросьте франковъ двадцать въ кружку для бѣдныхъ... вотъ и будете квиты!..

Фаэтонъ изъ Ломъ-Паланки въ Софію стòитъ пятьдесятъ левовъ (франковъ), т.-е. по курсу около восемнадцати рублей. Это—за два дня ѣзды, безсмѣнную четверку маленькихъ и тощихъ лошадокъ. Дешевизна замѣчательная,

по времени, по огромности разстоянія и по трудности пути: надо одолѣвать Берковецкій Балканъ, подниматься до Петроханскаго перевала. Сравнительно съ Военно-Грузинскимъ шоссе, гдѣ двѣсти верстъ разстоянія отъ Владикавказа до Тифлиса стоятъ, въ отдѣльномъ фаэтонѣ, 54 рубля, совсѣмъ благодать. Дешевизна обусловливается конкурренціей ямщиковъ съ государственной почтой; послѣдняя завела было дилижансы съ платою 25—30 франковъ за мѣсто; ямщики тотчасъ же стали предлагать проѣзжимъ за ту же цѣну цѣлый фаэтонъ. Государственная почта еще понизила таксу,—ямщики пошли и на эту уступку, готовясь лучше потерпѣть убытки, чѣмъ сойти съ поля сраженія, такъ выгоднаго для нихъ. Дешевизна кормовъ явилась для нихъ немалой поддержкой. Кончилось дѣло полною побѣдою ямщиковъ: государство спасовало, дилижансы были уничтожены, и сообщеніе между Софіей и Ломъ-Паланкой перешло всецѣло въ частныя руки, на соглашеніе по вольной цѣнѣ. Въ мѣсяцы очень бойкаго движенія цѣна фаэтона возрастаетъ до 75 франковъ; въ тихое время падаетъ до 40—30, даже до 25 левовъ... Никакихъ «на чаевъ» по дорогѣ; удивляются, когда даешь:

— За что? съ какой стати?

Пока закладывали лошадей, разсвѣло. Мы сидѣли въ грязномъ хану, сонные, голодные, злые. Хозяинъ принесъ намъ по чашкѣ турецкаго кофе,—мѣсиво, хорошо разгоняющее сонъ, но не убивающее голода. Къ счастью, оказался открытымъ кабачокъ для рабочихъ пристани, гдѣ не нашлось никакой ѣды, но, по крайней мѣрѣ, было вкусное вино. Впервые въ жизни пилъ натощакъ... и трещала же потомъ голова! Не въ обиду будь сказано болгарскимъ винодѣламъ, не пожалѣли они подлить въ виноградный сокъ хлѣбнаго спирта. Пришли разносчики съ лотками, предлагаютъ витушки какого-то жирнаго тѣста.

— Вотъ и закуска!—воскликнулъ одинъ изъ моихъ

спутниковъ.—Кушайте, господа! До станціи съ трактиромъ добрыхъ шесть часовъ.

Господа стали кушать. Видя, что они ѣдятъ и не морщатся, я тоже вооружился было витушкой, куснулъ ее... и долго послѣ того отплевывался, напрасно старался запить виномъ ужасный вкусъ болгарскаго лакомства. Трижды правъ былъ варненскій докторъ: здѣсь всюду и все пахнетъ бараномъ. Представьте себѣ сладкое слоеное тѣсто, сваренное въ овечьемъ салѣ... Ахъ, сальныя свѣчи, ѣдоками которыхъ изображали насъ, русскихъ варваровъ, старинные европейскіе путешественники,—и тѣ, надо надѣяться, не пахнутъ хуже и не поганѣе на вкусъ! Вещи увязаны, фаэтонъ устланъ одѣялами, бубенцы звенятъ... трогай!

Катимся долиною Лома. Южно-русскій пейзажъ — тѣ же мазанныя хатки на косогорѣ, тѣ же неглубокія и сырыя балки, та же цвѣтущая степь машетъ на десятки верстъ кругозора мохнатымъ ковылемъ и дышетъ ароматомъ свѣжаго сѣна. Сѣрая лента дороги безлюдна. Изрѣдка обгоняемъ тяжелую телѣгу на скрипучихъ, деревянныхъ восьмиугольникахъ, вмѣсто колесъ: это—и тормозъ, и колесо вмѣстѣ. Медленно волокутъ допотопный экипажъ безобразные черные буйволы,—въ нихъ есть что-то допотопное; еще медленнѣе шагаетъ вслѣдъ длинноусый шопъ—въ бѣлой свиткѣ, покроя, какой можно видѣть на иконахъ святыхъ южнорусскихъ князей до татарщины, да и то писанныхъ только Васнецовымъ либо Нестеровымъ, подъ редакціей Адріана Прахова.

Тяжело и важно выступаетъ шопъ по пыли въ своихъ опанкахъ, положа на плечо длинный кривой дрюкъ; за нимъ плетется собака—кровь предка, степного волка, ярко сказывается въ породѣ. Говорять, будто между собакой и ея хозяиномъ всегда есть сходство. То-есть,—«покажите мнѣ, какова собака, и я скажу, каковъ хозяинъ». Шопъ и его собака-волкъ вполнѣ оправдываютъ эту примѣту: одинаково дикій, и пугливый, и хищный взглядъ; осторожная,

но сильная и широкая походка; въ осанкѣ сказывается привычка къ частой опасности—и оглядчивая боязнь нападенія, и готовность крѣпко и храбро защищаться. Даже въ глубинѣ Кавказа, у сванетовъ, пшавовъ, хевсуровъ—я не встрѣчалъ болѣе типичныхъ полудикарей, чѣмъ шопы, съ ихъ мощными скулами, глазами, косо ушедшими подъ крутые лбы, полными и звѣриной простоты, и звѣринаго коварства: рабочій волъ и лисица—одинаково смотрятъ изъ этихъ глазъ. На иныхъ телѣгахъ сидѣли женщины; обнаженныя почти до пояса, онѣ кормили своихъ голыхъ ребятишекъ и, не стыдясь проѣзжающихъ, молча глядѣли на фаэтонъ, не выражая ни любопытства, ни оживленія; тупой коровій взглядъ,—даже не разобрать, видитъ васъ шопка или, въ своемъ животномъ лунатизмѣ, она за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ. Меня поразила чистота, соблюдаемая шопами въ одеждѣ: они всѣ въ бѣломъ, бѣлую одежду труднѣе всего сохранить въ свѣжести, въ хатахъ шоповъ тѣсно, грязно, душно, а на свиткахъ и рубахахъ, между тѣмъ, ни пятнышка. Какъ они ухитряются выходить чистыми изъ грязи,—Богъ ихъ знаетъ. Костюмъ шопки напоминаетъ малороссійскій, только въ еще большемъ упрощеніи, хотя, казалось бы, упрощать уже и нечего: черевики, цвѣточный вѣнокъ, короткая бѣлоснѣжная рубаха, надѣтая прямо на голое тѣло, плахта... и конецъ. Шопки некрасивы, но производятъ впечатлѣніе рѣдкостнаго здоровья и большой физической силы. Хорошія, выносливыя и нетребовательныя работницы.

Облака пыли встаютъ слѣдомъ за тяжелыми возами шоповъ, и долго слышится ихъ, понемногу затихающій, скрипъ... «Заскрипѣли телѣги половецкія, рцы лебеди распущени»,—вспоминается старое сравненіе изъ «Слова о полку Игоревѣ». Кто-то изъ старыхъ кочевыхъ враговъ удѣльной Руси, не то печенѣги, не то половцы, а, можетъ-быть, и тѣ и другіе приходятся предками шопамъ. Много азіатской крови въ болгарскихъ жилахъ. Какихъ только наше-

ствій не претерпѣло это злополучнѣйшее изъ славянскихъ племенъ, начиная съ тюркской орды Аспаруха, основателя Болгаріи, и кончая черкесскими шайками семидесятыхъ годовъ. Авары, мадьяры, печенѣги, половцы, татары, турки—вихремъ носились отъ Дуная до Балканъ, всѣ оставляя хоть маленькій слѣдъ въ тысячелѣтней исторіи несчастнаго народа. Въ Добруджѣ, близъ Варны, живутъ какіе-то гагоузы—христіане, говорящіе, однако, по-турецки... Откуда взялся этотъ народъ,—историческая загадка; чехъ Иречекъ, историкъ болгарской національности, считаетъ ихъ выродившимися потомками половцевъ-умановъ.

II.

Путь однообразенъ; дорога—какъ скатерть. Цвѣты да крики орловъ подъ блѣдно-голубыми небесами, съ островами бѣлыхъ облаковъ... только и впечатлѣній въ цвѣтущей пустынѣ. Укачало... сплю... Тряхнуло фаэтонъ—открываю глаза: какъ тучи, плывутъ навстрѣчу горы, купая зелень своихъ лѣсовъ въ голубомъ туманѣ,—это Балканъ! Горы кажутся близкими, а между тѣмъ мы цѣлый день мчимся къ нимъ и, какъ-будто, не можемъ сократить разстоянія; мы къ нимъ, а онѣ отъ насъ. Наконецъ, въ Берковецахъ подпустили къ себѣ. Съ тяжелымъ грохотомъ тянется въ гору артиллерійскій обозъ; сходство офицера и солдатъ въ лѣтней формѣ съ русскими поразительно; кабы не горы на горизонтѣ—легко вообразить себя близъ лагерей, подъ Петербургомъ или Москвою... Такъ и хочется спросить:

— Служивые! Какъ васъ сюда занесло?!

Жаль лошадей: трудно имъ взбираться по песчаной, сыпучей дорогѣ на крутое предгорье...

Эка денекъ!
Эка жара,
Эка песокъ,
Эка гора!..

Вылѣзаемъ изъ экипажей, идемъ пѣшкомъ среди благоухающихъ рощъ. Онѣ становятся все гуще и прекраснѣе, чѣмъ выше. Цѣлое море алаго шиповника; подъ кустами— колокольцы, фіалки, незабудки, гвоздики... Пьешь воздухъ, а не дышешь имъ!

Догнали какихъ-то путниковъ, направлявшихся тоже изъ Лома въ Софію. Оказались весьма подозрительными господами. Выдавали себя за эмигрантовъ, возвращающихся на родину, по случаю паденія Стамбулова, но весьма смахивали на шпіоновъ. Одинъ изъ нихъ былъ верхомъ. Его малорослый, но крѣпкій и бойкій молодой конекъ расковался. Поднялась суматоха: конекъ крутился, какъ волчокъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія сдаться ловившимъ его кузнецамъ. Лазарь, кучеръ моихъ спутниковъ, веселый малый, всю дорогу потѣшавшій насъ дикими пѣснями, приходитъ въ страшную ажитацію, кулемъ сваливается съ козелъ и становится самымъ дѣятельнымъ охотникомъ въ облавѣ на перепуганнаго и озленнаго коня. Послѣдній, между тѣмъ, прыгаетъ, какъ сумасшедшій: кровяные глаза—вкось, ноздри трепещутъ, кожа дрожитъ, точно подъ нею ртуть перекатывается, а копыта такъ и сверкаютъ въ воздухѣ. Не довольствуясь обыкновенными способами ловли, Лазарь изобрѣтаетъ свой собственный— новый, но нельзя сказать, чтобы очень остроумный. Присѣлъ сзади коня на корточки и норовитъ опутать ему веревкой ноги. Ноздревъ ловилъ зайцевъ за заднія лапы, не знаю, удалось ли бы ему такое молодечество съ лошадью; похоже, что лошади этого не любятъ. Трижды взвились копыта, раздалось три глухихъ удара, словно валькомъ по мягкому бѣлью... Конекъ помчался въ пространство, а на землѣ осталось безчувственное тѣло Лазаря, безпомощно свернутое въ клубочекъ. Мы переглянулись, блѣднѣя:

— Готово!.. Покойникъ!..

Однако, отдышался, хотя... не думаю, чтобы надолго: удары пришлись бѣднягѣ въ грудь и животъ; такіе страш-

ные подарки не проходятъ даромъ. Когда на другой день въ Софіи Лазарь прощался со мною, его исхудалое лицо съ заостреннымъ носомъ, его лихорадочные пожелтѣлые глаза показались мнѣ призракомъ неизбѣжной и близкой чахотки.

— Какъ тебя угораздило подвернуться подъ копыта?

— Бѣсъ попуталъ.

— На бѣса мы всѣ горазды бѣду валить. А кто просилъ соваться? Точно безъ тебя не поймали бы коня?

— Нельзя, Ковачъ—мой другарь.

— А, это дѣло другое,—хоромъ согласились спутники болгары.—Другарство — дѣло великое. Хочешь не хочешь, а другарю ступай помогать. Другарствомъ люди живутъ и земля стоитъ.

Кое-какъ отпоили Лазаря виномъ и водкой настолько, чтобы онъ могъ доѣхать до Клиссуры, гдѣ предполагалась ночевка. Говорятъ, что цинцары, содержащіе ханы по всѣмъ шляхамъ Болгаріи, жадны, корыстолюбивы, не стыдятся обобрать и мертваго. Однако хозяинъ хана, гдѣ приключился несчастный случай съ Лазаремъ, наотрѣзъ отказался отъ платы за издержанныя на раненаго вино, водку и масло для растиранія. Цинцары—насмѣшливая кличка, обратившаяся въ названіе страннаго племени, разсѣяннаго по Болгаріи: это—древнѣйшіе ея обитатели, македонскіе румыны, прямые потомки романированныхъ ѳракійскихъ племенъ, погибшихъ впослѣдствіи подъ натискомъ славянъ. Совершенно оболгарившись, цинцары однако сохранили румынскую рѣчь для своего домашняго обихода. Пишутъ же они и счеты ведутъ по-гречески, что̀ и между болгарскими стариками не рѣдкость: вѣдь націонализація болгарскаго народнаго просвѣщенія—дѣло всего двадцати лѣтъ.

Цинцары народъ промышленный, предпріимчивый, смышленый, ловкій; въ краѣ они играютъ такую же роль, какъ въ Польшѣ и въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи—

евреи. Одинаковость профессій выработала и сходство характера и пріемовъ. Цинцаръ такъ же навязчивъ и необидчивъ, какъ жидки факторы захолустныхъ мѣстечекъ, такъ же, какъ они, онъ — необходимость для края, особенно для высшаго класса, работою на который онъ живетъ. Закажите цинцару, что угодно,—хотя птичье молоко,—онъ найдетъ. А, если не найдетъ, принесетъ какое-нибудь самодѣльное мѣсиво и храбро объявитъ:

— Вотъ самое настоящее птичье молоко, какъ вы желали, и пусть кто другой достанетъ вамъ за такую дешевую цѣну!

И, если заказчикъ, разозлившись на нахальство цинцара, сгоряча выплеснетъ ему «птичье молоко» въ лицо, цинцаръ, не смущаясь и не обижаясь, оботрется и сумѣетъ таки въ концѣ концовъ выпросить за свое мѣсиво левъ, другой.

При всемъ томъ цинцары, какъ, впрочемъ, и наши юго-западные еврейчики, не воры. При томъ, и не трусы. Народъ красивый; романскія физіономіи цинцаровъ рѣзко выдѣляются въ болгарской толпѣ. По общности жизни и образа дѣйствій, иные принимаютъ цинцаровъ за оболгаренныхъ румынскихъ евреевъ, но Иречекъ объяснилъ ихъ римское происхожденіе. Въ огромномъ большинствѣ, они—христіане; есть и магометане. Иречекъ указываетъ на послѣднихъ, какъ на единственное латинское племя, покоренное Исламомъ. Слово «цинцаръ»—искаженное румынское «zanzaro», комаръ. По шерсти кличка.

Добрались до Клиссуры—ущелья, служащаго сѣверными воротами въ Старую Планину. Солнце было уже за горами, а небо блестѣло еще полными серебрянаго свѣта облаками. Балконъ гостиницы повисъ надъ пропастью: глянешь внизъ,—лѣстница черныхъ, обросшихъ мохомъ камней, а по нимъ, съ грохотомъ, прыгаетъ полоса живого серебра; окрестныя скалы прислушиваются къ реву потока и двоятъ его, троятъ... Все кругомъ полно голосами ве-

селыхъ водяныхъ духовъ, рѣзво кувыркающихся вмѣстѣ съ пѣною каскада въ черную бездну, навстрѣчу медленно ползущимъ вверхъ туманамъ.

— Какъ зовутъ рѣку?

— А кто ее знаетъ? Зовутъ по мѣстечку...

— Рѣзва, Рѣзва зовутъ,—вертя сильными плечами, вмѣшивается въ бесѣду служанка, красивая и проворная Пѣнка, по смѣлости глазъ и рѣчей не похожая на болгарку; онѣ всѣ такія смирныя и застѣнчивыя.

Разговорились. Оказывается,—воспитанница матери Скобелева, такъ трагически погибшей подъ разбойничьимъ ножемъ. Скобелева воспитывала въ Одессѣ нѣсколькихъ болгарскихъ дѣвочекъ; когда Узатисъ зарѣзалъ свою и ихъ благодѣтельницу, за болгарочекъ стало некому платить, и, отосланныя на родину, онѣ возвратились къ пенатамъ своимъ и снова одичали... А, впрочемъ, люди свѣдущіе, хотя и безнравственные, увѣряли меня, будто слыть «скобелевскою воспитанницею»—это своеобразная мода болгарскаго полусвѣта; изъ десяти дѣвицъ легкаго поведенія девять готовы божиться, что генеральша Скобелева воспитывала ихъ въ Одессѣ, но злодѣй Узатисъ фатально закрылъ для нихъ честныя русскія перспективы и заставилъ ихъ свернуть съ пути добродѣтели на стезю порока. Но въ горной глухой Клиссурѣ нѣтъ полусвѣта, нѣтъ его модъ, и я охотно вѣрю красивой Пѣнкѣ и протягиваю ей стаканъ, полный чернымъ виномъ:

— На вѣчную память бѣлаго генерала!

Рѣзва—не отвѣтъ. Рѣзва значитъ Скорая, Быстрая—скорѣе нарицательное, чѣмъ собственное имя чуть не каждой горной рѣчки. Все равно, какъ въ Грузіи. Спросишь:

— Раквіянъ цкаро? Какъ звать ручей?

— Чкери, батона! Быстрый, баринъ.

Хоть номерами ихъ помѣчай: быстрый первый, быстрый второй и такъ далѣе до безконечности.

— Знаете ли вы, что мы уже на двѣ тысячи футовъ

надъ уровнемъ моря?—спрашиваютъ меня,—а полѣземъ еще выше, много выше... вонъ куда!

Зеленая зубчатая стѣна Балкана не смотритъ сердитою. Кудрявая растительность одѣваетъ ее отъ подошвы до маковки и смягчаетъ впечатлѣніе старага величія горныхъ громадъ. Врѣзанное въ нихъ ущелье смотритъ весело подъ радугой, раскинутой на прощанье уходящимъ спать солнцемъ. Пейзажъ дикій, но не мрачный. Это не полныя сверхъестественнаго ужаса скалы Дарьяла, гдѣ тучи спятъ на голыхъ камняхъ, а безустанный вихрь крутитъ надъ бѣшеной рѣкой легіоны проклятыхъ дьяволовъ, оглушающихъ путника воплями, стонами, проклятіями, хохотомъ и плачемъ... Дарьялъ—застылый хаосъ: не то остатки разрушеннаго міра, не то—остовъ міра недостроеннаго. Въ немъ жутко. Отовсюду глядитъ на путника неподвижными холодными глазами стихійная творческая сила—враждебная, злая, презрительная:—Зачѣмъ ты здѣсь? Кто тебя звалъ? Уходи, пока цѣлъ, жалкій муравей! Ты способенъ только ползать по ступенямъ скалъ-лѣстницъ, воздвигнутыхъ мною для вѣчныхъ духовъ, съ громомъ и молніями летающихъ по вершинамъ, въ непроглядномъ мракѣ грозовыхъ тучъ... Я не поклонникъ А. Г. Рубинштейна, какъ оперпаго композитора, но нельзя не сознаться, что въ первыхъ тактахъ вступленія къ «Демону» ему хорошо удалось выразить грозное настроеніе, какимъ наполняетъ душу Дарьялъ. Это тѣмъ страннѣе, что Рубинштейнъ писалъ Демона, еще не видавъ Кавказа. Онъ пріѣхалъ познакомиться съ Кавказомъ уже послѣ того, какъ написалъ кавказскую оперу. Клиссурскій Балканъ—совсѣмъ не то. Налюбовавшись его зубцами, вы спокойно ложитесь спать въ чистенькой гостинницѣ, а онъ добродушно заглядываетъ къ вамъ въ окно и—будто шепчетъ:

— Спи. Будь гостемъ. Я люблю людей и не даю ихъ въ обиду. Спи! Вотъ тебѣ теплый вѣтеръ въ окно. Слышишь, какъ шумятъ водопады? Слушай ихъ сказки.

*

Онѣ навѣютъ тебѣ волшебныя грезы о вилахъ, живущихъ въ моихъ ущельяхъ... Съ первымъ свѣтомъ, онѣ полетятъ купаться въ румяномъ заревомъ туманѣ...

Вокругъ тебя станутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять...

Старикъ, впрочемъ, только нахвасталъ. Никакихъ вилъ ко мнѣ не прилетѣло, если не считать проклятой Пѣнки, которая, въ пятомъ часу утра, ворвалась будить меня въ дорогу съ такимъ воплемъ, что и впрямь—даже вила, невзначай раненая Маркомъ Кралевичемъ, врядъ ли кричала громче.

Клиссура сіяла утромъ. Она напоминала мнѣ Котерэ, воспѣтый Генрихомъ Гейне въ первыхъ стихахъ Атта-Траля:

„Межъ зелеными горами,
Что стремятся гордо къ небу,
Шумомъ дикихъ водопадовъ
Убаюканъ, спитъ въ долинѣ
Элегантный Котерэ.
Бѣлыхъ домиковъ балконы,
А на нихъ стоятъ...

болгарки въ пестрыхъ вѣнкахъ изъ горныхъ цвѣтовъ и готовятъ форель намъ на завтракъ... или ужъ, право, не знаю, какъ назвать эту ѣду ни свѣтъ, ни заря. Клиссурская форель—я забылъ ея мѣстное названіе—славится по всей Болгаріи. Крупная, веселая рыбка, въ бархатной, испещренной пятнышками одеждѣ. Изъ нея должна выходить отличная уха, но... хорошо, что я еще не дошелъ до гастрономическаго возраста! Истый гурманъ пришелъ бы въ неистовство отъ грубаго жарева, въ какое превращаютъ нѣжную форель невзыскательные болгары. Есть народный анекдотъ, обработанный покойнымъ Далемъ. Одесскій грекъ увидалъ однажды, какъ русскій несетъ чудесную рыбу.

— Что ты будешь дѣлать съ этой рыбой?

— Съѣмъ ее.

— Какъ же ты ее приготовишь?

— Извѣстно какъ: сварю да съѣмъ.

При такомъ невѣжественномъ отвѣтѣ, грекъ повалился на-земь, какъ подкошенный, въ глубокомъ обморокѣ. Сбѣжались другіе греки и набросились на изумленнаго москаля:

— Что ты сдѣлалъ съ нашимъ товарищемъ?

— Ничего я ему не дѣлалъ; онъ меня спросилъ, какъ я намѣренъ готовить эту рыбу; я сказалъ: сварю, да съѣмъ; а онъ повалился и сталъ умирать.

— Ай-ай-ай!—закачали головами греки,—какъ же можно говорить такія неосторожныя слова, когда дѣло идетъ о такой прекрасной рыбѣ? Чувствительный человѣкъ можетъ отъ этого не только упасть въ обморокъ, но и умереть.

И, присѣвъ на корточки вокругъ безчувственнаго гастронома, они принялись расписывать ему на ухо, какой соусъ русскій приготовитъ къ чудесной рыбѣ, сколько будетъ положено маслинъ, капорцевъ, пикулей, томата...

— Перчику, перчику не забудь,—простоналъ горемыка и очнулся.

Клиссурскаго способа приготовленія форели вполнѣ достаточно, чтобы уморить цѣлый отрядъ греческихъ сластолюбцевъ.

III.

Блѣдно-голубое утро; небо трепещетъ нѣжными, дѣвственными тонами; горы, еще не озаренныя солнцемъ, лѣниво просыпаются, зѣвая черными пастями лѣсистыхъ ущелій; плывутъ туманы; по лысинамъ дальнихъ вершинъ бѣгаютъ румяные зайчики... свѣжо и сыро въ воздухѣ, бодро на душѣ.

Четверня отдохнувшихъ за ночь коней мчитъ меня изъ Клиссуры въ разинутое ущелье къ Петроханскому перевалу. Красивая Пѣнка что-то кричитъ вслѣдъ съ крыльца

гостиницы... Обернулся, но не успѣваю ничего разобрать. Пѣнка исчезаетъ за облакомъ пыли, оставляя въ моей памяти смутный, но прекрасный образъ, въ которомъ все—улыбка: заспанное личико, бойкіе каріе глазки, ямочки на щекахъ, ямочки на подбородкѣ, ямочки на локтяхъ... Addio, mia bella, addio!

И вотъ наконецъ она—священная глушь и тишь Старой Планины, неприступныя трущобы Балкана, за которыя еще такъ недавно гайдуки спорили съ волками и медвѣдями. Конямъ трудно. Они шагаютъ мѣрно и медленно, и бубенцы ихъ тихо и таинственно позвякиваютъ въ зеленомъ святилищѣ природы... Тонкія пленки тумана колеблются на горныхъ скатахъ, подъ ногами—милліоны бриллiантовъ, яхонтовъ, изумрудовъ, зажженныхъ первымъ лучомъ солнца, выплывающаго изъ-за голаго гребня, въ росѣ на цвѣтахъ. Какія краски! какіе запахи! какой хоръ птицъ!..

Я вышелъ изъ экипажа и побрелъ пѣшкомъ, прыгая черезъ сердитые, да не сильные ручьи, пробираясь сквозь цѣпкій орѣшникъ; вѣтки брызгали мнѣ въ лицо водою, сверкавшей, какъ огонь, и освѣжавшей, какъ ледъ... Нога вязла въ коврѣ изъ царскихъ кудрей, башмачковъ, ноготковъ, незабудокъ. Такую пышную цвѣточную растительность я видалъ раньше только по горнымъ ручьямъ Грузіи. Часть Старой Планины отъ Клиссуры до Петрохана вообще напоминаетъ Млетскую долину и ущалье Пасанаура: тѣ же краски курчавыхъ опушекъ, та же ласковость тоновъ зелени, разнообразныхъ, но гармоничныхъ.

Только—лѣсъ не тотъ. Чѣмъ дальше углубляешься въ Балканъ, тѣмъ меньше кудрявыхъ кустарниковъ на горахъ, тогда какъ въ Грузіи они заростили всю Карталинію. Ихъ смѣняетъ высокій могучій мачтовикъ—дубы, буки, ясень, вязъ, кленъ, платаны: дерево—къ дереву, одно красивѣе и стройнѣе другого. Время отъ времени попадаются лѣсопилки—первобытнаго устройства, зато очень живописныя,

съ длинными деревянными водопроводами, брызжущими изъ трубъ яркіе фонтаны жидкаго серебра.

Это—преимущества пейзажа Старой Планины предъ пейзажемъ Грузіи. Но здѣсь нѣтъ главной прелести Закавказья: его удивительнаго неба, безмолвно прославляющаго Бога своею глубокою и радостною синевою; здѣсь нѣтъ Арагвы, царицы горныхъ рѣкъ, съ ея капризнымъ ропотомъ и лепетомъ, переходящимъ то въ плачъ, то въ смѣхъ, то въ болтовню, то въ хныканье. Кто не жилъ у Арагвы, тотъ и вообразить не можетъ, какъ краснорѣчива вода, сколько она знаетъ и умѣетъ разсказать, когда одиноко призадумаешься надъ нею въ жаркій полдень или на закатѣ солнца... Заря умираетъ, пѣна волнъ кипитъ красною кровью, а Арагва поетъ и поетъ...

Здѣсь—много «сѣвернѣе». Похоже на Штирію, Каринтію, преобладаютъ зеленые тона. Нѣтъ страсти въ пейзажѣ, зато—много стыдливой, дѣвственной свѣжести. Я шелъ и воображалъ легенду о добромъ королѣ Гунтрамѣ, какъ именно въ такое утро и въ такомъ горномъ лѣсу онъ встрѣтилъ юную дріаду, которая стала его женою и породнила его съ древними богами.

Выше! выше!—вдоль зеленыхъ отвѣсовъ, кудрявыхъ крѣпколистымъ дубнякомъ... Немножко кружится голова. Какъ, однако, столичная жизнь портитъ человѣка! Давно ли я взбирался на Казбекъ до одиннадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, ползалъ по чортовымъ тропинкамъ Куросцери, гдѣ иной разъ, вися надъ бездною, приходилось довѣряться больше рукамъ, чѣмъ ногамъ, храбро прыгалъ съ камня на камень по кипящимъ горнымъ рѣченкамъ Кавказа? Кипучая и нервная городская жизнь отстранила отъ природы и внушила ея бояться. Вотъ тебѣ зато—и головокруженіе!

Мои спутники не обращаютъ вниманія ни на зеленыя горы, ни на дѣвственную прелесть стыдливаго утра, ни на птицъ, ни на потоки. «Не обращаютъ» не въ томъ смыслѣ,

что не выражаютъ восхищенія вслухъ,—это-то слава Богу! Нѣтъ ничего тошнотворнѣе громкихъ восторговъ предъ природой, какими, среди туристовъ, щеголяють по преимуществу нѣмцы—изъ мужчинъ и англичанки—изъ женщинъ. Нѣтъ,—мои спутники просто *не замѣчаютъ* своей природы и проходятъ мимо чудесъ мірозданія, точно мимо кирпичнаго склада—не удостоивая ихъ ни однимъ взглядомъ. Думаю: свыклись съ пейзажемъ, приглядѣлся онъ имъ слишкомъ. Спросилъ: нѣтъ; одинъ дѣлаетъ эту дорогу впервые въ жизни, другой—во второй разъ. До того, чтобы свыкнуться или приглядѣться, значитъ, очень далеко. Просто—какъ замѣчалъ я не разъ и впослѣдствіи,—въ болгарской натурѣ нѣтъ эстетической жилки или, по крайней мѣрѣ, очень ужъ слабо она бьется. Болгаре заѣдены политикой и политиканствомъ. Мои спутники всю дорогу чуть не дрались между собою изъ-за Каравелова. Король Гунтрамъ улетѣлъ изъ моихъ мыслей, спугнутый именемъ Стамбулова, съ аккомпаниментомъ всѣхъ ругательствъ, какія существуютъ на болгарскомъ языкѣ. А послѣдній въ этомъ отношеніи много богаче русскаго. По-болгарски можно такъ выругаться, что послѣ того самый грубый русскій извозчикъ будетъ три дня краснѣть, какъ дѣвушка, при одномъ воспоминаніи. Однако, и болгары, и турки, и даже итальянцы—невинныя дѣти сравнительно съ греками: брань этихъ послѣднихъ особенно гнусна тѣмъ, что крайній цинизмъ ея уступаетъ лишь ея же крайнему богохульству.

Въ Петроханъ, тычкомъ торчащій на безлѣсной вершинѣ, пріѣхали голодные и холодные. Набросились на захваченные изъ Клиссуры форели. Не ѣдимъ, пожираемъ. Тотъ, у кого въ рукахъ остался только хвостикъ, съ жадною завистью смотритъ на тѣхъ, кто еще принимается за головку.

— Пейте вино, пейте вино!—поощрялъ цинцаръ.— Теперь лѣсъ кончился, холодно будетъ... Много надо вина!..

Дѣйствительно, не успѣли выбраться изъ Петрохана, какъ изъ каждаго ущелья лысыхъ горъ стало насъ обдавать ледянымъ дыханіемъ далекихъ снѣговъ—точно изъ крещенской проруби. Сперва натянулъ на плечи легкое пальто, потомъ—осеннее, потомъ пожалѣлъ, что не захватилъ съ собою шубы... Это въ іюнѣ-то мѣсяцѣ!

Скоро, однако, пришлось согрѣться—поневолѣ. На крутомъ довольно спускѣ я замѣтилъ, что аллюръ моего фаэтона странно ускоряется. По части лошадей я невиненъ, какъ младенецъ: ровно ничего въ нихъ не понимаю; когда я пробовалъ быть всадникомъ, то не я управлялъ лошадью, а лошадь управляла мною. Помню одну, которая систематически сбрасывала меня на песокъ и потомъ, погарцовавъ вокругъ меня малую толику, начинала меня не безъ любопытства обнюхивать: что̀ молъ это за человѣкъ? Зачѣмъ онъ, собственно, на меня взбирался и почему, разъ взобравшись, не усидѣлъ на мнѣ, а лежитъ на землѣ, охаетъ и ругается? Привыкнувъ быть жертвой лошадиной тираніи, я и теперь рѣшилъ, что—разъ лошади скачутъ, значитъ, и надо скакать, значитъ, имъ такъ нравится... Однако, скокъ становился все безпорядочнѣе и неистовѣе; фаэтонъ швыряло изъ стороны въ сторону. Ямщикъ принялся вопить, какъ зарѣзанный. Ага! стало быть, неблагополучно! Стало быть, лошади несутъ! Раньше меня никогда лошади не носили, и я рѣшительно не зналъ, что дѣлать предписываетъ въ этомъ случаѣ сѣдоку кодексъ благоразумія.

— Прыгайте, прыгайте! слышалъ я крики позади себя изъ другихъ фаэтоновъ.

Однако, прыгать я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, имѣя слабость дорожить членами своего тѣла и ничуть не стремясь разбить ихъ о камни балканскаго шоссе. Кучеръ, продолжая голосить, выпустилъ изъ рукъ возжи и сталъ валиться съ козелъ... Какъ я успѣлъ перехватить возжи, какъ ухитрился осадить лошадей—право, не помню. Знаю

только, что была секунда, когда я ничего не видалъ, а когда снова все увидѣлъ,—то я стоялъ въ фаэтонѣ, и въ рукахъ моихъ дрожали натянутыя, какъ струны, возжи. У присмирѣвшаго коренника была морда въ крови, а я чувствовалъ боль въ груди, въ спинѣ, въ рукахъ и страшную усталость во всемъ тѣлѣ, точно меня палками избили. Болѣла спина, тѣснило въ груди. Къ вечеру мои руки вспухли, какъ бревна, недѣли двѣ я не могъ отдѣлаться отъ послѣдствій этого непомѣрнаго напряженія...

Дальше уже не было никакихъ приключеній—если не считать омлетъ на овечьемъ салѣ, испеченный на какой-то станціи однимъ изъ спутниковъ, сербомъ-ресторатором изъ Клиссуры... Вотъ ужъ сочеталъ-то несочетаемое! Брилья де Саваренъ перевернулся въ гробу, когда изумительное кушанье появилось на столѣ, а мы зажали носы. Это кулинарное злодѣйство было продѣлано изъ рыцарскаго желанія угодить догнавшимъ насъ въ пути дамамъ—матери съ дочерью, онѣ тоже ѣхали въ Софію.

По-польски кушанье—«потрава»; я впервые понялъ глубокій смыслъ этимологіи этого слова, когда увидалъ отчаянныя лица бѣдняжекъ, принужденныхъ проглотить стряпню наивнаго ухаживателя. Мать была русская, но уже лѣтъ пятнадцать изъ Россіи, замужемъ за болгарскимъ офицеромъ. Болгаръ ненавидѣла, надъ Болгаріей смѣялась, а дочь ея, между тѣмъ, не знала ни слова по-русски. Совсѣмъ россійскій патріотизмъ: ругать чужое, не уча своему!

Лысыя горы переходятъ въ лысые холмы, лысые холмы —въ лысую равнину. Совсѣмъ—какъ будто отъ Мцхета ѣдешь въ Тифлисъ. Такая же скука, даже еще хуже!.. Вдали щетинится крутымъ горбомъ огромная гора—тоже на видъ совсѣмъ тифлисскій Св. Давидъ, а подъ нею бѣлѣютъ, какъ овцы, бѣлые домики... Гора—Витуша, домики—городъ Софія. Вотъ я и у цѣли..

1894.

Продолженіемъ служитъ статья «Софійское Житье-Бытье» въ моей книгѣ «Недавніе Люди» (1902).

Князь Фердинандъ Болгарскій.

I.

(Изъ корреспонденцій 1894 и 1896 годовъ).

Я былъ свидѣтелемъ двухъ важныхъ политическихъ моментовъ, создавшихъ почти неожиданно новое русло въ теченіи современной болгарской исторіи: смутныхъ дней 1894 года, когда палъ Степанъ Стамбуловъ и рухнулъ упроченный имъ режимъ, и празднествъ 2 февраля 1896 года, когда воля Императора Николая II положила предѣлъ тягостному отчужденію Россіи и Болгаріи и, признавъ принца Фердинанда Кобургскаго законнымъ княземъ болгарскимъ, возстановила дипломатическія, торговыя и общекультурныя отношенія между двумя славянскими государствами, прерванныя въ теченіе почти десяти лѣтъ.

Судьба позволила мнѣ быть первою ласточкою этой весны. Восемь лѣтъ суровая бдительность Стамбулова заграждала русскому журналисту доступъ въ Болгарію. Восемь лѣтъ русское общество получало извѣстія объ этой злополучной странѣ изъ крайне сомнительныхъ третьихъ рукъ австро-германской печати, враждебной славянскому единенію, создавшей послѣдовательную систему оглашать ложные слухи, фальшивые документы, обманныя характеристики и корреспонденціи, которыя, безпорядочно волнуя

и болгарское, и русское общественное мнѣніе, разжигали все большее и большее недовольство съ обѣихъ сторонъ. Русскія газеты были запрещены Стамбуловымъ ко ввозу въ Болгарію, но его органъ «Свобода» усердно перепечатывалъ на своихъ страницахъ каждую безтактную выходку нашихъ шовинистовъ, которая могла бы послужить доказательствомъ, что русскіе—кровные враги болгарской независимости. Къ сожалѣнію, наша печать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, обращалась съ болгарскою прессою по тому же рецепту: подчеркивала голоса, враждебные Россіи, и совершенно замалчивала голоса, взывавшіе о мирѣ и согласіи.

Кромѣ австро-германской печати, органами посредничества между Россіей и Болгаріей за этотъ печальный періодъ были болгарскіе эмигранты, укрытые Россіею послѣ грознаго разгрома регентствомъ Стамбулова и К° заговорщиковъ 9 августа—противъ князя Александра I Баттенберга, послѣ казней Паницы, Узунова, Панова, послѣ убійства Бельчева и лицемѣрнаго процесса по этому убійству, съ неправою казнью Миралова и его друзей въ финалѣ,—казнью, за которую именно и поплатился Степанъ Стамбуловъ своею буйною головою. Изъ русскихъ, въ стамбуловскую пору, посѣтили Болгарію два писателя pur sang: одинъ—С. С. Татищевъ, отставной дипломатъ-авантюристъ и, впослѣдствіи, казенный исторіографъ, дипломатъ, другой—Е. Л. Кочетовъ, корреспондентъ изъ крайнихъ шовинистовъ. Оба скользнули по Болгаріи мелькомъ и не съ цѣлью описать ея дѣйствительное положеніе, но въ намѣреніи попытать въ ней счастья со своими «москвофильскими» проектами политическаго упорядоченія болгаро-русскихъ отношеній. Наконецъ, писали кое-что немногочисленные русскіе политическіе эмигранты, пріютившіеся въ Болгаріи. Одинъ русскій государственный мужъ, въ Петербургѣ *), имѣлъ полное основаніе сказать

*) Покойный Шишкинъ.

мнѣ, когда, передъ первою поѣздкою, я заѣхалъ къ нему съ прощальнымъ визитомъ:

— Главное, пишите свои корреспонденціи, какъ лѣтопись,—«добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». Помните: мы такъ отвыкли отъ Болгаріи, такъ основательно сбились съ пути въ ея лабиринтѣ, что въ отношеніи болгарскаго вопроса можемъ по совѣсти признаться, какъ Фаустъ: «мы не знаемъ ничего, что точно стоило бы знанья».

Я никогда не занимался политикою и, равнодушный ко всѣмъ болгарскимъ партіямъ, не могъ удариться въ политиканство. Отъ меня требовали и ждали простого разсказа, кто изъ политическихъ дѣятелей что творитъ въ Болгаріи, требовали впечатлѣній совершенно объективныхъ, способныхъ явиться твердымъ и незаподозрѣннымъ матеріаломъ для сужденія по нимъ о чувствахъ болгарскаго народа и правительства. Эту задачу я и старался выполнить.

У насъ, русскихъ, есть одна очень дурная и вредная намъ національная черта. Когда мы ссоримся съ кѣмъ-нибудь, мы находимъ странное удовольствіе воображать своего непріятеля глупѣе, слабѣе, неловче, невѣжественнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Этотъ способъ политическаго опошленія, устами стоголосой прессы, былъ примѣненъ и къ Фердинанду Кобургскому. Когда, впервые отъѣзжая въ Софію, я взялся за русскія газеты съ цѣлью выжать изъ нихъ хоть приблизительное понятіе: къ кому собственно я ѣду? что это за человѣкъ?—я пришелъ къ убѣжденію, что ни одна изъ русскихъ газетъ сама не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о принцѣ Кобургскомъ (по эффектному полемическому титулу Каравелова—«князѣ части болгарскаго народа») и отдѣлывается въ войнѣ противъ него смѣшками, шуточками, либо ругательными общими мѣстами. Я узналъ, что у Фердинанда—большой носъ, что Стамбуловъ «чуть не билъ его», что ему «под-

несли гарбузъ» сначала всѣ именитыя невѣсты Европы, что у него есть строгая и бойкая мамаша Клементина, что сидитъ онъ на болгарскомъ престолѣ едва-ли не исключительно по заказу и для удовольствія политическихъ карикатуристовъ и газетныхъ передовиковъ; когда нѣтъ темы, то валяй съ принца Фердинанда! не съ чего, — такъ съ бубенъ! Больше ничего не узналъ. Однако, мнѣ стало странно, какими же колдовскими чарами этотъ смѣшной, ограниченный, трусливый, ненавистный народу поручикъ съ большимъ носомъ ухитряется сидѣть на незаконно занятомъ имъ тронѣ восемь лѣтъ сряду, на зло непризнанію его державами, нарушая конституцію, среди вѣчной борьбы политическихъ партій? Нѣтъ, тутъ что-то не такъ!

И уже въ Букурештѣ я убѣдился, что заподозрѣнное мною «не такъ»—дѣйствительно, совсѣмъ «не такъ».

— Не вѣрьте полемической болтовнѣ. Фердинандъ— человѣкъ чрезвычайно приличный и, вопреки юмористическимъ о немъ толкамъ, безспорно умный. Смѣшнымъ его дѣлаютъ фатовство и франтовство: камни, перстни, изнѣженныя манеры. Но не надо забывать, что онъ еще молодъ, не уходился, что онъ страшно богатъ и воспитанъ въ австрійской арміи, гдѣ франтовство вообще развито больше, чѣмъ, напримѣръ, среди нашего офицерства. Тамъ все щегольки. Франтовство—его личная слабость, а не государственное дѣло, и драгоцѣнные камни не мѣшаютъ ему быть сильнымъ политикомъ. Отставку Стамбулова онъ провелъ такимъ ловкимъ и смѣлымъ ходомъ *), что показалъ себя совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Говорю вамъ: это— въ дипломатическихъ шахматахъ будущаго—очень недюжинный и внимательный игрокъ.

Такъ рекомендовалъ принца Кобурскаго вовсе не другъ и не поклонникъ его, а, напротивъ, человѣкъ, положи-

---

*) См. о томъ подробно мою книгу „*Недавніе люди*“, статья „Степанъ Стамбуловъ“.

тельно отвергавшій возможность, чтобы когда-нибудь Европа признала Фердинанда болгарскимъ княземъ, сколько бы Стамбуловыхъ ни смѣнилъ онъ у премьерскаго портфеля. Правда, не ожидая для Фердинанда оффиціальнаго признанія, дипломатъ *) предполагалъ, что Кобурга не потревожатъ на болгарскомъ тронѣ, и, хотя непризнанный, онъ доцарствуетъ до самой смерти или до совершеннолѣтія своего престолонаслѣдника.

— И, пожалуй, лучше пусть царствуетъ онъ, чѣмъ искать новаго, заводя за-ново смуту избранія, конституціонныхъ компромиссовъ, создавая муку для Болгаріи и безконечный рядъ неловкихъ положеній для всѣхъ безъ исключенія державъ европейскаго концерта... Что за радость снова попятить страну на восемь лѣтъ назадъ къ междуцарствію послѣ Баттенберга? Какъ ни разбирайте, Кобургъ утвержденъ уже въ Болгаріи—силою давности. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ себѣ живетъ да поживаетъ въ Софіи загадкою для всей Европы, непризнанный никѣмъ, кромѣ своихъ подданныхъ, а этими—съ грѣхомъ пополамъ. Семь лѣтъ! Послушайте, если вы поставите эту вотъ чернильницу на столъ и не тронете ее съ мѣста, то и она, предметъ бездушный, безвольный и недвижимый, должна оставить подъ собою глубокій слѣдъ. Такъ и Кобургъ, безспорно, уже углубился, въѣлся, какъ говорятъ, въ болгарскую жизнь. Въ Европѣ могутъ дѣлать видъ, будто Кобурга *нѣтъ*, но, если наступитъ такой моментъ, что его, дѣйствительно, не будетъ, и Европѣ придется возиться съ новыми болгарскими претендентами, тогда она должна будетъ убѣдиться, что Кобургъ *былъ*...

Недѣлю спустя послѣ этого разговора, г. Стоиловъ представилъ меня князю Фердинанду на софійскомъ вокзалѣ желѣзной дороги, когда княгиня Марія-Луиза отправлялась въ Франценсбадъ. Она, какъ предполагаемая участ-

*) Г. Де-Фонтонъ, русскій посланникъ при румынскомъ дворѣ.

ница паденія Стамбулова, была тогда въ апогеѣ своей популярности. Проводы поэтому вышли очень торжественные. Тогда, на первомъ знакомствѣ, князь сказалъ мнѣ лишь нѣсколько любезныхъ словъ. Общій смыслъ ихъ былъ таковъ:

— Вы желали видѣть нашу страну; я удовлетворилъ ваше желаніе. Смотрите все, что вамъ угодно, и откровенно пишите все, что вы увидите.

Это было сказано уже на платформѣ вагона. Затѣмъ князь, провожавшій свою супругу до Царяброда (сербской границы), вошелъ въ вагонъ, и поѣздъ тронулся... Раскланиваясь изъ окна вагона, князь замѣтно выдѣлилъ изъ общаго поклона придворной толпѣ — особый для меня, чѣмъ и надѣлалъ софійскимъ политиканамъ толковъ на цѣлый день. Здѣсь не укрывается отъ всеобщаго вниманія и наблюденія ни одна мелочь въ поведеніи оффиціальнаго лица, все обсуждается, все принимается во вниманіе. Князь былъ особенно любезенъ съ корреспондентомъ русской газеты, даже самъ пожелалъ, чтобы корреспондентъ этотъ былъ ему представленъ,—значитъ, князь въ руссофильскомъ настроеніи ума и духа. А такъ какъ руссофильская партія тогда была въ Болгаріи наивліятельнѣйшею и наиоткровеннѣйшею, то, стало быть, «на нашей улицѣ праздникъ».

Прошла еще недѣля. Согласно личному обѣщанію князя и г. Стоилова, я получилъ аудіенцію во дворцѣ. Дворецъ, дороговизною и мнимой роскошью котораго такъ попрекали Баттенберга (даже Лавелэ!), не великъ и только комфортабеленъ, не больше. Аристократическій вкусъ двухъ послѣдовательныхъ обитателей-хозяевъ дворца не позволилъ испортить зданіе чрезмѣрно кричащими заявленіями: «вотъ какъ мы богаты». Баттенбергъ этого не могъ сдѣлать по бѣдности, Кобургъ не захотѣлъ по здравому смыслу. Однако—два года спустя—я нашелъ во дворцѣ большія перемѣны въ пользу его пышности и нарядности,—

его бѣлая столовая, тронный залъ, красная пріемная стали прямо великолѣпны. Княжескій дворецъ—передѣлка стараго конака турецкаго паши-намѣстника. Здѣсь же была и государственная тюрьма. Въ стѣнахъ той самой бѣлой столовой, гдѣ теперь лились такія славянофильскія рѣчи, турецкіе палачи допрашивали и пытали болгарскаго патріота Василія Левскаго и отсюда повели его на убой.

Мнѣ пришлось обождать князя нѣсколько минутъ въ аванъ-залѣ, всецѣло посвященной памяти князя Александра Баттенберга: здѣсь его портретъ, сабля—подарокъ Царя-Освободителя, самарское знамя болгарскихъ дружинъ, ружья русско-турецкой и сербско-болгарской войны. Половина стѣны у входныхъ дверей занята огромнымъ и очень удачнымъ портретомъ императора Александра II. Среди залы стеклянная витрина съ адресами отъ болгарскихъ городовъ, поднесенными князю Фердинанду по случаю его бракосочетанія съ княгиней Маріей-Луизой. Приглашеніе во дворецъ было прислано мнѣ письмомъ на русскомъ языкѣ: [illegible] знакомые [illegible] такъ оно и есть, [illegible]. Вѣжливая [illegible]

[illegible]

[illegible] Фердинандъ [illegible]

зался изъ своего кабинета. Во второй пріѣздъ мой перстни уже исчезли. Доняли ли князя выходки на этотъ счетъ прессы, или онъ счелъ неудобнымъ сверкать камнями въ присутствіи столь важныхъ гостей, какъ русскіе и турецкіе послы, экзархъ Іосифъ, все болгарское духовенство etc.,—не знаю.

Манеры Фердинанда замѣчательно изящны и мягки—до вкрадчивости; маленькіе сѣрые глаза смотрятъ весело и «себѣ на умѣ»; интонаціи голоса, явственнаго, но не громкаго, спокойны и любезно-предупредительны. Въ пылу разговора, онъ не замѣчаетъ своей привычки жестикулировать лѣвой рукой и поминутно касаться платья собесѣдника. «Бурбонскій» носъ принца, такъ безбожно вытягиваемый европейскими и нашими каррикатуристами, въ дѣйствительности—самый безобидный носъ, безъ особенныхъ преувеличеній со стороны матери-природы, и ничуть не портитъ удлиненный оваль лица. Князь очень занимается своею наружностью. Онъ слегка сутуловатъ. Но, пока молодъ, круглота спины и высокія плечи не мѣшаютъ ему, а скорѣе помогаютъ: даютъ осанистость и солидность не по лѣтамъ. Онъ держится очень прямо, часто откидывая голову назадъ; желая сказать что-нибудь, что вы должны хорошо запомнить, онъ долго смотритъ въ глаза собесѣднику улыбающимся, но проницательнымъ и значительнымъ взглядомъ:

— Не переври—дескать...

— Здравствуйте,—началъ князь по-французски,—я очень радъ видѣть русскаго журналиста въ своемъ дворцѣ. Этого, къ сожалѣнію, давно не случалось. Вы довольны своимъ пріѣздомъ въ Софію и болгарскими впечатлѣніями?

— Очень доволенъ, ваше высочество; я не ожидалъ встрѣтить такъ много порядка въ странѣ и такой радушный пріемъ повсюду.

— Вы, оказывается, мой ближайшій сосѣдъ, прервалъ князь; Стояновъ сказалъ мнѣ, что вы живете въ отелѣ

Кобургъ (противъ дворца). Вы выбрали отель, названіе котораго не можетъ звучать пріятно для русскаго уха.

— Ваше высочество, будемъ надѣяться, что когда-нибудь этотъ звукъ станетъ для насъ болѣе пріятнымъ,—возразилъ я,—какъ потомъ упрекали меня болгары, непреднамѣренною двусмысленностью; но князь принялъ эту фразу, какъ и намѣревался я ее произнести, въ смыслѣ, самомъ благопріятномъ для него.

Въ послѣднее наше свиданіе послѣ 2 февраля 1896 г., когда князь призвалъ меня къ себѣ, чтобы проститься, онъ сказалъ, между прочимъ:

— Помните, какъ—два года назадъ—мы бесѣдовали съ вами, строя всякія теоретическія возможности выйти изъ тяжелаго напряженія, въ какое поставила Болгарію и Россію ихъ взаимная политика! Мы не предчувствовали, что жизнь разрѣшитъ этотъ вопросъ сама и гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать.

— Виноватъ, ваше царское высочество,—возразилъ я,—я позволю себѣ замѣтить, что уже тогда ждалъ для Болгаріи всего лучшаго. Можетъ быть, вы припомните, что на ваши слова, будто имя Кобургъ непріятно звучитъ для русскаго уха, я выразилъ надежду, что скоро звукъ этотъ станетъ для насъ болѣе отраднымъ...

Князь весело засмѣялся.

— Это истина! Это истина!—воскликнулъ онъ.—Я хорошо помню.

Возвращаюсь къ первой аудіенціи 1894 г.

— Трудно исправить прошлое, очень трудно...—задумчиво произнесъ князь.

— Подождемъ будущихъ фактовъ,—сказалъ я.

— Какихъ фактовъ?—быстро переспросилъ князь, насторояшвъ свое вниманіе. Надо замѣтить, что и болгары, и ихъ правительственные люди относились къ моей поѣздкѣ въ первое время довольно подозрительно: имъ не хотѣлось вѣрить, что я попалъ въ Софію только какъ журналистъ,—

они все желали видѣть во мнѣ посланца оффиціознаго, въ родѣ С. С. Татищева... Противъ этого много приходилось спорить.

— Я хочу сказать, что историческія ошибки не исправляются однимъ почеркомъ пера, и согласіе между двумя разрозненными государствами не возстановляется въ одинъ день.

— Да,—сказалъ князь, сбирая кожу на лбу въ серьезныя морщины,—я не отрицаю, что Россія имѣла много причинъ къ неудовольствію за минувшія восемь лѣтъ. Ее вызывали на ссоры, ее раздражали часто безъ всякаго повода, заводили раздоръ ради раздора. Я неоднократно говорилъ Стамбулову, что такъ нельзя, но мои слова не оказывали должнаго дѣйствія. Онъ былъ сильнѣе меня.

— Я не могу скрыть отъ вашего высочества, что отставка Стамбулова произвела въ русскомъ обществѣ отрадное впечатлѣніе.

— Русское общество имѣло право не любить Стамбулова, я это понимаю,—возразилъ князь.—Но за что оно всегда высказывалось противъ меня? Что я ему сдѣлалъ? Его оскорблялъ Стамбуловъ. Но развѣ Стамбуловъ—я, а я—Стамбуловъ? Про меня распространили слухъ, будто я лишь безсловесный исполнитель стамбуловскихъ намѣреній, и, однако, преслѣдовали меня съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Стамбулова. Меня гласно обзывали узурпаторомъ, авантюристомъ. Я не узурпаторъ: я сѣлъ на тронъ по призванію народной воли, провозглашенной великимъ народнымъ собраніемъ. Говорятъ: оно незаконное. Почему я обязанъ былъ вѣрить тѣмъ, кто это утверждаетъ? Почему законно собраніе, провозгласившее княземъ Баттенберга, и которое Баттенбергъ, однако, долженъ былъ сперва дважды распустить, а потомъ нарушить, изъ-за его хаотичности, конституцію пресловутыми полномочіями 1881 г.? Признаютъ ли меня, нѣтъ ли великія державы Европы, но Болгаріей я признанъ, и, такъ какъ болгарскій князь—

не для великихъ державъ, а для Болгаріи, значитъ, я не узурпаторъ. Я происхожу отъ слишкомъ благородной родословной вѣтви, чтобы можно было называть меня авантюристомъ. Русское правительство и общественное мнѣніе не могутъ не сознавать всего этого: зачѣмъ же оскорблять меня и усиливать вражду словами, когда она и безъ того уже достаточно доказана фактами?

Все сказанное я привожу съ буквальной точностью.

Кстати о «благородной родословной вѣтви». Въ свое время надѣлала много шума легенда о происхожденіи князя Фердинанда отъ св. великой княгини Ольги. По изслѣдованію архимандрита Леонида, извѣстнаго русскаго археолога, великая княгиня Ольга была родомъ не изъ Пскова, какъ обычно думаютъ, но болгарка. У нея была пра-правнука, дочь Ярослава Мудраго, Анна Ярославна, которая вышла замужъ за Генриха I, короля французскаго. Отъ сего послѣдняго, по прямой линіи, происходитъ принцесса Клементина, мать князя Фердинанда... Такимъ образомъ, въ послѣднемъ соединяются русская, болгарская и французская кровь. Легенда достаточно нелѣпа, чтобы быть остроумною—и обратно. Болгары надъ нею хохотали. Самъ князь принялъ ее, какъ придворную шутку. По крайней мѣрѣ, когда онъ говоритъ объ изобрѣтенномъ для него новомъ происхожденіи по русско-болгарско-французской линіи, на глазахъ его начинаютъ бѣгать весьма веселые огоньки, и уголки губъ складываются въ ироническую улыбку. Но ему очень хочется ославянить нѣсколько свое происхожденіе, и онъ охотно намекаетъ на принадлежность свою къ династіи Витинговъ, корень которой—славянскій...

— Вотъ что,—сказалъ князь Фердинандъ,—позвольте мнѣ васъ предупредить: я желаю, чтобы нашъ разговоръ не былъ interview, спеціально назначеннымъ для печати, во всей своей цѣлости. Я принялъ васъ не какъ журналиста par excellence, а какъ русскаго человѣка и писателя.

Мнѣ хотѣлось бы говорить откровенно, чего я, разумѣется, не могу сдѣлать, разъ наша бесѣда обратится въ interview. Общія впечатлѣнія, общіе выводы, общія мнѣнія, взятыя вами изъ разговора со мною,—къ вашимъ услугамъ, но я желалъ бы, чтобы факты и нѣкоторыя частныя указанія и замѣчанія, необходимыя для меня въ настоящей бесѣдѣ, остались бы между нами. Вы можете заявить, что видѣли меня и говорили о какихъ-то вопросахъ, можете указать общее направленіе моихъ мыслей, какъ вы ихъ поняли, но остальное—частный разговоръ, отнюдь не для печати. Я не буду въ претензіи, если вы будете разсказывать нашу бесѣду, но положительно противъ ея подробнаго оглашенія.

Въ свое время я сдержалъ обѣщаніе, но факты, которые были тогда тайною, давно уже стали общимъ достояніямъ. Все, что говорено было княземъ о паденіи Стамбулова, вошло въ позднѣйшую мою статью о послѣднемъ. (См. сборникъ «Недавніе Люди»).

Между прочимъ князь Фердинандъ говорилъ мнѣ:

— Увѣряютъ, будто я врагъ всего русскаго. Это неправда. Что я не могу сейчасъ питать особенно пылкихъ дружескихъ чувствъ къ странѣ, гдѣ меня ежеминутно оскорбляютъ и обзываютъ бранными именами, понятно; но я не врагъ Россіи. Наоборотъ. Меня къ ней влечетъ, тянетъ. Не знаю, какимъ предчувствіемъ меня всегда съ дѣтства тянуло ко всему славянскому. Я присутствовалъ, двадцатилѣтнимъ мальчикомъ, на коронаціи Императора Александра III, и зрѣлище это глубоко залегло въ мою память. Судьба сдѣлала меня болгарскимъ княземъ... Вѣрьте: на болгарской почвѣ я сталъ болгариномъ, и, какъ для всякаго болгарина, память Царя-Освободителя для меня священна, его завѣты ненарушимы. Моя маленькая страна—Болгарія для болгаръ—должна быть одинаково внѣ вражды и внѣ господствующаго вліянія внѣшнихъ силъ. Я одинаково хорошъ съ

Вѣной, Берлиномъ, Лондономъ, но они не оказываютъ на наши дѣла давленія, какъ не оказываетъ его и Петербургъ, съ которымъ мы вовсе не хороши. Сейчасъ въ Болгаріи нѣтъ русскаго вліянія, но вѣрьте — нѣтъ и ничьего другого.

Въ 1896 году, когда русскіе гости не безъ удивленія повторяли руссофильскія и славянофильскія рѣчи князя Фердинанда,—однажды (послѣ обѣда въ честь экзарха) князь сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти къ нему.

— Вы, который знаете меня два года,—сказалъ онъ,— находите ли вы, что я перемѣнился въ моихъ взглядахъ и желаніяхъ?

— Нѣтъ, ваше высочество: если слова—точное изображеніе мыслей, то вы и тогда думали такъ же, какъ и теперь.

— Неужели такъ трудно повѣрить въ искренность человѣка? — возразилъ онъ не безъ горечи, задумчиво глядя мнѣ въ глаза.

Я промолчалъ. Онъ, улыбаясь, продолжалъ:

— Радость моя пришла ко мнѣ немножко поздно, но, слава Богу, что она пришла!.. Кажется, я заслужилъ ее—ждалъ и терпѣлъ долго...

Послѣ паденія Стамбулова, которое было принято всею Европою за первый сигналъ къ признанію князя Фердинанда, много носились съ идеею, пущенною, кажется, капитаномъ Бендеровымъ: о переизбраніи князя. Личное самолюбіе не позволяло Фердинанду рѣшиться на эту мѣру, въ то время совершенно для него безопасную, потому что лѣтомъ 1894 года къ нему примкнули положительно всѣ партіи и фракціи партій политической Болгаріи, кромѣ стамбулистовъ.

Болгарскіе же государственные люди протестовали противъ переизбранія по такимъ мотивамъ:

— Какой видъ имѣло бы переизбраніе? Всѣ рѣшительно считаютъ Фердинанда законнымъ княземъ—и вдругъ,

пожалуйте: начинайте снова провѣрку этой законности! Зачѣмъ? Потому что это угодно иностранныхъ державамъ. Избиратель широко откроетъ глаза: какое ему дѣло до иностранныхъ державъ? Онъ выбралъ своего князя, онъ знаетъ своего князя, а вѣдаться съ иностранными державами—уже дѣло князя и его правительства. Онъ избралъ князя для себя, а не для иностранныхъ державъ, и переизбрать его, съ исключительной цѣлью угодить послѣднимъ, оскорбительно не только для князя, но и для народнаго самолюбія [1]). На эту мѣру указываютъ, какъ на шагъ къ признанію князя Фердинанда Россіей? Если бы такой шагъ оказался дѣйствительнымъ, можно бы рискнуть многимъ, конечно, но наши свѣдѣнія о Россіи и русскомъ правительствѣ темны, смутны; не имѣя никакихъ ясныхъ сношеній съ Петербургомъ, мы не можемъ и судить, чего тамъ хотятъ, или не хотятъ — опредѣленно. Дѣлать же такіе огромные шаги на рискъ—въ разсчетѣ: авось, угодимъ,—ужъ слишкомъ безумно. Представьте себѣ, что... карта сорвется: Россія, все-таки, не признаетъ Фердинанда. Вѣдь мы станемъ посмѣшищемъ всего свѣта.

Вообще, вопросъ о признаніи, такой тревожный и горькій для Фердинанда, пока онъ смотрѣлъ изъ рукъ Стамбулова, значительно потерялъ для него свою остроту, когда паденіе диктатора открыло ему глаза на его новорожденную популярность. Въ сознаніи прочности занятой позиціи, онъ резюмировалъ мнѣ свои мнѣнія по этому вопросу очень опредѣленно и откровенно:

— Если внутренній порядокъ Болгаріи—надѣюсь, вы замѣтили, что онъ повсюду удовлетворителенъ — докажетъ иностраннымъ державамъ, что ею управляетъ не авантюристъ, а государь, облеченный законными правами, и, убѣдившись въ этомъ, державы, и въ особенности Россія, захотятъ меня признать, я буду глубоко благодаренъ,

[1]) Все, выше сказанное, говорилъ и самъ кн. Ф. (1903).

искренно счастливъ, я приму актъ признанія съ низко склоненною головой. Но я не могу дѣлать новыхъ попытокъ, чтобы меня признали, и слухи, будто я дѣлалъ такія попытки послѣ паденія Стамбулова, невѣрны. Отказъ былъ бы для меня новымъ оскорбленіемъ, а я уже считаю за Европою достаточно и старыхъ. Признаніе меня Европою—вещь очень важная и желательная, но все-таки не настолько, чтобы ради нея становиться къ Европѣ какъ бы въ вассальныя отношенія; по трактатамъ, я вассалъ Турціи, но не Европы. Итакъ, все въ рукахъ Бога и будущаго. А мы будемъ терпѣть и ждать.

Пробило полдень: ровно часъ прошелъ незамѣтно. Князь всталъ и извинился:

— Простите, что я долженъ прервать нашъ разговоръ. Сегодня суббота, и, по заведенному порядку, въ полдень бываетъ торжественная смѣна дворцоваго караула... Если вамъ угодно взглянуть на эту церемонію, она должна оставить въ васъ пріятное впечатлѣніе: вы убѣдитесь, что наше войско сохранило ясные слѣды русскаго вліянія. Мы не мѣняли ни устава, ни пріемовъ, ни формы. Болгарскаго офицера трудно отличить отъ русскаго. Согласитесь, что это не похоже на руссофобство.

Я откланялся.

На прощанье принцъ Фердинандъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку, еще разъ выразилъ свое удовольствіе видѣть у себя русскаго гражданина и журналиста.

— Не прощайте, а до свиданья,—заключилъ онъ и вышелъ на балконъ. Навстрѣчу ему загремѣла музыка. Послышалась его негромкая команда... Интонаціи у Фердинанда и въ командѣ тѣ же, что въ бесѣдѣ: онъ то тянетъ рѣчь по слогамъ, то небрежно бросаетъ слово за словомъ тихимъ горловымъ баритономъ и чуть-чуть въ носъ...

Фердинандъ великій любитель всякихъ парадныхъ церемоній и завелъ у себя во дворцѣ строжайшій этикетъ. Боюсь, не проштрафился ли я противъ этого эти-

кета рѣзкостью иныхъ своихъ вопросовъ, потому что въ концѣ разговора князь замѣтилъ мнѣ:

— Какъ видите, на ваши весьма откровенные и свободные вопросы я отвѣчалъ съ неменьшею откровенностью...

Я извинился:

— Ваше высочество, вы, конечно, поймете необходимость, въ силу которой я позволилъ себѣ эту откровенностью...

— Не извиняйтесь; я, напротивъ, очень радъ этому. Откровенно говорить случается рѣдко. А между тѣмъ, только откровенностью выясняются обстоятельства.

Въ празднества 2-го февраля мнѣ случалось очень часто видѣть князя и много говорить съ нимъ, но самый характеръ торжествъ давалъ въ этихъ бесѣдахъ меньше матеріала для передачи публикѣ, чѣмъ въ первый пріѣздъ. Волновался князь чрезвычайно. Не избалованный русскимъ вниманіемъ, онъ все опасался, все пыталъ и приглядывался, насколько искренни тѣ добрыя чувства, какія привезли ему теперь русскіе люди, а русскіе люди отвѣчали тѣмъ же князю.

Когда на обѣдѣ въ честь пословъ, гр. Голенищевъ-Кутузовъ провозгласилъ тостъ не за князя Фердинанда, но за престолонаслѣдника, Бориса, князь замѣтно смутился, совершенно забывъ, что тостъ за него былъ уже провозглашенъ турецкимъ посломъ, и что, послѣ княжескаго тоста за государя императора, графу Голенищеву-Кутузову слѣдовало, именно, отвѣчать тостомъ за крестника его величества—князя Бориса Тырновскаго.

Видѣлъ я князя и воиномъ, и дипломатомъ, и на трибунѣ народнаго собранія, и во главѣ своей гвардіи, и среди православнаго духовенства, впервые посѣтившаго теперь его дворецъ: ужъ такая князю судьба, что какое-нибудь духовенство всегда держитъ въ опалѣ княжескую палату—сперва православное, теперь католическое. И нигдѣ онъ не ударилъ себя въ грязь лицомъ. На завтракѣ,

данномъ въ честь представителей русской печати, онъ сказалъ блестящую рѣчь о значеніи печати, новой «великой державы» въ наше время.

— Вѣрю въ ваше безпристрастіе, господа!—заявилъ онъ между прочимъ.—Когда вы разъѣдетесь и будете описывать событія, коихъ были свидѣтелями, вы не забудете указать и ту силу, которая двигала этими событіями и опочила на нихъ; это—славянскій духъ, всевыносящій, объединяющій народы, славянскій духъ, быть служителемъ котораго давно уже поставилъ я своею цѣлью...

Однажды, въ разговорѣ, я поздравилъ князя съ счастливою перемѣною въ народномъ образованіи: русскій языкъ, исключенный изъ программы среднихъ учебныхъ заведеній при Стамбуловѣ, возстановленъ въ своихъ правахъ обязательнаго предмета г. Величковымъ.

— Знаете ли вы,—возразилъ мнѣ князь, улыбаясь,—что я учился русскому языку прежде, чѣмъ болгарскому?

По-болгарски князь говоритъ блестяще,—всѣ болгары даютъ ему въ этомъ отношеніи самыя лестныя аттестаціи. Природный языкъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ удачно выразился какой-то романистъ, не языкъ той страны, гдѣ они родятся, но французскій языкъ... и, надо сознаться, мнѣ не случалось слыхать болѣе красивой,—изящноразговорной и литературно правильной вмѣстѣ,—французской рѣчи, чѣмъ рѣчь князя Фердинанда.

— Какой я нѣмецъ? Почему я австріецъ?—вырвалось у него въ одномъ разговорѣ со мною во время перваго пріѣзда.—Если ужъ опредѣлять мою національность, то я скорѣе всего французъ—и по крови, и по воспитанію, и по симпатіямъ, и по образу жизни...

Князь понимаетъ по-русски очень хорошо, говоритъ же неохотно, вѣроятно, стѣсняясь произношенія; въ Болгаріи у него не было до сихъ поръ практики для русскаго Чо иногда онъ вставляетъ русскія фразы—короткія,

разговорныя... Въ помянутой уже выше бесѣдѣ послѣ обѣда экзарха князь, между прочимъ, замѣтилъ:

— Вы присутствуете при историческомъ событіи. Надъ Болгаріей всходитъ, наконецъ, солнце. Впереди еще много темныхъ тучъ, но я твердо уповаю: главное сдѣлано,—и онѣ мало-по-малу разсѣятся. Я вѣрю въ будущее: оно должно устроиться къ лучшему...

— Ваше высочество,—сказалъ я,—у насъ, русскихъ, на такой случай есть словечко «образуется».

На мою шутку, князь сперва серьезно взглянулъ—по обычаю своему—мнѣ въ глаза, ища въ памяти перевода незнакомому слову... потомъ сообразилъ и расхохотался:

— Ah! c'est le mot, je le comprends... «Nitchevo! nitchevo!»—закончилъ онъ, напоминая мнѣ старое бисмарково словцо, подалъ мнѣ руку и отошелъ къ экзарху.

II.

1898–1901.

Князь Фердинандъ принялъ меня поздно вечеромъ въ долгой аудіенціи.. Много передумалъ и вспомнилъ я, пока ея ожидалъ.

Тысяча восемьсотъ девяносто четвертый годъ.

Небольшой залъ, похожій на комнату частнаго лица. Въ открытыя окна, въ дверь балкона тянетъ зноемъ жаркаго іюньскаго дня, видно синее южное небо, раскаленное близкимъ полднемъ, и въ немъ силуэтъ Витуши, протянувшейся на горизонтѣ, точно хребетъ усталаго звѣря. Какой-то танцующій на носкахъ французъ-камергеръ съ поклономъ... нѣтъ, поклонъ это слишкомъ грубое слово: съ эѳирнымъ реверансомъ, оставляетъ меня одного въ мертвой тишинѣ пустого покоя. Жду нѣсколько секундъ, съ любопытствомъ предугадывая: каковъ-то, въ дѣйствительности, этотъ многошумный герой, волнующій Европу, единствен-

но, чтобы видѣть кого лицомъ къ лицу, проѣхалъ я три тысячи верстъ? Человѣкъ, преслѣдуемый ожесточенною бранью враговъ, наглыми насмѣшками безразличныхъ, унижаемый и въ царственномъ, и въ человѣческомъ своемъ достоинствѣ, не признанный Европою, восемь лѣтъ управляемый грознымъ своевольцемъ, «тираниномъ и блудникомъ» Стамбуловымъ,—словомъ, Фердинандъ русской прессы въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра III, Фердинандъ передовыхъ статей и юмористическихъ журналовъ, счастливыхъ, что и у нихъ есть дозволенный сюжетъ для «политической» карикатуры,—Федринандъ Кобургъ. Безшумно открывается дверь, и — предо мною стоитъ, въ бѣломъ кителѣ, высокій офицеръ, съ нѣсколько приподнятыми плечами, внимательно глядя мнѣ въ лицо глазами, полными холоднаго ума и оффиціальной ласковости. Часъ разговора, и я,—предубѣжденный, полный скептицизма, отнюдь не сторонникъ въ то время, а скорѣе противникъ князя Фердинанда, готовый схватить каждую его непріятную или опасную черту,—откланиваюсь, въ ясномъ и твердомъ убѣжденіи, что я говорилъ съ однимъ изъ умнѣйшихъ людей вѣка, проницательнымъ и дальновиднымъ политикомъ, прошедшимъ страшную практическую школу, до которой, увы, далеко большинству нашихъ дипломатическихъ esprits forts, хотя бы уже потому, что они практикуются на своемъ поприщѣ въ счастіи, а Фердинанда выработало въ государственнаго человѣка несчастіе. Восемь лѣтъ колеблющаяся почва подъ ногами, восемь лѣтъ отчужденія отъ Россіи и сознанія себя безразличнымъ для Европы, восемь лѣтъ стамбуловскаго безпардоннаго гнета! Онъ былъ безпокоенъ, нервенъ, но чувствовалъ свою силу; онъ только-что смялъ Стамбулова и понималъ, что создалъ себѣ небывалую популярность, и уже комбинировалъ мысленно и правое направленіе, и правые пути, которые она ему открыла, какъ неожиданный лучъ мѣсяца изъ-за тучъ освѣщаетъ тропинку путнику, заблудившемуся въ лѣсной

ночи. Онъ говорилъ откровенно и прямо, а обстоятельства, впослѣдствіи, показали, что и искренно. Слова и тонъ его дышали страшною силою характера, крѣпкаго и гибкаго, какъ стальная пружина, которую можно сгибать, свивать въ кольцо, но не сломать, и чѣмъ круче ее сгибаешь, тѣмъ она опаснѣе, потому что тѣмъ сильнѣе будетъ ея ударъ, если она, не ровенъ часъ, распрямится. Человѣкъ этотъ чувствовалъ себя господиномъ положенія, которое онъ создалъ, и готовъ былъ за него воевать. Онъ видѣлъ за себя народъ, видѣлъ войско и зналъ, какъ надо вести страну, чтобы и народъ, и войско всегда остались за него, зналъ секретъ національной политики. Изъ всѣхъ болгаръ, въ обѣ мои поѣздки въ ихъ страну, едва-ли не одинъ князь Фердинандъ, не болгаринъ родомъ, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, желающаго вести Болгарію по пути, куда влекутъ ее духъ народный и историческій жребій, а не куда угодно партійной, предвзято сочиненной теоріи, хотя бы и «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ». Камнемъ преткновенія къ націонализму въ болгарской политикѣ было упорное нежеланіе Россіи считаться съ княземъ Фердинандомъ, какъ государемъ, ея представителемъ. Какимъ страшнымъ гнетомъ лежало это отчужденіе на кн. Фердинандѣ, что это былъ для него за камень на шеѣ, какъ ежеминутно вязало оно его по рукамъ и ногамъ, какъ вносило горечь въ каждую каплю меда его новорожденной популярности,—тому, изъ всѣхъ русскихъ, я—живой свидѣтель, какъ очевидецъ софійскихъ послѣ-стамбуловскихъ дней и собесѣдникъ князя какъ разъ въ эту пору, столь для него двусмысленную и переходную. Когда я возвратился въ отечество, то на вопросы: какъ я нашелъ Кобурга?—не могъ отвѣчать, по чести и совѣсти, иначе, какъ:

— Милостивые государи! Кобургъ—это миѳъ русскихъ кабинетныхъ политиковъ и болгарскихъ эмигрантовъ, а есть въ Болгаріи князь Фердинандъ, хотя не признаваемый державами, но княжествующій, какъ давай Богъ всякому;

государь, который не только царствуетъ, но и управляетъ; человѣкъ большого ума и сильнаго характера, котораго намъ гораздо выгоднѣе было бы имѣть другомъ, чѣмъ врагомъ, и который, въ концѣ концовъ,—вы увидите!—будетъ не только признанъ, но и весьма популяренъ.

Тысяча восемьсотъ девяносто шестой годъ. Посредственный—и даже менѣе, чѣмъ посредственный—вокзалъ желѣзной дороги залитъ нарядною толпою. Она шпалерами стоитъ по полотну. Всюду гирлянды, цвѣты, букеты. Въ двухъ шагахъ отъ себя, сжатаго локтями и спинами депутатовъ народнаго собранія, вижу я надъ моремъ черныхъ головъ знакомое, сѣроглазое лицо съ крупнымъ носомъ, подъ бѣлою военною фуражкою, блѣдное и серьезное. Громыхая и пыхтя, подходитъ поѣздъ, весь обвитый зеленью. Головы обнажаются. Изъ вагона выходитъ высокій, худощавый генералъ въ русскомъ мундирѣ—гр. Голенищевъ-Кутузовъ, замѣститель императора при мvропомазаніи княжича Бориса. Громовое «ура» потрясаетъ воздухъ. Русскій гимнъ слился съ болгарскимъ, толпа, какъ одинъ человѣкъ, давя другъ друга, вопя и распѣвая, неслась вслѣдъ за колясками русскихъ гостей. Вѣяли русскіе флаги, блистали тріумфальныя арки, всюду—русская рѣчь, всѣмъ русскимъ — «добро пожаловать»... «Съ Россіей сичко, безъ Россіи нищо»... Пиршества, рѣчи, оваціи, медовый мѣсяцъ примиренія.

Старинный храмъ, убранный русскими и болгарскими національными цвѣтами. Сверкающія митры епископовъ. Очаровательный малютка, двухлѣтній Борисъ, вводится въ храмъ воспитательницею, сухою дамою въ черномъ платьѣ. Вотъ онъ—на тронномъ мѣстѣ, рядомъ съ отцомъ. Фердинандъ, блѣдный, какъ во всѣ эти дни, крестится православнымъ крестомъ. Во все время церемоніи я наблюдалъ за нимъ. Положеніе его, какъ католика, было не изъ пріятныхъ, но трудно было держать себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ—скажу даже: съ бо̀льшимъ величіемъ. Онъ могъ

послужить въ эти минуты прекраснымъ оригиналомъ для живописца, который задался бы цѣлью изобразить государя, во имя блага страны, побѣдившаго въ себѣ человѣка, самолюбіе правителя поставившаго выше самолюбія личнаго.

Вижу я князя Фердинанда и на пирахъ и балахъ «примиренія», сверкающаго орденами, веселаго, ласковаго, не скрывая своего счастія, довольнаго.

— Мы встрѣчаемся теперь при иныхъ, нѣсколько лучшихъ обстоятельствахъ, не правда ли?—слышу я его внятный голосъ.

— Если вы, ваше царское высочество, припомните, я и тогда уже выражалъ увѣренность, что они вскорѣ измѣнятся къ лучшему...

— Это правда,—сказалъ онъ, задумчиво склоня голову. Счастье заставило себя ждать, пришло поздно, но пришло. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Прощальная аудіенція... сердечныя, теплыя выраженія глубокой признательности за сочувствіе дѣлу болгаро-русскаго сближенія, добрыя пожеланія, задушевное «до свиданія».

— Вы всегда будете хорошо приняты въ Болгаріи!

Чувствовалось, что это любезное прощаніе было не только актомъ придворной вѣжливости со стороны государя, которому пришелъ откланяться отъѣзжающій на родину чужестранецъ,—въ тонѣ и словахъ Фердинанда звучала сердечность человѣка, искренно довольнаго и благодарнаго тѣмъ, что видитъ предъ собою ближняго, который въ немъ именно человѣческое-то и призналъ.

Уже и теперь, по историческому складу событій, князь Фердинандъ оказался на сценѣ европейской политики лицомъ изъ самыхъ интересныхъ, наиболѣе привлекающихъ вниманіе. Потомство будетъ останавливать на этомъ человѣкѣ, успѣвшемъ энергіей воли своей, умомъ и тактомъ стать изъ ничего могущественнымъ государемъ, взоры свои съ еще большимъ удивленіемъ и симпатіей. Фердинандъ

въ XIX вѣкѣ—фигура исключительная и замѣчательная. А по мѣрѣ испытаній и страданій своихъ на тронѣ въ первые годы его шаткой власти—и трагическая фигура. Онъ живо напоминаетъ Генриха IV англійскаго, какъ написалъ его Шекспиръ. Когда для него настанетъ часъ кончины, онъ съ равнымъ правомъ можетъ сказать княжичу Борису, какъ Генрихъ IV говорилъ когда-то веселому принцу Гарри:

Извѣстно Богу,
Съ какимъ трудомъ, съ какой тревогой вѣчной
Удерживалъ я на челѣ корону.
Тебѣ она достанется при лучшихъ
Условіяхъ, прямѣй, законнѣй...
...На челѣ моемъ
Казалась всѣмъ она символомъ власти,
Захваченной рукою дерзновенной.
...Тебѣ извѣстно,
Какимъ опасностямъ я подвергался
Отъ этого; вся жизнь моя лишь рядомъ
Тревогъ была!..

(1898)

За пять лѣтъ, что я не видалъ кн. Фердинанда, онъ сильно измѣнился, располнѣлъ, отяжелѣлъ, слегка поистратился волосами. Испытанія семейныя и государственныя заботы не прошли ему даромъ. Это—большой и усердный работникъ, съ упорнымъ желаніемъ знать все, что происходитъ въ его странѣ, подъ отвѣтственностью его державнаго имени. Безсонныя ночи за бумагами и постоянныя волненія подарили его тяжкими мигренями; слѣды ихъ выразились припухлостями на вискахъ, придающими лицу князя утомленное выраженіе. Черты лица стали рѣзче, взглядъ—глубже, острѣе и серьезнѣе. Теперь это уже—не «женихъ власти», красиво увлекающійся ея эффектами, влюбленный въ ея внѣшніе прерогативы и аттрибуты, но настоящій государственный мужъ, котораго тяжелый опытъ сдѣлалъ не только глубокомысленнымъ, но даже нѣсколько угрюмымъ и грустнымъ.

— Не правда ли, какъ я сдѣлался старъ?—спросилъ онъ меня.

— Мы одного возраста, ваше царское высочество,— но я нахожу, что вы выглядите моложе меня.

— Это правда,—съ удовольствіемъ сказалъ князь,— вы тоже очень постарѣли. Да, пожалуй,—я кажусь моложе васъ. Отчего это?

— Очевидно, ваше царское высочество, оттого, что журналисты сохраняются хуже государей.

Онъ засмѣялся и спросилъ:

— Вы думаете? почему?

Я отвѣчалъ:

— Вѣроятно, потому, что жизнь государей, даже при самыхъ несносныхъ условіяхъ, все-таки пріятнѣе, чѣмъ жизнь журналистовъ.

Марія Луиза Болгарская.

Имя Маріи-Луизы, первой княгини болгарской, останется вѣчно памятнымъ для страны, гдѣ рокъ судилъ ей сыграть историческую роль краткую, но знаменательную. Она вступила въ Болгарію въ эпоху трудную и сомнительную; когда она вручила руку и сердце свои князю Фердинанду, этотъ умный и энергичный государь былъ еще только потенціальнымъ княземъ и, какъ истинный «сынъ судьбы», бравировалъ предъ Европою и Россіею желаніемъ и временною возможностью обойтись безъ Европы и Россіи. За плечами князя Фердинанда стоялъ могучій Стамбуловъ—человѣкъ безсовѣстный, но съ огромными способностями, въ числѣ которыхъ едва-ли не главною является талантъ политической наглости, равно угнетавшей и тѣхъ, противъ кого работалъ, Стамбуловъ, и тѣхъ, для кого онъ, повидимому, работалъ, начиная, въ послѣднемъ случаѣ, съ самого князя Фердинанда. Какими бы преступленіями ни очернилъ себя Стамбуловъ, какими бы выходками ни умалилъ онъ значеніе первоначальной заслуги своей передъ княземъ Фердинандомъ, исторія Кобургскаго дома, однако, не откажетъ покойному диктатору въ признаніи, что именно ему Болгарія обязана основаніемъ своей династіи. И не только основаніемъ, но и утвержденіемъ. Онъ избралъ принца Кобургскаго, наперекоръ желанію Европы

и огромной части населенія самой Болгаріи, въ болгарскіе князья, онъ же—по картинному выраженію одного русскаго дипломата—и «вколотилъ его, какъ гвоздь» въ сердце Болгаріи. Гвоздь вошелъ глубоко и засѣлъ крѣпко, хотя раскачивали его и старались выдернуть всевозможныя руки. Чтобы гарантировать самовольный болгарскій тронъ отъ ихъ прикосновенія, надо было спѣшить основаніемъ династіи. Между тѣмъ, династія не давалась въ руки. Всѣмъ памятны метанія Стамбулова по Европѣ въ политическомъ сватовствѣ для кн. Фердинанда. Но, несмотря на богатство принца Кобургскаго, несмотря на личную его обаятельность, сватовства не удавались: высокопоставленныхъ невѣстъ пугало шаткое политическое положеніе его—князя, не признаннаго Европою, обзываемаго даже въ оффиціальныхъ органахъ многихъ государствъ «авантюристомъ» и «узурпаторомъ». Какъ извѣстно, во имя династіи, желѣзная воля Стамбулова посягнула даже на конституцію,—былъ отмѣненъ 38-й пунктъ, установлявшій для болгарскаго престолонаслѣдника обязательность православнаго вѣроисповѣданія. Марія-Луиза, принцесса Пармская, оказалась, или за нее оказались, болѣе дальновидною политически, чѣмъ многія другія принцессы—она угадала въ Фердинандѣ ту скрытую и гибкую силу крупнаго политическаго таланта, которая съ полнымъ блескомъ проявилась въ немъ для всѣхъ, начиная съ 18-го мая 1894 года, а раньше сказывалась лишь для немногихъ. Она поняла, что, каково бы ни сложились обстоятельства, Фердинандъ не только сейчасъ князь Болгаріи, но и всегда имъ останется, что этотъ человѣкъ—скромное на видъ облачко, таящее въ себѣ весьма яркія молніи, стальная пружина, способная сгибаться подъ нажимомъ обстоятельствъ хоть въ кольцо, чтобы потомъ, быстро распрямившись, мѣтко и сильно ударить въ цѣль. И она отдала руку свою князю Фердинанду и стала основательницей болгарской княжеской династіи. И, если вѣрить въ при-

мѣты, можно смѣло утверждать, что она «принесла счастье» своему державному супругу. Начиная съ брака съ Маріею-Луизою, Фердинанду во всемъ «везетъ» столько же, сколько не везло въ пять лѣтъ княженія до брака.

Въ двѣ мои первыя побывки въ Болгарію (1894 и 1896 гг.) я встрѣтилъ среди софійскаго населенія два разныя отношенія къ Маріи-Луизѣ. Въ первую — прямо послѣ стамбуловскаго паденія—она была необычайно популярна. Умная, высоко-образованная, чувствительная, молодая княгиня прониклась непреодолимою антипатіею къ всемогущему диктатору, едва его узнала. Князь Фердинандъ, понимая полную для себя политическую необходимость Стамбулова, пять лѣтъ искусно маневрировалъ, чтобы ужиться съ заносчивостью и своеволіемъ подданнаго, который чувствовалъ себя сильнѣе государя. Но сравнительно спокойное согласіе Болгаріи на отмѣну 38 пункта, одобрительное отношеніе къ его браку, радостная встрѣча молодыхъ во всѣхъ городахъ княжества—все это дало понять кн. Фердинанду и обратную сторону медали, то-есть—что гвоздь вколоченъ надежно, и, если бы даже самъ Стамбуловъ захотѣлъ его выдернуть, то еще бабушка на двое говорила, — гвоздь ли выпадетъ, или долото пополамъ. Это позволяло князю осторожно приступить къ перемѣнѣ курса, доселѣ ему необходимаго, но уже давно глубоко антипатичнаго. Полтора года длится притворная борьба съ Стамбуловымъ, при перемѣнномъ счастьѣ. Стамбуловъ какъ будто одолѣваетъ, князь какъ будто сдается, производитъ впечатлѣніе человѣка, прижатаго къ стѣнѣ, пружина окончательно согнулась въ кольцо... и вдругъ— когда на судьбу ея только-что не рукою махнули—она раскрутилась со страшною силою и однимъ щелчкомъ сбила всевластнаго «тиранина» съ позиціи, растоптала его [illegible] бросила съ Олимпа въ Тартаръ.

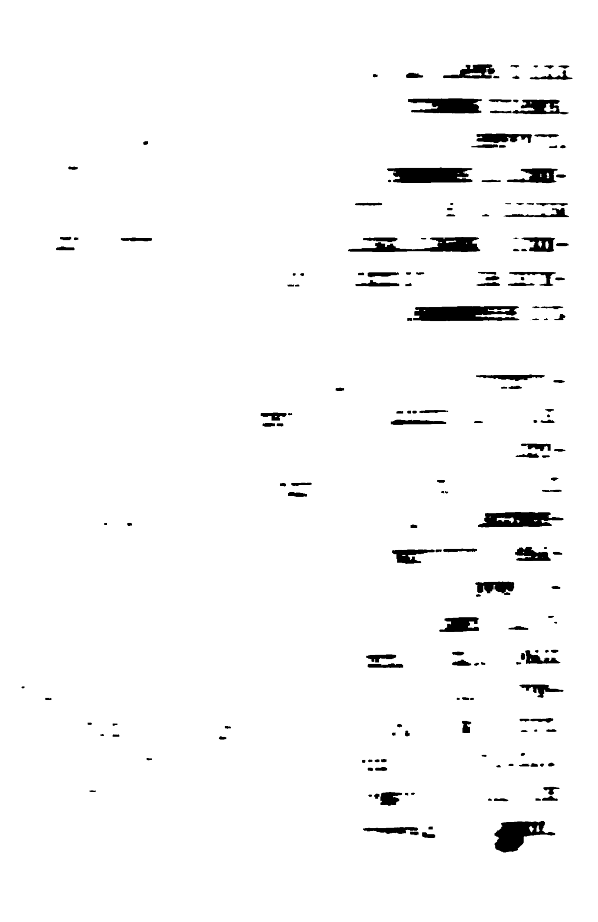
[illegible] товкѣ стамбуловскаго паденія Марія-Луиза [illegible] несомнѣнно, самое живое участіе, хотя не

столько политическими мѣрами, сколько нравственною оппозиціей. Въ высшей степени гуманная, она съ ужасомъ слышала о застѣночныхъ жестокостяхъ, какими Стамбуловъ омрачилъ княженіе ея супруга. Ея откровенному либерализму, чувству политической порядочности была безконечно противна система «слова и дѣла», администрація палачей и шпіоновъ, учрежденная «стамбуловщиною». Цѣломудренная, вѣрная жена, прекрасная мать, она съ омерзѣніемъ встрѣчала человѣка, занесеннаго въ скрижали исторіи съ нелестною, но вполнѣ заслуженною аттестаціей «тиранина и блудника»; она находила, что самое присутствіе Стамбулова уже оскверняетъ; послѣ грязной савовской исторіи, она не только перестала принимать Стамбулова, но даже, когда пріѣзжалъ онъ къ князю съ докладомъ, Марія-Луиза немедленно выходила изъ дворца, чтобы не оставаться подъ одной кровлей съ человѣкомъ, котораго считала врагомъ страны, князя, своимъ, династіи, воплощеніемъ всяческихъ насилій и разврата. Въ правительственныхъ кругахъ Софіи я не разъ слыхалъ, что Марія-Луиза никогда не оказывала политическаго давленія на своего супруга, старательно избѣгала вмѣшательства въ ходъ государственнаго корабля. Мнѣ эти увѣренія представляются довольно сомнительными, но, если бы и такъ, довольно и разсказаннаго, чтобы сыграть очень крупную роль въ событіи 18-го мая 1894 года: какъ ни много нужнымъ казался Стамбуловъ князю Фердинанду, жена была ему еще нужнѣе; трудно имѣть за себя мужа, заслуживъ отвращеніе жены. Конечно, Стамбуловъ чувствовалъ, что на женской половинѣ дворца идетъ противъ него открытое возмущеніе; но, по самонадѣянности своей, диктаторъ приписывалъ ему меньше значенія, чѣмъ слѣдовало. Очень можетъ быть, что, «взбунтуйся» противъ него князь Фердинандъ до брака своего, даже до рожденія княжича Бориса, Стамбулову хватило бы силы убрать князя изъ Болгаріи, какъ былъ въ свое время убранъ Баттенбергъ. Но

послѣ брака силы Фердинанда страшно выросли. Дѣло шло уже не объ одномъ князѣ, а о цѣлой княжеской семьѣ, объ уже основанной династіи, ради которой принесены немалыя жертвы, значеніе которой объяснено народу, арміи. Вѣдь—если дѣло дойдетъ до открытаго столкновенія—эта блѣдная княгиня съ крошкою-престолонаслѣдникомъ на рукахъ можетъ оказаться сильнѣе всѣхъ сбировъ и палочниковъ «стамбуловщины». Она благотворитъ, она любитъ просвѣщеніе, конституцію, она, во время путешествія по странѣ, храбро входитъ въ хаты больныхъ и нищихъ,—народъ это знаетъ, цѣнитъ; онъ слыхалъ, что она—врагъ Стамбулова,—а это уже достаточный поводъ къ симпатіи: народъ—за княгиню, за княжича, за князя. 18-е мая 1894 г., когда Стамбуловъ свалился въ бездну, выяснило, насколько безошибочны были опасенія диктатора. Болтали: говорятъ, будто прозвище «второго освободителя Болгаріи», которымъ въ достопамятные дни эти величали князя Фердинанда, впервые вырвалось изъ устъ именно Маріи-Луизы, когда она поздравляла супруга съ низложеніемъ ненавистнаго министра. Насколько это справедливо, не знаю: за что купилъ, за то и продаю.

Пріѣхавъ въ Софію къ торжеству присоединенія княжича Бориса къ лону церкви православной 2-го февраля 1896 года, я засталъ въ городѣ сильное раздраженіе противъ княгини. Какъ извѣстно, она демонстративно уѣхала на все время торжествъ за границу, не желая присутствовать при обращеніи первенца своего «въ схизму». Въ настоящее время выяснено, что противодѣйствіе княгини этому важному и, какъ сама она отлично сознавала, совершенно необходимому шагу политической не только мудрости, но и справедливости, было фиктивнымъ: отъѣздъ ея совершился съ полнаго согласія кн. Фердинанда, какъ легкое удовлетвореніе римской куріи и австрійскому двору за тяжелую для нихъ побѣду православія и Россіи въ возрожденной болгарской государственности. Но тогда, сто-

ряча, это плохо разбирали и поносили княгиню съ такою же яростью, какъ два года назадъ восхваляли. Люди вѣрующіе оскорблялись, что княгиня выразила какъ бы пренебреженіе къ народной религіи. Политики негодовали, какъ—въ такое время, когда благоразуміе правительства, руководимаго гибкою энергіей князя Фердинанда, достигло, наконецъ, желаннаго примиренія съ Россіей — княгиня рискуетъ отъѣздомъ своимъ обидѣть русскихъ, вноситъ ложку дегтю въ бочку меда, портитъ едва начавшіяся хорошія отношенія. Люди, къ религіи равнодушные,—а въ болгарской интеллигенціи ихъ множество, ни въ одной нѣтъ столькихъ атеистовъ и индифферентовъ,—огорчились тѣмъ разочарованіемъ, что княгиня оказалась вдругъ ревностною католичкою, тогда какъ ранѣе она слыла за свободомыслящую. Наконецъ, духовенство серьезно встревожилось за будущность престолонаслѣдника: не останется ли онъ лишь фиктивно-православнымъ, выростая на рукахъ матери, столь фанатической католички? Словомъ, со всѣхъ сторонъ только и слышны были, что благодарныя хваленія князю Фердинанду за его гражданское мужество и укоризны княгинѣ Маріи-Луизѣ за недостатокъ таковаго. Возвращенія княгини изъ-за границы я не дождался, и не припомню сейчасъ, скоро ли оно воспослѣдовало. Но встрѣтили ее холодно и сухо—съ замѣтною обидою за нераздѣленную съ народомъ радость его. Однако, быстрый ходъ болгарскаго государственнаго корабля, энергически направляемаго рукою князя Фердинанда въ руссофильскій фарватеръ, сгладилъ эти временныя недоразумѣнія—тѣмъ болѣе, что, въ дальнѣйшихъ шагахъ внѣшней политики князя Фердинанда, княгиня Марія-Луиза явилась не въ разногласіи съ супругомъ, но усердною его помощницею и сочувственницею. Если бы и въ самомъ дѣлѣ оставалась въ сердцѣ ея капля горечи послѣ событія 2-го февраля, капля эта должна была совершенно изсякнуть въ августѣ 1898 г., когда княгиня своими собственными глазами могла убѣдиться въ

Борисъ Сарафовъ.

Я провелъ два интересныхъ часа въ разговорѣ съ предсѣдателемъ верховнаго македонскаго комитета, знаменитымъ Борисомъ Сарафовымъ. Свиданіе наше должно было состояться не «нейтральной почвѣ», въ кафе, но—какъ разъ въ назначенный вечеръ—турецкій комиссаръ отнесся къ министру иностранныхъ дѣлъ, г. Даневу, съ новой экстренною нотою о немедленномъ распущеніи македонскихъ комитетовъ, и переполохъ, который вызвало это внезапное обстоятельство среди македонцевъ, помѣшалъ г. Сарафову сойтись со мною въ условленный часъ на условленномъ мѣстѣ. Вмѣсто него, прибылъ съ извиненіемъ одинъ изъ его адъютантовъ *) и просилъ назначить г. Сарафову часъ для свиданія на завтра. И вотъ—въ пятницу, послѣ обѣда—онъ пришелъ ко мнѣ.

Это еще совсѣмъ молодой, красивый и франтоватый господинъ, со складомъ физіономіи человѣка далеко недюжиннаго. Какъ и полагается всѣмъ болгарскимъ агитаторамъ, начиная съ Инсарова изъ «Накапунѣ», онъ черенъ волосами до синевы и желтъ лицомъ, какъ пупавка. Волосы, совершенно прямые, съ трудомъ покорились фиксатуару и имѣютъ не меньшую склонность взбунтоваться противъ тщательной прически, чѣмъ македонцы противъ турецкаго ига. Глаза огненные, великолѣпные, съ рѣшитель-

*) Убитый нынѣ (1903) Давидовъ, кажется. Этого Давидова въ Софіи звали Мефистофелемъ Сарафова.

нымъ, даже дерзкимъ нѣсколько взглядомъ человѣка, увѣреннаго въ себѣ, убѣжденнаго въ своихъ цѣляхъ и средствахъ, поглощеннаго своею дѣятельностью до готовности поставить va banque все свое благосостояніе и самую жизнь. Какъ нѣкогда, знакомясь съ Рачо Петровымъ и разсматривая его красивое скуластое лицо хищнаго молодого ястреба, я невольно подумалъ первою же мыслью:

— Ну, этотъ, если надо будетъ разстрѣлять, то—не поморщится, разстрѣляетъ!

Такъ и теперь, посадивъ Сарафова лицомъ къ свѣту, я наблюдалъ нервную игру его мускуловъ, быстрыя движенія сверкающихъ глазъ и рѣзкую жестикуляцію, слушалъ его порывистую, громкую рѣчь и соображалъ про себя:

— Богъ знаетъ, правду или нѣтъ говорятъ про этого человѣка, что онъ подписываетъ смертные приговоры, командуетъ шайкою тайныхъ убійцъ и вымогателей, возвелъ въ систему грабежъ буржуа и играетъ жизнью и достояніемъ людей, какъ бирюльками. Но—что онъ способенъ и самъ эффектно броситься какъ въ битву, такъ и въ преступленіе, и эффектно повести за собою другихъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

При всей своей энергической внѣшности, Сарафовъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка съ большимъ талантомъ, нежели характеромъ. Онъ хорошо играетъ роль вождя съ твердою волею, но едва-ли владѣетъ ею въ дѣйствительности. Онъ пламенный агитаторъ, но врядъ ли безпощадный и безстрастный судья. Среди круглоголовыхъ и широкоскулыхъ, съ волчьими глазами, сѣверныхъ болгаръ, онъ даже выдѣляется мягкостью выраженія лица: въ немъ не читаешь той немножко дикой, холодной жесткости, что̀ составляетъ отличительную черту болгаръ—особенно, сѣверныхъ—среди другихъ родичей славянства... Ротъ Сарафова—типичный славянскій, добродушный и, хотя онъ умѣетъ, играя воинственнаго рѣшителя судебъ народныхъ, сжимать губы свои въ самыя суровыя и презри-

тельныя гримасы, однако дѣтская улыбка идетъ къ нимъ больше, чѣмъ эти напущенныя, заученныя мины «героя».

Сарафовъ рѣзко и увѣренно отрицалъ обвиненія, взводимыя софійскимъ обществомъ на македонскіе комитеты.

— Правительство, которое насъ гонитъ, буржуа и чиновники, которые поютъ по камертону правительства, имѣютъ прямо манію какую-то изображать насъ страшилищами, раздувая въ слона каждую муху, что залетитъ въ наши комитетскія дѣла. Вамъ говорили о 20 и болѣе политическихъ убійствахъ. Но это ложь. Я знаю всего лишь два: въ Царибродѣ болгарина Качкова, служившаго туркамъ шпіономъ, и здѣсь въ Софіи цинцаринъ изъ Македоніи зарѣзалъ другого такого же цинцарина, возмутившись его равнодушіемъ къ общему патріотическому дѣлу. Ни одно изъ этихъ двухъ не было приказано или разрѣшено комитетомъ. Это просто дикіе взрывы патріотизма, воспламеняющаго многія пылкія головы изъ нашихъ до самозабвеннаго энтузіазма. Убійцу Качкова судили въ Софіи уголовнымъ судомъ и, хотя онъ не отрицалъ своего дѣла, оправдали, въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ, то-есть—потому, что было доказано, что убитый былъ дѣйствительно шпіонъ и предатель. То же самое скажу о мнимомъ вымогательствѣ денегъ. Мы дѣйствуемъ такъ. Мы знаемъ приблизительно состоянія всѣхъ македонцевъ, проживающихъ въ Болгаріи. Жертвы ихъ на алтарь родной свободы притекаютъ обильно и щедро. Я могу указать вамъ тысячи примѣровъ, какъ македонецъ-рабочій, получающій какихъ-нибудь 500 франковъ въ годъ, десятую долю своего заработка несетъ въ національную кассу—не только безропотно: самъ навязываетъ деньги. Но есть и между нашими люди скупые, эгоисты, безсердечные. Богачи, съ состояніемъ въ 200—300 тысячъ левовъ, часто воображаютъ, что они исполнили свой патріотическій долгъ, если швырнули намъ, какъ подачку, двадцать-тридцать левовъ. Мы относительно такихъ господъ не беремъ никакихъ понудительныхъ мѣръ:

все, что говорятъ о насъ въ этомъ родѣ, клевета. Мы лишь заявляемъ имъ: жертва ваша слишкомъ неприлично мала въ сравненіи съ вашимъ доходомъ, — поэтому мы не желаемъ брать съ васъ ничего вовсе,—мы будемъ считать васъ не участвующимъ въ работѣ освобожденія, вы намъ— чужой.Но опять-таки неудивительно, если какой-нибудь пылкій патріотъ, отдавшій намъ, какъ святую лепту, послѣднюю свою стотинку, возмутится такимъ черствымъ эгоизмомъ скряги-богача и сгоряча сдѣлаетъ ему скандалъ, обругаетъ при публикѣ, побьетъ даже. Вѣдь у этихъ бѣдняковъ-патріотовъ есть своя логика. Они разсуждаютъ: мы завоевываемъ себѣ на гроши свои родину, отечество. Если наше дѣло увѣнчается успѣхомъ, то мы, истратившіе всѣ свои средства на свободу Македоніи, не жалѣвшіе для нея ни пота, ни крови, войдемъ въ нее такими же нищими, каковы мы и теперь. У насъ впереди все тѣ же труды, вся та же борьба за существованіе. А эти господа—почти милліонеры—не истративъ ни гроша, не ударивъ пальцемъ о палецъ, понесутъ свои неприкосновенные капиталы въ страну, добытую для нихъ нашимъ самоотверженіемъ, нашимъ горбомъ? Вѣдь они даже и спасиба намъ не скажутъ! Родина, свобода—для нихъ пустыя слова. Имъ важенъ будетъ въ Македоніи только новый рынокъ для торга, новые потребители, которыхъ можно закабалить и надувать. Нѣтъ, г. Амфитеатровъ! Если мы доживемъ до счастья видѣть Македонію безопасною и свободною, тогда мы, конечно, посчитаемся съ нашими скаредами и не дадимъ имъ безнаказанно пожать плоды нашихъ трудовъ. Но сейчасъ мы, кромѣ презрѣнія, не преслѣдуемъ ихъ никакими воздѣйствіями. Всѣ насилія, о которыхъ вамъ разсказывали— результаты негодованія отдѣльныхъ энтузіастовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ комитетами и распорядительствомъ въ нихъ. Мы здѣсь ни при чемъ. Да, наконецъ,—почему же никто изъ обвиняемыхъ по подобнымъ дѣламъ ни разу не признался въ связяхъ своихъ съ комитетами, не обвинилъ

ихъ, чтобы самому избавиться отъ наказанія, не свалилъ на насъ преступную иниціативу?

Мы не убиваемъ, не вымогаемъ,—наше дѣло только вооружить беззащитную Македонію, чтобы хоть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ македонцы, становясь жертвами турецкихъ злодѣйствъ, не подставляли горла подъ ятаганы, какъ беззащитные ягнята. Чтобы, когда движеніе македонской свободы созрѣетъ и вспыхнетъ, турки не могли бы сразу залить его нашею кровью, какъ заливаютъ теперь. Мы провозимъ оружіе тайно—такъ тайно, что до сихъ поръ ни турецкое правительство, ни болгарское не могли услѣдить за нами. Что для турокъ мы должны быть неизбѣжно политическими контрабандистами, ясно само собою, по самому смыслу нашего дѣла. Контрабандность же нашихъ дѣлъ предъ болгарскимъ правительствомъ объясняется тѣмъ, что мы вовсе не желаемъ компрометтировать страну, оказывающую намъ гостепріимство, предъ ея сюзеренкою и довести ее до того, чтобы, по приказу Турціи, она, хотя бы и скрѣпя сердце, уничтожала нашу работу, разрушала наши начинанія, конфисковала патріотическія пріобрѣтенія, стоящія столько кровью и потомъ добыхъ денегъ и сверхчеловѣческихъ трудовъ *).

Вы видите передъ собою человѣка, противъ котораго сейчасъ—весь свѣтъ. Мнѣ закрытъ входъ въ Румынію, гдѣ я осужденъ заочно, въ Сербію, гдѣ меня ненавидятъ, какъ болгаро-македонскаго націоналиста,—о Турціи нечего и говорить, въ Австріи со мною тоже церемониться не станутъ. Эта маленькая Болгарія—единственный клочокъ земли, гдѣ я могу еще покуда жить свободнымъ. Долго ли такъ будетъ? Кто знаетъ! Мы, дѣятели комитетовъ, имѣемъ здѣсь сейчасъ врагами князя, правительство, горожанъ,—наша опора только въ народныхъ слояхъ, только въ безкорыстномъ и беззавѣтномъ патріотизмѣ болгарскаго на-

*) Что однако началось въ 1902 году и упорно продолжается въ 1903.

рода. И конечно, лишь страхъ оскорбить патріотизмъ этотъ и потерять всякую популярность въ странѣ, а, можетъ быть, и вызвать сочувственныя намъ волненія,—только такая боязнь препятствуетъ правительству, насъ ненавидящему, объявить намъ ту открытую войну, которой давно требуетъ отъ него Турція, и требованіе ея поддержано четырьмя другими великими державами, въ томъ числѣ, къ огорченію нашему, и Россіею; ваши представители открыто и сурово идутъ противъ насъ и требуютъ отъ болгарскаго правительства строжайшихъ мѣръ къ нашему уничтоженію. Мы одни, и намъ остается лишь дѣйствовать за собственный свой счетъ, не надѣясь ни на какую помощь и защиту. Потому что Австрію, какъ бы она ни стремилась къ намъ, мы въ Македонію не поведемъ никогда и ни за что. Не стоило бы освобождать славянскихъ земель отъ турецкаго ига съ тѣмъ, чтобы поработить ихъ игу австрійскому. Иго турецкое можетъ пролежать надъ страною лишнихъ десять, двадцать, даже пятьдесятъ, сто лѣтъ, а потомъ все-таки падетъ. Но гдѣ на славянина положили свою руку швабы, тамъ онъ останется навѣки рабомъ,—изъ австрійскихъ тисковъ не вырываются.

Сербы и Австрія ненавидятъ насъ за то, что мы будто бы стремимся къ великой Болгаріи. Это заблужденіе. Мы—болгары родомъ, кровью, складомъ ума и жизни, всѣмъ убѣжденіемъ. Но мысль о сліяніи съ княжествомъ Болгарскимъ не улыбается намъ уже давно. Правительство болгарское поняло это, и—отсюда та готовность, съ какою оно принялось насъ преслѣдовать, въ угоду Стамбулу, по дудкѣ г. Мельхамэ. Вы хорошо знаете: Македонію равно считаютъ своею болгары, сербы, греки. На нее равно точатъ зубы Болгарія, Греція, Сербія, Черногорія. Всѣ кричатъ: она моя. Не лучшее ли это доказательство, что она—ничья? Македонія должна принадлежать самой себѣ, и, конечно, если мы освободимъ ее, то освободимъ не для сосѣдей, а для нея самой, превратимъ ее не въ болгарскую

провинцію, а въ новую славянскую автономію, то-есть—въ новую ступень къ великой славянской федераціи на Балканскомъ полуостровѣ, единственно которою можетъ быть разрѣшенъ вѣковой восточный вопросъ.

— Итакъ,—сказалъ я Борису Сарафову,—цѣли настоящей вашей дѣятельности—исключительно подготовительныя, вы отрицаете свою прикосновенность къ—такъ сказать—поджигательству маленькихъ пожаровъ, что время отъ времени вспыхиваютъ среди болгарскаго населенія Македоніи и такъ дорого обходятся ему, когда турки начинаютъ тушить эти вспышки и мстить.

— Вспышки,—отвѣчалъ Сарафовъ уклончиво,—дѣло темперамента. Если вы прослѣдите, гдѣ онѣ были, куда приходили маленькія банды изъ нашихъ македонцевъ, вы убѣдитесь, что тамъ онѣ и не могли не быть. Звѣрство турокъ противъ болгаръ вообще повсемѣстно въ Македоніи, а въ иныхъ селеніяхъ прямо превосходитъ всякое вѣроятіе и, естественно, возбуждаетъ къ потерѣ терпѣнія и возстанію даже самыхъ смирныхъ и безобидныхъ селяковъ. Въ такихъ случаяхъ, я полагаю, нѣтъ ничего худого въ томъ, если при невольныхъ повстанцахъ окажется дѣльный руководитель, который, движимый патріотизмомъ, пойдетъ раздѣлить участь своихъ братьевъ и будетъ полезенъ имъ уже тѣмъ, что, хоть нѣсколько знакомый съ военными дѣйствіями, научитъ земляковъ, какъ имъ вести себя, чтобы ихъ не перерѣзали, будто стадо барановъ. Комитетъ не посылаетъ бунтарей, чтобы поднимать народъ, даже строго порицаетъ тѣхъ экзальтированныхъ, но недальновидныхъ людей, которые, черезчуръ спѣша на подвигъ освобожденія, пускаются на такія молодецкія приключенія за собственною своею отвѣтственностью. Но—когда македонцевъ грабятъ, рѣжутъ, жгутъ, насилуютъ, и они хватаются за ножи и дреколье—никакой въ мірѣ комитетъ не въ силахъ удержать пылкихъ патріотовъ, желающихъ пойти къ угнетеннымъ братьямъ, помочь имъ воскреснуть

[illegible] Ма-
[illegible] не исполнитъ.
[illegible] Турціи [illegible]
[illegible] Россіи—въ [illegible]
[illegible] черезъ Англію.
[illegible] возста-
[illegible] —побѣдите-
[illegible] не мо-
[illegible] Европою:
[illegible] при такихъ
[illegible] Хорошо! Мы пре-
[illegible] —пусть и турки
[illegible] Вы найдете въ Македо-
[illegible] —подвижной арсеналъ ору-
[illegible] —револьверы за поясомъ, ружье за плечами.
[illegible] болгаринъ имѣетъ ружье. Первый встрѣчный ту-
рокъ имѣетъ право отнять у него оружіе и взять себѣ въ полную собственность. А если болгаринъ упрямится и не отдаетъ, его [illegible] бунтъ противъ власти: турокъ въ правѣ убить его [illegible]. Въ каждомъ селѣ, въ каждой деревушкѣ турки держатъ по 20—30 солдатъ военнымъ постоемъ, готовыхъ при первомъ же подозрѣніи заговора или возстанія, броситься на населеніе и произвести рѣзню. Что нужно имъ, чтобы возымѣть роковое подозрѣніе? Да ничего: никакихъ фактовъ,—одна злая воля, хищническая прихоть. Треть болгарскихъ учителей уволена, арестована. Салоникскія тюрьмы полны истязуемыми мучениками. Турки задались прямою цѣлью стереть съ лица земли македонское болгарство. И—только болгарство. Потому что другіе христіане живутъ сравнительно спокойно. Въ послѣдніе годы, когда число погубленныхъ въ Македоніи болгаръ надо измѣрять тысячами, турки зарѣзали всего

одного грека, а объ избіеніи сербовъ я что-то вовсе не слыхивалъ. Больше вамъ скажу. Сами избиваемые болгаре страдаютъ не столько за происхожденіе свое и вѣроисповѣданіе, сколько за имя. Сейчасъ македонскій болгаринъ — мученикъ. Пусть онъ завтра скажетъ турку: «я сербъ!» — и его оставляютъ въ покоѣ. А если онъ скажетъ: «я грекъ!» и признаетъ патріархію, — съ нимъ даже дѣлаются любезны. Вѣдь настоящіе греки въ Македоніи живутъ только по ту сторону Быстрицы. Всѣ, именующіе себя греками на востокѣ Македоніи, — такіе же славяне, какъ мы съ вами: они — болгары, говорятъ по-болгарски и по-гречески даже не разумѣютъ. Но — звать себя патріаршистомъ и грекомъ спасаетъ македонца отъ турецкихъ ятагановъ, и люди жертвуютъ своей національностью, чтобы спасти жизнь. Но такихъ малодушныхъ немного. Съ каждымъ днемъ растетъ въ Македоніи національное самосознаніе. «Бугаринъ съмъ!» — повторяетъ македонецъ, несмотря на всѣ выгоды отреченія, — даже подъ страхомъ смерти. Какого же вамъ еще надо доказательства, что онъ дѣйствительно болгаринъ? А, вѣдь, какъ упорно насъ хотятъ разувѣрить въ томъ!

Русскій консулъ въ Ускюбѣ г. Машковъ торжественно объявилъ намъ, чтобы мы не смѣли выдавать себя за болгаръ: «Вы, — говоритъ, — сербы, а не болгары, вы не знаете своей собственной національности». Быть можетъ, отрицательное отношеніе къ намъ г. Машкова надо принять, какъ косвенный совѣтъ — именоваться сербами, въ видѣ страховки отъ насилій, потому что, повторяю, сербовъ турки не трогаютъ? Иначе заявленіе это лишено смысла. Мы много ломали надъ нимъ головы: что бы оно обозначало? Думали было даже, не знакъ ли это, что Россія собралась исполнить прежній, висѣвшій въ воздухѣ проектъ — приготовлять македонцевъ къ расчлененію ихъ родины по народностямъ? Но повторяю вамъ: всѣ подобныя цѣли неосуществимы, потому что населеніе уже слишкомъ проникнуто національнымъ самосознаніемъ, — оно и не можетъ, и

*

не хочетъ казаться инымъ народомъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Автономная македонская идея поссорила насъ съ болгарскимъ правительствомъ. Развѣ прежде не былъ къ намъ внимателенъ и любезенъ князь Фердинандъ? Развѣ тотъ же Рачо Петровъ, который въ свое министерство такъ усердно принялся за наше укрощеніе, не былъ нашимъ сочувственникомъ въ 1895 году и не разрѣшилъ намъ, пяти молодымъ офицерамъ, перейти македонскую границу и вести четы? Мы тогда, съ 65 войниками, взяли у турокъ городъ Мельникъ: дѣло, нашумѣвшее въ свое время на весь славянскій міръ и ужаснувшее Стамбулъ... Насъ ласкали, покуда надѣялись, что мы своими руками вынемъ изъ огня македонскіе каштаны и передадимъ ихъ, съ поклономъ, болгарскому правительству: большіе люди хотѣли выѣхать на плечахъ маленькихъ. Правительство мечтало о санъ-стефанскихъ границахъ, князя Фердинанда, какъ человѣка, любящаго красивыя положенія, прельщалъ эффектъ присоединить къ своимъ двумъ вѣнцамъ еще третій—македонскій. Когда мы обманули эти ожиданія, отъ насъ отвернулись съ горечью, стали жаловаться, что мы вредимъ Болгаріи въ отношеніяхъ ея съ сюзеренкою, роняемъ ее во мнѣніи державъ, стали увѣрять, что мы преслѣдуемъ цѣли не македонской свободы, но внутренняго болгарскаго партизанства, что мы угрожаемъ правительству и верховной власти, вносимъ въ страну анархію, убиваемъ, шантажничаемъ и соримъ деньгами, собранными на святое дѣло, по кафе-шантанамъ, трактирамъ и публичнымъ домамъ.

Со стороны болгарскаго правительства огромная ошибка разсматривать насъ, какъ какую-то революціонную армію. Намъ нѣтъ дѣла до внутреннихъ болгарскихъ безпорядковъ. Мы здѣсь въ гостяхъ. Когда македонское движеніе созрѣетъ и перейдетъ въ открытое возстаніе, мы поблагодаримъ хозяевъ за гостепріимство, простимся съ ними и

уйдемъ на родину, чтобы стать свободными, или сложить свои головы. Что касается возможности намъ сложиться въ болгарскую политическую партію, то мы къ тому шаговъ не дѣлали, не дѣлаемъ и дѣлать не будемъ. А вотъ многіе изъ упрекающихъ насъ такою возможностью неоднократно заигрывали съ нами, въ разсчетѣ припугнуть нашимъ вліяніемъ то правительство, то избирателей, то народное собраніе. Намъ ставятъ въ укоръ, что мы пользовались покровительствомъ г. Радославова. Право, г. Амфитеатровъ, это пресловутое покровительство выражалось только въ томъ, что онъ не гналъ насъ, какъ сталъ гнать потомъ его преемникъ, Рачо Петровъ, и собираются гнать господа Каравеловъ и Сарафовъ. Мы были терпимы. И только.

Но имъ съ нами справиться будетъ не легко. Мы не обѣщаемъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій, никому не грозимъ. Легенда, будто мы сулили убить князя, будто онъ даже нашелъ у себя въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ своемъ, смертный приговоръ,—такая же безсмыслица, какъ румынскія фантазіи, что я «приказалъ» убить короля Карла, а потомъ—Александра сербскаго. Оставить сейчасъ Болгарію безъ князя значило бы вызвать въ ней такія внутреннія волненія, что, за собственными ближайшими заботами и интересами, у княжества не останется никакой возможности вникать въ македонское дѣло и работать для него. Не говорю уже о потерѣ симпатій, какую непремѣнно повлекъ бы за собою столь насильственный актъ. У насъ нѣтъ не только желанія или намѣренія истреблять князя или министровъ его, но нѣтъ даже и практическаго разсчета къ тому. Правительству слѣдовало бы понимать это и не взводить на насъ напраслины. Вся эта сказка о затѣваемыхъ нами покушеніяхъ и т. д. создалась на почвѣ фразы, которую я сказалъ при послѣдней перемѣнѣ министерства, когда возникли настойчивыя требованія державъ противъ комитетовъ, начались преслѣдованія стрѣлковыхъ

обществъ и т. д. Я сказалъ тогда, что за послѣдствія—если дѣйствія болгарскаго правительства повлекутъ за собою ухудшеніе въ положеніи Македоніи—я буду считать отвѣтственнымъ лично самого князя. Изъ этихъ простыхъ словъ выростили угрозу аттентатомъ.

Безъ всякихъ аттентатовъ, безъ всякихъ насилій и угрозъ, македонская «кауза» опасна для правительства, если оно станетъ продолжать борьбу съ нами, въ совсѣмъ иномъ отношеніи. Борясь съ нами, оно борется съ народною идеею, съ національнымъ идеаломъ, глубоко пропитавшимъ душу болгарина. Оно рискуетъ гоненіями противъ насъ утратить всякую популярность и тогда, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, само поскользнется и сломитъ себѣ шею. Если вы сравните агитацію въ Македоніи сербовъ и грековъ съ дѣятельностью болгарскихъ комитетовъ, то увидите, какая глубокая психологическая разница лежитъ между тѣми движеніями и нашимъ. Движенія сербовъ и грековъ—политическія, они создаются извнѣ правительствами автономій. Наше — національное. Почему нѣтъ освободительныхъ македонскихъ комитетовъ въ Сербіи, въ Греціи, а есть они только въ Болгаріи? Потому что македонскія вожделѣнія имѣются въ греческихъ и сербскихъ правительственныхъ и политиканствующихъ кругахъ, но мертвы въ народной массѣ: ни сербы, ни греки-крестьяне не чувствуютъ македонца своимъ роднымъ братомъ, какъ мы, болгаре. Для нихъ македонское дѣло—только выгодное, тогда какъ для насъ оно—кровное. Тамъ македонское движеніе могло бы создаться лишь воздѣйствіемъ правительства и интеллигенціи. У насъ же—если даже вся интеллигенція и цѣлый рядъ правительствъ возстанутъ противъ комитетовъ—народное сочувствіе не дастъ имъ погибнуть или заглохнуть. Потому что всякій болгарскій селякъ понимаетъ, что мы работаемъ единомышленно съ нимъ и для него, что мы ищемъ дѣла кровнаго и праваго.

1901.

О королѣ Александрѣ.

I.

(Посмертная замѣтка).

Покойнаго Александра, сербскаго короля, многіе считали коварнымъ и преднамѣреннымъ политическимъ обманщикомъ, подобнымъ отцу его, Милану,—однако, съ тою разницею, что Миланъ былъ уменъ и хитеръ, а сынъ его, хотя золъ, но глупъ. Въ разговорѣ при аудіенціи, которую онъ далъ мнѣ въ апрѣлѣ 1901 года, Александръ изложилъ мнѣ, съ самымъ искреннимъ и даже восторженнымъ видомъ, множество хорошихъ идей и плановъ о тогдашней конституціи, только-что данной, а между тѣмъ оказалось впослѣдствіи, что конституцію свою онъ ненавидѣлъ и круто отмѣнилъ ее при первой возможности. За это, конечно, онъ и погибъ. Я думаю, что этотъ человѣкъ,—къ тому же очень молодой,—получивъ очень малое образованіе, самое безпорядочное воспитаніе, не обладая большими умственными способностями, вѣчно мучась политическими и домашними интригами—болѣлъ зыбкостью мысли, при полномъ отсутствіи характера. Увлекаясь чѣмъ-либо, *въ ту данную минуту увлеченія*, онъ говорилъ и поступалъ вполнѣ искренно. Но нельзя было положиться на прочность его симпатій и антипатій, а, слѣдовательно, и словъ, и намѣреній. Онъ говорилъ со мною, какъ твердо убѣжденный конституціоналистъ, но это не самъ онъ говорилъ, а говорили его устами: Павле Маринковичъ, подъ чьимъ вліяніемъ онъ

тогда находился, dr. Миша Вуичъ и, отчасти, г. Чарыковъ. Когда измѣнились вліянія, Александръ съ такою же легкостью объявилъ войну конституціи, съ какою раньше провозгласилъ ее. Полный упрямства и капризовъ въ личной жизни, Александръ въ вопросахъ государственныхъ былъ, да и остался бы впредь, вѣчною игрушкою временныхъ любимцевъ или удачниковъ, случайныхъ людей, и хотя, женясь на Драгѣ, онъ обѣщалъ, что «сюрпризовъ въ Сербіи больше не будетъ», но, по неустойчивости подозрительнаго ума и капризной слабости характера, никакой иной политики, кромѣ «сюрпризной», вести онъ не могъ. Онъ удивительно легко разставался съ друзьями и приближалъ къ себѣ враговъ. Близорукость нравственная едва-ли не превосходила въ немъ близорукость физическую. Два прочныя чувства, какія успѣлъ онъ обнаружить за свою короткую самостоятельную жизнь: привязанность къ королевѣ Драгѣ, устоявшая предъ самыми серьезными испытаніями (пресловутый скандалъ 1901 г.) *), и ненависть къ импе-

*) Я былъ въ Бѣлградѣ и видѣлся съ Александромъ какъ разъ во время этого скандала. Должно быть, не легко достался онъ королевской четѣ! Обреновичи—отвратительная фамилія, и Драгу не за что добромъ помянуть, но противно было читать, какъ газетная „злоба дня“, въ особенности устами австрійской печати, трепала имя и репутацію женщины, врываясь въ интимнѣйшую сторону ея жизни, смакуя и расписывая чуть не альковныя тайны. Послѣдняя работница-поденщица въ сербскомъ государствѣ имѣетъ естественное, человѣческое право на уваженіе и скромность въ отношеніи къ ея женской физической жизни, но королевѣ сербской въ томъ было отказано: она почему-то очутилась внѣ общаго закона. Надъ нею и несчастіемъ ея злорадно острили, издѣвались, сплетничали и намекали мерзости. Послѣдній нищій въ государствѣ можетъ найти управу самосудомъ или у власти противъ негодяя, который, подглядывая въ щелку за женою его, сталъ бы распространять гадкіе слухи о ея тѣлѣ, недостаткахъ, привычкахъ, болѣзняхъ, но король сербскій оказался безсиленъ противъ Загорѣцкихъ, преслѣдовавшихъ его семью то былями, раздутыми изъ мухи въ слона, то небылицами, созданными чьимъ-либо злобнымъ и распутнымъ, мстительнымъ воображеніемъ. Кошкѣ и собакѣ никто не препятствуетъ скрыться, чтобы родить, въ темный уголокъ чердака или погреба, гдѣ не увидитъ ея глазъ ни человѣка, ни звѣря, но отъ королевы требуютъ, чтобы самый таинственный и значительный актъ ея женской жизни совершился во всеобщее

ратору австрійскому, оскорбившему его отказомъ выдать прахъ Милана для погребенія на сербской землѣ. Оба чувства—на личной почвѣ. До человѣка государственнаго и монарха Александру оставалось расти еще цѣлыя десятилѣтія, и сомнительно, чтобы онъ доросъ...

Сербы въ королевствѣ удивлялись, когда я нашелъ, что король Александръ хорошо говорилъ, хотя и на очень вульгарномъ, французскомъ языкѣ. Они увѣряли, что, по застѣнчивости, по вѣчно опасающемуся за себя самолюбію,

---

свѣдѣніе, только-что не на глазахъ у всѣхъ, — въ стеклянномъ домѣ. Если бы о женщинѣ частнаго круга доктора сообщили интервьюеру хоть одну десятую тѣхъ слуховъ и толковъ, что занимали въ то время цѣлыя колонны въ газетахъ Вѣны, Будапешта, Рима,—семья могла бы судебно преслѣдовать и газету, и доктора, какъ нарушителя врачебной тайны. Но съ женщиною, имѣвшею несчастье взобраться на королевскій тронъ, стѣсненія излишни.

И именно—съ женщиною, взобравшеюся на королевскій тронъ, а не рожденною на немъ. Я увѣренъ, что - будь королева Драга, до брака своего, принцессою крови — ея несчастіе не только не обсуждалось бы въ печати, но было бы совершенно замолчано даже врагами ея, какъ простой физіологическій казусъ, о которомъ неловко распространяться и которымъ совсѣмъ уже гнусно пользоваться въ качествѣ оружія противъ женщины. Нѣтъ династіи, въ которой были бы только счастливыя, легкія рожденія. Надъ царственными семьями такъ же, какъ и надъ семьями простыхъ смертныхъ, тяготѣетъ первобытный библейскій завѣтъ: „Въ болѣзняхъ будеши родити чада". Однако, о томъ, какъ и когда проявляются болѣзни дѣторожденія, общающія единствомъ своимъ королевъ съ поденщицами, не только не „позволительно", но и не принято публиковать во всевѣдѣніе,—въ уваженіе того же стыда, что препятствуетъ порядочному человѣку говорить предъ посторонними о физическихъ женскихъ недостаткахъ своихъ родственницъ, пріятельницъ, знакомыхъ, хотя бы недостатки эти были ему хорошо извѣстны. Какъ будто нѣтъ безплодныхъ принцессъ! какъ будто у принцессъ не бываетъ неправильныхъ родовъ, выкидышей и т. п.! Но когда, гдѣ что-либо подобное вызывало такую гадкую, злую радость, какъ несчастіе Драги? Никогда и нигдѣ. Напротивъ: поскольку такія событія становились извѣстными публикѣ и доступными къ оглашенію въ печати, они всегда обсуждались съ почтительнымъ сожалѣніемъ, съ сочувствіемъ къ женщинамъ, ставшимъ ихъ жертвами. А тутъ—именно восторгъ! Буржуазный, ехидный восторгъ мелкой, пошлой зависти къ человѣку, которому повезло. Такъ вѣдь и чувствуется между строкъ, въ шипѣніи какой-нибудь „Neue Freie Presse", такъ и слышится: — Хи-хи-хи! А еще королева! хи-хи-хи... Вотъ тебѣ и королева!.. Подленькое, злобненькое, безпросвѣтно буржуазное, захолустное подхихикиванье.

онъ и по-сербски-то дурно связываетъ слова. Сербы въ Петербургѣ, читая мое interview съ Александромъ, не вѣрили, что онъ могъ говорить такъ складно и послѣдовательно въ теченіе сорока минутъ, и поддразнивали меня:

— Ей-Богу, это вы сами за него написали въ его духѣ.

Но я еще лишній разъ могу по чести и совѣсти подтвердить, что король говорилъ тогда не только связно и складно, но умно и хорошо. Конечно, онъ былъ не блестящій causeur, какъ Фердинандъ Болгарскій, не вдохновенный ораторъ, какъ Стамбуловъ, не поэтъ, какъ Николай Черногорскій. Охотно допускаю, что онъ лишь повторялъ заученные уроки Маринковича и Вуича, тѣмъ болѣе, что въ бесѣдахъ съ Маринковичемъ и Вуичемъ я слышалъ, дѣйствительно, не только тѣ же мысли, но и дословно тѣ же выраженія. Но заучилъ онъ уроки твердо и, «отвѣчая» ихъ, не запинался.

Несомнѣнною положительною чертою въ характерѣ короля Александра являлась его личная храбрость. Этотъ маленькій, черненькій, некрасивый мальчикъ, съ безпокойными глазами, много разъ доказалъ, что онъ уродился не робкаго десятка, въ мать, а не въ отца. Да и самая смерть его—не смерть труса. Будь онъ трусомъ, покорись обстоятельствамъ, какъ покорился имъ Александръ Баттенбергскій,—остался бы живъ. Не знаю, какія мѣры къ охранѣ своей особы принималъ онъ въ послѣднее время, но въ 1901 г. конакъ почти не оберегался, и проникнуть въ покои короля было легче, чѣмъ въ иной аристократическій частный домъ. Отъ меня, когда я пріѣхалъ для аудіенціи, не потребовали даже пригласительнаго извѣщенія. Поджидая, пока позовутъ меня въ кабинетъ короля, я просидѣлъ въ пріемной—одинъ-одинешенекъ—минутъ двадцать, и не только кто-нибудь изъ дворцоваго караула, но хотя бы лакей прошелъ мимо или показался въ дверяхъ. Какъ опасно могъ бы распорядиться столь долгимъ временемъ какой-либо злоумышленникъ, само собою понятно... Ко-

роль Александръ не боялся, жилъ безъ опаски. Изъ троихъ южно-славянскихъ монарховъ онъ былъ самый доступный. Близорукіе люди, по большей части, бываютъ или ужъ очень трусы, или безумно храбры. Король Александръ принадлежалъ ко второй категоріи. Къ ней же принадлежитъ другой, видный впослѣдствіи, хотя и пренеудачный, славянскій дѣятель—нашъ консулъ въ Ускюбѣ Викторъ Ѳедоровичъ Машковъ.

— Еще бы ему не быть храбрымъ!—сказалъ мнѣ о немъ одинъ врагъ его, болгаринъ.—Онъ не видитъ предъ собою и на десять шаговъ.

— Такъ что же?

— Ну, стало быть, и опасности не видитъ заранѣе, а узнаетъ о ней, когда уже увязъ въ ней по уши, и трусить некогда, а надо нападать или защищаться.

«Слѣпая храбрость», такимъ образомъ, не совсѣмъ метафора.

1903.

II.

Воспоминаніе объ аудіенціи.

Я былъ принятъ королемъ Александромъ въ аудіенціи, продолжавшейся сорокъ три минуты.

Отношенія въ бѣлградскомъ конакѣ просты,—гораздо проще, чѣмъ въ софійскомъ, гдѣ этикетъ прежде былъ весьма строгъ, а теперь только довольно строгъ, и— прежде, чѣмъ очутиться въ кабинетѣ князя Фердинанда,— вы должны пройти черезъ нѣсколько придворныхъ инстанцій, передающихъ васъ одна другой съ рукъ на руки. Въ бѣлградскомъ дворцѣ меня встрѣтилъ дежурный офицеръ,— не спросивъ никакихъ пропускныхъ билетовъ и удостовѣреній, ввелъ въ пріемную, гдѣ и оставилъ одного на добрыя двадцать минутъ: я пріѣхалъ раньше назначеннаго срока.

Обстановка пріемной весьма богата, въ коврахъ, въ дорогомъ оружіи по стѣнамъ, съ восточными тахтами, усыпанными подушечками, съ множествомъ наргилэ и т. д. Это—отнюдь не залъ «дворца», а просто хорошо убранная комната въ домѣ частнаго человѣка, съ прекраснымъ состояніемъ и художественнымъ вкусомъ. О частномъ же бытѣ, а не о дворцовой натянутости, говорили звуки, доносившіеся ко мнѣ въ мое одинокое ожиданіе. Гдѣ-то за стѣною глухо гудѣлъ оживленный разговоръ: потомъ оказалось, что этотъ гулъ доносился именно изъ кабинета короля, принимавшаго ранѣе меня министра народнаго просвѣщенія, г. Маринковича. Съ другой стороны, за дверями, завѣшанными портьерою, шаркали половыя щетки, и прислуга, не стѣсняясь, громко переговаривалась между собою. Все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе дома съ широко растворенными дверями. Видно, что король Александръ не боится своихъ посѣтителей и не принимаетъ въ отношеніи ихъ никакихъ предосторожностей. Въ двадцать минутъ, которыя я просидѣлъ одинъ-одинешенекъ, безъ всякаго надзора,—лишь подъ самый конецъ ожиданія пришелъ какой-то почтенный старичекъ, тоже получившій аудіенцію,—даже самый неловкій злоумышленникъ, конечно, успѣлъ бы начинить динамитомъ всѣ наргилэ, тумбочки и бездѣлушки красивой комнаты, въ количествѣ, совершенно достаточномъ, чтобы взорвать на воздухъ три четверти маленькаго Бѣлграда.

Пришелъ гайдукъ, здоровый, толстомордый парень, съ плечами въ косую сажень, поклонился, широко распахнулъ дверь, сказалъ:

— Извольте!

И вотъ—черезъ маленькія сѣни—я въ скромномъ маленькомъ кабинетѣ маленькаго сербскаго короля, и онъ самъ встаетъ ко мнѣ навстрѣчу изъ-за маленькаго письменнаго столика.

Король Александръ, вслѣдствіе небольшого роста и—

употребляя выраженіе старое, но вполнѣ подходящее въ данномъ случаѣ,—субтильнаго сложенія, кажется еще моложе своихъ двадцати шести-семи лѣтъ. Мое первое впечатлѣніе было: «какой черненькій мальчикъ!» Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ, что опять-таки придавало ему видъ частнаго человѣка, всѣ мы такъ привыкли, во всѣхъ странахъ Европы, соединять съ представленіемъ о государѣ блескъ военнаго мундира.

Портреты короля Александра мало похожи. Въ натурѣ онъ гораздо благовиднѣе, чѣмъ передаетъ его черты фотографія. Къ тому же, снимаясь почему-то почти всегда въ профиль, который у него вовсе не античный, онъ закрываетъ дужкою pince-nez свои прекрасные, темнокаріе глаза съ серьезнымъ взоромъ человѣка, испытавшаго въ жизни больше невзгодъ и страданій, чѣмъ обѣщали ему и его положеніе, и его, до сихъ поръ еще зеленая, молодость. Въ тѣ годы, когда бы ему еще развиваться и наслаждаться жизнью, въ качествѣ веселаго юнаго юнкера, король Александръ былъ уже героемъ тяжелыхъ государственныхъ и семейныхъ драмъ, претерпѣвать которыя не дай Богъ никакому юношѣ. И драмы эти оставили на немъ свою печать. Повторяю: у него глаза душевно усталаго человѣка. Онъ смотритъ рѣшительно, говоритъ твердо и смѣло, но вы чувствуете: эти рѣшительность, твердость, смѣлость непрочны; онѣ построены на шаткомъ фундаментѣ цѣлаго ряда крушеній житейскихъ,—предъ вами человѣкъ, глубоко разочарованный въ людяхъ своего прошлаго, сжегшій всѣ свои корабли, чтобы, махнувъ рукою на ихъ ни къ чему непригодный пепелъ, начать строить новые. И, при томъ, не очень-то вѣритъ онъ и въ эту свою постройку... Нервенъ онъ страшно, и неудивительно, что, подъ фотографическимъ аппаратомъ, отъ всѣмъ знакомаго, щемящаго чувства ожиданія, лицо короля всегда успѣваетъ сморщиться въ непріятную гримасу. Такихъ людей надо фотографировать моментально и, лучше всего, когда они

того не подозрѣваютъ. Слушаетъ король внимательно и спокойно, какъ будто запоминая урокъ, который надо будетъ отвѣчать,—говоритъ же необычайно быстро, сопровождая почти каждую фразу рѣзкимъ, но неувѣреннымъ жестомъ, угловатость котораго говоритъ и о молодости, и о дурномъ зрѣніи. Манеры его несвободны. Въ нихъ сказывается позднее перевоспитаніе короля для положенія, которое онъ занялъ раньше, чѣмъ ждали. Дѣтство Александра— не изъ радостныхъ. Онъ росъ ребенкомъ запущеннымъ, съ воспитаніемъ его долго небрежничали.

— Помилуйте! Онъ, среди разговора, на полъ плюетъ!.. ужасался одинъ изъ русскихъ дипломатовъ, знавшій Александра еще совсѣмъ мальчикомъ.

Для начала я поблагодарилъ короля за пріемъ. Онъ отвѣчалъ:

— Я очень радъ принять васъ. Вы русскій журналистъ. А съ тѣхъ поръ, какъ Сербія и Россія идутъ въ политическихъ вопросахъ рука въ руку, надо, чтобы Россія имѣла совершенно ясное и откровенно высказанное представленіе о томъ, что дѣлаетъ и думаетъ Сербія.

Я высказалъ королю нѣсколько теплыхъ словъ по поводу того поворота къ руссофильско-національной политикѣ, который такъ твердо и искусно выполнило сейчасъ его правительство, и по поводу явнаго для всякаго очевидца внутренняго умиротворенія страны черезъ только-что объявленную конституцію.

Король отвѣчалъ:

— Что касается первой половины вашихъ словъ, скажу: я вовсе не первый, кто понялъ необходимость такой политики; ея желали и моя мать, и мой отецъ (?); но они не могли вступить на путь, котораго желали,—а для меня обстоятельства сдѣлали это возможнымъ и удобнымъ. Я убѣдился, что для Сербіи возможны лишь два способа существованія: или отказаться отъ національной идеи и дать дорогу на Балканскій полуостровъ германскому началу,

почтительно предъ нимъ сторонясь и ему услуживая, или всѣми силами народными и правительственными встать за національную идею и примкнуть къ Россіи, матери-покровительницѣ всего славянства. Двадцатилѣтній опытъ долженъ былъ убѣдить насъ въ полной несостоятельности перваго способа: народъ не хочетъ швабовъ, не хочетъ Австріи,—ихъ нельзя сдѣлать здѣсь популярными, если бы мы даже того хотѣли. Сербъ—прежде всего, всюду и вездѣ сербъ, славянинъ, сербомъ и славяниномъ хочетъ быть и останется. И правительство, которое желаетъ быть народнымъ,—а только народное правительство можетъ быть народнымъ въ нашей странѣ,—не въ состояніи проводить въ жизнь эту антипатичную, мертвую политику. Оно должно быть національнымъ, оно должно быть славянскимъ, оно должно опираться не на Австрію, вносящую къ намъ идеи и рабство германизма, но на Россію, какъ на символъ обще-славянскихъ началъ.

Чтобы стать на такія основы въ политикѣ внѣшней, мы должны были упорядочить нашъ внутренній строй. Намъ нужно стало правительство стойкое, неспособное колебаться подъ любымъ внѣшнимъ дуновеніемъ. Намъ нужно стало правительство дружное и неподкупное, съ гарантіей, что государственные интересы будутъ имъ соблюдаемы больше, чѣмъ интересы партійные. Намъ нужно стало правительство представителей всей страны, а не политическихъ группъ, случайно выплывающихъ къ власти. Такое правительство стараюсь создать я, чрезъ объявленную конституцію, соединивъ, во имя ея, у власти напредняковъ съ радикалами...

— Часть радикаловъ,—замѣтилъ я,—однако, недовольна конституціей, полагая, что излишне и ошибочно политически создавать въ Сербіи верхнюю палату.

— Есть маленькая, крайняя фракція недовольныхъ,—быстро согласился король.—Но она незначительна и не сильна. Да и недовольство ея—скорѣе плодъ недоразумѣнія,

чѣмъ сознательной оппозиціи *). Благоразумнѣйшая часть, то есть огромное большинство, поняла, что введеніемъ двухъ палатъ создается компромиссъ, образующій единство между партіями, до тѣхъ поръ исторически разлученными.

— Многіе, — возразилъ я, — находятъ, что, если понимать вновь созидаемый сенатъ, какъ верхнюю палату, палату господъ, то для нея въ столь демократической странѣ, какова Сербія, не найдется даже и нужныхъ элементовъ.

— Какъ не найдется? Но я уже составилъ сенатъ, — горячо воскликнулъ король, — вотъ вамъ лучшее опроверженіе такого упрека. Это громадное заблужденіе, что верхняя палата обязательно представляетъ собою учрежденіе аристократическое. Она не можетъ быть аристократическою въ Сербіи, да и у насъ нѣтъ тенденціи дѣлать ее аристократическою. Уже прежде всего потому, что у насъ нѣтъ аристократіи. Сербы—цѣльный народъ, не дѣлимый на классы **). Положеніе высшаго и низшаго въ нашей странѣ создается только образовательнымъ и государственно-служебнымъ цензомъ. Итакъ, покончимъ съ этимъ предубѣжденіемъ разъ навсегда: создавая сенатъ, я не думалъ полагать начало какому-то аристократическому учрежденію, не собирался сѣять чрезъ него въ Сербіи сѣмена будущей аристократіи. Въ моей идеѣ, сенатъ есть просто собраніе лучшихъ и опытнѣйшихъ умственныхъ и служебныхъ силъ страны, поработавшихъ, хотя разнымъ путемъ и въ разное время, но съ одинаковымъ патріотизмомъ для Сербіи и сербовъ. Онъ объединилъ людей самыхъ различныхъ направленій. Они имѣютъ теперь возможность столковываться между собою спокойно, полноправно, безъ давленія со дна скупщины.

---

*) Будущее показало что это не такъ... (1903...) и даже до уничтоженія династіи! (1907).

**) Потому-то славянство и изумлялось, зачѣмъ понадобилась сербамъ *двудомная* конституція. (1903).

Затѣмъ—моя идея, чтобы сенатъ явился тѣмъ регуляторомъ правительственной жизни, котораго такъ не хватаетъ славянскимъ демократическимъ автономіямъ. Взгляните на нашу сосѣдку Болгарію. Развѣ не жалкое зрѣлище представляютъ политическія неурядицы, создаваемыя ея широкою конституціею, превращающею демократію въ охлократію, въ господство толпы? Я увѣренъ, что князь Фердинандъ, котораго вы, какъ я читалъ и помню, хорошо знаете, весьма часто долженъ сокрушаться въ сердцѣ, что его государство не имѣетъ верхней палаты. Государству молодому, страстно живущему, развивающемуся снизу вверхъ, необходимо задерживающее разумно-критическое начало, способное, регулируя его ростъ, сохранить и обезпечить ему свободу, но обязанное не допускать въ немъ уклоненій въ сторону анархіи. Носителемъ такого начала и долженъ быть сенатъ. Достаточно ли онъ авторитетенъ для того? Несомнѣнно. Мы употребили всѣ усилія, чтобы соединить въ немъ лучшихъ людей Сербіи. Онъ составленъ изъ бывшихъ министровъ, въ разное время и при разныхъ политическихъ теченіяхъ управлявшихъ страною, изъ знаменитыхъ государственныхъ людей и вожаковъ. Каждая партія въ скупщинѣ найдетъ въ сенатѣ свой, признанный ею авторитетъ, чьему суду и критикѣ надъ своими желаніями она не можетъ нравственно не подчиняться.

Мы уповаемъ, что учрежденіе сената, ставъ опорою власти, придастъ ей ту устойчивость, какая совершенно необходима въ данное время для упорядоченія финансово-экономическаго положенія королевства, для умиротворенія въ немъ умовъ, для развитія его на почвѣ національнаго самосознанія, для перехода отъ жизни, посвященной лишь государственному самоохраненію, къ цѣлямъ и задачамъ высшаго національнаго значенія...

Пользуясь этимъ намекомъ, я перевелъ рѣчь короля на македонскій вопросъ.

— Въ строгомъ смыслѣ слова,—сказалъ король,—македонскій вопросъ для насъ сейчасъ не существуетъ. Онъ—въ будущемъ, а не въ настоящемъ. Пока въ Македоніи и въ Старой Сербіи турки, какой же можетъ быть для насъ македонскій вопросъ? Намъ остается лишь молча признавать вѣковое право силы, какъ бы ни грустно было получать тяжелыя вѣсти о рабскомъ угнетеніи нашихъ единовѣрцевъ и единокровныхъ. Не мы создали такое положеніе,—не намъ его и развязать.

Совсѣмъ другое дѣло, конечно, если обстоятельства примутъ такое направленіе, что турки должны будутъ очистить поле дѣйствія для новыхъ народностей. Конечно, мы выступимъ со своими законными историческими притязаніями на исконныя наши земли и не уступимъ ихъ никому. Да никто и не будетъ въ состояніи отнять ихъ у насъ, потому что это—наши земли, нашъ народъ, и не можетъ въ корень передѣлать его никакая пропаганда: ни болгарская, ни австрійская. Если бы мы считали нужнымъ или хотя бы полезнымъ, то, конечно, сумѣли бы отвѣтить пропагандою столь же, если еще не болѣе, энергическою. Но мы знаемъ, что вопросъ о Македоніи и Старой Сербіи рѣшится не пропагандами маленькихъ государствъ и не интригами Австріи, всѣмъ равно страшной и ненавистной, а силами высшими и несравненно болѣе богатыми и политическою мощью, и нравственнымъ авторитетомъ. Признавъ необходимость блюсти славянскую политику государства, сознавъ, что соблюденіе славянскихъ политическихъ устоевъ возможно для насъ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ идти вмѣстѣ съ Россіею,—мы должны опереться на содѣйствіе ея и одномысліе съ нею и въ этомъ вопросѣ. До тѣхъ поръ, пока Россія, связанная ли дѣйствіями на дальнемъ Востокѣ, по другимъ ли внутреннимъ соображеніямъ, не найдетъ возможнымъ приступить къ разрѣшенію македонскаго вопроса и не дастъ намъ знака вступиться въ свои права, теперь пребывающія вмертвѣ, мы, сербы, соблюдаемъ самый стро-

гій, самый корректный, самый лойяльный нейтралитетъ. Что касается болгарскихъ притязаній на Македонію, ужасныхъ поступковъ македонскихъ комитетовъ и т. д., — все это очень непрочныя явленія. Раздѣлить македонское наслѣдство между болгарами, нами, греками должно быть опять-таки дѣломъ Россіи, и только Россіи, и я надѣюсь, что такъ оно и будетъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сербамъ въ Турціи живется гораздо хуже, чѣмъ болгарамъ. Турки, быть-можетъ, боятся болгарскихъ комитетовъ, какъ подпольной вооруженной силы, убивающей, терроризирующей, но это— страхъ частной безопасности, а не политическій страхъ государства предъ гонимою націей. Какъ націи, турки болгаръ не боятся. Они очень хорошо знаютъ, что болгары не революціонеры, а только заговорщики. Болгарія никогда не знала революцій, которыя бы добывали для нея свободу самостоятельными народными силами: иго съ нея сняла цѣною своей крови Россія, дрались за нее мы, сербы, и Румынія. Но — что мы, сербы, представляемъ собою истинно-зажигательный, революціонный элементъ на Балканскомъ полуостровѣ,—этому сознанію турокъ обучила вся наша исторія. Для турка слово «сербъ» равносильно слову «революціонеръ». И онъ ненавидитъ и боится сербовъ, какъ націи,—подозрѣваетъ ихъ, даже когда они нейтральны и лойяльны, потому что знаетъ: мы—революціонеры, своими руками отвоевавшіе у него для себя и свободу, и самостоятельный политическій оплотъ.

Да какъ будто одни турки сознаютъ насъ такими и ненавидятъ насъ зато? Развѣ вся исторія движенія Австріи въ славянскія земли не была направлена и не направляется теперь къ тому, чтобы обезсилить, раздѣлить, парализовать сербскій народъ, какъ элементъ, всегда готовый къ національной революціи, всегда враждебный иноплеменному владычеству? Берлинскій трактатъ помогъ Австріи въ этой цѣли ея, и мы цѣлыхъ двадцать лѣтъ, раздѣленные, за-

[illegible] бременемъ берлинскихъ усло-
[illegible] уничтожалъ и Великую Бол-
[illegible] Игнатьевъ продиктовалъ въ Санъ-
[illegible] Великой Болгаріи, какъ вы видѣли,
[illegible] манитъ имъ болгаръ.
[illegible] комитетовъ слишкомъ
[illegible] пропаганды. Ей
[illegible] на Балканскомъ полу-
[illegible] болгаръ.
[illegible] Ю[illegible]. По-
[illegible] вопросъ о сла-
[illegible] и значенія.—
[illegible] слова и
[illegible]—

[illegible]

[illegible]

стно—то, повѣрьте, голосъ ея будетъ выслушанъ, какъ окончательный приговоръ, не только нами, но и всѣми христіанскими народностями полуострова, не исключая и тѣхъ, что теперь кричитъ противъ Россіи и настраиваютъ себя быть ея врагами и видѣть въ ней врага.

Затѣмъ бесѣда перешла на мои македонскія впечатлѣнія. Я сообщилъ, что видѣлъ въ Ускюбѣ митрополита Фирмиліана, нашелъ его слабымъ, нервнымъ. Этотъ несчастный человѣкъ, игрушка политиканствующихъ церквей и церковничающихъ дипломатовъ, живетъ въ самомъ унизительномъ и глупомъ, да къ тому же еще и опасномъ положеніи, какое только можно придумать для іерарха. Ему враги—греки, враги—болгары, конечно, враги—турки, а сербы, которыхъ политику и церковь призванъ онъ представлять въ Македоніи,—плохіе друзья и защитники. Безъ оплота въ лицѣ русскаго консула, энергичнаго—даже ужъ черезчуръ—В. Ѳ. Машкова, Фирмиліанъ давно бы ужъ былъ убитъ. Какой-то полупосвященный, безъ храмовъ, вѣчно угрожаемый, вѣчно оскорбляемый, онъ внушаетъ къ себѣ жалость, но не внушаетъ много уваженія... Говорятъ, что до Ускюба онъ былъ молодецъ хоть куда, и только тутъ вѣчный страхъ и стыдъ непрекращаемыхъ оскорбленій измочалилъ его нервы, пригнулъ его къ землѣ. Онъ боится людей, и, съ горя, слышно, попиваетъ... Винить его грѣшно: на посту, который ему достался, и герой съ ума сойдетъ, а не только подобный Фирмиліану слабоволецъ... Но удивительно, какъ всегда и во всемъ въ сербской пропагандѣ, что для ускюбской епархіи не нашлось у сербовъ дѣятеля крѣпче волею и характеромъ тверже... Всѣхъ этихъ замѣчаній я, конечно, королю Александру не высказалъ, ограничившись только общею фразою о нервности несчастнаго, хотя и очень симпатичнаго, митрополита...

— Не трудно стать нервнымъ,—тяжело вздохнувъ, сказалъ король, — въ томъ ужасномъ, неопредѣленномъ

положеніи, какъ держатъ его четвертый годъ *). Какъ вы нашли дѣла въ Старой Сербіи?

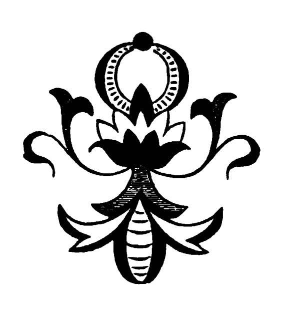
— По-моему,—сказалъ я,—сейчасъ македонскій вопросъ блѣднѣетъ передъ старо-сербскимъ. Въ Призренѣ, Приштинѣ дѣло идетъ не объ угнетеніяхъ или насиліяхъ надъ сербами, а прямо объ истребленіи сербской расы, о вытѣсненіи ея арнаутами. Тамъ — ужасы, возведенные въ систему.

— Ужасно! ужасно!—повторилъ король Александръ, болѣзненно сжимая брови, и, со словомъ этимъ, приподнялся со стула.

Я откланялся.

— Очень радъ былъ съ вами познакомиться,—дружелюбно послалъ онъ мнѣ вдогонку, когда я былъ уже у дверей.

1901.

*) Сейчасъ, въ 1903, уже шестой годъ! Положеніе не улучшилось, скорѣе стало хуже...

Черногорскій орелъ.

Когда князь Николай вышелъ навстрѣчу мнѣ изъ своего кабинета, мнѣ показалось, что я живу не въ XX вѣкѣ, а когда-то давно-давно, до паровыхъ машинъ, конституцій, черныхъ сюртуковъ, желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ, рентгеновыхъ лучей. Предо мною, въ зашитомъ золотомъ и серебромъ черногорскомъ костюмѣ, стоялъ совершенно средневѣковой витязь-богатырь. Главную красоту черногорца и черногорки составляютъ удивительная легкость, смѣлость и благородство осанки, зависящія отъ классической посадки головы на мощной и гибкой шеѣ. Князь Николай—величественный образецъ черногорской осанки. Старики въ Черногоріи вообще внушительны и красивы: отъ нихъ вѣетъ гетманщиною, Запорожьемъ, старою славянскою свободою. Глядя, какъ важно выступаютъ по улицамъ Цетинья эти огромные старцы, съ серебряными головами и сивыми усами по самыя плечи, съ бронзовыми лицами, опаленными порохомъ, изрубленными въ давнихъ бояхъ, какъ величаво и живописно драпируются они въ свои струки—то и дѣло такъ и хочется воскликнуть изъ «Тараса Бульбы»:

— Эка пышная фигура!

Но въ лицѣ князя Николая явилась мнѣ уже не фигура изъ «Тараса Бульбы», а какъ бы ожилъ самъ Тарасъ Бульба. Трудно вообразить внѣшность болѣе воинственную

и въ то же время болѣе привлекательную. Это—сѣдой орелъ на приступной скалѣ. Въ каждомъ движеніи князя, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ его густого низкаго баса, очень похожаго на голосъ Томазо Сальвини, вы видите, чувствуете, слышите—сквозь условную ласковую серьезность высокопоставленнаго лица—привычку и умѣнье повелѣвать, характеръ сильный, гордый и неохочій до противорѣчій. Предъ вами—человѣкъ, привыкшій считать свои вдохновенія голосомъ вышней воли, глубоко вѣрующій въ себя и въ роль свою, какъ монарха-отца для своего народа. Вы предчувствуете, что онъ, мощный и картинный, долженъ быть прекрасенъ во главѣ этого народа-войска, такого же мощнаго и живописнаго, что явленіемъ своимъ онъ способенъ магнетизировать толпы, имъ повелѣваемыя, на самые фантастическіе подвиги преданности, что въ немъ живетъ частица сверхчеловѣческой воли, свойственной только вождямъ, поэтамъ и пророкамъ.

Впрочемъ, князь Николай, какъ извѣстно,—дѣйствительно, поэтъ и не стихотворецъ только, а поэтъ настоящій, вдохновенный. Даръ живыхъ образовъ и риѳмъ—наслѣдственный въ роду Нѣгошей, но въ князѣ Николаѣ онъ выразился съ особенною силою и ясностью. На русскій языкъ переведено довольно много стихотвореній князя Николая, въ томъ числѣ -сочиненный имъ національный черногорскій гимнъ и драма «Балканская Царица». Въ настоящее время (1901) князь пишетъ большой романъ, изъ эпохи «Герцога Стефана», повелителя Герцоговины, исторію котораго онъ передаетъ въ этомъ произведеніи параллельно съ исторіей Черноевичей, создателей Черногоріи.

Большая будетъ вещь?—спросилъ я князя.

О, нѣтъ: не болѣе одного тома. Но я буду долго работать надъ нею. Вѣдь это мой первый опытъ въ прозѣ. Стихи—дѣло мнѣ привычное, за нихъ отвѣтственности я не боюсь. Ну, а проза... страшно! Вдругъ осрамлюсь на старости лѣтъ...

Князь добродушно засмѣялся.

— Курите, пожалуйста!—продолжалъ онъ, протягивая мнѣ серебряный небогатый портсигаръ.

Есть два положенія—непріятныя для того, кто видится съ принцами: это—если предлагаютъ курить, когда вы не курите, и играть въ винтъ, когда вы картъ въ руки не берете, не понимаете въ нихъ аза въ глаза. Живо помню сцену въ Венеціи, когда камергеръ одного изгнаннаго величества съ отчаяніемъ говорилъ мнѣ, ходя по площади св. Марка:

— Что вы сдѣлали! ахъ, что вы сдѣлали! его величество предложилъ вамъ сигару, а вы: я не курю!.. Понимаете ли вы, какую вы позволили себѣ неловкость?

— Carissimo marchese, я думаю,—неловкость была бы еще больше, если бы я принялъ сигару отъ его величества, сталъ бы курить, а потомъ бы меня стошнило въ его присутствіи.

— Э! глупости! отъ табаку тошнитъ только гимназистовъ.

— Но вообразите себѣ, что я не курилъ, даже будучи гимназистомъ.

Marchese выпучилъ на меня глаза, какъ на допотопнаго ихтіозавра, пожалъ плечами и пробурчалъ:

— Однако, это серьезная штука! cosa seria!..

Вспоминая эту сцену, я отказывался отъ папиросы князя Николая, какъ говорилъ нѣкій русскій нѣмецъ, «скрипя сердцемъ», ибо чувствовалъ, что совершаю преступленіе противъ этикета... Князь, смѣясь, спряталъ портсигаръ и возразилъ на мой отказъ:

— А я вотъ—такъ предаюсь этому пороку по цѣлымъ днямъ и развращаю имъ всѣхъ, кого знаю... Ну разскажите, что вы видѣли въ вашемъ славянскомъ путешествіи? Были въ Сербіи? видѣли короля Александра?.. Славный юноша! Я его очень люблю. Отецъ его, сказать откровенно, мнѣ совсѣмъ не нравился. Онъ былъ эгоистъ и ничуть не патріотъ.

А у короля Александра множество милыхъ задатковъ, обѣщающихъ доброе и хорошее. Когда онъ былъ здѣсь въ Черногоріи, онъ всѣмъ очень понравился. Я его очень люблю, очень ему симпатизирую и желаю всего, всего хорошаго.

Въ день моего свиданія съ княземъ Николаемъ въ Цетинье какъ разъ огласилась оффиціальная теллеграмма о ложной беременности королевы Драги. Естественно, разговоръ коснулся этого тяжелаго происшествія.

— Ужасно!—сказалъ князь,—ужасно... больше и говорить нечего: ужасно! Бѣдный король! Бѣдная королева! Воображаю, какъ имъ тяжело теперь. Сколько будетъ кривыхъ и злобныхъ толковъ! и какъ торжествуютъ ихъ враги...

Вотъ, замѣтилъ я, когда король Александръ женился, онъ торжественно заявилъ, что это—послѣдній сюрпризъ, который Сербія дѣлаетъ Европѣ, и затѣмъ сюрпризы прекращаются разъ навсегда... А вышло, что человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ: самый-то крупный и невѣроятный сюрпризъ ждалъ Сербію впереди.

И самый крупный, и самый невѣроятный, и самый печальный... Не будемъ лучше и говорить объ этомъ: такъ это прискорбно! Я все еще надѣюсь, что тутъ возможна какая нибудь ошибка.

Черные глаза князя увлажнились. Порывъ его былъ тѣмъ увлекательнѣе, что человѣческое чувство состраданія въ данномъ случаѣ брало верхъ надъ политическимъ разсчетомъ. Бездѣтность Обреновичей—прямая выгода Нѣгошей. Бѣлградскій скандалъ, компрометтируя династію сербскую, бьетъ, съ грубой точки зрѣнія толпы и дипломатіи, прямо на руку династіи черногорской, о чемъ сербы обоихъ государствъ и говорили громко, безъ церемоній—и въ Бѣлградѣ, и по дорогѣ моей въ Цетинье. Обыкновенно, люди ставятъ въ заслугу bonne mine au mauvais jeu, но князь Николай явилъ мнѣ рѣдкій случай обратнаго—mauvaise mine au bon jeu. Помолчавъ, онъ продолжалъ, съ

— Когда будете въ Римѣ, вамъ врядъ ли удастся повидать королеву, дочь мою: она готовится стать матерью,— княгиня, жена моя, вчера отправилась къ ней, вмѣстѣ съ сыномъ Мирко. А вотъ у него вы побывайте, передайте ему мой привѣтъ. Онъ будетъ очень радъ. Онъ говоритъ по-русски, какъ русскій. Вы увидите: онъ славный—мой Мирко!

И—опять влага на глазахъ, и улыбка безпредѣльной нѣжности освѣщаетъ смуглое, изрытое годами, лицо стараго богатыря.

— Такъ, вы побывали вь Македоніи. Ну—что же? каково тамъ? Нашли ужасы, о которыхъ мы читаемъ въ газетахъ?

— Откровенно говоря, гораздо менѣе, чѣмъ ожидалъ, ваше высочество. Положеніе въ Старой Сербіи показалось мнѣ гораздо болѣе печальнымъ и способнымъ вызвать взрывъ. Албанцы дѣлаютъ тамъ, Богъ знаетъ что...

— Вѣчные враги!—съ неопредѣленнымъ жестомъ замѣтилъ князь.—На нашихъ границахъ они сейчасъ спокойны и безопасны, потому что... да, потому что мы сами, въ своемъ родѣ, тоже албанцы,—можемъ постоять за себя противъ нихъ ихъ же оружіемъ и тактикою, и они о томъ прекрасно знаютъ. Слышалъ я, что изъ Старой Сербіи началась сильная эмиграція въ королевство. Сербіи должно быть нелегко принимать иммигрантовъ,—тутъ изъ каждаго пустяка можетъ выйти дипломатическое осложненіе: такое щекотливое дѣло!—и очень жаль, если старосербскій вопросъ обременитъ собою Сербію какъ разъ въ то время, когда она, кажется, собралась съ силами, чтобы вступить на правый славянскій путь, такъ хорошо и честно дружитъ съ нами и вмѣстѣ съ нами движется впередъ по рулю великой Россіи.

Лицо князя озарилось яркимъ вдохновеніемъ.

— Россія—все для насъ, славянъ,—сказалъ онъ голосомъ теплымъ, проникновеннымъ.—Я не говорю уже про

Черногорію; мы—дѣти Россіи. Если бы когда-либо что-либо противорусское случилось въ моемъ государствѣ, я подумалъ бы: пришли послѣднія времена,—дѣти бьютъ свою родную мать. Пересчитать всѣ нравственныя благодѣянія, оказанныя намъ Россіею, невозможно. А—еще мало ли дѣлаетъ намъ она и матеріальныхъ услугъ и поддержекъ! Вѣчная благодарность Россіи—самое искреннее, глубокое, постоянное мое чувство. Россія—моя величайшая любовь, которую понесу я въ душѣ своей до самаго конца моей жизни. И я счастливъ тѣмъ, что знаю: не одинъ я такъ думаю въ Черногоріи!—со мною одинаково мыслитъ весь народъ. Что же намъ разсуждать о «политическихъ направленіяхъ»? Они у насъ не разнообразны: вотъ уже третье столѣтіе, какъ народъ нашъ—весь, цѣлою массою,—точно магнитная стрѣлка въ компасѣ,—обращенъ взорами на русскій сѣверъ. Это не «направленіе», а инстинктивное чувство,—его нельзя ни заглушить, ни купить. Бывали періоды, когда русскіе какъ будто забывали про насъ, не до насъ имъ было, и намъ въ періоды эти приходилось очень туго,—однако, преданность наша Россіи и тогда не гасла, не уменьшалась ни на одну іоту. Мы продолжали обожать Россію и вѣрить въ нее, вопреки ей самой. Развѣ мало соблазновъ пережили мы, развѣ мало сулили намъ денегъ, выгодъ, земель,—только бы мы отступились отъ Россіи? Но никогда ни одинъ соблазнъ не только не покорилъ насъ,—мы на него даже не заглядѣлись, даже о немъ не задумались. Мы убѣждены, всѣ до единаго, что въ день, когда Черногорія потеряетъ любовь Россіи или сама пойдетъ противъ ея цѣлей и желаній, она уже перестанетъ существовать морально, а за концомъ моральнымъ недолго ждать и политическаго. Или существовать, опираясь на Россію, или быть поглоченною—вотъ для Черногоріи единственный и естественный выборъ. И потому всякаго, кто пробуетъ отторгнуть насъ отъ прямолинейнаго русско-славянскаго пути, по которому

мы съ твердостью слѣдуемъ, мы почитаемъ измѣнникомъ, предателемъ, ненавистникомъ самой Черногоріи.

Нравится вамъ мой народъ? Не правда ли, какіе славные, бравые, свѣжіе тѣломъ и душою, люди? Я горжусь честью быть членомъ этой благородной расы, управлять ею, какъ государь и какъ отецъ! Да, я смѣю сказать прямо и сознательно: между мною и моими подданными—чисто семейныя отношенія, связь любящаго отца и любящихъ дѣтей. Я люблю и меня любятъ. Я знаю: если бы отечеству пришлось, устами моими, позвать черногорцевъ на труды и жертвы, то половину своего долга они взяли бы на себя изъ патріотизма, а другую половину—изъ любви ко мнѣ *).

— Васъ любятъ не одни черногорцы,—замѣтилъ я.— Имя ваше популярно и пользуется самыми теплыми симпатіями во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Даже въ Сибири я находилъ ваши портреты на стѣнахъ мужицкихъ избъ, почтовыхъ и постоялыхъ дворовъ. А сейчасъ въ Македоніи я постоянно слышалъ отъ мѣстнаго славянства выраженія любви и почтенія къ вамъ, пожалуй, даже—если можно и понятно будетъ такъ сказать—какой-то зависти къ управляемой вами Черногоріи. Такъ-называемая «черногорская теорія» для Македоніи, пока я не былъ въ послѣдней, казалась мнѣ слишкомъ искусственною, но въ самой Македоніи я убѣдился, что о ней говорятъ часто и много.

Подъ именемъ «черногорской теоріи» развивалась одно время небольшой фракціей македонцевъ-сербофиловъ пропаганда проекта распространить на Македонію авторитетъ Черногоріи. Такъ какъ Македонія—спорный кусокъ между болгарами и сербами, то, для равновѣсія и замиренія соперничающихъ сторонъ, лучше всего дескать будетъ, чтобы спорный кусокъ съѣлъ кто-нибудь посторонній, третій, а на роль третьяго, въ выгодахъ славянъ и Россіи, особенно желательнымъ является «черногорскій орелъ-левъ». Отголоскомъ «черногорской теоріи» въ русской

*) Tempi passati! (1907).

литературѣ о славянствѣ явилась очень пылкая брошюра г. Іована Рогановича, изданная въ Казани...

— Мы очень мало дѣлаемъ, чтобы дать теоріи этой практическое приложеніе,—мягко возразилъ мнѣ князь.— Лучше даже сказать: ровно ничего не дѣлаемъ. Если она развивается, то развивается сама собою, безъ нашего за нею ухода.

— Быть-можетъ,—сказалъ я,—потому-то именно и развивается, что вы поставили себя въ исключительную нейтральность, тогда какъ другія славянскія автономіи ужъ слишкомъ усердствуютъ пріобрѣсти и опеку надъ Македоніею, и скорое вознагражденіе за опеку.

— Да,—согласился князь,—это, можетъ быть, и правда. Болгаре ужъ черезчуръ далеко зашли и въ притязаніяхъ своихъ на Македонію, и въ средствахъ къ осуществленію притязаній. Но теперь—послѣ того, какъ Россія выразила свое порицаніе болгаро-македонской агитаціи, надо думать, что заблужденія эти недолговѣчны, и безпорядки улягутся и прекратятся *). Черногоріи же слишкомъ много дѣла сейчасъ съ внутреннимъ своимъ развитіемъ, чтобы она могла закидываться на сторону.

---

*) Надежды эти не оправдались, да и не могли оправдаться. Вообще, во всей бесѣдѣ по всѣмъ затронутымъ вопросамъ,—начиная съ идиллической привязанности Черногоріи къ ея современному режиму, князь оказался слишкомъ оптимистомъ (1903).

Черногорія — въ гораздо худшихъ экономическихъ обстоятельствахъ, а настроеніе народа—далеко не столь патріархально-абсолютическое, какъ изображалъ мнѣ или самъ воображаетъ князь Николай. Современный черногорскій режимъ—„помѣщичій“, какъ говорятъ черногорцы, держится исключительно безпредѣльнымъ уваженіемъ народа къ личности престарѣлаго князя-героя. Со смертью князя Николая, Черногорію ждетъ бурное будущее... (1903).

Это примѣчаніе 1903-го года оправдалось въ 1905—даже при жизни князя Николая: онъ вынужденъ былъ дать конституцію своему маленькому народу. Правда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ отобралъ ее обратно, но это coup d'état вызвало революціонный взрывъ, до сихъ поръ не улегшійся... Наслѣдникъ кн. Николая— кн. Данило—злое ничтожество съ деспотическими замашками, которыя дорого стоятъ и будутъ стоить несчастной странѣ (1907).

Намъ образованіе нужно. Намъ желѣзныя дороги нужны. Оживить торговлю необходимо, добычу природныхъ богатствъ, зарытыхъ въ землѣ. Край нашъ—богатая, благодарная, непочатая почва, многообѣщающая цѣлина. Но, чтобы оплодотворить ее, нужны деньги и деньги, нужно образованіе, образованіе и образованіе.

Я навелъ князя на разговоръ о Маріинскомъ институтѣ, который посѣтилъ и о которомъ писалъ уже *).

— Это превосходное учрежденіе,—съ искреннимъ и пылкимъ воодушевленіемъ воскликнулъ князь,—я счастливъ и гордъ тѣмъ, что именно въ Цетиньѣ народился и созрѣлъ такой замѣчательный междуславянскій разсадникъ. Маріинскій институтъ—одно изъ самыхъ благихъ дѣлъ Россіи для Черногоріи. Я всегда съ огромнымъ удовольствіемъ посѣщаю его. Дѣвочки-воспитанницы—такія милыя, порядочныя, выдержанныя. Онѣ такъ хорошо поютъ! Mademoiselle Мертваго—кладъ для такого дѣла: она ведетъ своихъ воспитанницъ образцово, какъ нельзя лучше желать. Всѣ мои симпатіи—на сторонѣ института. Отъ всего сердца желаю ему процвѣтанія и развитія. Вотъ вамъ—лучшій, наглядный образецъ того, какъ много дѣлаютъ для насъ русскіе, и за что мы обязаны ихъ любить.

И онъ опять сталъ развивать свое, видимо излюбленное положеніе, что будущность славянства—только въ Россіи, и что, выбившись изъ связи съ Россіею, славянинъ теряетъ почву подъ ногами, осужденъ на обезличеніе, на полную потерю національныхъ и расовыхъ идеаловъ.

— Кто уводитъ славянъ отъ Россіи,—горячо повторилъ онъ,—тотъ либо самъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, либо сознательно стремится уничтожить ихъ расовую физіономію, индивидуальность, хочетъ передѣлать ихъ изъ рѣзко опредѣленныхъ и самобытныхъ національностей въ

*) См. мою книгу „Страна Раздора“.

безразличную, нейтральную, международную массу—европейцевъ не европейцевъ, а такъ... европейскаго облика.

— Въ такомъ направленіи работалъ покойный Стамбуловъ,—замѣтилъ я.

— А вы знали покойнаго Стамбулова?

— Да,—уже послѣ его паденія.

— Талантливый былъ человѣкъ, но, къ несчастію, попалъ на кривой путь, который и привелъ его къ преждевременной гибели...

Часы стали бить десять. Князь приподнялся съ мѣста: аудіенція была кончена.

— Радъ, что повидалъ русскаго журналиста,—сказалъ онъ, съ силою сжимая мою руку,—видѣть русскихъ друзей для меня всегда великое удовольствіе. Пожалуйста, попросите отъ моего имени всѣхъ русскихъ, которыхъ судьба приведетъ въ Цетинье, чтобы они непремѣнно настаивали видѣть меня, не уѣзжали, не увидавшись со мною. До свиданія. Желаю вамъ счастливаго пути. А въ Римѣ будете,—непремѣнно повидайтесь съ Мирко.

Онъ еще разъ сдавилъ мою руку—на ходу, провожая меня черезъ пріемную, къ выходной лѣстницѣ,—круто, по-военному повернулся и изчезъ въ какую-то боковую дверь. Вмѣстѣ съ нимъ изчезли и средніе вѣка. По модной, красивой лѣстницѣ я тихо спустился на подъѣздъ, гдѣ, въ лицѣ франтоватаго княжескаго адъютанта, ждало меня уже XX столѣтіе, новое, молодое Черногорье... обмѣнявшись съ XX столѣтіемъ дружескими привѣтами, я сѣлъ въ фаэтонъ и покатилъ въ Каттаро. До свиданья, орлиное Цетинье!

Желанія и совѣта князя Николая, чтобы я повидался съ княжичемъ Мирко, не могъ исполнить, но, будучи въ Римѣ, я слышалъ въ «Teatro Nazionale» маршъ, сочиненный принцемъ на память о пребываніи его въ Римѣ. Маршъ—какъ маршъ, ничего особеннаго въ немъ нѣту, но написанъ, что называется, лихо: съ трескомъ, блескомъ,

и—не знаю, какъ черногорцамъ, а берсальерамъ итальянскимъ, великолѣпнѣйшимъ бѣгунамъ въ мірѣ, ходить подъ его звуки удобно. При томъ—Мирко не только выдумалъ свой маршъ, но и самъ инструментовалъ его: трудъ, который высокопоставленные композиторы рѣдко даютъ себѣ, и умѣнье, которымъ они рѣдко владѣютъ. Начало успѣховъ покойнаго Гензельта было положено участіемъ его въ композиторскихъ трудахъ принца Ольденбургскаго, весьма охочаго сочинять и довольно изобрѣтательнаго на мелодіи, но въ теоріи музыки полнаго профана. Принцъ насвистывалъ Гензельту мотивчики, приходившіе ему въ голову, а Гензельтъ записывалъ, гармонизировалъ, и такъ нарождались на свѣтъ новые и новые романсы принца и даже чуть ли не оперы.

Маршу Мирко неистово апплодировали, и принцъ-композиторъ, очень блѣдный и взволнованный, почтительно раскланивался съ публикою изъ своей ложи.

1901.

Аѳинскіе дни

(1894—1901)

I.

Прохладный берегъ Коринѳскаго залива, съ его чудными горными ущельями по правую сторону желѣзнодорожнаго полотна, съ его бархатными песочными spiaggie подъ лѣнивымъ, прозрачно-серебристымъ прибоемъ—по лѣвую руку, съ его сѣдыми маслинами, зелеными виноградниками и даже не рощами, а цѣлыми дубравами пламенныхъ олеандровъ, съ его Парнасомъ, Киллене, Геликономъ, Киѳерономъ, встающими, подобно далекимъ гигантамъ-призракамъ, тамъ, въ кудрявыхъ облакахъ, за шумящимъ ласковымъ моремъ, — прохладный берегъ Коринѳскаго залива остался позади. Мы переползли уже и ту узенькую голубую полоску, что, подъ громкимъ именемъ Новаго канала, неудачно поправляетъ съ 1893 года ошибку природы, раздѣлившей заливы Коринѳскій и Саронскій холмистымъ перешейкомъ. Положимъ, онъ такой узенькій, что и впрямь—точно напрашивается, чтобы его перекопали. Создать изъ Истма европейскій Суэцъ хотѣли еще римскіе императоры,—на истмійскую попытку Нерона дошла до насъ рѣзкая сатира, ошибочно приписываемая Лукіану. Осуществила эти великолѣпныя затѣи греческая компанія, которая, принявъ въ 1889 году предварительныя работы

отъ французовъ, копавшихся тутъ съ 1881 года, сдѣлала каналъ очень быстро, но—какъ дѣлаютъ луну въ Гамбургѣ: то есть—прескверно. Пассажирскіе рейсы Австрійскаго Ллойда, Флоріо и Рубатино, главнѣйшихъ греческихъ пароходствъ, избѣгаютъ канала, предпочитая терять сутки на обходъ вокругъ Пелопонеса, съ заходомъ въ его гавани. Военныя суда проходятъ по каналу съ большимъ рискомъ—имъ тѣсно такъ, что едва протиснуться. Нашъ «Кубанецъ», канонерская лодка средиземной эскадры, совсѣмъ не гигантъ, а—когда онъ проходилъ каналомъ, офицеры тросточками доставали съ бортовъ его стѣнную облицовку.

Итакъ—коротенькій пелопонесскій рай кончился: мы вступили въ аттическое чистилище. Пыльнаго, закопченнаго, чернаго, какъ муринъ, тащитъ меня пыльный, закопченный, черный курьерскій поѣздъ изъ Патраса по сѣрымъ каменнымъ грудамъ — безплоднымъ и безотраднымъ грудамъ холмовъ Аттики. На ихъ маковкахъ и скатахъ такъ же сѣро, безплодно и безотрадно рисуются сожженные солнцемъ, изъѣденные летучими песками, насквозь пропыленные форты, сторожевые домики, сигнальныя будки, сложенныя изъ дикаго камня. Тяжелыя, унылыя мѣста—какая-то пещь огненная, говорящая воображенію скорѣе о кровожадной и палящей пасти финикійскаго Молоха, чѣмъ о прекрасныхъ, граціозныхъ, вѣчно-юныхъ и веселыхъ божествахъ Гезіода и Гомера, въ чье древнее царство мы въѣзжаемъ, къ чьей священной столицѣ быстро приближаетъ насъ каждый оборотъ колесъ шумнаго, огромнаго поѣзда. Даже морская синева, безконечно вьющаяся вдоль полотна, не смягчаетъ пейзажа. Море сверкаетъ такъ же металлически, такъ же остро и безжалостно, какъ раскаленное небо. Зевсъ и Посейдонъ здѣсь наглядно показываютъ, что они родные братья, схожіе между собою, какъ близнецы, оба великолѣпные и могущественные, оба и очаровательные, и страшные своею жгучею, слѣпящею, губительною красотою. Право, глядя на синія полосы Саронскаго залива, Элевзинской бухты,

Фалера и Саламина, почти не вѣрится, чтобы въ нихъ жила та же ласковая прохлада, что дышетъ въ другихъ средиземнымъ водахъ хотя-бы въ томъ же Іоническомъ морѣ, въ томъ же Коринѳскомъ заливѣ, съ которыми мы только-что разстались. Отъ этихъ—будто эмальированныхъ—волнъ того и ждешь, наоборотъ, что вотъ-вотъ онѣ закипятъ, и красивыя пестрыя рыбы, и черные, мордастые дельфины высунутъ надъ дымящеюся поверхностью свои горемычныя головы и замечутся въ тоскѣ, безсильно ловя ртами воздухъ—этотъ ужасный, удушливый воздухъ, накаленный отвѣсными лучами солнца до 40° Реомюра, отравленный противнымъ запахомъ глубоко прогрѣтыхъ известковыхъ скалъ и прянымъ ароматомъ какой-то кустистой желтоцвѣтной травки, по нимъ ползущей.

Вагонъ,—мерзѣйшій въ мірѣ вагонъ мерзѣйшей въ мірѣ, лишь въ Греціи могущей быть терпимою, желѣзной дороги,—стоналъ и кряхтѣлъ, точно и ему было мочи нѣтъ жарко, и онъ считалъ долгомъ предупредить насъ: голубчики, сейчасъ растаю! Пассажиры внутри тоже стонали и кряхтѣли въ тактъ болѣзненному реву его старыхъ, шаткихъ колесъ. А я, задыхаясь отъ зноя, наглотавшись пыли въ такомъ количествѣ, что начиналъ уже чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ пирога съ известковымъ фаршемъ, припоминалъ—съ сравненіемъ далеко не въ пользу настоящаго—первое свое прибытіе въ Аѳины въ іюнѣ 1894 г.

О, то путешествіе было «совсѣмъ изъ другой оперы»! Изъ чудной, обаятельной, высоко-поэтической оперы... Я шелъ тогда моремъ, изъ Константинополя, черезъ Смирну, съ пароходомъ «Чихачовъ».

Мы плыли отъ Смирны въ серебряную ночь по серебряному морю. Нигдѣ, никогда, ни прежде, ни послѣ не случалось мнѣ видѣть болѣе мощнаго и болѣе красиваго теченія, какъ на Эгейскомъ морѣ въ это іюньское полнолуніе. Долго бродили мы съ молодымъ казанскимъ профессоромъ, археологомъ А—ловымъ, по палубѣ «Чихачова»,

перетряхивая смирнскія впечатлѣнія, — настоящее и старину, людей и искусство. На душѣ было хорошо — «тепло и свято»: доброе и возвышенное настроеніе, какое дается человѣку только созерцаніемъ великихъ красотъ природы, только обаяніемъ могучихъ ласкъ южнаго моря и южнаго неба. Собесѣдника моего, наконецъ, сморило сномъ, а я еще добрый часъ сновалъ по пароходу, слушалъ богатырское пыхтѣніе машины и глядѣлъ, какъ жемчужная пѣна, высоко поднятая нашимъ быстрымъ ходомъ, разбивается на волнахъ серебромъ и чернью; какъ все свѣтлое море сверкаетъ, зыблется и блещетъ, — точно на днѣ, въ чертогахъ стараго Посейдона, идетъ веселый пиръ, свадебная гульба глубокой холодной Ѳетиды и пламеннаго Геліоса, ночного гостя морей. Качаются лампады, пылающія сверканіемъ не жгучаго огня, машутъ фосфорическими факелами пляшущія нереиды, и тысячами дрожащихъ отсвѣтовъ зажглись янтарь и хрусталь подводнаго дворца .. Мелкіе острова съ именами и безъ именъ спали надъ моремъ, какъ неподвижные черные киты. Иногда мы шли такъ близко къ берегу, что ясно были слышны пѣсни греческихъ рыбаковъ, самыхъ гнусавыхъ пѣвцовъ въ мірѣ. Вотъ ужъ гдѣ именно — «охота смертная, да участь горькая»! Пѣть греческій народъ любитъ до страсти, но поетъ — сплошь и заурядъ — замѣчательно скверно: козлиные голоса, носовой тембръ и полное отсутствіе слуха. Ни одной мелодіи не передадутъ точно, — все бродятъ гдѣ-то вокругъ да около. Въ этомъ отношеніи — рекордъ фальши могутъ перебить у нихъ развѣ англичане и англичанки, изучающіе пѣніе у миланскихъ maestri di canto. Тѣмъ не менѣе греки большіе любители хоровой гармоніи, и я часто замѣчалъ: соберется компанія и пѣсенъ пѣть не поетъ, а раздѣлитъ по голосамъ какой-нибудь аккордъ и гудитъ его безъ словъ, мѣняя напряженіе звука отъ forte къ piano, отъ piano къ forte. Точно шмели жужжатъ! Надоѣстъ одна тональность, — модулируютъ въ другую, и опять жужжатъ. И опять-таки два-

три шмеля и тутъ неизбѣжно и безбожно фальшатъ и гудятъ въ сосѣднихъ тонахъ съ упорствомъ, способнымъ довести до отчаянія самаго терпѣливаго профессора solfeggi. Престранная вокальная забава, не практикуемая, кажется, ни однимъ европейскимъ народомъ, кромѣ чудаковъ эллиновъ.

Но въ чудной, прозрачной синевѣ теплой ночи, сквозь которую мы плыли, даже и греческая пѣсня звучала поэтично, полная какой-то невысказанной тоски, какого-то затаеннаго призыва. Мнѣ вспомнился изящный мотивъ «Греческой ночи» Щербины и прелестная мелодія, подобранная къ этому стихотворенію покойнымъ Г. О. Каргановымъ:

На раздольи небесъ ярко свѣтитъ луна,
И листы серебрятся оливъ,
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Серебромъ убирая заливъ...
Эта тихая ночь и тепла и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови...
Я мастику зажгла,
Я цвѣтовъ нарвала,—
Поспѣшай на свиданье любви.
Эта ночь пролетитъ, и затихнетъ волна...
При сіяньи безстрастнаго дня
Буду я холодна...
Ты тогда не узнаешь меня!

Рѣдко удается поэтамъ такъ типически-красиво и вѣрно нарисовать нѣсколькими стихами пейзажъ и выразить его настроеніе, какъ посчастливилось Щербинѣ: сказались эллинское чутье, эллинская кровь, эллинская душа поэта. А, впрочемъ, Тургеневъ эллинство Щербины отрицалъ и въ весьма извѣстной злой эпиграммѣ язвительно утверждалъ, что Щербина былъ «грекъ нѣжинскій, но не милетскій».

Мы вошли въ Пирей съ разсвѣтомъ, когда небо было бирюзовое съ зеленью, море цвѣта gris perle, а темно-лиловый хребетъ Гимета чуть просвѣчивалъ сквозь туманъ, склоняясь надъ долиной, точно сонный щетинистый кабанъ надъ бахчей. Лодочники окружили пароходъ и полѣзли на абордажъ. Причалить было трудно. Лодки швыряло моремъ,

а съ парохода долго не опускали трапа. Наконецъ, спустили. Греки,—было ихъ хоть и не десять ксенофонтовыхъ тысячъ, однако не меньше, чѣмъ спартанцевъ при Ѳермопилахъ,—ринулись вверхъ по лѣстницамъ. Проклятія и увѣщанія нашего капитана не лѣзть безъ толка и не дѣлать давки пропали даромъ. Изругавшись по-гречески, по-итальянски, по-англійски, по-турецки, по-французски и по-русски, капитанъ упалъ въ недоумѣніе, какой еще языкъ остался ему, кромѣ эсперанто и волапюка, обезсилѣлъ, махнулъ рукою и отошелъ отъ сходней. Но тутъ — откуда ни взялся находчивый матросикъ и мигомъ прекратилъ суетню, употребивъ для этого средство простое, но выразительное. Онъ всталъ на трапѣ и, когда какая-нибудь греческая голова поднималась по лѣсенкѣ въ уровень съ его ногою, матросикъ молча и невозмутимо тыкалъ своимъ сапожищемъ прямо въ физіономію потомка ѳермопильскихъ героевъ. Послѣ чего потомокъ,—хотя и ругаясь, и крича, какъ варваръ въ полѣ,—стремительно отступалъ и заставлялъ отступать, напиравшихъ снизу, заднихъ. Они кубаремъ катились въ лодки, выли, грозились кулаками, проклинали «Панагію» и дерзновеннаго матроса, и своихъ злополучныхъ сосѣдей-гребцовъ.

— Посмотрите,—указалъ я на эту сцену одному изъ своихъ спутниковъ, казанскому профессору-канонисту Б.,— до чего можетъ выродиться народъ...

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да какъ же? матросъ — ни за что, ни про что, за здорово живешь—тычетъ грека сапогомъ въ «хрюкало», и тотъ—ничего, принимаетъ тычки, какъ должное...

— Я понимаю, чѣмъ вы возмущаетесь, но не понимаю, почему вы думаете, будто греки выродились?

— Вотъ тебѣ разъ! А Мильтіадъ, Аристидъ, Периклъ и кто бишь тамъ еще?

— Рѣшительно ничего не доказываютъ...

— Однако ихъ сапогами въ физіономію не тыкали?

— А вы думаете—это потому, что они были очень щепетильны на этотъ счетъ?

— Какъ же иначе?

— А просто потому, что тогда не было ни этихъ безобразныхъ сапоговъ, ни безцеремонныхъ русскихъ матросовъ, охочихъ тыкать ими въ греческія физіономіи... Грекъ же, какъ исторически прослѣдить можно, никогда за тычкомъ не гнался и не находилъ для себя безчестія въ изувѣченіи своей физіономіи... Вспомните Θемистоклово: «Бей, но выслушай!» А Діогенъ, когда ему, съ позволенія сказать, набили морду, только вывѣсилъ у себѣ на груди дощечку съ именемъ автора своихъ синяковъ: такой-то ἐποίει. Позорно было, стало-быть, обижать, а не быть обиженнымъ. Это у Шопенгауэра вѣрно замѣчено: античный міръ признавалъ безчестіе активное, а не пассивное, какъ признаются въ наши дни; честь человѣка опредѣлялась тѣмъ, что онъ самъ дѣлалъ, а не тѣмъ, что съ нимъ другіе дѣлали. Оттого у нихъ этой глупости нашей не было—дуэли.

— И скверныхъ болѣзней,—подхватилъ кто-то.—Шопенгауэръ вѣдь такъ и опредѣляетъ: міръ античный отличался отъ современнаго общества, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не дрался на дуэляхъ и не болѣлъ сифилисомъ...

— Ну,—скептически возразилъ профессоръ,—что касается послѣдняго,—на этотъ счетъ бабушка еще надвое говорила! Антіохъ Епифанъ меня смущаетъ... И Сулла тоже... Скверно умеръ Епифанъ!

Перебрались на берегъ. Таможня легкая,—только для формы. Изъ Пирея въ Аθины можно ѣхать по желѣзной дорогѣ, но я предпочелъ фаэтонъ, мечтая полюбоваться мѣстностью... Увы! любоваться рѣшительно нечѣмъ. Волшебная сказка морского пейзажа умерла, едва мы покинули пристань и набережную. Впереди клубилась бѣлою пылью известковая дорога, известковый налетъ лежалъ на тощихъ маслинахъ, гладь и плоскость сирѣли направо и налѣво—до самыхъ горъ, чернѣющихъ на горизонтѣ.

Я много видалъ портовыхъ городковъ, но отвратительнѣй Пирея,—по первому впечатлѣнію,—кажется, не видывалъ; только нѣкоторые кварталы Ливорно, да гнилыя, протухшія керосиномъ трущобы Спалато могутъ соперничать съ этимъ городомъ-вертепомъ. Грязь, вонь, растрепанные страшные люди, съ пьяными лицами и наглыми глазами, кабакъ на каждомъ шагу,—отъ улицъ пахнетъ развратомъ и грубымъ пьянствомъ. Женщинъ не видать; но мой вожатый-итальянецъ клялся мнѣ, что двѣ трети домовъ, которые мы минуемъ, заняты явными и тайными проститутками, питающимися крохами отъ кутежа захожихъ моряковъ. Впрочемъ, быть-можетъ, Пирей показался мнѣ такимъ сквернымъ и по контрасту съ только-что оставленною свѣжестью моря и щеголеватою опрятностью «Чихачова». Посѣтивъ его потомъ, семь лѣтъ спустя, уже съ суши, я нашелъ городъ гораздо опрятнѣе: хорошая набережная, много красивыхъ общественныхъ зданій, церквей, богатые магазины—многіе даже съ русскими вывѣсками. Удивительно, для кого они существуютъ. Моряковъ, конечно, въ Пиреѣ видимо-невидимо, но они на мѣстѣ совсѣмъ не щедры и предпочитаютъ растрясать свои денежки въ Аѳинахъ.

— Пуговицу купить надо,—и то въ Аѳины ѣдемъ! Все-таки,—предлогъ!

— Вы такъ любите Аѳины?

— Э! что тамъ любить? Но—все же столица, жизнь есть хоть какая-нибудь, не то, что въ этой пирейской лужѣ.

Ѣдемъ больше часа.

Пейзажъ Аттики—самый жалкій изъ горныхъ пейзажей юга, вопреки своей всемірной славѣ, раздутой историческими иллюзіями и, еще болѣе, архитектурными впечатлѣніями, такъ какъ останки древняго зодчества—здѣсь вторая натура и много лучшая первой. Человѣкъ въ Аттикѣ работалъ для красоты ея усерднѣе и искуснѣе, чѣмъ природа. Безъ Парѳенона, Эрехтейона, Тезеума, колоннъ

Зевсова храма, сѣрыя, обожженныя солнцемъ груды аттическихъ скалъ были бы безобразны и безсмысленны,—такъ же безсмысленны, какъ безсмысленъ сейчасъ, напримѣръ, холмъ Ареопага. Торчитъ онъ, рядомъ съ красавцемъ Акрополемъ, какъ гигантская шишковатая лысина, и священною высотою, гдѣ Орестъ защищалъ свои права противъ мстительныхъ Эринній, гдѣ апостолъ Павелъ проповѣдывалъ мужамъ аѳинянамъ «Бога невѣдомаго», современные греки кощунственно дополняютъ недостатокъ въ городѣ lieux d'aisance. Гнуснѣе и смраднѣе скатовъ Ареопага ничего нельзя себѣ представить. А Пниксъ? Смотрѣлъ я на него, и никакъ не могъ настроить свое воображеніе, чтобы видѣть его полнымъ народа, вотирующимъ изгнаніе Аристида, внимающимъ Демосѳену или Эсхину. Я только думалъ: стоило ради такой пустыни запоминать, что Πνύξ склоняется неправильно и въ родительномъ имѣетъ Πυκνός, за незнаніе чего покойный «грекъ» мой, Киндлеръ, поставилъ мнѣ однажды предлинную единицу. И—глядя на современный Пниксъ—ужъ такъ было мнѣ досадно на эту старую единицу и жаль старыхъ волненій, изъ-за нея когда-то пережитыхъ.

Солнце жжетъ невыносимо. Дѣлаемъ стоянку у какой-то жалкой таверны.

— Дайте вина!

Попробовалъ,—и плюнулъ. Богъ знаетъ что: не то скипидаръ, не то керосинъ, съ примѣсью толченаго сургуча.

— Я вина просилъ, а не сусла! Этимъ не людей поить, а сороконожекъ морить.

Проводникъ-итальянецъ ухмыляется.

— Это вино!

— Вино? Что же въ такомъ случаѣ называется у васъ столярнымъ лакомъ?

— Это—рицинатъ. Чтобы вино не портилось, здѣсь кладутъ въ него особенную смолу... ну, оно и не портится, ...етъ вкусъ и запахъ этой смолы... Всѣ иностран-

цы плюются, когда попробуютъ его въ первый разъ. Но потомъ иные такъ привыкаютъ, что имъ начинаетъ казаться уже страннымъ и невкуснымъ чистое вино, не рицинированное.

Притерпѣться, конечно, къ всему можно. Одинъ семинаристъ, экзаменуемый митрополитомъ Филаретомъ, утверждалъ, будто человѣкъ въ состояніи привыкнуть даже падать внизъ головою съ колокольни Ивана Великаго. Однако—надо полагать—я пробылъ въ Греціи слишкомъ мало времени, чтобы привыкнуть къ рициновой отравѣ, ибо и сейчасъ еще склоненъ думать, что, какъ ни эксцентрична и ни опасна привычка сваливаться съ колокольни, но все-таки она, должно быть, дается легче и даже, пожалуй, по результатамъ пріятнѣе. Кажется, въ настоящее время, этотъ способъ порчи вина, подъ предлогомъ его сбереженія, начинаетъ уже, слава Богу, вымирать и выходить изъ употребленія. По крайней мѣрѣ, во второе мое путешествіе по Греціи, я уже не встрѣчалъ рицинированнаго вина ни въ одномъ, сколько нибудь пристойномъ отелѣ или ресторанѣ. А въ первое—рицинаты подавались всюду, гдѣ я ни обѣдалъ. Миръ праху рицинатовъ! Не будемъ поминать покойниковъ лихомъ, но добромъ—правду говоря—не за что.

Вообще, какъ мнѣ говорили, да и по опыту столовыхъ винъ можно было замѣтить, винодѣліе въ Греціи, особенно въ Пелопонесѣ, быстро развивается, переходя отъ первобытныхъ, чуть не Ноевыхъ жомовъ къ болѣе усовершенствованнымъ, французскимъ способамъ и хозяйства, и производства. Только бы филлоксера не разбойничала, а то греки своими винами еще поторгуютъ и покормятся. Къ сожалѣнію, большинство хорошихъ виноградниковъ или скуплено, или заарендовано иностранцами — нѣмцами изъ Австріи по преимуществу. Такъ, напримѣръ, патрасское винодѣліе—всецѣло въ рукахъ двухъ австрійскихъ фирмъ—Гамбургера и Фельса. Въ Аѳинахъ сборное мѣсто европей-

цевъ-винопійцъ — тоже нѣмецкая Weinstube, приличный, скромный и дешевый уголокъ въ улицѣ Побѣды (Nike). Лѣтомъ 1894 года тамъ каждый вечеръ часамъ къ десяти собиралась почти вся мужская половина русской колоніи въ Аѳинахъ, уничтожая, за мирной бесѣдой, неопьяняющее бѣлое вино, похожее на рейнвейнъ вкусомъ и на квасъ крѣпостью... Не удивляйтесь, что я такъ долго и внимательно останавливаюсь въ своемъ очеркѣ, на, такъ сказать, «винномъ вопросѣ»: это—не по пристрастію къ «пьяному дѣлу», а потому, что найти порядочное вино для туриста въ Аѳинахъ и, особенно, лѣтомъ,—дѣйствительно, задача неизбѣжная и первой важности. Съ питьемъ здѣсь бѣда. Диву даешься, какъ въ іюньскіе жары аѳиняне не спиваются съ круга. Вода въ греческой столицѣ очень недурная, даже и въ водопроводѣ общественномъ, не говоря уже о той хрустальной влагѣ, что каждое утро развозятъ по Аѳинамъ, въ глиняныхъ амфорахъ, мужики изъ горныхъ деревень, ютящихся на Гиметѣ. Горы Аттики богаты источниками великолѣпной питьевой воды. Пресловутая «неро Кэсаріанисъ», столь популярная между туристами, благодаря рекомендаціямъ Бедекера, ничуть не лучше другихъ, и, кто ожидаетъ отъ нея какого-либо особеннаго вкуса, чудесъ свѣжести и прозрачности, при пробѣ бываетъ горько разочарованъ. Вода какъ вода. Много лучше, конечно, чѣмъ изъ невскаго фильтра, но, напримѣръ, до неаполитанской Aqua Serina—ей далеко. Но, какъ вода ни будь хороша, она не утоляетъ жажды надолго, развѣ что пить ее походя бочками, покуда самого тебя не раздуетъ въ бочку и не потребуется набить обручи на бока, дабы чрево не лопнуло. Извѣстно, что нѣчто въ этомъ родѣ и приключилось съ героемъ Марка Твэна, имѣвшимъ неосторожность стать членомъ общества трезвости. Лимонады, gelati и granite—*пагота*, по-здѣшнему,—вскорѣ пріѣдаются до отвращенія, потому что греческія кафе грязны, небрежны и не умѣютъ превращать ледъ и снѣгъ въ тѣ вкусные шедевры, которыми

такъ справедливо гордятся Неаполь и Мадридъ. Отравлять себя солями разныхъ Гисгюблеровъ, Аполлинарисовъ и прочихъ привозныхъ минералокъ и не полезно, и безумно дорого. Да и что за охота превращать себя ихъ газами въ воздушный шаръ, готовый взлетѣть при первомъ дуновеніи здѣшняго несноснаго и неугомоннаго вѣтра? Пиво—на югѣ вездѣ мерзость, а въ Аѳинахъ—нарочитая. И не по климату оно,—тяжело, дурѣешь отъ него какъ-то. И, надо полагать, кукельвану въ него пивовары не жалѣютъ: съ одной-двухъ кружекъ—головная боль на цѣлый день. Остается, значитъ, и рекомендуется мѣстными жителями, одно: выбрать себѣ по вкусу и пить quantum satis кислое бѣлое вино со льдомъ—мѣстное, дешевенькое пойло, благодаря испаринѣ, изчезающее изъ организма такъ быстро, что не успѣваешь хмѣлѣть. Сосешь эту влагу, буквально, «бутылками и пребольшими... нѣтъ, бочками сороковыми!»—и ничего.

II.

Первое впечатлѣніе Аѳины, откуда въ нихъ ни въѣзжать, производятъ очень хорошее. Сразу, отовсюду, попадаешь въ центръ столицы. Городъ малъ, но въ показной своей части изященъ, какъ бонбоньерка. Его можно пройти изъ конца въ конецъ въ какіе-нибудь полчаса, но зато въ эти полчаса вы почти не видите некрасивыхъ зданій. Греки умѣютъ цѣнить свою древнюю архитектуру, и вѣянія красотъ ея замѣтны и въ современной. Мотивы Парѳенона и Эрехтейона гораздо чаще отражаются на улицахъ Аѳинъ, чѣмъ, напримѣръ, мотивы Помпей на улицахъ Неаполя, не говоря уже о Римѣ, на архитектуру котораго его древніе памятники не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія. Зданія современныхъ Аѳинъ свѣтлы, легки, воздушны, они стремятся летѣть вслѣдъ прозрачнымъ формамъ античныхъ руинъ на Акрополѣ, Тезеева храма, Адріанова портика и

т. д. Поэтому, когда не душно, когда пыльные вихри не терзаютъ вамъ лицо и не слѣпятъ глаза, прогулка черезъ Аѳины увлекательна. Національный или, какъ его здѣсь называютъ, Центральный музей, политехническая школа, рядъ частныхъ, похожихъ на виллы, домовъ улицы Патиссія, площадь Согласія, съ ея скверомъ, обставленнымъ эффектными общественными сооруженіями, банками и присутственными мѣстами, длинная улица Стадіона, университетъ, академія, зданіе народнаго собранія, площадь Конституціи съ королевскимъ дворцомъ, блестящіе магазины улицы Гермеса, незаконченный каѳедральный соборъ — всѣ эти [illegible] новыхъ Аѳинъ лежатъ на одной неразрывной линіи, слагаясь въ эффектную декорацію весьма благоустроеннаго города. Но за декораціями скрываются, какъ обыкновенно, весьма некрасивыя, изношенныя подпорки, и, въ дѣйствительности, Аѳины совсѣмъ не благоустроенный городъ. Кривые дворы, кривые закоулки, тупики, загрязненныя площадки занимаютъ собою пространства между широкими и красивыми улицами. Стоитъ свернуть съ городскихъ улицъ Гермеса, Минервы, Эола въ переулокъ, чтобы очутиться чуть не въ эпохѣ Перикла, при чемъ переулки засорены, какъ будто по [illegible] сейчасъ только прошелъ со всею своей шумной компаніей безпутный Алкивіадъ и перебилъ, переломалъ, перековеркалъ всѣ попавшіеся подъ руку [illegible]. Воды — почти нѣтъ! Акрополь и его развалины содержатся въ порядкѣ; но нельзя сказать того же про другія руины, напримѣръ, про башню Вѣтровъ и римскій рынокъ [illegible]. Это мѣсто [illegible] въ мерзости запустѣнія: валяются какія-то тряпки, битыя бутылки, [illegible] солома, оселъ пасется... [illegible] какъ-то разъ [illegible] бѣлого боло- [illegible]. [illegible] Акрополя. [illegible] — и [illegible] только не [illegible] въ эти [illegible] въ [illegible] отъ башни Вѣтровъ въ сѣверной части

Акрополя заставляетъ сомнѣваться, существуетъ ли въ Аѳинахъ ассенизаціонное общество. Впрочемъ, съ этой стороны къ Акрополю поднимаются только ужъ черезчуръ самостоятельные въ своемъ любопытствѣ путешественники, не признающіе Кука, привычные обходиться безъ гидовъ. Есть дорога показная, огибающая почти весь холмъ, прекрасно шоссированная; по ней можно доѣхать въ парномъ фаэтонѣ до самыхъ воротъ крѣпости. Словомъ, какъ все въ Аѳинахъ: съ лица красиво, изящно, по-европейски; а съ изнанки несносная грязь, грязь средневѣковая... нѣтъ, даже хуже: византійская. То есть — самая грязная изъ всѣхъ грязей, какъ историческихъ, такъ, вѣроятно, и доисторическихъ.

Дважды погостивъ въ Аѳинахъ, я дважды увезъ изъ нихъ впечатлѣнія большой «мизеріи». Мѣщанскій городишко, построенный на кладбищѣ великихъ людей, при чемъ плиты съ гробницъ безъ церемоніи были обращены въ фундаменты и стѣны коровниковъ, лабазовъ и кладовыхъ. Казалось бы, трудно вообразить расу, болѣе нелѣпую и выродившуюся, чѣмъ нищее и безпутное населеніе Неаполя, но—сравнительно съ аѳинянами—это прелестнѣйшіе люди. Неаполитанцы мило-плутоваты, веселы, музыкальны, они знаютъ наизусть каждый уголокъ своего края, для нихъ — не мертвые звуки имена великихъ людей, его прославившихъ, изъ ихъ среды до сихъ поръ выходятъ талантливѣйшіе артисты, художники, писатели, ораторы Италіи. Аѳинянинъ—какой-то захудалый приказчикъ, — при томъ придавленный отсутствіемъ денегъ, только о деньгахъ думающій, только деньги считающій. Пойдите на главныя улицы Аѳинъ—Гермесову, Эолову, Стадіона—въ кафе, на гулянья, въ театры: вы не слышите разговоровъ ни объ искусствѣ, ни о литературѣ, ни даже о политикѣ,—вокругъ васъ все считаетъ деньги, деньги и деньги. Считаетъ въ своемъ карманѣ, считаетъ въ карманѣ сосѣда. «Хрима́та»,— эти жалкія тряпки-драхмы, которыхъ даютъ вамъ по двѣ

за европейскій франкъ, которыя рвутъ пополамъ, чтобы превратить десятидрахмовый билетъ въ пятидрахмовый,— единственный богъ, царящій нынѣ въ древнихъ владѣніяхъ Аѳины-Паллады. Ужъ и божокъ! Пошелъ я въ аптеку,— расплачиваюсь, — проклятыя, вонючія, грязныя драхмы слиплись, не разлѣпишь. Хочу ихъ, какъ водится по россійскому обычаю и какъ Алексѣй Толстой или Владиміръ Соловьевъ, подъ псевдонимомъ Алексѣя Толстого, выразился, «отслюнить», — аптекарь даже руками на меня замахалъ:

— Что вы дѣлаете? Хотите заразиться какою-нибудь болѣзнью? Вѣдь наши мерзѣйшія деньги — это злѣйшій ядъ, пастбище всевозможныхъ микробовъ. Ну, видано ли въ какой-либо другой странѣ безобразіе, подобное этимъ отвратительнымъ тряпкамъ? Италія пробовала догнать насъ, выпустивъ свои бумажки по лирѣ, по двѣ—сущія почтовыя марки—и все-таки не могла перещеголять: дала слишкомъ хорошую, плотную бумагу, которая не позволяетъ деньгамъ превращаться въ навозъ черезъ мѣсяцъ обращенія.

Аптекарь оказался веселымъ малымъ, бывшимъ депутатомъ, знающимъ политиканомъ, но совсѣмъ не шовинистомъ, скорѣе отрицателемъ.

— Удивительная наша страна!—иронизировалъ онъ.— Мегаломанія — наша общая болѣзнь. Вмѣсто денегъ у насъ—гнилыя бумажонки и никкель... Этотъ превосходный, симптоматическій никкель... Гдѣ забѣлѣлъ никкель, дѣло плохо, такъ пахнетъ крахомъ либо цѣлыхъ сословій, либо всего государства. А у насъ нѣтъ ничего кромѣ никкеля. Никкелевая валюта. Ха-ха-ха! У васъ золотая, а у насъ никкелевая. И вотъ еще эти тряпки, въ которыхъ мало пользы, но много микробовъ. Но при этомъ мы всѣ—мегаломаны. Неисправимые! И — стоитъ хорошо уродиться нашей коринкѣ, стоитъ нашему курсу, благодаря урожаю, подняться настолько, что за одинъ наполеонъ мы имѣемъ храбрость предлагать не 33 драхмы, а только 32 съ поло-

виною,—какъ у насъ уже начинаетъ кружиться голова отъ несбыточныхъ историческихъ мечтаній. Мы уже беремъ Константинополь, возстановляемъ византійскую монархію, грозимъ цѣлому міру... Величія—хоть отбавляй! И все это, конечно, до... неурожая коринки или паденія цѣнъ на нее и пониженія курса на два, на три десятка лептъ.

— А тогда?

— Тогда мы вѣшаемъ носы на квинту и начинаемъ проклинать Россію.

— За что же?

— За все. За то, что она—главный нашъ кориночный рынокъ; за то, что она не беретъ Константинополя и не даритъ его намъ; за то, что она *предала* насъ въ послѣднюю нашу войну съ турками.

— Какъ предала? Развѣ васъ обнадеживали помощью? Развѣ вамъ была обѣщана какая-нибудь поддержка?

Собесѣдникъ мой засмѣялся.

— Рѣшительно никакой. Напротивъ, усиленно совѣтовали намъ: не суйтесь. Но это-то мы и называемъ «предала». Для кого же секретъ, что нашъ разсчетъ былъ: мы начнемъ, а—когда удивимъ весь міръ своимъ геройствомъ. но турки станутъ насъ одолѣвать—русскіе и французы придутъ и докончатъ кампанію. Все это, конечно, мы рѣшили сами, безъ спроса ихъ, будущихъ-то завершителей войны, Что же спрашивать? Помилуйте! Они *должны* поступать такъ, какъ мы хотимъ. Это—ихъ историческая обязанность, это—воскресеніе двадцатыхъ годовъ! Давайте намъ новый Наваринъ, пошлите къ намъ умирать за насъ новаго Байрона! Ну... никакой Байронъ къ намъ, конечно, не поѣхалъ, а пріѣхалъ-было русскій корреспондентъ г. П., да и тотъ поспѣшилъ уѣхать: очень ужъ звѣрскими глазами смотрѣли тогда на каждаго русскаго наши шовинисты, злились, что Наварина намъ не дарятъ, и въ злости готовы были сами раздѣлать подъ Наваринъ любого русскаго подданнаго. Расколотили насъ турки въ лучшемъ видѣ, и—если бы только

расколотили! Если бы война эта не имѣла другихъ послѣдствій, кромѣ траура по героямъ и матеріальныхъ жертвъ... Послѣ дней печали наступаютъ дни радости, разоренные люди, перетерпѣвъ бѣду, часто дѣлаются милліонерами. Но эта роковая война имѣла еще тотъ ужасный для насъ результатъ, что мы въ неудачахъ ея потеряли духъ народный, живившій насъ въ теченіе ста лѣтъ, а турки, наоборотъ, его въ себѣ воскресили.

— Вы повторяете мысль, которую я неоднократно слышалъ уже въ Македоніи.

Собесѣдникъ мой прервалъ меня съ комическимъ ужасомъ:

— Брр! Вотъ еще словцо, отъ котораго въ Греціи каждаго благоразумнаго человѣка морозъ подираетъ по кожѣ!.. Впрочемъ, благоразумныхъ людей у насъ—штукъ шесть на все государство. Такъ что, если они и померзнутъ, то не велика бѣда. Македонія! Вѣдь это для насъ—изъ магнитовъ магнитъ! Если она не будетъ наша, цѣликомъ и безраздѣльно наша, мы объявимъ узурпаціей всякій раздѣлъ ея, какой бы ни рѣшила Европа. По-вашему, гдѣ стоятъ Призренъ и Приштина?

— Въ Старой Сербіи.

— А по-нашему,—въ Эпирѣ. И, если вы возьмете сегодняшній «Νεολόγος», гдѣ редакторъ излагаетъ свое interview съ вами, то,—быть можетъ, къ полному удивленію своему,—узнаете, что вы путешествовали по Эпиру. И вотъ эти-то Эпиры и Македоніи—для нашего брата, обывателя, не-шовиниста—истинно ужасны, какъ символъ будущей непремѣнной драки.

Въ оба раза, что я посѣтилъ Аѳины, я ѣхалъ въ этотъ городъ не для трудовъ, а по трудахъ—затѣмъ, чтобы на свободѣ отъ разговоровъ газетныхъ и политическихъ, которыми бывали переполнены предварительныя поѣздки мои въ Турцію и славянскія земли, никого не видѣть и разобраться въ пестромъ хаосѣ накопленныхъ впечатлѣній. Не

тутъ-то было. Аѳинскіе журналисты — бойкій народъ, и ужъ Богъ ихъ знаетъ, какимъ способомъ, но они ухитряются раскрывать всякое «инкогнито проклятое». Въ 1894 году—едва пріѣхалъ я, на другой же день получилъ визитъ отъ капитана Г., который заявилъ мнѣ, что тогдашній министръ-президентъ, нынѣ уже покойный, Трикуписъ, узнавъ изъ газетъ о моемъ пріѣздѣ, поручилъ ему, какъ человѣку, говорящему по-русски, взять мое пребываніе въ Аѳинахъ подъ свою любезную опеку, показать достопримѣчательности, дать всѣ нужныя объясненія и т. д. Это было очень любезно, хотя и совершенно напрасно и неожиданно. А затѣмъ начались интервью—тѣмъ болѣе для меня плачевныя, что интервьюеры не знали никакого европейскаго языка, кромѣ новогреческаго, и приходилось говорить черезъ переводчика-капитана; а онъ, хоть былъ гораздъ и на своемъ языкѣ, и по-русски, но не далъ ему Богъ таланта къ толмачеству, и, переводя, онъ то и дѣло нестерпимо путалъ. Капитанъ—воспитанникъ пресловутаго пансіона южныхъ славянъ въ Николаевѣ, служилъ нѣкоторое время въ русской арміи, а въ греческую службу перешелъ—какъ любилъ онъ выражаться и повторялъ чуть не каждыя три минуты—«движимый чувствомъ патріотизма», послѣ русско-турецкой войны за освобожденіе славянъ. Хотя уже давно изъ Россіи, капитанъ Г., дѣйствительно, хорошо владѣетъ языкомъ и даже чуть ли не корреспондировалъ во время оно въ русскія газеты. Онъ—природный македонецъ и, въ этомъ качествѣ, ненавидитъ болгаръ до ярости: черта, сколько я могъ замѣтить, общая всему греческому воинству, но у грековъ изъ Македоніи выступающая съ особенною рѣзкостью. Кромѣ вѣковой племенной распри, тутъ играетъ не малую роль и современная политическая боязнь. Что рано или поздно грекамъ придется столкнуться съ болгарами изъ-за Македоніи, въ этомъ не сомнѣваются ни въ Аѳинахъ, ни въ Софіи. Въ какомъ отдаленномъ будущемъ это случится—другой

вопросъ; но когда-нибудь случится. Предчувствуя столкновенія, греки, при всемъ своемъ шовинизмѣ и хвастливости, втайнѣ не могутъ не опасаться за его исходъ. Какъ ни огромна бываетъ энергія шовинистическаго ослѣпленія, въ душѣ у самаго яраго шовиниста все же теплится искра здраваго смысла, подсказывающая ему необходимость націи въ состояніи упадка отступить въ тѣнь предъ прогрессомъ націи молодой, сильной, бодрой, растущей. За болгарами—будущее, у грековъ—хорошо только прошедшее.

— Вы, русскіе, выростили змѣю,—вырвалось въ разговорѣ со мною у весьма высокопоставленнаго эллина,—и змѣя эта перекусаетъ всѣхъ насъ, чтобы потомъ обратить жало на васъ.

Старый русскій морякъ средиземной эскадры говорилъ мнѣ:

— Богъ ихъ знаетъ, этихъ грековъ. Въ отдѣльности—молодцы, воины хоть куда. Въ той же самой турецкой войнѣ, которую они проиграли, можно найти эпизоды, когда офицеры и небольшія части войскъ совершали подвиги, достойные старинныхъ Леонидовъ и Эпаминондовъ. Но масса бѣжала предъ турками, какъ стадо барановъ. Отъ нихъ, что называется, только пухъ летѣлъ.

Болгарскій военный характеръ—совсѣмъ обратнаго свойства. Индивидуальное личное молодечество—рѣдкость у болгарина. Одинокій болгаринъ легко теряется предъ опасностью и пассивно ей подчиняется. Лучшее свидѣтельство тому—хотя бы убійство Стамбулова, который позволилъ изрубить себя безъ сопротивленія, хотя былъ отлично вооруженъ, да и у спутниковъ его были револьверы *) Но соединенные въ массу болгары—львы. У нихъ та же способность «наваливаться кучею», что и въ нашей арміи, которой традиціями они воспитаны и живутъ.

---

*) В. Ѳ. Машковъ разсказывалъ мнѣ, какъ безоружный альбанецъ выдернулъ у болгарина-каваса изъ-за пояса револьверъ и застрѣлилъ бѣднягу изъ его же собственнаго оружія (1903).

— Глупѣе войны, чѣмъ между турками и греками, я и придумать не могу,—говорилъ мнѣ тотъ же морякъ.— Ну, а братушки наши, хоть и малъ золотникъ, доставятъ когда-нибудь Стамбулу большія непріятности.

— Вы находите ихъ способными противостоять великолѣпной турецкой арміи?

— Видите ли: вѣдь на турокъ—секретъ надо знать. Они блистательные воины, изумительные солдаты. Никакою храбростью ихъ не удивишь, готовностью умирать въ бою не испугаешь. Но мужества пассивнаго, такъ-сказать, они не понимаютъ. Имъ любы дикія атаки, имъ, пожалуй, свойственна стойкость предъ нападающимъ врагомъ, но— какъ, напримѣръ, можетъ армія, окруженная непріятелемъ, бездѣятельно стоять въ снѣгахъ, голодная, холодная, босая, безъ крова, вымерзая цѣлыми ротами, но не сдаваясь—это свыше ихъ разума, не по терпѣнію ихъ, это имъ кажется почти сверхъестественнымъ, это ихъ пугаетъ. Никто не билъ турокъ больше, чѣмъ русскіе. И били мы ихъ не столько страшными атаками съ потрясающими криками «ура!», сколько этою роковою привычкою безтрепетно встрѣчать смерть, въ какомъ бы тяжкомъ видѣ ни пришла она къ солдату. Умереть въ эффектной позѣ, героемъ на полѣ битвы—солдату не штука, это не только обязанность его, это—его награда. А вотъ ты, страдая дизентеріей, въ траншеѣ полежи, да, въ госпиталь не попросясь, такъ подъ ружьемъ и умри, когда тебя совсѣмъ уже скрючитъ,—на это немногія военныя силы способны. У насъ способность такой выносливости доходитъ почти до чудесныхъ размѣровъ. А—по сходству—думаю, что должна она быть и у болгаръ. Вѣдь это—лицо въ лицо наши батальоны, наша «михрютка», наша «святая сѣрая скотинка»... Нѣтъ, съ ними не шути! Они, можетъ быть, тоже не одинъ разъ покажутъ туркамъ спины, но ихъ не раздавишь, какъ грековъ, однимъ натискомъ низама: съ ними придется повозиться и поплакать. Пассивное мужество всегда грубѣе

активнаго, а безстрашіе массы всегда сильнѣе самаго удалаго геройства и молодечества. Греки — очень часто великолѣпные храбрецы, паликары. У нихъ вѣдь тоже и Миссолунги были, и все такое. Но, какъ солдаты, какъ армія, они никуда не годны. Они — герои по мелочамъ, въ розницу, враздробь. Они хороши въ бандѣ, но не въ арміи. Это — все равно, какъ взять ихъ на морѣ. Кто лучшіе лодочники? Греки. А флотъ ихъ — курамъ на смѣхъ, хотя и дорого стоитъ. Во время войны флоты греческій и турецкій заботились объ одномъ — какъ бы имъ не встрѣтиться, что имъ и удавалось блистательно: — море-то вѣдь широко! Отъ турокъ удирали! А ужъ турки — знаете, небось — каковы моряки. Анекдотическіе. Фактъ, какъ они посылали своего адмирала въ Мальту съ фрегатомъ, въ исторію вошелъ. Поплылъ адмиралъ въ Мальту, плавалъ-плавалъ, плавалъ-плавалъ и... назадъ къ Константинополю приплылъ... — Что же?! откуда? зачѣмъ? какъ же Мальта-то?.. А онъ отвѣчаетъ: — Я искалъ вашу Мальту двѣ недѣли и не нашелъ. Очевидно, это ошибка на картѣ. Никакой Мальты въ природѣ не существуетъ. Йокъ Мальта!.. Скажите-ка, попробуйте, турецкому моряку «йокъ Мальта», — онъ вамъ глаза выцарапаетъ.

Сравнивая между собою воинственность и выправку балканскихъ армій, я, право, не знаю, какъ поставить въ относительной таблицѣ ихъ болгарскаго солдата — первымъ или вторымъ. Турецкіе аскеры, которыхъ я неоднократно видѣлъ въ полномъ блескѣ на церемоніи Селамлика въ Константинополѣ, оставляютъ чрезвычайно эффектное впечатлѣніе. Народъ рослый, красивый, здоровый, сытый, нарядный. Они отлично обучены. Ихъ движеніями можно залюбоваться. Въ турецкомъ солдатѣ вы сразу видите члена стройной арміи, воинственнаго цѣлаго, которое стоитъ государствуо огрмныхъ, если не денегъ, то долговъ и неусыпныхъ заботъ. По внѣшней эффектности, военные Турціи — безспорно самые блестящіе въ ряду военныхъ

балканскихъ государствъ. Но врядъ ли у турокъ ужъ не слишкомъ много показнаго блеска. При томъ, командуютъ ими, если не иностранцы и ренегаты, то зачастую, ужъ слишкомъ невѣжественные, первобытные начальники. Въ началѣ царствованія Абдулъ-Гамида волновались софты. Султанъ, въ одну трагическую ночь, велѣлъ перерѣзать ихъ сходку. Организаторомъ этой бойни былъ унтеръ-офицеръ, простой, грубый, безграмотный солдатъ. Абдулъ-Гамидъ сдѣлалъ его полковникомъ и провелъ по лѣстницѣ высшихъ чиновъ быстрѣе, чѣмъ проходилъ ее Фрицъ при дворѣ принцессы Герольштейнской,—совершенно дикій и глупый рѣзака управлялъ частями войскъ, генералъ-губернаторствовалъ въ лучшихъ вилайетахъ *). Такія нелѣпыя капризныя карьеры часты въ Стамбулѣ.

— Ими Богъ наказываетъ турокъ и благословляетъ насъ!—смѣясь, говорилъ мнѣ молодой сербъ-дипломатъ.

— Почему?

— А потому, что эти карьеры неучей-фаворитовъ, бездарныхъ, случайныхъ людей являются злѣйшею язвою для турецкой арміи, которая иначе была бы страшною силою. Турецкій солдатъ—сокровище; у него немного соперниковъ въ Европѣ. Но солдатъ этотъ находится въ рукахъ офицерства невѣжественнаго, бездарнаго, устарѣлаго, отнимающаго у ввѣренныхъ ему частей половину вѣса и значенія, какъ боевой силы. При томъ, офицерство страшно бѣдно. Жалованье ему государство платитъ дурно, трудно.

— До майора (бимбаши) служить еще куда ни шло, можно,—признаются сами военные, а затѣмъ уже одинъ мундиръ разоритъ.

Большинство великолѣпныхъ, раззолоченныхъ воиновъ, мелькающихъ по Перѣ и Галатѣ,—живыя иллюстраціи къ

---

*) См. въ моей книгѣ „Страна Раздора“ статью „Повелитель Правовѣрныхъ“.

ходячей русской поговоркѣ: «на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ!» Весь въ мишурѣ, а дома ѣстъ сухіе бобы, либо хлѣбъ съ краснымъ перцемъ. Въ провинціи жизнь военныхъ легче, но въ Константинополѣ она—тяжелая и унизительная голодовка.

Одинъ важный славянскій дѣятель получилъ отъ султана орденъ—Османіэ. Спрашиваетъ другого болѣе опытнаго: дадутъ ли ему только бератъ на орденъ, а самый орденъ надо будетъ купить, или же дадутъ и самый знакъ?

— Конечно, знакъ,—отвѣчаетъ спрошенный.—И очень красивый знакъ. Султанъ на эти вещи очень щедръ. Вамъ вся эта исторія обойдется лишь двѣ-три лиры на чай офицеру, который привезетъ вамъ бератъ.

— На чай... офицеру?!

— Ну, да. Здѣсь такъ водится.

— А онъ мнѣ... того... не швырнетъ денегъ въ лицо?

— Напротивъ! разсыплется въ благодарностяхъ. Вѣдь они же—несчастные, имъ жить нечѣмъ. Этакій внезапный бакшишъ—для военнаго горемыки—прямо кладъ, американское наслѣдство. Его, собственно говоря, затѣмъ и посылаютъ, чтобы бѣднягѣ перепала малая толика.

Во время греческой войны, турецкія войска безжалостно грабили Ѳессалію.

— Только грабить-то тамъ нечего было!—съ наивно-откровенною грустью говорятъ офицеры:—ничего не поправились: какими нищими пошли, такими и назадъ пришли. Проклятая служба! И воевать-то намъ судьба—только съ нищими.

Хорошо живется въ турецкихъ войскахъ лишь командирамъ частей да офицерамъ-иностранцамъ. Зато и не любятъ же ихъ здѣсь!—развѣ лишь для нѣмцевъ дѣлается теперь маленькое исключеніе, да и то временное и скрѣпя сердце.

Въ болгарской арміи, наоборотъ, показнаго ничего нѣтъ; она бѣдна, сѣра; мундиришки стары и вытерты; нѣтъ

и слѣда опереточной щеголеватости румынъ, грековъ и итальянцевъ. Зато въ ней проглядываетъ русское воспитаніе, и есть стремленіе крѣпко держаться за русскіе традиціи и образцы. Стремленіе—сознательное: вѣдь, благодаря именно этимъ традиціямъ и образцамъ, болгарскіе мальчики-офицеры русской выучки, съ молодымъ, чуть не отъ сохи взятымъ войскомъ, побили при Сливницѣ сербовъ. Сербы народъ-красавецъ, молодцы на подборъ, одинъ къ одному, изъ каждаго серба выйдетъ полтора болгарина; но военнаго энтузіазма, надо полагать, маловато въ ихъ національномъ характерѣ. Они здраво разсуждаютъ, что освободились отъ турокъ они для того, чтобы мирно пасти овецъ и снимать съ земли урожаи, а не для того, чтобы рѣзаться съ сосѣдями. Поэтому изъ нихъ вышли неважные солдаты, при Сливницѣ они бѣжали, какъ зайцы... Правда, что при Сливницѣ сербская армія, какъ говорятъ, дралась неохотно, черезъ силу побѣждая свое отвращеніе къ братоубійственной войнѣ. Генералы боялись приказывать, не будучи увѣрены, послушаются ли ихъ солдаты,—король Миланъ не смѣлъ воззвать къ народу, чувствуя, что народъ—за радикальную партію, которую онъ гналъ.

— Если бы Миланъ имѣлъ умъ и мужество призвать насъ къ власти и опереться, чрезъ насъ, на силу народныхъ массъ,—развѣ Сербіи пришлось бы переживать позоръ Сливницы?

Эту фразу я не разъ слыхалъ отъ сербскихъ политикановъ-радикаловъ. Но политика—политикою, а дисциплина— дисциплиною. Можно не сочувствовать войнѣ и противодѣйствовать ей—до открытаго поля; но, разъ дѣло дошло до битвъ и сраженій, тутъ уже не до политики, тутъ уже инстинктъ охраненія крови своей собственной и братьевъ своихъ долженъ разбудить въ хорошо организованной арміи всѣ силы дисциплины, которую она успѣла впитать. И этой-то спасительной дисциплины, какъ военной, такъ и

политической—у бѣдныхъ сербовъ въ роковую болгарскую войну совершенно не оказалось.

Внѣшній видъ греческихъ воякъ внушаетъ весьма мало довѣрія къ ихъ доброкачественности на полѣ сраженія. Стрѣлки, какъ въ Италіи, лучшая часть арміи; несмотря на свои юбки и красные колпаки, они не вызываютъ улыбки; это—солдаты, а не театральные ряженые. Зато представители другихъ видовъ оружія, и особенно офицерство, въ своихъ парусиновыхъ пиджакахъ съ форменнымъ погономъ,—совсѣмъ телеграфисты съ захолустныхъ станцій.

Греческій офицеръ полонъ самодовольства и важности необыкновенной. Если бы Липочка Большова попала въ Аѳины, то-то была бы счастлива: нигдѣ въ мірѣ, кажется, нѣтъ офицеровъ, болѣе усердствующихъ «блеснуть поочаровательнѣй». Одною саблищею, отпущенною влачиться чуть не на аршинъ сзади своего обладателя, греческій офицеръ гремитъ «иду на вы» цѣлому кварталу...

А хвастовства-то! а донжуанскаго и бреттерскаго лганья-то! а забіячества-то съ мирными гражданами! Самое заурядное въ мѣстныхъ газетахъ извѣстіе, что недовольные чѣмъ-либо греческіе офицеры разнесли вдребезги редакцію того или другого органа. Помню, въ 1894 году такой военный подвигъ въ мирное время—совершенно въ духѣ аѳинскаго рыцарства—уничтожилъ редакцію газеты «Акрополь». Это штурмованіе редакцій—спеціально греческое удальство. Турокъ не разнесъ бы, потому что газетъ не читаетъ, а если и читаетъ, то слишкомъ презираетъ печатное слово, чтобы ради его обидъ выходить изъ кейфа и ломать стулья. Болгаринъ разнесетъ—но лишь въ томъ случаѣ, если военный министръ дастъ на то прямое или косвенное разрѣшеніе. Иначе—струситъ. Румынъ будетъ ругаться, но не разнесетъ, ибо, въ своемъ недавнемъ просвѣщеніи, онъ очень стыдится старинныхъ боярскихъ замашекъ къ физическому насилію и трепещетъ, какъ бы европейцы не

приняли его за варвара. А грекъ—этотъ разнесетъ и еще совершенно серьезно приметъ свой разносъ за героическій подвигъ! Старый французъ-инженеръ, съ которымъ я встрѣтился на пути изъ Аѳинъ въ Патрасъ, человѣкъ желчный, страшно истрепанный жизнью, язвительный и политически разочарованный, находилъ большое сходство между крикунами греческой арміи и эмигрантами-военными польскаго повстанья; онъ зналъ, въ свое время, очень многихъ въ Парижѣ и въ Константинополѣ. Какъ-то недавно я упомянулъ объ этомъ сходствѣ въ разговорѣ съ извѣстнымъ боевымъ генераломъ *). Генералъ согласился только наполовину.

— Вѣрно-съ! Вѣрно! Вашъ французъ правильно подмѣтилъ... Но только вотъ какая разница: у поляковъ мало способности къ общей военной организаціи, у нихъ все вмѣстѣ не клеилось и не ладилось, но храбрости и талантливости отдѣльныхъ лицъ нельзя отрицать... Поляки—рыцари. Греки же и въ семъ отношеніи пока не проявили себя ничѣмъ блистательнымъ. А репутація у нихъ—не похвалишь.

— А паликары? А возрожденіе Эллады, Байронъ и клефтическія пѣсни?

— Позвольте-съ: клефтъ сейчасъ въ Греціи самое ругательное слово; клефтъ значитъ воръ—не благородный, романтическій бандитъ, въ родѣ какого-нибудь Фра-Діавола: это у нихъ называется «листисъ»**)—а просто жуликъ. Ежели семидесяти лѣтъ было достаточно, чтобы обратить благороднѣйшее слово языка въ позорнѣйшее, то, стало быть, и понятіе, которое имъ выражалось, уничтожилось и испошлѣло; стало быть, клефтовъ-паликаровъ нѣтъ въ на-

*) М. И. Драгомировымъ.

**) „Лисгисъ"—званіе настолько почетное, что въ 1895 году одинъ изъ депутатовъ аѳинскаго народнаго собранія, обличенный въ сношеніяхъ съ атаманомъ горныхъ разбойниковъ, публично оправдывался, что пріятель его—не какой-нибудь мелкій проходимецъ, но знаменитый ληστής (листисъ)...

родѣ, а клефты-жулики развелись въ количествѣ, не дѣлающемъ чести націи. Да, наконецъ, всѣ эти паликары, гайдуки и т. п. ничуть не доказываютъ военныхъ способностей народа. Отъ сербскихъ богатырей-гайдуковъ насъ отдѣляетъ меньшій промежутокъ времени, чѣмъ отъ греческихъ паликаровъ. Однако, изъ сербовъ вышли неважные солдаты. Также и съ греками. Пока они были разбойниками, они были молодцы, но, перевернутые въ солдаты, они чрезвычайно плохи... И всегда такъ выходитъ, что хорошій разбойникъ—сквернѣйшій солдатъ. Ибо храбрость разбойника и храбрость солдата—двѣ разныя вещи и разныя отъ нихъ требованія. Это все равно—что наши кавказскіе джигиты. Ужъ удалѣе ихъ быть нельзя, звѣри въ полѣ... Переверните ихъ въ регулярное воинство, и половину ихъ достоинствъ надо сбросить со счетовъ. Лучшіе въ мірѣ солдаты тѣ-съ, которые, не щеголяя мужествомъ личнымъ, отдѣльнымъ, способны къ настойчивому и устойчивому мужеству массовому: французы, нѣмцы, турки, а въ особенности—русскіе. Если же судить солдатъ по индивидуальной храбрости, такъ, пожалуй, испанцы весь міръ бы уже побѣдили: неустрашимый народъ, а между тѣмъ, съ точки зрѣнія армейской—грошъ ему цѣна!

III.

Такимъ образомъ, современный эллинскій воинъ (въ Греціи слова «грекъ» не любятъ,—вѣроятно, потому, что въ парижскомъ жаргонѣ grecque стало синонимомъ проходимца, шулера,—и надо говорить «эллинъ») весьма далеко ушелъ отъ мощнаго и внушительнаго гоплита, о которомъ мы читали у Ксенофонта. Въ аѳинскомъ національномъ музеѣ этотъ, знакомый каждому гимназисту, гоплитъ, какъ живой, смотритъ со стѣны,—въ похоронной стелѣ Аристіона. Наслѣдники Аристіона имѣли благоразуміе за-

казать художнику Аристоклесу его рельефный портретъ, въ полномъ доспѣхѣ тяжеловооруженнаго воина, и этотъ портретъ Аристіона обезсмертилъ. Вѣка пройдутъ, а онъ все будетъ показывать художникамъ и ученымъ археологамъ,—какого фасона были настоящіе кнэмиды (наколѣнники) аѳинской гвардіи VI вѣка до Р. Х.,—тѣ самые кнэмиды, за ошибки въ склоненіи которыхъ получали мы въ годы школьнаго дѣтства нашего нещадныя единицы и двойки. Въ длинной солидной фигурѣ Аристіона много «англійской складки»; въ наше время такіе сухощавые, но здоровенные люди встрѣчаются едва-ли не исключительно между британскими джентльменами, воспитанными на гимнастикѣ, гребномъ спортѣ и игрѣ въ мячъ. Продолговатые мускулы рукъ и ногъ Аристіона привели бы въ завистливый востор̆ъ членовъ любого атлетикъ-клуба. Увы! современнымъ атлетамъ пивной соблазнъ и женолюбіе никогда не дозволятъ дойти до идеально безжирныхъ мышцъ греческаго гоплита. Это не мускулы на показъ—безобразныя, толстыя шишки твердаго мяса, какими щеголяютъ Фоссы, Сандорфы и иные, имена же ихъ ты, Господи, вѣси. Въ Аристіонѣ поражаетъ строгое распредѣленіе силы по всему тѣлу; въ этомъ человѣкѣ не было ни одного слабаго мѣста. Онъ весь—готовая напречься мышца. Глядишь на Аристіона и начинаешь понимать, почему Киръ Младшій находилъ выгоднымъ платить греческимъ наемникамъ дарейки чуть не гарнцами и четвериками: масса, сплоченная изъ такихъ людей, должна быть почти неодолима. Леонидъ и его триста воиновъ при Ѳермопилахъ не удивляютъ меня болѣе. Не удивляютъ и баснословные переходы, прославленные Анабазисомъ: Аристіонъ тренированъ на страшную выносливость и энергіювъ движеніи—въ бою ли, въ ходьбѣ ли. Онъ—долгоногій, какъ англичане-альпинисты, которые, ни спѣшно, ни медленно, уходятъ своимъ ровнымъ шагомъ по шести съ половиною верстъ въ часъ и пятидесятиверстный дневной переходъ считаютъ самымъ обыч-

нымъ дѣломъ, совершая его безъ малѣйшей усталости. На мой взглядъ, въ Аристіонѣ и съ лица много англійскаго: такой холодный, сосредоточенный, порядочный человѣкъ; надо полагать, онъ былъ очень вѣжливъ, очень молчаливъ и очень внимателенъ къ разговорамъ другихъ; участвуя въ излюбленныхъ аѳинянами спорахъ, онъ говорилъ мало; за то, когда онъ начиналъ говорить, всѣ смолкали, чтобы прислушаться къ его вѣскому и солидному мнѣнію. Слову Аристіона вѣрили больше, чѣмъ самому вѣрному векселю, самой крѣпкой присягѣ; онъ былъ великій охотникъ держать пари и, проигравъ, платилъ добытые потомъ и кровью дарейки, не поморщившись. Барельефъ удивительно хорошо сохранился, какъ, впрочемъ, и большинство скульптуръ центральнаго музея; директоръ и описатель его, г. Кавадіасъ—великій мастеръ по возстановленію древностей. Это совсѣмъ гномъ какой-то. За семь лѣтъ, что мы не видались, онъ даже не постарѣлъ: вылился разъ навсегда въ форму, предопредѣленную ему судьбою, да такъ и засохъ въ ней, не мѣняясь. И, по-прежнему, онъ днюетъ и ночуетъ въ кладовыхъ музея, заваленныхъ обломками, мраморнымъ мусоромъ, мучительно разглядывая: отъ какого именно лица отбиты вотъ этотъ носъ, вонъ то ухо? придется или нѣтъ мраморный мизинецъ къ найденной неподалеку отъ него ступнѣ? а ступня—въ свою очередь—кому принадлежитъ? Какъ обозначить ее въ каталогѣ? Судя по ременному переплету—нога Гермеса, но, съ другой стороны, вѣдь и Аполлонъ не всегда ходилъ босикомъ? Вотъ и разбирайся! Нелегка жизнь археологическая.

И даже вотъ какъ не легка.

Въ другомъ аѳинскомъ музеѣ древностей, Акропольскомъ, имѣется обломокъ конной группы: могучая лошадиная шея, переднія ноги и полморды. На конѣ сидѣлъ нѣкто, отъ кого остались двѣ прекрасныя ноги въ башмакахъ и начало спины, прикрытое пестрой рубахой. Статуя была раскрашена. Гиды выдаютъ эту группу за «раненую

амазонку»; такъ рекомендуетъ ее и оффиціальный каталогъ. Но, когда я выразилъ свое восхищеніе этими ногами нашимъ русскимъ археологамъ, съѣхавшимся со мною въ Аѳинахъ, они заявили мнѣ, что ноги, конечно, очень красивы, но — почему онѣ ноги амазонки — это загадка составителей каталога.

— Кто же это, если не амазонка?

— Это—жандармъ.

— Какъ жандармъ?

— Ну, да, конный полицейскій—какъ у насъ жандармы. Вы замѣтили, какъ раскрашена рубаха на статуѣ? Это персидскій узоръ. А извѣстно, что конные городовые въ Аѳинахъ носили униформу персидскаго образца... И потомъ, на ней штиблеты по щиколку,—мужскіе, полицейскіе.

Не во гнѣвъ нашимъ молодымъ ученымъ,—я все-таки примыкаю къ г. Кавадіасу и стою за амазонку противъ коннаго городового. Пестрая рубашка и штиблеты, конечно, аргументы сильные; однако, пеструю рубашку могла надѣть и амазонка. Но съ какой стати будутъ у жандарма такія красиво-энергичныя ноги, полныя упругой силы, напоминающей гибкую несокрушимость толедскаго клинка,—ноги закаленной на пуантахъ танцовщицы или цирковой вольтижерки? Такъ вотъ и судите по этому примѣру, какъ широко качается маятникъ археологическихъ гипотезъ: отъ Пентезилеи—къ вахмистру, отъ фантастическихъ дѣвъ-воительницъ, служительницъ цѣломудренной Діаны, къ самому прозаическому «осади назадъ!»

Не совсѣмъ рѣшено, что именно представляютъ собою въ томъ же Акропольскомъ музеѣ каменныя женщины восьмиугольной залы, которую гиды называютъ «павильономъ Аѳины». Предполагалось, будто заключенныя здѣсь изображенія, хотя разнолицыя, но схожія между собою по типу,—кумиры Аѳины, сдѣланные, хотя приблизительно и въ одно время, но разными художниками. Субъективизмъ послѣднихъ внесъ-де легкія измѣненія въ общеизвѣстный

ликъ богини, отовсюду глядящій на васъ въ умершей столицѣ Аттики, и, правду сказать, въ концѣ-концовъ, весьма надоѣдающій. Другое предположеніе, будто эти статуи—портреты жрицъ акропольской богини, кажется мнѣ гораздо болѣе вѣроятнымъ. Тогда объясняется и родовое сходство, и видовое несходство между собою этихъ красивыхъ, но нельзя сказать, чтобы очень осмысленныхъ лицъ. Что это не кумиры, но портреты, доказываетъ еще и отсутствіе въ нѣкоторыхъ лицахъ того цѣломудреннаго, строгаго и сильнаго, часто почти жестокаго выраженія, какимъ отличаются идеализированныя голова и фигура Паллады. Позволю себѣ напомнить здѣсь прекрасное объясненіе типа этой богини, сдѣланное покойнымъ Буслаевымъ:

«Въ типѣ Паллады греческое ваяніе умѣло стройно сочетать древнюю суровость съ идеальнымъ величіемъ по требованію позднѣйшаго, цвѣтущаго періода искусства. Прекрасныя, но не роскошныя формы этой богини не только не оставляютъ ничего желать совершеннѣйшаго, но даже передъ прочими богинями сообщаютъ ей взамѣнъ роскоши необыкновенно ясное успокоеніе, давая чувствовать каждому, что хотя она и отказалась отъ нѣжныхъ удовольствій жизни, однако не нанесла тѣмъ оскорбленія своей природѣ уже отъ самаго рожденія къ нимъ мало склонной. Формы тѣла, въ которыхъ особенно раскрывается полнота и нѣга женской природы, у Аѳины значительно сокращены; руки же и ноги, а также и изгибъ спины можно бы назвать мужскимъ, если бы съ силою и легкостью не соединяли онѣ дѣвичьей нѣжности и граціи въ движеніяхъ. Чувствуешь, что сама Аѳина столько мужественна, что ей уже трудно, невозможно предаться мужчинѣ. Но не будь въ ней твердой рѣшимости оставаться неприступною, несмотря на врожденную ея непреклонность, въ типѣ ея не могло бы быть ни ясности духа, ни самоувѣренности въ собственной силѣ—качествъ, которыя человѣкъ снискиваетъ для своего духовнаго величія свободнымъ избраніемъ и твердою волею.

Добровольно отказывая себѣ въ радостяхъ жизни (а были онѣ, по понятію грека, болѣе чувственныя), она становится строгою не только для другихъ, но и къ самой себѣ. Если природное расположеніе ваятель обозначилъ въ формахъ всего тѣла, то разумную побѣду души надъ увлеченіями могъ выразить только въ лицѣ. Ясное и продолговатое чело ея легко спускается къ тонкому очертанію носа; строгое выраженіе устъ и ланитъ (torva genis) довершается мало округленнымъ подбородковъ. Нешироко раскрытыми и внизъ опущенными глазами обозначались не застѣнчивость и стыдливость неопытной дѣвушки, а разумное сознаніе въ превосходствѣ дѣвственной чистоты и обращеніе глубокой и самодовольной натуры внутрь себя самой».

Вотъ этого-то, Буслаевымъ вѣрно замѣченнаго въ доисторической прародительницѣ феминизма и нарочито подчеркнутаго, «цѣломудрія для цѣломудрія»—и не хватаетъ женскимъ статуямъ восьмиугольной залы Акропольскаго музея, несмотря на ихъ внѣшнее сходство съ богинею. Это не отвлеченныя понятія, воплощенныя въ мраморѣ, но женщины отъ міра сего, а нѣкоторыя изъ нихъ даже чувственныя женщины. Это кокетливыя актрисы, наряженныя богинею, фигурантки изъ процессіи великихъ Панаѳиней—но ни въ какомъ случаѣ не сама богиня. Съ нею сближаютъ ихъ лишь торжественное одѣяніе да черты лица. Очень можетъ быть, что жрицы Аѳины служили моделями для ея статуй, подвергаясь при этомъ тому же процессу типической идеализаціи и одухотворенія, какимъ впослѣдствіи Рафаэль Санціо превратилъ въ Мадонну, въ «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ», свою сладострастную и сентиментальную Форнарину.

Несомнѣнно, что отъ великолѣпныхъ, но все-таки грубоватыхъ мраморныхъ жрицъ Акропольскаго музея до изящной парѳенонской Аѳины Фидія, о которой даютъ намъ понятіе драгоцѣнныя статуэтки Центральнаго музея, Паллада-Аѳина прошла длинный путь послѣдовательнаго худо-

жественнаго усовершенствованія. Статуи жрицъ относятся къ VI вѣку до Р. Х.; ихъ находили въ слоѣ мраморнаго мусора, обязаннаго своимъ происхожденіемъ неистовствамъ персидскаго нашествія. Онѣ были раскрашены въ зеленый, красный и голубой цвѣта: зеленый лучше другихъ сохранился; края гиматіевъ и хитоновъ были обведены красною и зеленою каемкой, какъ бы тесьмой; по матеріямъ, вытканнымъ узорами, разбросаны украшенія: пальмочки, розочки, крестики. Нагія части тѣла были сѣраго цвѣта, а волосы—рыжіе. Глаза тоже были выкрашены, а у одной (сохранились и теперь) сдѣланы были изъ горнаго хрусталя. Эффектъ оригинальный и, въ своемъ родѣ, несравненный: когда по статуѣ скользитъ солнечный лучъ, лицо ея осмысливается, благодаря этому сверкающему взору, становится совсѣмъ живымъ, полнымъ какого-то удальства, насмѣшливаго, плутоватаго кокетства. У всѣхъ—странная, точно кружевная прическа, длинными и тонкими плетеными косами, сбѣгающая черезъ ухо на обнаженныя плечи и грудь. Фигуры скованы однообразнымъ жестомъ; одна рука поддерживаетъ хитонъ, другая повѣшена вдоль бедра. Лица еще не совсѣмъ освободились отъ застылыхъ улыбокъ, напоминающихъ азіатскія и египетскія божества. Но за всѣмъ тѣмъ, въ таинственныхъ дѣвахъ уже есть грація, уже въ фигурѣ много воздуха, въ тѣлѣ есть порывъ къ мощному движенію, а въ лицѣ—попытка выразить характеръ, воплотить мысль... просвѣтить тѣло духомъ.

Необычайно любопытно слѣдить за этимъ художественно-историческимъ процессомъ. Центральный и Акропольскій музеи даютъ къ тому значительныя удобства. Особенно—Центральный, гдѣ всѣ предметы распредѣлены въ строго послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ. Совершенствомъ систематизаціи аѳинскій Центральный музей оставляетъ далеко за собой не только наши, но даже итальянскія собранія мраморовъ. Тамъ—руководящая идея системы преслѣдуетъ цѣль ошеломить туриста богатствомъ

собранныхъ сокровищъ, показавъ ихъ съ лицевой стороны. Все, что не знаменито и не красиво, въ итальянскихъ музеяхъ скромно задвигается въ темные уголки, какъ бы оно ни было важно въ научномъ и культурномъ отношеніи. Итальянскіе музеи разсчитаны, прежде всего, на зрѣлище, а аѳинскіе—на изученіе. Центральный музей открываетъ свои коллекціи остатками культа доисторическаго. Солонъ былъ мальчишкою, когда первый номеръ музея—обрубокъ съ женскимъ лицомъ египетскаго типа, носящій названіе Артемиды и Артемидѣ же посвященный какой-то Никандрой съ острова Наксоса, считалъ себѣ уже цѣлое столѣтіе. Эту полустатую, полуглыбу нашли въ Делосѣ. Вокругъ нея—куда ни обернись—огромные, вытянутые во фронтъ, съ руками по швамъ атлеты—Аполлоны Тенейскій, Орхоменскій и такъ далѣе, также еще окованные цѣпями египетскихъ традицій: преувеличенныя сѣрыя тѣла безъ обозначенія мускуловъ, выраженіе блаженнаго безстрастія на продолговатомъ овалѣ толстаго лица, и странная улыбка, полная какого-то загадочнаго безсмыслія, какой-то чреватой таинственными намѣреніями глупости. Точно эти придурковатые сѣрые парни, при всей своей тупости,—себѣ на умѣ и, втихомолку, про себя, знаютъ кое-что такое, что̀ и не грезилось взирающимъ на нихъ людямъ. Глядя на этихъ божественныхъ оболтусовъ, я невольно вспомнилъ стихотвореніе г. Соллогуба, рекомендующее:

Пусть смѣются дѣти,
Боги и глупцы...

—потому что въ улыбающихся полукамняхъ, полуистуканахъ архаическихъ Аполлоновъ есть что-то именно и дѣтское, и дурацкое, и сверхчеловѣческое, мистическое. Словно распутные и глумливые юродивые какіе-то. Выраженіе это играетъ еще и на лицахъ акропольскихъ жрицъ, но тамъ оно — уже умирающее, а здѣсь господствующее и торжествующее. Аполлоны—начало, а акропольскія жрицы—конецъ дофидіевской скульптуры. Архаиче-

скій Аполлонъ—идолъ, близкій къ обращенію, но еще далеко не обращенный въ статую; а акропольскія жрицы—уже статуи, готовыя обратиться въ божества; мраморныя куколки, изъ которыхъ не нынче-завтра вырвется, какъ бабочка, высокая религіозная идея.

IV.

Виновникомъ нарожденія скульптурныхъ идеаловъ, творцомъ божества въ мраморѣ, слоновой кости и драгоцѣнномъ металлѣ явился Фидій. Извѣстно, что отъ работъ Фидія потомству подлиннаго не досталось ничего или почти ничего, и намъ приходится принимать почти что на вѣру и на слово древнихъ репутацію этого великаго мастера, опредѣлившаго собою одинъ изъ главнѣйшихъ рубежей въ исторіи духовной культуры человѣчества, много вѣковъ потомъ подчиненнаго религіозному, философскому и художественному вліянію Эллады. Лишь въ 1859 году статуэтка въ четверть человѣческаго роста, найденная на Пниксѣ, дала истинное понятіе о фидіевой Аѳинѣ Парѳенона. Статуэтка эта вмѣстѣ съ другою, открытою въ 1880 году въ Аѳинахъ на площади Варвакіонъ, хранится, какъ я уже упомянулъ, въ Центральномъ музеѣ, подъ стекломъ, окруженная вниманіемъ, доходящимъ до культа. Фидіево изображеніе богини Парѳенона слишкомъ общеизвѣстно, чтобы надо было дѣлать его описаніе,—тѣмъ болѣе, что идею его превосходно уяснилъ Буслаевъ въ приведенной уже мною выпискѣ. Скажу лишь, что необычайная жизненность статуэтокъ, ихъ благородная простота, въ соединеніи съ тонкимъ, но чуждымъ всякой манерности изяществомъ внимательной работы, быстро захватываютъ вниманіе зрителя и заставляютъ его подолгу стоять предъ витринами, гдѣ хранятся эти маленькія чудеса. Человѣку, съ сильнымъ и привычнымъ къ зрѣлищу памятниковъ древняго

искусства воображеніемъ, ничего не стоитъ представить себѣ эти маленькія статуэтки въ огромныхъ размѣрахъ, возсозданныхъ Фидіемъ изъ слоновой кости и «дѣвственнаго золота». Ихъ драгоцѣнный мраморъ, загорѣвшій подъ аттическимъ небомъ до прозрачной, горячей, самосвѣтящейся желтизны янтаря—представляется живымъ тѣломъ, заключающимъ въ себѣ сознательно-высокую, божественную душу, тѣломъ, полнымъ величественнаго, свободнаго движенія, одинаково привычнымъ къ землѣ и къ воздушному полету, тѣломъ, которое не говоритъ только потому, что не хочетъ говорить. Вы начинаете понимать, почему у древнихъ такъ широко развилась идея оракуловъ, краснорѣчивыхъ кумировъ-чудотворцевъ. Аѳина-Паллада Фидія невольно вызываетъ васъ на эту идею. Она—живая, она должна говорить. Это «не слѣпокъ, не бездушный трупъ» богини, но сама богиня, которая прежде облекала землю голубымъ небеснымъ сводомъ, а потомъ, воплощенная въ золотѣ и слоновой кости, сошла въ Аттику, подарила ей маслину, стала ея совѣтницей въ мирѣ, щитомъ на войнѣ, путеводительницей странниковъ и мореходовъ, покровительницей труда, домашняго очага и семейнаго согласія; олицетвореніемъ всей практической жизни великаго эллинскаго племени. Разнообразіе культа Аѳины-Паллады такъ пестро, что его смѣло можно сравнивать съ разнообразіемъ католическаго культа Мадонны въ южныхъ земляхъ—въ Испаніи, въ Сициліи, въ Корсикѣ, въ Провансѣ. Между величавой вооруженной Палладой Фидія и кроткою хрупкою дѣвушкою въ шлемѣ, которая, на одномъ барельефѣ, проходитъ, опираясь на копье, мимо придорожнаго столба, какъ объясняютъ одни, и извлекаетъ ударомъ копья маслину, какъ объясняютъ другіе—огромная нравственная разница. Ничуть не меньше, чѣмъ между грозною Notre Dame de la Haïne, которой молятся мужики въ Провансѣ передъ тѣмъ, какъ идутъ на вендетту, и трогательнымъ образомъ Матери всѣхъ скорбящихъ.

Я остерегусь вдаваться въ описаніе слишкомъ популярныхъ и много разъ описанныхъ памятниковъ аѳинскихъ музеевъ, въ родѣ Гермеса Андросскаго—лучшей статуи Національнаго музея, вышедшей изъ школы Праксителя, чьему Гермесу Олимпійскому она представляетъ прямое и близкое подражаніе. Въ македонскую и римскую эпохи эту статую повторяли въ безчисленныхъ копіяхъ и видоизмѣненіяхъ; образцы ихъ, выкопанные въ Эгіонѣ и Аталантѣ, также имѣются въ аѳинской коллекціи мраморовъ. Коснусь лишь мимоходомъ Венеры, типа Venus Genetrix, изъ святилища Эскулапа въ Эпидаврѣ. Это, конечно, самая царственная, самая цѣломудренная и самая одѣтая изъ всѣхъ Венеръ въ свѣтѣ. Кто привыкъ сопоставлять съ именемъ Венеры сладострастные образы нагихъ статуй Флоренціи, Капитолія, неаполитанскаго Museo Nazionale,—того аѳинская Венера изумитъ: почти то же самое лицо, но до неузнаваемости измѣненное серьезною нѣжностью выраженія. Эта Венера—царица души, а не тѣла. Венера—любящая жена, неразлучная въ горѣ и радости, а не Венера—любовница. Очаровательныя женскія головки эпохи Праксителя, а можетъ быть, и его работы, о чемъ даютъ соблазнъ предполагать волнистая мягкость линій и желтоватый тонъ мрамора, предшествуютъ этой статуѣ. Это — обломки Венеръ и Гигій изъ аѳинскаго храма Эскулапа. Трудно разобрать, которая Венера, которая Гигія. Типъ головокъ отражается въ головѣ значительно позднѣйшей Венеры Эпидаврской, о которой я только-что говорилъ, но въ нихъ больше женственной нервности, ихъ изящный наклонъ въ груди кокетливъ и въ то же время не лишенъ какого-то сантиментализма, и грустнаго, и влекущаго. Мы видимъ здѣсь предшественницъ Венеры Милосской, Медицейской, ватиканской Анадіомены, неаполитанской Каллипиги; съ Милосскою—сходство всего замѣтнѣе.

Вообще аѳинскіе мраморы зрителю, хорошо ознакомленному съ наиболѣе прославленными памятниками клас-

сической древности, часто представляются какъ-бы этюдами, изъ которыхъ случайно, а иногда, можетъ-быть, и по преднамѣренному художественному замыслу и изученію, вышли общеизвѣстные впослѣдствіи скульптурные типы Греціи и Рима. Трудно, напримѣръ, думать, чтобы голова Эскулапа, найденнаго въ Пиреѣ и отнесеннаго по несомнѣннымъ признакамъ къ греческой эпохѣ, не была извѣстна авторамъ группы Лаокоона: эта безглазая голова разительно схожа съ головой Лаокоона, именно, какъ первоначальный черновой этюдъ съ законченнымъ художественнымъ произведеніемъ. Уснувшая на скалѣ Вакханка—произведеніе римской эпохи—грубоватое подобіе знаменитыхъ гермафродитовъ Флоренціи, Рима, Неаполя и петербургскаго Эрмитажа. Однако, несмотря на грубоватость, Вакханка лучше своихъ прототиповъ или, наоборотъ, подражаній: не знаю, она имъ предшествовала, или они ей. Лучше потому именно, что скульптору не было надобности создать «лживый, но прекрасный» образъ, соединяющій съ мужскою ловкостью и мускулатурой женское сложеніе, женскую грацію, женскія формы, женское выраженіе лица, женски-кокетливыя позы. Художнику предстояла болѣе легкая задача—изобразить лишь сильную и полную жизни женщину, брошенную «божественнымъ» опьяненіемъ въ честь Вакха на скалу какъ разъ въ той позѣ, въ какой спятъ гермафродиты классической скульптуры.

Странную находку представляетъ собою одинъ мраморный бюстъ уже римской эпохи. Каталогъ опредѣляетъ его, какъ портретъ невѣдомаго побѣдителя на олимпійскихъ играхъ. Его семитическія черты такъ выдѣляются своимъ несоотвѣтствіемъ съ окружающими его античными типами, что пройти мимо, не замѣтивъ его, нельзя. А замѣтивъ и вглядѣвшись, вы долго стоите въ изумленіи: предъ вами Христосъ. Черта въ черту, линія въ линію, съ тѣмъ же самымъ страдающимъ выраженіемъ кроткихъ очей на не страдающемъ лицѣ, съ тою же самою загадкою возвышен-

ной тайны на челѣ, съ тѣмъ же самымъ любвеобильнымъ складомъ устъ, съ тѣми же самыми волнами волосъ, падающихъ на плечи, и съ такою же короткою курчавою бородкою, какъ изображали Христа художники Возрожденія. У него даже посадка головы, даже подъемъ глазъ напоминаютъ Христа Корреджіо и Гвидо Рени. Даже увѣчье бюста—у него отколото лѣвое крыло носа, отъ переносья до самыхъ ноздрей,—не мѣшаетъ этому подобію, которому суждено остаться непостижимою историческою загадкой. Профессоръ А—ловъ, спеціалистъ по искусству первыхъ вѣковъ христіанства, написавшій цѣлое научное изслѣдованіе о первобытныхъ изображеніяхъ Христа,—былъ совсѣмъ озадаченъ этою головою. Во-первыхъ, она завѣдомо дохристіанской эпохи. Во-вторыхъ, если допустить даже натяжку, что она создана post Christum natum, въ ней все-таки нѣтъ ничего общаго ни съ Христомъ фресокъ въ катакомбахъ Рима, ни съ Христомъ равенскихъ мозаикъ. Христоподобный незнакомецъ аѳинскаго музея прямо смотритъ изъ языческой древности въ XVI вѣкъ... Кто же это? Аполлоній Тіанскій, что ли? Язычество пыталось сблизить его черты съ чертами Спасителя, подобно тому, какъ пыталось біографію этого чудотворца-пиѳагорейца обратить въ противовѣсъ Евангелію. Вѣроятнѣе же всего, что сходство совершенно случайно. Сходства, вѣдь, бываютъ очень странныя. Въ томъ же самомъ Національномъ аѳинскомъ музеѣ, одинъ изъ тридцати трехъ косметовъ (начальниковъ гимназій)—живое повтореніе Ив. Серг. Тургенева, включительно до жирныхъ морщинъ на лбу и пряди волосъ, падающей съ виска къ глазу. А посмотрите въ Ватиканѣ знаменитаго мраморнаго Тритона съ весломъ. Развѣ это не точка въ точку Ѳедоръ Ивановичъ Шаляпинъ, когда онъ размечетъ свои вихры для торжественнаго концерта? Совсѣмъ какъ въ фантастической повѣсти Райдера Гаггарда «She», гдѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ умерщвленный грекъ возрождается, волосъ въ во-

лось, голось въ голось, въ молодомъ красавцѣ-англичанинѣ, и послѣднiй обязанъ, на основанiи этого родственнаго сходства, испытать самыя разнообразныя приключенiя въ таинственной африканской странѣ, которою правитъ безсмертная волшебница и красавица «She», когда-то влюбленная въ предка юноши.

Сходство образовъ древняго искусства съ образами искусства эпохи Возрожденiя особенно часто наблюдается, когда бродишь между саркофагами, занимающими лучшiя залы Центральнаго музея. Все это — результаты новѣйшихъ раскопокъ, а между тѣмъ можно подумать, что Тицiанъ и Веронезе прекрасно знали красивыхъ и сильныхъ людей, изъ чьего быта семейныя сцены передаютъ намъ надгробные барельефы... Гордый и спокойный овалъ лица и прямой взглядъ величественной Цереры Тицiана въ генуэзскомъ Palazzo Durazzo, чувственно-наивное личико его же неаполитанской Данаи, не то слишкомъ наслаждающейся, не то немножко страдающей, были въ древнихъ Аѳинахъ заурядными: изъ десяти покойницъ на нихъ непремѣнно походятъ двѣ-три. Семейныя сцены—а чаще всего прощанье умирающихъ съ семьею—преобладающiй сюжетъ барельефовъ. Благодаря этому, блуждая по заламъ саркофаговъ, вы какъ бы перелистываете альбомъ аѳинскихъ модъ за нѣсколько сотъ лѣтъ. Это цѣлая исторiя одежды, оружiя, причесокъ, даже манеръ. Постановка фигуръ позднѣйшей эпохи типически разнится отъ постановки эпохъ болѣе раннихъ. Это доказываетъ, что и въ жизни оригиналы, позирующихъ на барельефахъ, лицъ уже измѣнили пластикѣ старины для пластики новой: фатъ Фидиппидъ побѣдилъ старомоднаго Стрепсiада; древне-эллинскiе прiемы устарѣли и вышли изъ употребленiя—подобно тому, какъ хорошiй тонъ XVIII вѣка былъ бы весьма смѣшнымъ тономъ въ современномъ обществѣ. За исключенiемъ фамильныхъ сценокъ, надгробныя стелы весьма интересны для любителей фантастическихъ причудъ во вкусѣ Жака Калло. Кры-

латые львы пожираютъ быковъ, ревущихъ съ глазами и ноздрями, расширенными ужасомъ предъ сверхъестественнымъ врагомъ. Не то сирены, не то гарпіи—женщины съ птичьими ногами и хвостомъ, но чешуйчатыми бедрами—съ загадочною злобою переглядываются между собою черезъ головы статуй. Юный геній мчится во весь опоръ верхомъ на полу-конѣ, полу-пѣтухѣ, гиппалектріонѣ Аристофана. Медузы, грифоны, стоголовый Тифонъ, сторукій Бріарей, эхидны, химеры, сфинксы, эмпузы и прочая нечисть классической Вальпургіевой ночи извиваются и корчатся по карнизамъ саркофаговъ. Изъ миѳологическихъ сюжетовъ и здѣсь, какъ повсюду, наиболѣе излюблены аллегорическіе: похищеніе Прозерпины, травля калидонскаго вепря и смерть Мелеагра и т. п. Большимъ почетомъ ученыхъ наблюдателей пользуется барельефъ изъ Элевзиса, изображающій двухъ молодыхъ женщинъ и мальчика между ними: это—Деметра, Персефона и Триптолемъ, три фигуры Еливзинскихъ таинствъ, соединенныхъ здѣсь въ загадочномъ назначеніи. Но интересъ барельефа не въ этой загадкѣ (не рѣшено даже, какая изъ женскихъ фигуръ Деметра, какая Персефона), а въ древности барельефа и, несмотря на древность, въ его художественномъ совершенствѣ. Это— работа неизвѣстныхъ художниковъ V вѣка, весьма удачно называемыхъ въ каталогѣ г. Кавадіаса «прерафаэлитами классическаго искусства»...

Въ самомъ дѣлѣ, въ строгой, добросовѣстной работѣ этой, въ ея идеализированныхъ, но не удаленныхъ отъ природы, фигурахъ уже предчувствуются, уже сквозятъ, готовыя осуществиться, совершенства скульптурнаго будущаго: и мягко изогнутыя волнистыя линіи фигуръ Праксителя, и свѣтлая сила Лизиппа, и внимательная наблюдательность Агазіаса Эфесскаго, удивительнаго скульптора, который въ своихъ борцахъ и атлетахъ читалъ современникамъ блестящія лекціи анатоміи. Одна изъ такихъ окаменѣвшихъ лекцій—сильно изломанная фигура воина, отра-

жающаго нападеніе, украшаетъ Національный музей. Она напоминаетъ знаменитаго гладіатора Боргезе въ Луврѣ. Мускулы ноги, отставленной съ энергическимъ вывертомъ назадъ и упертой ступнею въ землю—поражаютъ своею силою, объясненною художникомъ съ совершенно научною подробностью. Это — единовременно и совершеннѣйшій анатомическій этюдъ, и высокое художественное произведеніе. Я не видалъ мраморныхъ работъ Паоло Трубецкого, но—по его гипсамъ и бронзѣ—думаю, что, изъ скульпторовъ-современниковъ, вотъ онъ бы моль такъ работать.

Одна англійская дама похвалила доктора Самуила Джонсона за то, что онъ не включилъ въ свой знаменитый словарь ни одного неприличнаго слова.

— А вы, стало быть, ихъ подыскивали?—рѣзко отвѣтилъ прославленный грубіянъ.

Я боюсь, что подвергнусь одинаковому упреку съ этой горемычной лэди, отмѣтивъ въ аѳинскихъ мраморахъ полное отсутствіе соблазнительныхъ сюжетовъ, какимъ отличаются художественная коллекція, напримѣръ, неаполитанскаго Museo Nazionale—одинаково въ мраморахъ и бронзѣ Фарнезе, и въ помпейскихъ фрескахъ. Это тѣмъ страннѣе, что греки далеко не были ненавистниками нескромнаго—напротивъ. Ихъ остроуміе начинается Аристофаномъ и кончается Лукіаномъ Самосатскимъ: писатель отнюдь не для дѣвицъ школьнаго возраста! Какъ бы то ни было,—странный, но несомнѣнный фактъ: въ Аттикѣ, этой родинѣ статуй, «одѣтой въ мраморъ наготы», и въ то же время родины людей, для которыхъ воздухъ составлялъ, дѣйствительно, чуть не единственноо одѣяніе («грекамъ, говоритъ Плиній, свойственно ничего не прикрывать»), фигуры скульптурныя раздѣты менѣе, чѣмъ въ какой-лкбо другой странѣ Европы. Правда, одежды ихъ весьма легки, а даже часто совершенно прозрачны; правда, благодаря ихъ первобытному покрою изъ цѣлыхъ кусковъ еле схваченной складками матеріи, тѣло сквозитъ въ многочисленныя щели и прорѣхи. Тѣмъ

не менѣе, nudités въ томъ заигрывающемъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ современное искусство, унаслѣдовавъ это представленіе не отъ грековъ, но отъ римлянъ эпохи цезаризма и угождавшихъ имъ «греченковъ» (graeculi), надо полагать, не слишкомъ нравились аѳинскому народу. Грекъ любилъ грѣшить словомъ, не оставляющимъ слѣда, но остерегался грѣшить зрѣніемъ, проникающимъ въ священную для эллина сферу искусства. Иначе, какъ ни жестоко ограбленъ Парѳенонъ лордомъ Эльджиномъ и другими цивилизованными варварами,—все-таки хоть что-нибудь да осталось бы въ такомъ родѣ. Нагота греческихъ статуй пріобрѣтаетъ чувственный оттѣнокъ лишь въ позднѣйшія эпохи. Книдская Венера Праксителя, дошедшая до нашего времени лишь въ изображеніяхъ на монетахъ, да въ описаніяхъ Лукіана и Плинія, была послѣднимъ словомъ простодушной греческой эстетики, которая здраво и трезво глядѣла прямо въ глаза и любви, и красотѣ, не конфузясь за ихъ грѣховность и не имѣя надобности прикрывать послѣднюю лицемѣріемъ. То была эстетика естественныхъ идеаловъ. Эстетика первороднаго грѣха, еще не понявшаго своей грѣховности и простодушно наслаждавшагося собою, не думая о близкой необходимости прикрываться поясомъ изъ листьевъ. Въ Книдской Афродитѣ она высказалась до конца и съ тѣхъ поръ пошла на убыль. Въ раздѣтой Книдской Венерѣ было такъ же мало кокетства, стремленія къ соблазну, заигрыванью красотой, какъ и въ одѣтой Венерѣ Центральнаго музея, описанной мною выше. Это была прекраснѣйшая душа, которой выразителемъ являлось прекраснѣйшее тѣло. Но время пошло впередъ,— и красота тѣла стала преувеличиваться въ ущербъ равновѣсію съ красотою духа. Явилась Афродита Клеомена (Медицейская)—ближайшее изъ всѣхъ подражаніе Афродитѣ Книдской, но уже съ другимъ выраженіемъ и лица, и позы. «Книдская Афродита, возвышенная въ олимпійскомъ величіи, и не думаетъ о красотѣ своей и, будучи вся обна-

жена, забываетъ прикрыть свои прелести, а только, подчиняясь простодушной граціи, невольно опускаетъ руку. Афродита Клеоменова уже сама знаетъ всю цѣну своей роскошной натуры, и застѣнчиво заслоняясь, чѣмъ болѣе думаетъ скрыться, тѣмъ сильнѣе тревожитъ воображеніе приближающагося. Тотъ уже лукавитъ, кто утаиваетъ. Итальянскіе художники давно разгадали это лукавое, грѣшное выраженіе. Masazzo на фрескѣ Maria del Carmine, во Флоренціи, а за нимъ Рафаэль, въ ватиканскихъ ложахъ, такую же позу дали первой женѣ, когда она, соблазнительная въ своей роскошной красотѣ, уже согрѣшила». Этотъ переливъ отъ чистоты къ чувственности объясняется въ двухъ одинаковыхъ Венерахъ тѣмъ, что творецъ оригинала, Пракситель, еще вѣрилъ, что онъ ваяетъ божество, снисшедшее до вида женщины, а творецъ имитаціи, Клеоменъ, стремился уже изваять женщину, возвышенную до обожествленія. Пракситель былъ представителемъ эпохи, когда миѳологія еще сводила небо на землю, а миѳологія Клеомена стремится уже возвести землю на небо. Венера Книдская, такимъ образомъ,—красота, оцѣломудренная религіознымъ культомъ, тогда какъ красота Венеры Медицейской уже отгоняетъ религіозную идею на дальній планъ, возбуждая поклоненіе, хотя еще возвышеннаго, но все-таки совершенно земного характера. Венера Праксителя точно вырвалась изъ того таинственнаго царства идей, которое видѣлъ предъ собою духовными очами Платонъ, который пытался увидѣть Гёте, когда создавалъ во второй части «Фауста» загадку своихъ «матерей» и вызывалъ изъ ихъ таинственнаго общества величавый призракъ Елены Спартанской... Венера Медицейская—существо высокоодаренное и одухотворенное, она соединяетъ въ себѣ все, чѣмъ можетъ быть прекрасенъ человѣкъ, но сверхъестественнаго, надземнаго въ ней ничего нѣтъ: «не называй ее небесной и у земли не отнимай».

До какой степени могуче религіозное цѣломудріе

древней греческой скульптуры статуй-кумировъ, превосходнымъ нагляднымъ примѣромъ служитъ барельефъ, посвященный одному изъ самыхъ щекотливыхъ на взглядъ нашей художественой этики сюжетовъ. Это архаическая Леда. Уже маловѣрное искусство римской эпохи бралось за исторію Леды лишь съ цѣлью создать красивый этюдъ женскаго тѣла, а еще чаще—просто порнографическую группу. Такой характеръ имѣютъ помпейскія фрески въ Museo Nazionale, изящная античная статуэтка венеціанскаго археологическаго музея въ Palazzo Ducale, даже огромная Леда первой галлереи скульптуръ въ флорентійскомъ Palazzo degli Uffizzi. Въ эпоху Возрожденія художники съ любовью возвратились къ Ледѣ. Ипполитъ Тэнъ, въ своихъ чтеніяхъ объ искусствѣ, сдѣлалъ мастерское сопоставленіе трехъ знаменитыхъ Ледъ: Леонарда да Винчи, Микель-Анджело и Корреджіо,—три разныхъ художника, три разныхъ Леды, три разныхъ идеи. Ни одна изъ этихъ Ледъ не имѣетъ внѣшняго сходства съ древнимъ барельефомъ, но Леда Леонардо да Винчи, изъ всѣхъ трехъ художниковъ наиболѣе близкаго къ античному міросозерцанію, пожалуй, не лишена чего-то общаго съ этимъ берельефомъ въ настроеніи, которое такъ хорошо угадалъ и выразилъ Тэнъ. «Тайна первобытныхъ временъ,—говоритъ онъ,—глубокое родство между человѣкомъ и животнымъ, смутное языческо-философское чутье единой и всемірной жизни, нигдѣ не выразились съ такою мастерскою изысканностью и не обнаружили такъ вѣщей догадки столь проницательнаго и вдумчиваго вмѣстѣ генія». Къ Ледѣ барельефа эти строки относятся въ еще большей степени, чѣмъ къ Ледѣ Леонарда да Винчи. Оно и естественно; вѣдь до Леды, какъ личности, послѣднему не было никакого дѣла, и его Леда была лишь «догадкою проницательнаго и вдумчиваго генія» о символѣ миѳа. Творцу же барельефа не о чемъ было «догадываться»: онъ вѣрилъ въ самый миѳъ и воспроизвелъ его не какъ символъ, но какъ не подлежащій сомнѣнію фактъ,

тайна котораго покоится въ лонѣ Зевеса. Неестественное для людей естественно для боговъ. И художникъ передаетъ съ патріархальною наивностью простую супружески-любовную сцену изъ закулисной жизни Олимпа. Леда барельефа простодушна, какъ ея художникъ, больше того: простовата; она холодна; ея профиль не озаренъ сочувственной улыбкой; ея нѣсколько согбенная фигура выражаетъ равнодушную покорность и только. Уже барельефъ Леды съ лебедемъ можетъ дать хорошее понятіе о томъ, какими воздушными выходили въ тяжеломъ мраморѣ легкіе въ дѣйствительности предметы: перья, пухъ лебедя, полупрозрачное покрывало, скользящее съ колѣнъ Леды. Но,— что касается воздушныхъ драпировокъ,— еще болѣе замѣчателенъ другой барельефъ: «Побѣда»—къ сожалѣнію, обезглавленная фанатиками-турками; такъ какъ Коранъ воспрещаетъ изображенія лица человѣческаго, то мусульманскія орды, гдѣ ни проникалъ ихъ опустошительный путь, всегда и всюду оставляли по себѣ самые жалкіе слѣды на памятникахъ искусства: разбитыя статуи, обрубленныя головы на барельефахъ, замазанныя или соскобленныя лица на фрескахъ. Побѣда эта—какой-то живой водопадъ складокъ матеріи, настолько легкой и прозрачной, что, кажется, она затѣмъ лишь и надѣта, чтобы ярче оттѣнить линіи и рельефы прекраснаго стройнаго тѣла. Наша туристская компанія прозвала эту прозрачную даму— танцовщицей serpentine; въ самомъ дѣлѣ—подбитое вѣтеркомъ одѣяніе сходственно съ развѣвающимися балахонами нѣкогда знаменитой Иды Фуллеръ, сшитыми только-что не изъ папиросной бумаги. Эта, если только позволено будетъ такъ выразиться, «сквозность» мрамора въ аѳинскомъ барельефѣ едва-ли еще не болѣе совершенна, чѣмъ въ знаменитой флорентійской группѣ Ніобы: вспомните дѣвочку, которая, въ ужасѣ, бросается отъ стрѣлы Аполлона подъ защиту матери, и рубашка ея, смоченная пòтомъ усталости и страха, прилипила къ дѣтскимъ плечикамъ...

V.

Прошу читателя простить, что я долго задержалъ его вниманіе на старыхъ Аѳинахъ и ихъ искусствѣ. Но старыя Аѳины куда интереснѣе новыхъ, и ихъ мраморное населеніе много привлекательнѣй населенія изъ мяса и костей. За рѣдкими исключеніями, разумѣется. Съ народомъ освоиться я, конечно, не могъ, не зная ново-греческаго языка. Разные самоучители, проглатываемые на скорую руку, «Русскій въ Греціи», этимологія и справочникъ Бедекера — плохая помощь. Не разъ принимался я проклинать свое гимназическое образованіе, съ его архаическимъ греческимъ языкомъ по Эразму, такъ какъ часто убѣждался, что люди, изучавшіе греческій языкъ съ произношеніемъ по Рейхлину, принятымъ въ семинаріяхъ, довольно свободно понимаютъ новогреческую рѣчь. Слѣдовательно, недѣли черезъ двѣ практики могутъ и свободно говорить по-гречески,—подобно тому, какъ человѣкъ, хорошо знающій церковно-славянскій языкъ, свободно выучится въ двѣ недѣли говорить по-болгарски. Въ новогреческомъ языкѣ для русскаго семинарской выучки представятъ затрудненіе только согласныя delta и theta, законы произношенія которыхъ рѣшительно неуловимы для иностранца. Говорятъ, будто ихъ надо произносить, какъ англійское th. Но почему же, однако, въ такомъ случаѣ не могутъ справиться съ ними англичане? Я много разъ убѣждался, что почтенныхъ британцевъ, пытающихся перейти на эллинскую рѣчь, греки понимаютъ такъ же худо, какъ и всѣхъ другихъ европейцевъ, если еще не хуже. А между тѣмъ, безъ новогреческаго языка въ Греціи туристу очень худо. По-французски говорятъ здѣсь мало, по-нѣмецки совсѣмъ не говорятъ, англійскій языкъ—жаргонъ отелей. Съ употребительнѣйшимъ изъ иностранныхъ языковъ—съ итальянскимъ — вы разстаетесь

вмѣстѣ съ голубою лентою Коринѳскаго залива. Въ Патрасѣ и на Іоническихъ островахъ итальянскій языкъ столько же свой, какъ греческій. Но за Коринфомъ,—ни звука итальянскаго. Даже кондуктора желѣзнодорожные безгласны. Одна надежда—на гидовъ да такъ-называемыхъ курьеровъ. Промыселъ послѣднихъ—совершенно особый отъ обычнаго проводничества. Кромѣ Греціи, врядъ ли онъ сохранился въ такомъ видѣ гдѣ-либо еще въ Европѣ. Путешествуя съ курьеромъ, вы платите ему 20—25 франковъ золотомъ въ сутки,—и затѣмъ не знаете уже ровно никакихъ заботъ и расходовъ въ своемъ странствіи. По контракту,—если угодно письменному,—курьеръ обязуется помѣщать васъ, кормить, поить, возить на свой счетъ: онъ долженъ даже имѣть при себѣ складную кровать и спальныя принадлежности—на случай, если бы вамъ пришлось заночевать подъ открытымъ небомъ. Конечно, теоретическія удобства этихъ контрактовъ требуютъ значительной поправки на практикѣ—и, прежде всего, въ расходной смѣтѣ. Вмѣсто чаемыхъ 20—25 франковъ вы все-таки истратите 35—40. Но тѣмъ не менѣе, путешествіе съ курьеромъ и экономнѣе, чѣмъ если вы ѣдете одни, и больше знакомитъ васъ съ страною, черезъ которую ѣдете.

Итакъ,—народъ мнѣ пришлось наблюдать, какъ живую картину, не болѣе. Что касается аристократіи и la haute commerce я въ оба раза попадалъ въ Аѳины въ глухую пору лѣтняго затишья: знать разъѣзжалась по островамъ и горнымъ дачамъ. Въ послѣдній пріѣздъ нѣсколько познакомилъ меня съ бытомъ аѳинскаго общества русскій дипломатическій представитель—уважаемый А. А. Смирновъ: онъ—самъ литераторъ, талантливый поэтъ фето-майковской школы, авторъ «Склирены», интересной исторической повѣсти изъ поздней византійской эпохи. Въ 1894 году я попалъ подъ любезную опеку покойнаго министра-президента Трикуписа, бывъ принятъ въ домѣ его съ такою сердечною теплотой, что мнѣ стало почти совѣстно за свою

антипатію къ городу, гдѣ живутъ такіе милые люди. Трикуписъ былъ не женатъ; домомъ его заправляла сестра— пожилая дѣвица, лѣтъ сорока пяти, весьма популярная въ Аѳинахъ. Когда аѳинянинъ изъ порядочнаго общества называлъ m-lle Sophie, всякій уже зналъ, о какой именно m-lle Sophie идетъ рѣчь: къ другимъ Софіямъ надо прибавлять фамилію, а Софія, понятная и безъ фамиліи, была въ то время въ Аѳинахъ одна m-lle Трикуписъ. M-lle Sophie, какъ и братъ ея, были англійскаго воспитанія; и домъ былъ поставленъ ею на англійскій ладъ. Да и сама она представлялась мнѣ оригинальною фигуркою изъ англійскаго романа. У Вильки Колинза, у Брэддонъ и Генри Удъ встрѣчаются такія кроткія старыя дѣвушки, которыя пожертвовали своимъ личнымъ счастіемъ для счастія чужого и, въ жертвѣ этой, безропотно состарили свою молодость и красоту. M-lle Sophie не вышла замужъ исключительно ради того, чтобы всегда быть около своего брата и помогать ему въ его патріотической дѣятельности, а братъ не женился потому, что считалъ непосильнымъ соединить въ себѣ одновременно и страстнаго политическаго борца, и хорошаго семьянина; и—въ выборѣ между семьею и политикой—отдалъ предпочтеніе послѣдней. Это былъ человѣкъ умный, вдумчивый, симпатичный,—съ сильно развитою логикою мысли и послѣдовательностью въ чувствѣ. Мнѣ онъ очень нравился, какъ собесѣдникъ и какъ «историческая фигура». Даже враги Трикуписа уважали его честный патріотизмъ, которому онъ посвятилъ всю свою дѣятельность и отдалъ значительную долю состоянія. Для отдыха послѣ политическихъ бурь m-lle Sophie устроила брату домъ, какъ уголокъ рая. Въ ужасные іюльскіе дни Аѳинъ, когда вдобавокъ къ сорокаградусной жарѣ по улицамъ носится сирокко, засыпая городъ раскаленною пылью, домъ Трикуписа являлся для меня оазисомъ въ пустынѣ. Со своимъ огромнымъ ростомъ я не зналъ, гдѣ стать, гдѣ сѣсть въ этихъ маленькихъ комнатахъ, обращенныхъ въ садъ. Мебель тонетъ въ зелени и

цвѣтахъ; изъ-за гіацинтовъ, розъ и левкоевъ выглядываютъ статуэтки, портреты и миніатюрная фигурка женщины, съ старомодными буклями вдоль желтаго лица и въ черномъ, старомодномъ шелковомъ платьѣ, съ длиннѣйшимъ трэномъ. Старомодная дама—это m-lle Sophie; она усаживаетъ васъ на какія-то потайныя, запутанныя зеленью кресла, при чемъ розы бьютъ васъ по лицу, пальма щекочетъ затылокъ, лиліи тянутся на рукава,—и вы не замѣчаете, какъ бѣжитъ время, слушая непрерывный потокъ рѣчей вашей собесѣдницы, остроумныхъ, живыхъ, полныхъ глубокаго знанія дѣла, на прекраснѣйшемъ французскомъ языкѣ, освѣщенномъ вспышками эффектныхъ mots... M-lle Sophie увлекается своею рѣчью, ея черные глазки вспыхиваютъ огонькомъ, она молодѣетъ на два десятка лѣтъ и въ оживленіи своемъ становится почти прекрасною. Политическое вліяніе этой домашней феи, вдохновительницы замѣчательнѣйшаго изъ государственныхъ людей Греціи, было огромно. Каждый шагъ ея брата былъ обусловленъ предварительнымъ совѣщаніемъ съ m-lle Sophie, какъ съ новою домашнею нимфой Эгеріей и, при томъ, самымъ добросовѣстнымъ и наиболѣе освѣдомленнымъ агентомъ.

Благодаря любезности именно Трикуписа и его сестры, мнѣ впервые удалось испытать не совсѣмъ обыкновенное наслажденіе — цобродить часъ-другой между развалинъ Акрополя въ лунную ночь. Въ дневное время Акрополь открытъ для всѣхъ, но вечеромъ его запираютъ, и, чтобы войти, требуется спеціальное разрѣшеніе. Мнѣ сопутствовали капитанъ Г., о которомъ я говорилъ уже, и одинъ профессоръ-археологъ изъ Юрьева, любезно взявшій на себя скучную обязанность помочь намъ возстановить въ своемъ воображеніи Пареенонъ и Эрехтейонъ такими, какъ были они, пока на Акрополѣ не хозяйничали ни турки, ни варваръ, худшій, чѣмъ всѣ турки, лордъ Эльджинъ. Великолѣпна сатира, которою высѣкъ этого разрушителя Байронъ, но—когда вы видите слѣды его безобразій—сатира

вамъ кажется слабою: еще бы его, разбойника! вмѣсто прутьевъ—скорпіонами! Quod non fecerunt barbari, fecerunt Barberini, но Эльджинъ перещеголялъ и варваровъ, и Барберини. Этотъ убійца Акрополя—виновникъ того, что аѳинскимъ Кремлемъ въ настоящее время можно искренно любоваться лишь по ночамъ, въ часы, когда великіе призраки встаютъ изъ могилъ, и самъ онъ весь оживаетъ, какъ тѣнь великихъ архитектуръ прошлаго. Днемъ я поднимался къ Акрополю много разъ, но у меня не захватывало духъ отъ грандіозности зрѣлища, какъ было со мной, когда я впервые очутился между эпическихъ развалинъ римскаго форума и даже—на сравнительно ничтожномъ форумѣ Помпеи. Изящество греческихъ построекъ было такъ тонко, такъ математически строго разсчитано на гармонію цѣлаго и деталей, что разрушеніе фризовъ и мраморной обшивки унесло съ собою и девять десятыхъ восторговъ, которые должны были возбуждать эти зданія. Чтобы возносить зрителя къ небу, ласковому, синему, они должны быть такими же яркими, какъ оно, должны сверкать лощеною пестротою мраморовъ. А теперь они сѣры и дряхлы: пепельный могильный оттѣнокъ жметъ къ землѣ ихъ фасады, дѣлаетъ приземистыми стройныя колонны портиковъ, выдаетъ первобытную толщину обрубковъ, изъ которыхъ вызваны къ вѣчному бытію громады Пропилеевъ. Аѳинскія развалины совершенно другого типа, чѣмъ развалины римскія: тамъ величіе грозное, могучее: Колизей, подземелья и фундаменты Палатина, памятники Аппіевой дороги. Это—не строенія, но первозданныя скалы: въ нихъ, точно въ зеркалѣ, отразилась вся львиная мощь и властность народа, заковавшаго въ цѣпи половину земного шара. Въ Римѣ много тяжеловѣснаго, жуткаго, навѣки внушительнаго: Римъ грозитъ и изъ-за могилы! Въ Аѳинахъ нѣтъ ничего подобнаго: развалины Акрополя легки, какъ игрушки, сравнительно съ Колизеемъ, Базиликой Константина, термами Каракаллы.

Ихъ прозрачная, какъ рѣшетка, стройка зоветъ человѣка къ возвышенной радости, къ восторженному подъему духа... а между тѣмъ—по причинамъ грабежей византійско-христіанскихъ, грабежей турецкихъ, грабежей Эльджиновыхъ,—ни радости, ни подъема духа не только не получается, но, наоборотъ, дѣлается даже жалковато. Одинъ разъ я видѣлъ въ Италіи, какъ старая актриса, когда-то знаменитость, играла Джульетту; ничто не могло быть печальнѣе ея увядшаго лица и мертвенныхъ глазъ, ея кокетство наводило ужасъ, ея голосъ скрипѣлъ и обрывался, было скучно и противно, всѣ зѣвали, но не было ни шиканья, ни ироническихъ улыбокъ. Зрители чувствовали, что передъ ними—руина высокаго таланта и высокохудожественнаго исполненія: замыселъ не устарѣлъ, а формы одряхлѣли и стали въ такой каррикатурный контрастъ съ замысломъ, что становилось и смѣшно, и больно. Или—видали вы, какъ семидесятилѣтній Сальвини пытается играть юношу Ингомара? Что можетъ быть печальнѣе этого древняго лица, покрытаго морщинами, которыхъ не въ силахъ закрасить никакія бѣлила,—подъ бѣлокурымъ паричкомъ, подъ розовымъ вѣночкомъ? Вотъ таково и впечатлѣніе отъ Акрополя—днемъ.

Но, когда на Аѳины наплыветъ изъ-за Гимета синяя ночь, Акрополь воскресаетъ. Лишь три силы властны придать старому зданію очарованіе прозрачной новизны: даль, луна и электричество. Самая сильная изъ нихъ — луна. Зданіе Акрополя—трупы, съ которыхъ содрана лишь кожа, а формы ихъ прекрасно сохранились. Ночью, когда всѣ кошки сѣры, вы не замѣчаете ободраннаго, мусорнаго вида памятниковъ. Колонны, между которыми зелеными полосами падаетъ на мраморныя плиты лунный свѣтъ, стройнѣютъ и вытягиваются. Таинственныя красавицы-каріатиды Эрехтейона теряютъ свою угрюмость и выглядятъ такими легкими, будто онѣ ожили и расправляютъ члены, затекшіе отъ неподвижнаго дневного стоянія подъ тяжелымъ архитра-

вомъ. Все бѣлѣетъ. Стоишь на ступеняхъ Парѳенона—и молчишь въ священномъ восторгѣ... На горизонтѣ золотымъ щитомъ блещетъ недалекое море, на которомъ Ѳемистоклъ и Эврибіадъ разбили флотъ царя Ксеркса. Направо—подъ обрывомъ—огоньки города, облагороженнаго луною. Днемъ, если смотрѣть на Аѳины съ Акрополя, какая это противная, пыльная, сѣрая куча плоскихъ кровель!... точно сгрудилось щитами безчисленное стадо колоссальныхъ черепахъ!.. А ночью—прелесть. Тихо на Акрополѣ удивительно. Тишь пустыни, смиряющая, убаюкивающая, навѣвающая грезы. Эта тишь, въ заговорѣ съ луннымъ свѣтомъ и сверкающимъ щитомъ золотого моря, прямо гипнотизируютъ васъ... Такъ и хочется видѣть, какъ по широкимъ ступенямъ Пропилеевъ, труднымъ для шага современнаго человѣка, быстрою летучею походкой горца, обращеннаго гимнастикой въ атлета, поднимается Периклъ, окруженный толпою друзей. Мы только-что расфантазировались было на эту соблазнительную тему, какъ вожатый-профессоръ осадилъ насъ.

— Позвольте васъ спросить, что бы они здѣсь дѣлали въ такую пору?

— Да вѣдь это же Акрополь...

— Ну, да, Акрополь. Священное мѣсто, переполненное храмами, которые тщательно и бережно охранялись, къ которымъ приближаться надо было съ благоговѣніемъ,—и шляться между ними въ ночное время, ради прогулки, было для аѳинянина такъ же неестественно, какъ неестественно для нашего брата ломиться ночью въ Исаакіевскій соборъ...

Вообще, профессоръ оказался человѣкомъ, чреватымъ классическими разочарованіями. Капитанъ Г.—патріотъ своего отечества, готовый перервать горло всякому, кто скажетъ, что онъ не происходитъ по прямой линіи отъ Мильтіада—кипѣлъ негодованіемъ, когда профессоръ, вооружась россійскимъ скептицизмомъ пополамъ съ герман-

скою невозмутимостью, принимался послѣдовательно опровергать ходячія представленія о статуѣ Аѳины-Воительницы.

— Шеломъ ея, видите ли, былъ виденъ мореходамъ отъ мыса Суніона,—ворчалъ онъ.—Греческія басни! Еще Лукіанъ сказалъ: «если бы изгнать изъ Греціи всѣ сказки и легенды, то проводники умерли бы съ голода, такъ какъ чужеземцы не хотятъ слушать правды и даромъ». Не только шелома не было видно, но и конца копья,—развѣ что греческіе мореходы имѣли способность видѣть сквозь камень и известку...

— Почему это? почему?—свирѣпѣлъ капитанъ.

— Потому что между ихъ глазами и статуей приходились вонъ эти горы,—хладнокровно продолжалъ профессоръ,—а, надѣюсь, вы не предполагаете, чтобы можно было воздвигнуть статую-чудовище выше этихъ громадъ?

— Можно!—упорствовалъ капитанъ.

— Да помилуйте, если бы аѳиняне въ теченіе всей своей исторіи не тратили своихъ государственныхъ доходовъ ни на что другое кромѣ уплаты за матеріалы для такой статуи, такъ и то у нихъ не хватило бы денегъ... А ужъ работа—не въ счетъ! И притомъ они были народъ со вкусомъ: неужели они стали бы уродовать такимъ непропорціональнымъ чудовищемъ свой великолѣпный Акрополь? Довольно уже онъ изуродованъ пьедесталомъ Агриппы... Вы посмотрите только: какимъ честолюбивымъ дуракомъ надо быть, чтобы построить эту неуклюжую громадину, поставить на ней самого себя въ видѣ такого же огромнаго золоченаго болвана и всѣмъ этимъ разстроить гармонію красивѣйшаго въ мірѣ зданія Пропилеевъ?! Этакій купеческій вкусъ: хоть не складно, да зато здорово,—знай нашихъ!

Пришли на «бельведеръ». Капитанъ Г., вдохновленный видомъ Аѳинъ, вскочилъ на какой-то жертвенникъ, обтесанный въ видѣ колонны, выхватилъ саблю и замеръ въ воинственной позѣ.

— Что это за колонна?—спрашиваю я.

— А Богъ ее знаетъ!—желчно возражаетъ профессоръ.—Это—новое. Развѣ не видите, какое безобразіе?

— Зачѣмъ же они ее здѣсь взгромоздили такъ некстати?

— Надо полагать, для охотниковъ рисоваться.

Капитанъ разсердился и слѣзъ наземь...

Акрополь—единственное мѣсто въ Аѳинахъ, гдѣ древность не профанирована сосѣдствомъ самой прошлой повседневщины. Тезейонъ, гимназій Адріана, агора, Стоа Аттала слишкомъ затерялись между рынковъ, балагановъ, казармъ и вонючихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Сравнительно съ римскими развалинами, аѳинскія имѣютъ одно важное преимущество: вамъ не отравляютъ существованія своимъ приставаніемъ и невѣжественною болтовнею проводники. Они здѣсь не навязчивы и очень дешевы. Сверхсмѣтныхъ уплатъ и поборовъ не водится. Въ запустѣлой «Башнѣ Вѣтровъ» поднесутъ вамъ какой-то желтый курослѣпъ, именуемый «цвѣткомъ Эола», у входа въ Пропилеи заставятъ васъ выпить стаканъ воды изъ Акропольскаго ключа, на все это въ совокупности вы истратите полъ-драхмы,—вотъ и все. Зато Римъ, Неаполь, Верона гораздо почтительнѣе къ своимъ руинамъ, чѣмъ Аѳины. Какъ-то ночью отправился я въ развалины храма Зевса Олимпійскаго. Отъ этого храма-колосса, который Филостратъ называлъ великой «побѣдой надъ временемъ», осталось всего тринадцать колоннъ, еще соединенныхъ архитравомъ, легко лежащимъ на ихъ капителяхъ, подобныхъ цвѣточнымъ корзинамъ. Одна изъ колоннъ опрокинута ураганомъ 1852 года. Сѣлъ я на нее и принялся смотрѣть на костры, что вспыхивали далеко, далеко въ горномъ ущельи, звѣздочками-маяками для пѣшеходовъ. Это старый обычай Эллады... еще «Орестейя» Эсхилова начинается разсказомъ о немъ... Такъ, вѣроятно, вспыхивали эти огоньки и въ ночи, современныя Пизистрату, первостроителю храма, гдѣ я сижу и поэтизи-

рую... И вдругъ—въ этотъ моментъ, когда, казалось, вотъ-вотъ почва дрогнетъ подъ ногами, и старый храмъ возникнетъ изъ праха, и заблестятъ надо мною изъ темной целлы драгоцѣнные камни очей царя боговъ,—грянули нестройные звуки контрабаса, скрипки, флейты и барабана.. Слушаю и ушамъ не вѣрю:

— Господи! Да вѣдь это—«Стрѣлокъ»!

Я хочу вамъ разсказать,
Разсказать,
Разсказать.
Какъ дѣвицы шли гулять,
Шли гулять...
Да!

Его у насъ въ Россіи уже и мужики забыли, считаютъ «моветононъ», а вотъ привелъ Богъ снова имъ насладиться... въ Аѳинахъ, на ступеняхъ храма Зевса Олимпійскаго!.. Развалины справа и слѣва стиснуты кафе-шантанами, безчисленно разсѣянными по сосѣдству, столики какого-то кабачка разбросаны между самыми колоннами: при мнѣ разыгрался скандалъ между пьяницей и обсчитанной проституткой... До такого олимпійскаго позорища и Оффенбахъ не додумывался! А у Зевса не осталось ни громовъ, ни молніеноснаго орла, чтобы наказать наивныхъ осквернителей своей святыни. Во второй пріѣздъ, къ счастію, я уже не засталъ этой мерзости. Неурожаи коринки вычистили у грековъ карманы такъ ловко, что садики и кафешантаны въ столицѣ Аттики умерли естественною смертью,— и гробница отца боговъ покоится теперь среди площади—хотя и нищей, но, по крайней мѣрѣ, нравственно чистоплотной.

«Стрѣлку» въ Аѳинахъ удивляться нечего. По столицѣ Греціи шатается множество шарманщиковъ съ удивительно старыми и хриплыми шарманками; звуками ихъ смутился бы самъ Ноздревъ. Все подержанные инструменты, купленные изъ третьихъ-четвертыхъ рукъ въ Россіи, черезъ Одессу. Въ восьмидесятыхъ годахъ, одно время по русскимъ городамъ было великое полицейское гоненіе на шарманку,—и

она бѣжала въ Грецію, славянскія земли, на Анатолійскій берегъ. Репертуаръ нашихъ бабушекъ: «Куда ты, ангелъ мой, стремишься», «Соловей», «На зарѣ ты ее не буди»... Это ужасно смѣшно слушать: точно, вдругъ, подъ классическое небо, въ самый центръ классическихъ руинъ вкатывается, звеня и дребезжа, самодѣльный рыдванъ захолустной русской помѣщицы, а въ немъ кряхтитъ и стонетъ измаянная скверною дорогою Коробочка!

Театры не работали, соблюдая лѣтнія вакаціи, а въ лѣтнихъ театрахъ шли какія-то ужасно патріотическія драмы съ пѣніемъ въ родѣ «Василія Болгаробойцы». Поютъ скверно, играютъ того хуже. Зашелъ въ циркъ. Боже! у насъ такой мерзости и въ Кременчугѣ не стерпѣли бы. Какія-то инвалидныя дамы скачутъ на клячахъ, современныхъ Буцефалу Александра Македонскаго. У каждой женщины въ глазахъ—мечта о богадѣльнѣ. У каждой лошади:

— Да когда же меня продадутъ цыганамъ на маханину?

Невзыскательны на развлеченія аѳиняне, нѣкогда самые строгіе въ мірѣ судьи искусства и спорта.

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ аѳинскихъ воспоминаній осталась для меня воскресная поѣздка въ Фалеръ, на гулянье у моря. Весело было летѣть туда на быстрой паровой конкѣ, хотя вагоны были переполнены настолько, что приходилось уже не стоять, а висѣть въ воздухѣ, кое-какъ уцѣпившись ногами за подножку. Я было захватилъ себѣ скамеечку, но нахлынула цѣлая стая дамъ, и я уступилъ одной изъ нихъ свое мѣсто.

— Что вы сдѣлали?—вознегодовалъ капитанъ Г.—Съ какой стати вы отдали ей мѣсто?

— Дама...—объяснилъ я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Какая она, къ чорту, дама! Горничная какая-нибудь или модистка. Всѣ онѣ такія разряженныя по праздникамъ...

— Ахъ, вы!—упрекнулъ я его,—а еще демократъ!

— Да что же, въ самомъ дѣлѣ? Горничной мѣсто уступать! Ну, ужъ, если сдѣлали глупость, такъ ухаживайте за ней по крайней мѣрѣ.

— Позвольте спросить: какъ?

— Заговорите съ нею...

— На какомъ языкѣ?

— Да, вѣдь вы не знаете по-эллински,—догадался капитанъ—ну, въ такомъ случаѣ, конечно, вамъ трудно,—закончилъ онъ глубокомысленно.—А то вотъ что—толкайте ее ногами: пойметъ!—обрадовался онъ.

Но къ столь спеціально-греческому методу побѣды надъ сердцами я не рѣшился прибѣгнуть.

Аѳинянки, въ общемъ, не слишкомъ красивы и изящны, хотя изрѣдка попадаются изумительныя красавицы. Послѣ великолѣпныхъ левантинокъ Константинополя и Смирны, женщинъ Іоническихъ острововъ и—всѣхъ ихъ величіемъ своимъ затмевающихъ—черногорокъ, онѣ кажутся дурнушками весьма мѣщанскаго типа: такихъ лицъ, покрытыхъ платочками по чернымъ волосамъ, множество въ русскихъ городахъ, которые встарь были порубежными,—въ Курскѣ, Путивлѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ. Аѳинянка или (весьма часто) приземистая толстенькая кубышка, съ глазками, похожими на коринки, или (довольно рѣдко) худая и высокая женщина-змѣя, матовой блѣдности, съ огромными чашеподобными глазами, въ которыхъ свѣтится лихорадочная тоска не то болѣзненной страсти, не то болѣзненной усталости, съ красными губами вампира, съ таліей осы, гибкою, какъ пружина.... «Коринѳская невѣста» Гёте и гречанки Байрона были, конечно, изъ этого типа. Какія-то не то безумно влюбленныя, не то въ конецъ затрепанныя маляріею. Въ первомъ типѣ—поэзіи немного.

Нравы Аѳинъ очень строги. Открытой проституціи почти нѣтъ, а существующая связана по рукамъ и ногамъ су-

ровымъ надзоромъ полиціи. Тѣмъ не менѣе, по вечерамъ, на улицѣ Стадіона, на площади Конституціи,—стало быть, въ самыхъ показныхъ пунктахъ города, женское приставанье, все-таки, не рѣдкость. И—что̀ особенно печально—все дѣвчонки лѣтъ двѣнадцати, тринадцати. Полиція, вѣроятно, задарена и смотритъ на нихъ сквозь пальцы...

Вагонъ трамвая мчится въ Фалеръ вдоль синяго моря, переполненнаго у береговъ человѣческими тѣлами. Это—аѳиняне. Въ безводныхъ, пыльныхъ, жаркихъ Аѳинахъ они грязнятся цѣлую недѣлю, чтобы въ воскресенье омыться въ водахъ Фалера. Это—въ родѣ русской бани по субботамъ. Аѳинскіе купцы средняго разбора и ремесленники выѣзжаютъ по воскресеньямъ въ Фалеръ, съ утра, съ семьями, на собственныхъ повозкахъ или верхомъ на коняхъ, на ослахъ, съ запасомъ провизіи и вина и остаются тамъ до поздней ночи. Это заслуженный воскресный отдыхъ. Іюльскіе жары въ Аѳинахъ ужасны. Городъ стоитъ въ котлѣ, загороженный отъ освѣжающаго дыханія моря, и съ утра накаляется, какъ мѣдный Молохъ. Даже тифлисцы не могутъ вообразить себѣ ничего подобнаго: у нихъ все-таки есть хоть какая-нибудь тяга изъ горъ. Здѣсь—никакой. Гиметъ—самъ печка печкою. Сплошное накаливаніе: хочешь, варись, хочешь, жарься,—совсѣмъ духовая печь. Каждое утро у меня—человѣка, привычнаго выносить какую угодно жару, если она влажная: въ Сициліи, напримѣръ, я ничуть не страдалъ, хотя термометръ показывалъ градусы много выше, чѣмъ въ Аѳинахъ,—каждое утро у меня шла кровь носомъ, и греки находили, что это прекрасно.

— Значитъ, привыкаете къ нашему климату. Не правда ли, потомъ у васъ цѣлый день голова легкая?

— Легкая-то—легкая, а все жъ лучше бы безъ этого...

— Нѣтъ, иностранцамъ эти кровопусканія полезны. А то у насъ въ эту пору заѣзжему человѣку опасно: того

гляди, хватитъ ударъ.. Зато весною и осенью—рай. И зима хорошая.

Писать, работать лѣтомъ въ Аѳинахъ нѣтъ никакой возможности: гнетъ раскаленнаго воздуха удушаетъ всякую мысль. Дышать возможно только во время проливныхъ дождей, которыми раза по два въ день угощали насъ страшныя, величественныя, но безплодныя горныя грозы. Безплодныя, потому что—гремитъ-гремитъ, дождитъ-дождитъ: думаешь, что почву до девонскихъ пластовъ промочило,—анъ, едва выглянуло солнце, черезъ полчаса опять пыль смерчами, опять у всѣхъ встрѣчныхъ—видъ больныхъ, безнадежно задушенныхъ астмою. При такихъ условіяхъ особенно понятно, что въ воскресенье прибережные Фалерскіе луга и пески представляютъ картину отчасти цыганскаго табора, отчасти ярмарочнаго съѣзда: повозки, задранныя къ небу дышла, пасущіеся кони и ослы, палатки, трапезующія семьи... Очень весело: много шума, пѣсенъ, звуковъ волынки и гитары.

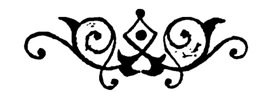
Въ самой гавани Фалера толкотня невообразимая. Толпа шумна и пестра; яркіе цвѣта преобладаютъ, хотя національныхъ костюмовъ совсѣмъ не видно; все—желтыя, зеленыя, полосатыя платья. Причудливую яркость ихъ дѣлаетъ еще болѣе рѣзкою румяный отблескъ вечерней зари. Темно-вишневое солнце тонетъ въ аломъ морѣ, небо надъ нимъ чуть не до зенита сверкаетъ разнообразнѣйшими тонами краснаго и золотого цвѣтовъ... Только двѣ краски, но сколько переходовъ, переливовъ, полутоновъ, оттѣнковъ, контрастовъ! Чтобы бороться съ художественнымъ могуществомъ и богатствомъ заходящаго въ Эгейское море солнца, слишкомъ бѣденъ обычный красочный запасъ современной палитры. Даже испанцы—самые смѣлые, почти дерзкіе въ передачѣ свѣтовыхъ эффектовъ художники нашего вѣка, даже Прадилла, Галлегасъ, Виллегасъ, Барбуго—и тѣ въ смущеніи опустили бы кисти, безсильныя бороться съ величіемъ этой лучезарной бездны. Древніе лю-

били сравнивать небо съ опрокинутымъ кубкомъ. Мнѣ вспомнилось это уподобленіе въ гавани Фалера: дѣйствительно, точно кубокъ опрокинулся и съ краевъ его сбѣгаетъ на землю море краснаго вина, прозрачнаго и блещущаго вина олимпійцевъ.

Сумерекъ почти нѣтъ. Едва солнце спряталось, падаетъ ночь — съ золотымъ кругомъ луны, съ изумрудными звѣздами въ темносинемъ небѣ, съ серебряными гребнями набѣгающихъ на берегъ волнъ. Въ глубинѣ моря, куда уходитъ огромная, деревянная эстрада, служащая показнымъ центромъ гулянья,—волненія никакого. Это—только у берега громыхаетъ пѣнистый прибой: шумно топочутъ водяные кони Посейдона. Мѣсяцъ успѣлъ уже превратить море въ свѣтло-синее, съ чешуйчатымъ золотымъ столбомъ поперекъ отъ берега до горизонта. Берегъ засвѣтился огоньками. Рестораны, палатки полишинелей, циркъ, передвижной кафешантанъ торгуютъ, не успѣвая удовлетворять потребителей, — толкотня, крикъ, частыя ссоры... впрочемъ, скромныя, греческія ссоры: съ проклятіями всѣхъ родныхъ противника, съ загвоздками по адресу всѣхъ святыхъ, даже съ дракою, но не далѣе. Если бы грузину, андалузцу или сициліанцу сказать хоть десятую долю оскорбленій, какими угощаютъ другъ друга греки, давно бы засверкали ножи. А грекъ слушаетъ, глотаетъ и только, въ отвѣтъ, самъ шире раскрываетъ горло и громче ругаетъ «Панагію» своего недруга. Накричатся, осипнутъ и разойдутся.

Мы усѣлись уничтожать устрицъ—довольно большихъ и жирныхъ — у самаго моря, на мокромъ пескѣ; волна, стукаясь о берегъ, то и дѣло подмачивала намъ подошвы разбѣгающейся пѣной... Ручная лисица, которая весь вечеръ невѣроятно юрко даже не вертѣлась, а какъ-то скользила подъ ногами гуляющихъ, подбѣжала къ намъ и, усѣвшись на заднія лапы, внимательно слѣдила за скорлупами, когда мы швыряли ихъ въ море. Она была такъ мала и такъ мила съ своимъ пушистымъ хвостомъ, длиною почти

равнымъ стройному тѣльцу, что я понялъ непостижимаго спартанскаго мальчика, котораго всѣ хрестоматіи ставятъ юношеству въ примѣръ физической выносливости. Вы, конечно, помните, какъ этотъ мальчикъ изловилъ лисенка и, спрятавъ подъ одежду, принесъ въ классъ, какъ лисенокъ изгрызъ ему животъ, какъ мальчикъ, несмотря на то, глазомъ не мигнулъ и отвѣчалъ урокъ, пока нестерпимыя боли не заставили его лишиться чувствъ... Нетрудно до страсти привязаться къ такому хорошенькому и веселому звѣренку...

I.

Я попалъ на Корфу случайно—совершенно по тому же маршруту и рецепту, какъ, три тысячи лѣтъ тому назадъ, попалъ сюда же злополучный Одиссей, приблизительно по тѣмъ же причинамъ и, вѣроятно, въ одинаковой съ нимъ степени нравственнаго удрученія и физическаго разстройства.

Въ гимназіи, гдѣ я имѣлъ удовольствіе нѣкогда обучаться, былъ сторожъ—по имени Шенкевичъ. Онъ дружилъ съ гимназистами и, будучи человѣкомъ весьма любознательнымъ, обожалъ тѣхъ, кто не лѣнился пересказать ему, что интереснаго было въ классѣ. Преимущественно же интересовался онъ Гомеромъ, а въ Гомерѣ быстроногимъ—увы! Шенкевичъ упорно звалъ его долговязымъ!—Ахиллесомъ и хитроумнымъ Одиссеемъ. Юношескій возрастъ жалости не знаетъ, уваженія къ любознательности въ немъ тоже немного. Классическія пристрастія сторожа гимназисты обратили въ посмѣшище. Одинъ изъ моихъ товарищей Н. П.—большой комическій талантъ, изъ котораго впослѣдствіи, сверхъ всѣхъ ожиданій, вышелъ не второй Андреевъ-Бурлакъ, но весьма серьезный и солидный врачъ—вздумалъ разсказывать Шенкевичу Одиссею приблизительно въ томъ духѣ и на томъ quasi-народномъ языкѣ, какъ покойный И. Ѳ. Горбуновъ разсказывалъ о всемірномъ потопѣ и столпотвореніи вавилонскомъ. Вы, конечно, слыхали, какъ становой ѣхалъ съ колокольчикомъ

на мертвое тѣло Авеля, а исправникъ съ колокольчикомъ же, обгонялъ его, спѣша на усмиреніе смѣсившихся языковъ.

— Динь-динь-динь!

— Что такое?

— Становой ѣдетъ.

— Что случилось?

— Каинъ Авеля убилъ.

— Хоронись въ ковчегъ, робята, а то въ понятые позовутъ!

— Динь-динь-динь!

— Что такое?

— Исправникъ ѣдетъ,

— Пошто ѣдетъ?

— Языки смѣсились!

— Кто смѣсилъ?

— Хамъ!

— Позвать его, с... с...!

Ну, такъ вотъ въ этомъ же родѣ П...ъ передалъ Шенкевичу страданія, вынесенныя Одиссеемъ за то, что спутники его «съѣли быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога». Можетъ-быть, теперь оно и не показалось бы смѣшно, но тогда, по юности лѣтъ нашихъ, мы хохотали до слезъ, слушая, какъ П...ъ, съ невозмутимою, до мрачности даже доходящею серьезностью, повѣствовалъ:

«Выпили, закусили... и взыскался Одиссей.

— А гдѣ же, госпожа Цирцея, теперича къ примѣру будутъ мои товарищи?

— А товарищей вашихъ, господинъ Одиссей, я загнала въ хлѣвъ, за дурную ихнюю поведенцію.

— Однако—фунтъ! Всеё-то капральство?!

— И оченно просто, потому какъ они въ дому моемъ весьма набезобразили и вопче, не къ чести вашей сказать, довольно даже простонародныя свиньи.

Одиссей, какъ будучи человѣкъ военный.—

— Ахъ, говоритъ, мадамъ! такой вы изъ себя розанчикъ, и столь жестокія ваши слова! Совсѣмъ занапрасно вы такъ много неглиже съ христолюбивымъ воинствомъ! А что надѣлали вамъ шкандалу, на томъ извините: народъ артельный, а время праздничное—Успленья матушка...»

Грѣхъ Одиссеевыхъ спутниковъ, что съѣли они быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога, въ пересказѣ П...а принялъ соотвѣтственную окраску:

— Сидитъ Одиссей, бештексъ съ горчицей кушаетъ, а въ календарь не глядитъ. Посмотрѣлъ въ календарь,—и взвылъ: анъ, на дворѣ-то пятница!

Разсказъ объ Одиссеевомъ беззаконномъ мясоѣдѣ произвелъ странное впечатлѣніе. Шенкевичъ—солдатъ благочестивый и богомольный—сразу понизилъ свою прежнюю симпатію къ Одиссею процентовъ на пятьдесятъ. Мы разсказывали, какъ страдалъ горемычный царь Итаки отъ одноглазаго Полифема, отъ дьяволоподобныхъ Лестригоновъ, отъ лающей Сциллы, отъ чаръ хитрой Цирцеи, а упрямый стражъ нашихъ шинелей, ничуть не умиляясь, знай—твердилъ одно:

— И ништо ему! подѣломъ! не жри, нехристь, мясища по пятницамъ!

Этотъ Шенкевичъ съ «мясищемъ по пятницамъ» воскресъ въ моемъ воображеніи, когда я высадился на берегъ Корфу—такимъ же разбитымъ и измученнымъ, какъ герой Одиссеи; обоихъ насъ истрепало о скалы и подводные камни сердитое море. За что разсвирѣпѣлъ на меня Посейдонъ, не знаю; какъ говоритъ Гейне: «я ни одного камня не разрушилъ на стѣнахъ священной Трои, ни одного волоска не спалилъ на глазу Полифема, Посейдону любезнаго сына». Тѣмъ не менѣе, коварный богъ голубой стихіи напалъ на меня на купаньи въ водахъ Патраса съ такою злобною силою, что Паллада-Аѳина, исконная покровительница шляющихся по свѣту писателей-туристовъ, вытащила меня на берегъ полуживымъ. Для этой благородной

цѣли богиня приняла видъ быкоподобнаго греческаго матроса, который, когда я очнулся,—первымъ дѣломъ ругательски меня изругалъ за неосторожность, а потомъ полуотвелъ, полуотнесъ въ ближайшій кабакъ отпаивать рицинатомъ. Это—вино, настоенное на смолахъ. Вы помните чудотворный бальзамъ, который варилъ Донъ-Кихотъ въ качествѣ лѣкарства противъ самыхъ страшныхъ ранъ и противъ всѣхъ болѣзней? Помните и плачевныя послѣдствія волшебнаго бальзама для желудковъ достославнаго рыцаря и его вѣрнаго Санчо-Пансо? Ну, такъ я сильно подозрѣваю, что рициновое вино ведетъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ стряпни Ламанчскаго героя. О вкусѣ можете составить понятіе, накапавъ въ стаканъ лафита капель двадцать скипидара, капель десять керосина, съ прибавкою малой толики толченаго сургуча. Смѣшай, выпей и... если доживешь до завтра, не повторяй опыта: не всегда можно искушать судьбу безнаказанно. Говорятъ, что рицинатъ превосходно сохраняется и отлично выноситъ самую дальнюю перевозку. Очень можетъ быть, но - вопросъ: зачѣмъ сохранять такое мѣсиво и кому куда надо его перевозить? Иностранцы пробуютъ рициновыя вина только ради couleur locale или по необходимости, но греки... виноватъ, они любятъ, чтобы ихъ звали эллинами—пьютъ и не нахвалятся. На здоровье!

Быкоподобная Паллада морского вѣдомства свезла меня на мерзѣйшій пароходъ «Scilla» мерзѣйшаго итальянскаго (сициліанскаго) общества Florio e Rubattino. Однако, надо было радоваться уже и тому, что попалъ только въ Сциллу, а не въ Харибду—въ родѣ парохода той же компаніи «Segesta», на которомъ тащился я однажды изъ Генуи въ Неаполь. И тѣсно, и грязно, и лампаднымъ масломъ воняетъ, кормятъ скверно, и вмѣсто вина какая-то гуща изъ сицилійскаго винограда, и пароходишко неустойчивый, треплетъ его море, какъ скорлупу. Путь отъ Патраса до Корфу весьма живописенъ, но «не требуй пѣсенъ отъ пѣвца, когда жи-

*

тейскія волненья», а морскія—тѣмъ паче: не жди описаній отъ туриста, когда по волѣ волнъ онъ чувствуетъ себя наполовину живымъ человѣкомъ, наполовину готовымъ къ сковородѣ бифштексомъ, уготованнымъ для пира людоѣдовъ. За полночь началась качка: боковая, килевая и вселенская. Въ каютахъ вой, ругань и морская болѣзнь. Я отъ этой прелести избавленъ,—серьезно избавленъ, а не такъ, какъ увѣряетъ Джеромъ К. Джеромъ: будто—кто всѣхъ храбрѣе относится къ морской болѣзни на сушѣ, тому всѣхъ хуже приходится отъ нея на морѣ. Нѣтъ, я спокойно обѣдаю и пью вино, когда кругомъ никто не въ силахъ проглотить ничего кромѣ рюмки коньяку, куска лимона, сухого чернослива, когда среди пассажировъ повально разыгрываются траги-комическія сцены, въ родѣ пресловутаго морского суда, изъ «Путешествія въ Китай»:

— Votre nom?

— Anatole.

— Métier?

— Ma...la...de...

— Pendu!

— Merci... et, cher monsieur, plus vite, au nom du ciel!

Я помню генерала, который на Черномъ морѣ серьезно грозилъ капитану отдать его подъ судъ, «ежели вы, сударь, немедленно меня не высадите!»—и никакъ не хотѣлъ принять въ соображеніе, что до берега мало-мало пятьдесятъ узловъ, а времена Моисея, когда въ модѣ было нѣшешествовать по морю, яко по суху, давно миновались.

И тогда я отлично питался, не испытывая даже головокруженія, и хохоталъ надъ болящими. Но, если качка не вліяетъ на меня, какъ средство внутреннее, дала она моимъ бокамъ знать себя въ эту ночь, какъ средство наружное. Если бы вы знали, что такое хорошая качка для избитаго по всему тѣлу человѣка! Безпомощно катаясь по жесткому дивану каютъ-компаніи, я, право, начи-

налъ уже жалѣть, что не остался лежать хладнымъ трупомъ подъ скалами патрасскаго побережья.

Утро прекратило качку, и мы подошли къ Корфу по гладкому, сизому морю, подъ блистающимъ синимъ небомъ. Чудный островъ! Недаромъ Гомеръ помѣстилъ на немъ блаженныхъ феаковъ и—на передышку отъ вселенскаго горемыканья—загналъ сюда Одиссея сидѣть у очага царя Алкиноя, слушать пѣсни вѣщаго Демодока и цѣловаться по угламъ съ прекрасною Навзикаей.

По Гомеру, Навзикая была прекрасная царевна и хорошая прачка—два качества, врядъ ли соединимыя въ нашъ вѣкъ. Преемницы Навзикаи въ современномъ потомствѣ, къ сожалѣнію, сохранили гораздо больше признаковъ второго ея качества, чѣмъ перваго. Ужъ куда неизящны! Некрасивы, коротки, какъ обрубки, съ квадратными таліями и вульгарными лицами. Должно быть,—весьма вѣрныя супруги, хорошія матери и образцовыя хозяйки. Если таковы были и древнія феакійки, я Одиссею не завидую, а Гомеру удивляюсь. Видно, правда, что «и великій Гомеръ ошибался». Но врядъ ли. Есть прямое доказательство, что у стараго слѣпого поэта былъ тонко развитъ вкусъ на женскую красоту. Онъ провозгласилъ смирнянокъ самыми прекрасными женщинами на свѣтѣ, и до сихъ поръ, бродя по набережной Смирны, только ахаешь: такія великолѣпныя женскія лица встрѣчаются на каждомъ шагу. Значитъ, не Гомеръ лжетъ, а корфіотки выродились *).

Впрочемъ, здѣсь ли точно жили феакійки и феаки,—еще подлежитъ сомнѣнію. Риманъ въ своихъ изысканіяхъ объ Іоническихъ островахъ доказываетъ, что никакихъ феакійцевъ на Корфу не было, а были... вѣроятно, англича-

---

*) Это только въ городѣ. Болѣя отъ патрасскихъ ушибовъ, въ 1894 году я не въ состояніи былъ дѣлать экскурсіи внутрь острова. Посѣтивъ Корфу вторично въ 1901 году, я изъѣздилъ его вдоль и поперекъ и беру обратно свои слова о красотѣ корфіотокъ: и мужское, и женское населеніе корфіотской деревни прекрасно. Попадаются очень часто божественные типы античныхъ статуй... (1904).

не,—съ лордомъ Алкиноемъ, въ качествѣ губернатора. Я нахожу противъ этой теоріи лишь одно возраженіе: на островѣ имѣются какіе-то воображаемые «сады Алкиноя», но нѣтъ ему памятника. Будь Алкиной англичаниномъ, ужъ торчалъ бы въ честь его какой-нибудь обелискъ. Англійскіе монументы покрываютъ всю эспланаду—огромный центральный скверъ города Корфу: сэръ Фредерикъ Адамъ (1823—1832) построилъ водопроводъ,—бронзовая статуя; сэръ Томасъ Майтландъ и сэръ Говардъ Дугласъ были просто англійскими комиссарами,—одному обелискъ, другому круглая бесѣдка въ стилѣ старинныхъ «Храмовъ Утѣхъ», «Пріютовъ уединеннаго воздыханія», «Эрмитажей любви» и пр., и пр. изъ стараго помѣщичьяго сада блаженной памяти крѣпостной Россіи. Въ такихъ бесѣдкахъ объяснялись въ любви Лизамъ Лаврецкіе и, вслѣдъ затѣмъ,—неравенъ часъ!—приказчикъ поролъ провинившагося поваренка, чтобы подальше отъ господъ,—не обезпокоилъ бы, пащенокъ, барскія ушки своимъ крикомъ.

Неанглійскихъ памятниковъ—два: Капо д'Истріа, главѣ недолговѣчной автономіи Іоническихъ острововъ, и маршалу Шулембургу, который въ 1716 году отразилъ отъ Корфу несмѣтныя оттоманскія орды Ахмета III. Вся исторія Корфу занята тѣмъ, что кто-нибудь отражаетъ чьи-нибудь орды. Это началось еще за семь съ половиною вѣковъ до Христа, когда Корфу колонизовалъ коринѳянинъ Херсиратъ. Тогда островъ звался Дрепанонъ, или Спэріэ. Сейчасъ онъ, для грековъ, Коркира, а Корфу—итальянское названіе, съ этимологіей такого происхожденія. Скалы, гдѣ возвышается мѣстная цитадель, называются Κορυφώ (Корюфо). Ихъ двѣ. Ѣхать въ Корциру значило ѣхать къ Корюфамъ—εἰς Κορυφοὺς (ейсъ Корюфусъ), откуда уже ясно сокращеніе Корфу. Наука словообразованія, опора сравнительнаго языковѣдѣнія, прекрасная наука. Съ ея помощью можно доказать, что угодно. Утверждалъ же одинъ филологъ, что лисица, нѣмецкій Fuchs, происходитъ

отъ греческаго алопексъ.—Отбрось а,—говорилъ онъ,—будетъ лопексъ; отбрось л,—опексъ; отбрось о,—выйдетъ пексъ. Пексъ—пиксъ—паксъ—пуксъ: вотъ вамъ и Fuchs!

Корфіоты дрались со всѣми государствами древней Европы, начиная съ своихъ старшихъ братьевъ—коринѳянъ. Ихъ тянуло больше къ Италіи, чѣмъ къ Греціи. А въ римскихъ своихъ связяхъ они всегда во̀-время примыкали къ сильнѣйшей сторонѣ. Были, такъ сказать, австріяками древняго міра и, задолго до Меттерниха, удивляли вселенную своею политическою непорядочностью. Держались за Помпея, но умѣли, когда онъ палъ, поклониться и Цезарю. Шли за Брутомъ и Кассіемъ, но, когда «послѣдніе римляне», при Филиппахъ, проткнули своими собственными мечами свои собственные животы, благополучно признали Октавія и Антонія. Поддерживали Антонія противъ Октавія, но... тутъ удача оставила корфіотовъ: этотъ побѣдитель, всегда спокойный, благоразумный и своевременный, не далъ имъ срока перемѣнить фронтъ, а нагрянулъ и произвелъ жестокую экзекуцію... Въ средніе вѣка мелькаютъ на Корфу варвары, византійцы, крестоносцы, норманскіе герцоги—разбойники изъ Сициліи, Комнены, неаполитанцы. Въ 1386 году здѣсь водворились венеціанцы—истые создатели новаго Корфу и его культуры. Они построили неприступную цитадель и великолѣпную гавань, маяки, башни, церкви; насажали гарнизоновъ съ наемными удальцами — начальниками, полурыцарями, полубандитами; дрались съ турками, торговали, съ кѣмъ придется, и чѣмъ можно, то вырѣзали другихъ, то сами бывали перерѣзаны, поголовно вымирали отъ чумы и опять населяли островъ... Словомъ, общая исторія всѣхъ венеціанскихъ колоній. Послѣднею замѣчательной страницей въ исторіи Корфу является августовское сидѣнье 1814 года, когда французскій гарнизонъ съ невѣроятной храбростью боролся противъ гораздо сильнѣйшихъ численно войскъ англійской осады.

Климатъ и море Корфу, его ласкающее уединеніе излѣчили нервное разстройство и меланхолическій психозъ императрицы Елизаветы Австрійской. Здѣсь все дышетъ памятью ея пребыванія. Великолѣпная Strada Marina—лучшая изъ прогулокъ въ городѣ Корфу—переименована въ бульваръ императрицы Елизаветы.

Да! эта Strada Marina—въ самомъ дѣлѣ, лѣкарство отъ психическихъ недомоганій. Она успокаиваетъ и возвышаетъ душу. Придешь вечеромъ на безконечную, щеголеватую набережную, прильнешь къ периламъ, да ужъ и отрываться не хочется. До самаго горизонта—гладкое яхонтовое море; чуть морщитъ его, чуть всплескиваетъ у берега. Изъ - за дальняго острова медленно ползетъ огромный красный шаръ луны, точно только-что выкупанный въ крови. И, чѣмъ выше ползетъ онъ въ темносиній хрусталь неба, тѣмъ нѣжнѣе и яснѣе становятся и самъ онъ, и озаренная имъ ночь; кровавые оттѣнки переходятъ въ золотые, золото— въ серебро; даль мерцаетъ фосфорическимъ туманомъ; просвѣтляется высь, просвѣтляется море... Золотой столбъ убѣгаетъ по водамъ въ голубой просторъ,—чѣмъ дальше, тѣмъ шире и ярче,—пока не исчезаетъ гдѣ-то на границѣ моря и воздуха въ раздольи серебрянаго блеска. Барки, парусныя лодки застыли на блестящихъ волнахъ черными пятнами. Ихъ даже не качаетъ,—теплое безвѣтріе; пѣсни съ нихъ слышатся... дрожатъ, трепещутъ въ воздухѣ... «О, Эллада, Эллада!.. *)»

Трещатъ цыкады. Уныло дудитъ удодъ. Протяжно кричатъ какія-то особенныя лягушки—странный звукъ, схожій съ полицейскимъ свистомъ, только piano pianissimo... Заведетъ подводный городовой свою тихую минорную

---

*) Къ сожалѣнію, вся эта поэзія берега—въ прошломъ. Въ 1901 году я нашелъ городской берегъ въ Кофру въ мерзости запустѣнія, а море, загрязненное свалками, ужасно воняло Смерть благодѣтельницы острова, императрицы Елизаветы, дурно отозвалась на его благосостояніи. (1903).

трель и дрожитъ на ней добрую четверть часа, не переставая.

Пѣсенъ много—только не такихъ бы пѣсенъ сюда надо. Греки слишкомъ немузыкально гнусятъ; итальянцы здѣсь—вся изъ интеллигенціи, тянутъ, слѣдовательно, «образованную» музыку: «Cavalleria Rusticana», «Pescatori di perle»... Хотѣлось бы—какъ въ Италіи: въ воздухѣ колеблется, какъ стрекотанье кузнечика, тремоло мандолины, ему глухо поддакиваютъ баски гитары, льется широкая народная кантилена тенора съ звучною и низкою второю баритона...

Stanotte e bello lu mare,
Cantando e bel a vocare,
Vocando e bel a cantare...

Все это, однако, лишь въ концѣ набережной, у предмѣстья Гарицы. Ближе къ городу—нарядная гуляющая толпа. Дамы — неизмѣнно въ черныхъ туалетахъ. Мужчины—точно только сейчасъ изъ магазина готоваго платья, гдѣ ихъ экипировали съ ногъ до головы по вѣнскимъ моделямъ. Много иностранцевъ — англичанъ и австріаковъ. Аристократія острова сплошь коммерческая. Если слышите славянскую рѣчь,—навѣрное, далматинецъ. Какъ большинство греческихъ городовъ, Корфу живетъ ночью, хотя днемъ въ немъ и нѣтъ такого каторжнаго пекла, какъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ. Тридцать градусовъ жары въ Аѳинахъ невыносимы, въ Константинополѣ тяжелы, а въ Корфу ихъ мало замѣчаешь: море дышетъ со всѣхъ сторонъ. Все равно, что на Капри, гдѣ къ вечеру даже прохладно: подумываешь, не набросить ли пальто, а, тѣмъ временемъ, въ Неаполѣ, за три часа морского пути, при той же самой температурѣ, отъ удушающей жары чувствуешь себя гдѣ-то на границѣ между человѣкомъ въ аффектѣ «убійства по умоизступленію» и бѣшеною собакою.

Купаться на Корфу хорошо. Надо удивляться, что купанья Корфу не гремятъ по свѣту, какъ сравнительно

Климатъ и море К
изумили нервное разст
императрицы Елизавет
памятью ея пребыванія.
шая изъ прогулокъ в
бульваръ императриц

Да! эта Strada
отъ психическихъ
вынаетъ душу. Пр
лазурную набережн
и отрываться не
яхонтовое море
берегъ. Изъ - за
ный красный
въ крови. Н.
хрусталь неба
онъ, и озарен
въ золотые,
рическимъ
море... Во
просторъ,
исчезаетъ
серебри
блестящ
чаетъ,
жатъ

...ъ ни Капри, ни даже Кастелламаре. Есть, ... послѣдними, и еще одинъ пробѣлъ: море ...езувія насыщается у береговъ обильными ...источниками вулканическаго происхожденія ... сѣрными. Здѣсь—только горько-соленая ...кая вода! Жаль вылѣзать изъ нея. Англичане ...ь почти круглый годъ: температура воды ...падаетъ ниже 15°*). Корфіоты, въ лѣтнее время ...то не живутъ въ морѣ: купаются даже по сол...катѣ, при свѣтѣ луны, когда итальянца вы си...тащите въ воду. «Ночью купаются только рев... ...енщины и дѣти», говорятъ мужики на неаполи... побережьѣ. А здѣсь, пользуясь сумракомъ, дѣти, ... подростки прямо съ набережной лѣзутъ въ море ...утся между подводныхъ камней... Хохотъ, визгъ, ...ье воды... Превесело!

1894.

---

*) Вода по-прежнему, удивительная, но самое stabilimento страшно одряхлѣло и стало неряшливо (1903).

II.

Ахилейонъ.

Лишь розы отцвѣтаютъ,
Амврозіей дыша.
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа.
И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ...

Эти граціозные стихи великаго русскаго поэта сами собою возродились въ моей памяти, когда я очутился впервые, одинъ-оденешенекъ, въ наркѣ виллы Ахилейонъ на островѣ Корфу. Нигдѣ никогда не испытывалъ я впечатлѣнія болѣе глубокой и прекрасной тишины. Поэтъ Щербина, въ чудесномъ стихотвореніи, описалъ Элладу мертвою красавицею, въ родѣ спящей царевны, въ гробу роскошной природы подъ кровомъ вѣчно синяго неба. Представленіе чудной, могучей и красивой жизни, обмершей въ ожиданіи, скоро ли сказочный царевичъ придетъ нарушить оковы смертнаго сна и воззвать красавицу на новое веселье и счастье, розлито по всей виллѣ. Именно—Элизій, населенный снами, грезами, тѣнями и сказками. Какъ будто—царство идей, а не предметовъ: тѣни отцвѣтшихъ розъ надъ сонными ручьями, несущими забвеніе.

Вилла Ахилейонъ принадлежала австрійской императрицѣ Елизаветѣ, такъ трагически кончившей жизнь свою

подъ ножомъ убійцы. Въ чудныхъ и таинственныхъ садахъ Корфу она искала излѣченія отъ меланхоліи, жестоко ее удручавшей. Мрачное исканіе какого-то, именно, забвенія, потребность воды изъ Леты было характернымъ двигателемъ жизни этой женщины, съ сердцемъ, чувствительнымъ, какъ Эолова арфа, полнымъ глубоко-поэтическихъ и, по большей части, страдательныхъ настроеній. Ихъ подсказывали императрицѣ и природный характеръ ея, и жизнь — на рѣдкость неудачно сложившаяся жизнь, съ вѣчными грозовыми тучами на горизонтѣ.

Если трагическая поэзія вернется къ идеѣ рока, управлявшей вдохновеніями древнихъ драматурговъ, то врядъ ли будущей Эсхилъ или Софоклъ найдетъ для такой трагедіи сюжетъ болѣе подходящій, героя болѣе достойнаго, чѣмъ жизнь императора Франца-Іосифа и семьи его. Кроткій, умный, любимый, достойный счастья монархъ—въ семейномъ быту своемъ, безспорно, несчастнѣйшій изъ смертныхъ. Мечъ насильственной смерти простертъ надъ его домомъ,—ужасъ за ужасомъ смѣнялся въ его стѣнахъ. Въ исторіи Габсбурговъ было много кровавыхъ, грозныхъ страницъ насилія надъ подданными и надъ народами, которые не хотѣли быть ихъ подданными. Можно подумать, что слѣпая судьба, вспомнивъ страницы эти, стала, по закону возмездія, вымещать на императорѣ-потомкѣ грѣхи императоровъ-предковъ, не желая знать, что удары ея падаютъ на жертву неповинную.

Убійство, самоубійство, безуміе, неврастенія, физическая чахлость, всѣ бѣдствія вырожденія окружили императора Франца-Іосифа, въ частномъ быту его, злорадною, насмѣшливою толпою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ нога его коснулась ступеней трона. Судьба послала ему долгую жизнь и царствованіе—и отравила каждую минуту ихъ! Ни одной розы безъ шиповъ, ни одного вѣнка безъ колючаго терна. Въ самую свѣтлую минуту жизни этотъ нравственный мученикъ не могъ радоваться иначе, какъ

сквозь слезы, потому что предшествующая минута, навѣрное, несла ему какое-нибудь тяжкое горе, а послѣдующая грозила новымъ разочарованіемъ. Пятьдесятъ лѣтъ «благополучнаго», какъ принято выражаться, царствованія!.. Бросить взглядъ въ глубину этого огромнаго срока,—что за тяжкій крестный путь представляется глазамъ! У католиковъ есть обрядъ особыхъ пилигримствъ по «кальваріямъ», когда богомольцы ходятъ отъ часовни къ часовнѣ, отъ креста къ кресту, сопровождая эти переходы воспоминаніями о страстяхъ Христовыхъ: вотъ гора моленія о чашѣ, вотъ римская преторія, гдѣ бичуютъ Христа, вотъ Голгоѳа... Въ прежнія времена богомольцы, въ соотвѣтствіи съ указаніями евангельскихъ событій, жестоко истязали плоть свою. Такою же нравственною кальваріей, переходомъ отъ горя къ горю, воистину «хожденіемъ по мукамъ» должна быть память злополучнаго монарха, когда онъ углубляется въ картины своего прошлаго. Человѣкъ добра и мира, онъ окруженъ потоками крови... и чьей крови!—самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ ему людей. Разстрѣлянный Максимиліанъ, безъ вѣсти пропавшій эрцгерцогъ Іоаннъ, самоубійца Рудольфъ, зарѣзанная анархистомъ Елизавета.. Какіе страшные житейскіе этапы!.. Безъ семьи, безъ прямого наслѣдника, подъ градомъ бѣдствій, престарѣлый императоръ доживаетъ свой вѣкъ одинокимъ сиротою... «О, если бы вѣрно взвѣшены были вопли мои, и вмѣстѣ съ ними положили на вѣсы страданіе мое! Оно, вѣрно, перетянуло бы песокъ морей!»

Бываютъ семьи, приближаясь къ которымъ, человѣкъ вдругъ чувствуетъ нѣчто въ родѣ какъ бы нравственнаго удушья. Отчего?—необъяснимо.

Люди, казалось бы, прекрасные, честные, добрые, благожелательные, ласковые, но — тяжело съ ними! И имъ самимъ тяжело другъ съ другомъ. Чувствуется вліяніе чего-то зловѣщаго, запахъ какого-то тлѣнія...

точно незримо висить надъ семьею какая-то злая, непреодолимая сила — мойра древнихъ, и вотъ-вотъ рухнетъ всею тяжестью и раздавитъ. Отъ такихъ семей часто сторонятся даже несуевѣрные люди, какъ бы опасаясь заразиться отъ нихъ несчастьемъ...

„Бѣгу! бѣда надъ этимъ домомъ!
Бѣгу, да не погибну съ нимъ!"

Подобное настроеніе—частое, историческое повтореніе въ царственномъ домѣ Габсбурговъ, начиная еще съ Карла V. Но никогда не сказывалось оно въ такомъ яркомъ напряженіи, съ такой мучительною наглядностью, какъ при императорѣ Францѣ-Іосифѣ. Удрученность эту сознаетъ одинаково самъ онъ, народъ его, иностранцы, подъ нею изнываютъ ближайшіе члены его семьи. Всѣ они стараются по возможности уклоняться отъ близости къ великой власти, которой невольными участниками сдѣлало ихъ право рожденія. Отвращеніе къ высокому сану—характерная семейная черта дома Франца-Іосифа. Ею болѣлъ престолонаслѣдникъ Рудольфъ, много было ея въ императрицѣ Елизаветѣ, всего же ярче выразилась она въ эрцгерцогѣ Іоаннѣ, который отказался отъ рода и племени со всѣми правами, имъ принадлежащими, и превратился въ простого моряка Іогана Орта. Самъ Францъ-Іосифъ—скорѣе невольникъ престола, чѣмъ его обладатель; въ теченіе пятидесяти лѣтъ его царствованія, слухи о возможномъ его отреченіи возникли не менѣе пяти разъ и держались всегда съ упорствомъ, ясно доказательнымъ, что они возникли не безъ основаній. Императоръ оставался у власти, очевидно, не по собственному пристрастію къ ней, но по необходимости, не по волѣ, но противъ воли, по чувству долга общественнаго.

Въ бѣгствѣ отъ тяжелыхъ сновъ вѣнскаго дворца, Іоганъ Ортъ, невѣдомо куда, уплылъ въ далекое море. Рудольфъ ползалъ по альпійскимъ скаламъ, стрѣляя орловъ и соколовъ для своей орнитологической коллекціи,

а Елизавета заключилась въ чудеса Ахилейона. Его сады, скалы, воды и небо спасли императрицу. Она уѣхала отсюда здоровою, но призраки ея болѣзни—кажется впечатлительному туристу—еще блуждаютъ по аллеямъ въ лунныя прозрачныя ночи, мучатся на скалахъ, облитые краснымъ заревомъ заката, рыдаютъ въ пѣсняхъ соловьевъ надъ цвѣтниками, опьяняющими воздухъ благоуханіемъ влюбленныхъ розъ.

Надъ этимъ міромъ грезъ господствуетъ храмъ, посвященный императрицею полубогу поэзіи XIX вѣка—тому, кто всѣхъ ярче передалъ въ своихъ «отравленныхъ» пѣсняхъ тайны любовнаго безумія: Генриху Гейне... Мраморный поэтъ спитъ между «кипарисами, резедою и лиліями», съ «одинокою слезкою» на щекѣ и ждетъ, онѣмѣлый, но все еще любящій и грезящій, когда рука любимой женщины «постучитъ въ крышку его гроба и возвѣститъ ему вѣчный день».

Монументъ купался въ розовыхъ отблескахъ вечерней зари, когда я, со своею дорожною спутницей, вторично прошелъ въ Ахилейонъ проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ съ Корфу.

— Здѣсь хорошо должно быть при лунѣ,—замѣтила моя дама.—На одной выставкѣ въ Вѣнѣ я видѣла картину, гдѣ этотъ памятникъ изображенъ при лунномъ свѣтѣ: очень красиво. Рядомъ была огромная картина—«Послѣдняя мысль Гейне»... Онъ, истомленный, умирающій, вытянулъ впередъ руки въ послѣдней агоніи, а къ нему со всѣхъ сторонъ летятъ женщины, которымъ онъ посвятилъ свою любовь и свои пѣсни... Эту картину художникъ написалъ подъ впечатлѣніемъ здѣшняго памятника и этой природы. А, между тѣмъ,—развѣ это правда? Развѣ послѣднія мысли Гейне были о любви?

Я невольно улыбнулся. Мнѣ пришло на память знаменитое «Завѣщаніе нѣмецкаго поэта»:

„Ну, конецъ существованью!
Приступаю къ завѣщанью
И съ любовію готовъ
Надѣлить моихъ враговъ.
Этимъ людямъ, честнымъ, твердымъ,
Добродѣтельнымъ и гордымъ,
Я навѣки отдаю
Немощь страшную мою:
И слюну, что давитъ глотку,
И въ спинномъ мозгу сухотку,
И конвульсіи, и злой,
Чисто-прусскій геморой!..“

Но вслухъ я, разумѣется, этихъ стиховъ не напомнилъ а, напротивъ, разсердился на самого себя за свою совершенно русскую способность ввести комическую нотку въ самый патетическій концертъ. Русскіе какъ-то не умѣютъ отдаваться красивымъ впечатлѣніямъ цѣльно. У славянъ— изъ интеллигенціи—располовиненныя души. Если одна половина въ восторгѣ, другая скептически наблюдаетъ, критикуетъ и подтруниваетъ. Если одна половина души негодуетъ, другая—уже въ сомнѣніи: а, можетъ быть, негодовать не изъ-чего? И игра не стоитъ свѣчъ? Вѣчное раздвоеніе, изъ котораго, какъ прямой потомокъ, родится и наше принципіальное къ большинству «вопросовъ» равнодушіе...

— Какъ вамъ сказать?—возразилъ я.—Гейне такъ часто и охотно умиралъ въ своихъ стихахъ, что догадаться, когда онъ, въ этихъ разнообразныхъ смертяхъ, былъ правдивъ, довольно мудрено... Но здѣсь такъ хорошо, что хочется вѣрить вашему художнику и, вмѣстѣ съ нимъ, идеализировать поэта... Здѣсь все дышетъ любовью, вся жизнь проходитъ въ любви, и самая смерть должна поглощаться любовью... Это—какъ въ рыцарскихъ поэмахъ: человѣкъ любилъ до самой смерти и не замѣчалъ, когда кончалась любовь и начиналась смерть.

Императрица Елизавета обожала Гейне: едва-ли не по ея иниціативѣ былъ затѣянъ монументъ ему въ Дюссельдорфѣ, о которомъ возникло столько споровъ, надо ли его

ставить,—по крайней мѣрѣ, императрица выразила желаніе поддержать это дѣло и оказать ему щедрую помощь. На Корфу, въ уединеніи своемъ, она окружила память любимаго поэта почти религіознымъ культомъ. «Предъ нимъ курились ѳиміамы и воздвигались алтари». Едва-ли сама императрица не была поэтессою. Въ настоящее время, въ царственныхъ домахъ Европы много принцовъ отдаетъ свои досуги литературнымъ занятіямъ, таковы: К. Р., шведскій король Оскаръ, князь черногорскій Николай, Карменъ Сильва, итальянская королева Маргарита. Ничего нѣтъ удивительнаго, если къ благородному увлеченію поэтическимъ творчествомъ была причастна и императрица Елизавета, столь склонная къ возвышеннымъ мыслямъ и мечтательному настроенію. Да на Корфу не только такая чуткая душа, а кто хотите, станетъ поэтомъ! Вѣдь этотъ островъ—родина любви, — осколокъ миѳической золотой планеты любви, низринутой нѣкогда съ неба на землю!

Кстати, объ этой легендѣ корфіотовъ.

Докторъ, англичанинъ, который лѣчилъ меня на Корфу отъ патрасскихъ ушибовъ, состоявшій нѣкогда при особѣ императрицы Елизаветы, увѣрялъ меня, будто мѣстная сказка о золотой планетѣ, перешедшая въ народъ, плодъ поэтической фантазіи императрицы. Насколько справедливо это, не берусь рѣшать; въ свое время, я записалъ сказку и сдѣлалъ изъ нея фантастическій разсказъ *)...

1898.

*) Виллу Ахилейонъ только-что купилъ Вильгельмъ II, съ откровеннымъ намѣреніемъ превратить ее въ матросскія казармы для морской стоянки германскаго флота... Вотъ какъ осуществляется старое политическое пророчество, что Германія запуститъ таки на Адріатику свою костистую лапу!... (1907).

